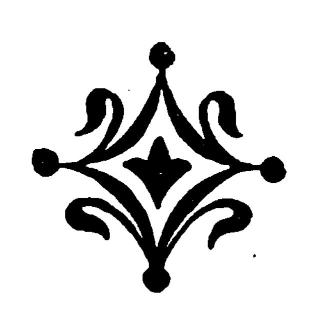

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ПРАВА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ПРОФ. Л.В.ЧЕРЕПНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третьем выпуске «Памятников русского права» помещены правовые материалы, относящиеся к XIV—XV вв. — времени, когда происходил процесс складывания Русского централизованного государства. Этот процесс до конца XV века протекал в условиях еще не ликвидированной феодальной раздробленности. К концу XV века Русское централизованное государство уже сложилось, политическая раздробленность была в основном преодолена, хотя ее пережитки сохранялись на протяжении XVI века. Только примерно с XVII века, как указывает В. И. Ленин, начинается «новый период русской истории», характеризующийся постепенным слиянием отдельных областей, земель и княжеств в результате складывания всероссийского рынка и формирования национальных связей [1].

Процесс образования централизованного государства на Руси имел свои особенности по сравнению с рядом стран Западной Европы. На Западе Европы централизованные государства складывались в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений, когда начинали формироваться нации. Экономическое развитие Руси было задержано разорительным монгольским завоеванием. Несмотря на трудовые усилия русских крестьян и ремесленников, экономическая раздробленность на Руси в период централизованного государства еще не была преодолена, русская народность еще не оформилась в нацию. Политическая централизация опередила здесь появление буржуазных отношений.

Ускоряющим фактором в образовании централизованного государства на Руси, как и в некоторых странах Востока Европы (Австрии, Венгрии), явилась необходимость

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

борьбы с внешней опасностью, прежде всего со стороны турок, монголов, а также и других захватчиков.

Образование централизованного государства на Руси происходило в условиях господства феодального способа производства. Ряд народов нашей страны, еще не сложившихся в нации, был объединен в многонациональное, то есть состоящее из отдельных национальностей — народностей, государство. Ведущую роль в объединении народов нашей Родины сыграли великороссы.

* * *

Основными экономическими предпосылками образования Русского централизованного государства были рост производительных сил, развитие товарно-денежных отношений и рыночных связей в стране. В силу более медленного, чем на Западе, развития городов, ослабленных в результате татаро-монгольского нашествия, основной опорой централизующегося государства явилось дворянство (мелкие и средние феодалы — великокняжеские слуги). Рост дворянского землевладения был одной из экономических предпосылок централизации.

Несмотря на то, что период феодализма характеризуется низким, рутинным состоянием сельскохозяйственной техники и земледельческие орудия в этот период совершенствуются очень медленно, на протяжении XIV—XV вв. в этой области произошли некоторые изменения. После того как были восстановлены производительные силы, подорванные татаро-монгольским завоеванием, наблюдается дальнейшее развитие трехпольной системы земледелия. К концу XV века трехполье получило уже значительное распространение. Поэтому писцовые книги обычно указывают размеры лишь третьей части пашенных земель каждого владельца, оговаривая, что всего у него «три поля» и площадь каждого из полей одинакова. Трехпольная система была связана с применением удобрений (унаваживанием почвы) и распространением сельскохозяйственных орудий, приспособленных не только для рыхления земли, но и для переворачивания верхнего пласта почвы. В XIV—XV вв. в сельском хозяйстве уже достаточно широко применялись

плуги и сохи с железными наконечниками («сошниками» и «лемехами»), при помощи которых поднималась и взрыхлялась земля. Плуги и сохи как основные земледельческие орудия неоднократно упоминаются в актах того времени. Важным техническим новшеством было распространение водяных мельниц для размола зерна. В актовом материале имеются данные о развитии мельничного дела. В отдельных феодальных хозяйствах были мельницы с несколькими жерновами. Некоторые усовершенствования имели место и в области технических культур. Возрос интерес господствующего класса к земле и повышалась ее ценность. Можно отметить и некоторый рост продуктивности земледелия.

Наряду с земледелием большое значение в крестьянском хозяйстве имели добывающие промыслы (охота, рыболовство, бортничество, или добыча меда в лесах, где имелись пчелиные ульи). Наконец, земледелие в качестве основного занятия крестьян сочеталось с домашней промышленностью.

Так, трудом непосредственных производителей материальных благ — крестьян — создавались материальные предпосылки для дальнейшего подъема экономики, как условия государственной централизации. Однако в целом земледельческая техника находилась в состоянии застоя.

Подъем производительных сил в сельском хозяйстве, развитие трехпольной системы земледелия были связаны с дальнейшим укреплением основы феодализма — феодальной собственности на землю. Часть земель (так называемые «черные») находилась в собственности государства. Жившие на этих землях крестьяне платили дань в государственную казну и несли ряд повинностей в пользу князя. «Черные» крестьяне жили общинами, но индивидуально владели пашенными участками и имели право распоряжаться ими (передавать по наследству, отчуждать и т. д.) под контролем выборных общинных властей. Общине в целом принадлежала вся остальная земля (леса, луга, водные угодья, пустующие пахотные участки). Во главе общинной организации на «черных» землях стояли избираемые крестьянами старосты, сотские и т. д. Дела, касавшиеся общины, обсуждались на собрании «мира», то есть всех

крестьян, входивших в состав данной общины. Выборные власти ведали раскладкой и сбором налогов, производили суд по ряду дел, подлежащих их компетенции, участвовали в суде представителей княжеской власти на местах (наместников), передавали выморочные или покинутые крестьянами земельные участки новым поселенцам. Князья рассматривали общинную организацию на «черных» землях как низшее звено государственного аппарата, стремясь сделать ее ответственной за поступление налогов, за совершенные на данной территории преступные деяния и т. д. Крестьянам община давала территориальную сплоченность, позволявшую усиливать сопротивление господствующему классу.

Громадная часть «черных» земель в XIV—XV вв. была захвачена духовными и светскими феодалами. Пути перехода этих земель в частную феодальную собственность были различны: княжеские «пожалования», захват пустующих участков, освоение угодий общего пользования, закабаление «черных» крестьян, вынужденных в обеспечение долга отдавать свои участки, насильственный захват.

Наиболее распространенной и типичной формой феодальной земельной собственности в XIV—XV вв. является привилегированная крупная феодальная вотчина (или отчина — от слова «отец», то есть земля, переходящая по наследству). Особенно быстро росло землевладение церковных феодальных корпораций.

В условиях феодализма, при низком уровне развития производительных сил, крупное сельскохозяйственное производство было невозможно. Увеличение доходности хозяйства достигалось путем распашки новых земельных площадей, что было связано с увеличением числа зависимых крестьян и усилением их эксплуатации. Весьма удобным средством для достижения этой цели была раздача крупными земельными собственниками своих земель в условное держание слугам, как свободным, так и несвободным. Слуга получал землю обычно в пожизненное владение («до живота»), а иногда мог даже передавать ее по наследству («доколе род его изведетца»). В условное держание часто передавались пустоши. Временный владелец земельного участка должен был призвать на него крестьян, их трудом обработать пустошь и завести там хозяйство. В дальнейшем

земля должна была быть возвращена ее собственнику «со всеми примыслами» (то есть со всеми хозяйственными результатами), с засеянным и собранным хлебом, поголовьем скота, «серебром на людех» (то есть с правом получения с крестьян денег, розданных им в качестве ссуды). Княжеские земли раздавались дворцовым слугам под условием несения службы в княжеском хозяйстве. Отказ от служебных обязанностей влек за собой лишение земли («не всхочет жити на тех землях, ин земли лишен, пойди прочь»).

Феодалы на определенных условиях передавали землю непосредственно крестьянам. Последним предоставлялось право распашки пустующих земель, участков, заросших лесом, где не было «ни кола», «ни двора», «ни пашни». Крестьянин должен был превратить эту землю, как тогда говорили, в «живущую». Для этого он освобождался на определенный срок от княжеской дани и других повинностей. По истечении льготного срока крестьянин становился феодально-зависимым человеком и должен был наряду с другими крестьянами нести повинности феодалу, которому принадлежала земля. Так расширение сферы феодального землевладения сопровождалось развитием закрепощения крестьян.

Основной производственной единицей в феодальном обществе было крестьянское хозяйство. Не являясь собственником земли, получая земельный надел от феодала, крестьянин вел на этом наделе свое единоличное хозяйство собственными орудиями труда. Это хозяйство в какой-то мере можно себе представить по актовому материалу XIV—XV вв. Масса крестьян жила разбросанными мелкими деревнями, в которых было по нескольку дворов с бедным хозяйственным оборудованием, с ограниченным количеством скота, с примитивной техникой. Количество пашни на крестьянский двор в среднем не превышало пяти-десяти десятин. Однако среди крестьян происходило имущественное расслоение. В грамоте митрополита Киприана (конец XIV века) различаются зажиточные («большие люди из сел») и безлошадные крестьяне («пешеходцы»). В конце XV века в вотчинах московского митрополита жили как крестьяне, имевшие значительные земельные наделы, так и такие, у которых «не было силы»

(то есть хозяйственной возможности) пахать большие земельные наделы. Маломощные, «охудалые» крестьяне упоминаются в княжеских духовных грамотах.

Для феодальной системы хозяйства характерны дробность землевладения и наличие чересполосицы. Отдельные земельные участки были разбросаны, полосы господской земли располагались часто вперемежку с крестьянской землей.

Экономической формой реализации земельной собственности являлось для феодала получение ренты, взимание в свою пользу продукта прибавочного труда крестьянина. В XIV—XV вв. формой эксплуатации крестьян была как рента продуктами (натуральный оброк), так и отработочная рента («изделье» — барщина). Характер крестьянских повинностей хорошо характеризует грамота митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю (конец XIV века). Крестьяне должны были выполнять работы по починке монастырских зданий, пахать монастырскую пашню, производить посевные работы и сбор урожая с доставкой его в монастырские житницы, косить сено и свозить его в монастырский двор, устраивать пруды, ловить рыбу в принадлежавших монастырю водных угодьях, охотиться на бобров. Кроме того, крестьяне обязаны были печь хлеб для монастырской братии, приготовлять солод, варить пиво, прясть лен, розданный игуменом, заготавливать сети для неводов. «Изделье» (барщина) еще не было значительным, феодальное хозяйство носило потребительский характер. Оброк был ненормированным: крестьяне должны были на праздники приносить игумену «что у кого в руках». Увеличение барщины наблюдается уже в конце XV века.

В условиях, когда крестьянин являлся собственником продуктов своего единоличного хозяйства и орудий производства, право феодала на получение ренты могло быть реализовано только средствами внеэкономического принуждения. На протяжении XIV—XV вв. наблюдается рост внеэкономического принуждения, укреплявшего экономическую власть феодалов. Укреплялась неполная собственность феодала на работника производства — зависимого крестьянина. Постепенно ограничивалось право крестьян переходить из имений одного землевладельца к другому. В кня-

жеских жалованных грамотах землевладельцам содержится запрет принимать приходивших из пределов другого княжества «письменных» и «тяглых» людей, то есть крестьян, записанных в писцовые книги и обязанных нести «тягло» (государственные повинности). С середины XV века во владениях некоторых церковных феодалов начинает действовать правило о «Юрьеве дне осеннем», согласно которому крестьяне имели право законным образом «отказаться» от своих господ (то есть уйти от них, рассчитавшись по всем своим обязательствам) лишь один раз в году, в течение двух недель около праздника «святого» Георгия — Юрия (26 ноября). Некоторые крупные феодалы (например, Троице-Сергиев монастырь) получают в отдельных случаях безоговорочное право возвращать при содействии княжеского пристава ушедших из их сел тяглых крестьян, отказавшихся выполнять государственные повинности.

Есть все основания говорить о том, что земельные собственники совершали сделки на землю с населявшими ее крестьянами. Когда в грамотах идет речь о продаже или передаче по наследству земель с «издельным серебром» (то есть с правом получения с крестьян розданных им землевладельцем в долг денег), то это, очевидно, означает, что другому землевладельцу передаются сами зависимые крестьяне. Характерно, что «издельное серебро» ставится рядом с «хлебом» и «животиной» (скотом), то есть право земельного собственника на продукты земледельческого хозяйства и животноводства считается равноценным его праву на самих крестьян. В отдельных (правда, единичных) грамотах имеются указания на отчуждение крестьян с землей.

Формы феодальной зависимости крестьян были различны: от сословной неполноправности до прямого крепостничества. К концу XV века наблюдается постепенное сближение между собой отдельных категорий крестьянства и усиление крепостничества.

В актовом материале XIV—XV вв. упоминаются различные категории крестьян: «старожильцы», «новоприходцы», или «вновь пришлые», «серебреники», «половники» и т. д. Однако нет никаких оснований говорить о том, что перед нами — резко обособленные друг от друга разряды сельского населения. Скорее здесь речь должна идти

о разных принципах, на основе которых производится выделение этих разрядов, или о разных этапах единого процесса закрепощения. Когда различаются старожильцы и новоприходцы, то это разделение производится с точки зрения давности феодальной зависимости крестьян. Старожильцы — это крестьяне, находившиеся в длительной зависимости от феодала. Эта зависимость выражается в выполнении старожильцами освященных давностью и закрепленных юридически повинностей в пользу феодалов и государства. Правовое положение старожильцев ставит их на грани сословной неполноправности и крепостничества. Новоприходцы, или вновь пришлые крестьяне, — это непосредственные производители, вновь вступающие в феодальную зависимость — путь, который ведет их к тому же старожильству. Надо при этом иметь в виду, что новоприходцев нельзя всегда считать в буквальном смысле слова крестьянами, впервые становящимися феодально-зависимыми людьми. Новоприходцы формировались и из числа старожильцев, ушедших от своих владельцев, но не имеющих в феодальном обществе иного выхода, как снова стать зависимыми (отсюда термин «пришлые старожильцы»). Когда источники упоминают серебреников, — речь идет о самом пути закрепощения (через данную в долг денежную ссуду). Но крестьянин, серебреник по характеру закабаления, становится старожильцем по юридическому положению. Когда речь идет о половниках, то имеется в виду форма эксплуатации крестьян путем «исполовья» (то есть из доли урожая). Серебреник с точки зрения пути, приведшего его в феодальную кабалу, может быть половником по характеру эксплуатации его феодалом.

Общая тенденция роста крепостничества сказалась и в изменении положения полных холопов, которых феодалы часто наделяли землей и начинали эксплуатировать как феодально-зависимых крестьян. В то же время на крестьян распространялись некоторые нормы холопьего права, в силу которого господин получал в свои руки более сильные средства внеэкономического принуждения. Сближение крестьян с холопами выразилось и в появлении в конце XV века особой категории феодально-зависимого населения — «кабальных людей». Сущность кабальных отношений заключалась в эксплуатации должника феодалом на

основании особой заемной расписки («служилой кабалы» или «кабалы за рост служити»). Должник должен был своим трудом («службой») погашать проценты («рост») с занятой суммы. Юридически зависимость по служилой кабале не являлась холопьей. Отношения кабальной зависимости воспроизводят типичные черты серебреничества. Фактически должник (серебреник, кабальный человек) часто попадал в положение безвыходной зависимости от кредитора, так как его «служба» в хозяйстве последнего шла на уплату процентов. Кабальный человек мог возвратить долг, лишь получив ссуду у другого феодала, нуждавшегося в рабочих руках. Но новая ссуда влекла для кабального человека лишь перемену хозяина. Наконец, долговая сумма часто вообще имела фиктивный характер, она просто прикрывала собой переход в феодальную зависимость. С углублением феодальной эксплуатации и развитием крепостничества кабальные отношения в XVI веке воспринимают некоторые черты полного холопства. Это сказалось и на терминологии: термин «кабальные люди» был заменен другим — «кабальные холопы».

Правовым выражением производственных отношений феодального строя являлся иммунитет феодального землевладения. Его сущность состояла в том, что привилегированный собственник земли и владелец зависимого населения обладал значительными политическими правами в своей вотчине, вытекавшими из особенностей феодального базиса и дававшими в руки земельного собственника дополнительные средства внеэкономического принуждения. Землевладелец был судьей над населением по ряду дел, сам собирал налоги, часть которых отдавал в княжескую казну, и т. д.

Необходимость укрепления и охраны монопольной сословной собственности феодалов на землю и осуществления внеэкономического принуждения в отношении зависимого крестьянства обусловливала феодально-иерархическую структуру земельной собственности. Земельные собственники разных рангов были связаны между собой цепью обязательств, представляя иерархию, господствующую над непосредственными производителями материальных благ. В процессе государственной централизации привилегии отдельных членов этой иерархии несколько сокращались за

счет усиления роли органов государства, отражавшего интересы класса феодалов в целом.

С конца XV века оформляется новая форма феодальной земельной собственности — поместье. Оно выросло из условного землевладения, которое было распространено в более раннее время, и преследовало как хозяйственные цели (освоение земли, особенно пустующей, ее заселение крестьянами, распространение вширь и вглубь крепостнических отношений), так и задачи материального обеспечения княжеских, боярских и монастырских слуг (дворцовых и военных). В конце XV века эти условные держания складываются в систему, используемую московской великокняжеской властью в борьбе за политическое объединение. В условиях образования централизованного государства на базе неликвидированного феодализма поместная система играла активную роль в создании материальных и социальных предпосылок политики централизации. Эти предпосылки заключались в том, что поместная земля принадлежала великокняжеским слугам условно, ее верховным собственником был великий князь, укреплявший свое господство при помощи помещиков — дворян (слуг княжеского двора), средних и мелких землевладельцев, поддерживавших великокняжескую власть. В поместную раздачу шли «черные» земли, что было связано с укреплением феодальных производственных отношений. Распространение поместной системы означало перераспределение земельных фондов в пределах господствующего класса и размежевание сил внутри него. Помещики-дворяне получали земли, конфискованные великими князьями у бояр, сопротивлявшихся делу централизации из-за желания сохранить свои экономические и политические привилегии.

С распространением поместной системы связано развитие барщинного хозяйства, усиление феодальной эксплуатации и рост закрепощения крестьян. При помощи среднего и мелкого землевладения осваивалась большая земельная площадь, в то время как в крупных боярских вотчинах значительная часть земли пропадала даром. Самый процесс расширения реально освоенной площади феодального землевладения влек за собой усиление крепостнических отношений. Увеличение прибавочного продукта в поместном хозяйстве шло за счет усиления эксплуатации крестьян.

Это было связано и с развитием товарного производства, хотя и не менявшего общего потребительского облика феодального хозяйства, но тем не менее способствовавшего усилению его связи с рынком. Складывались центры хлебной торговли (Москва, Дмитров, Вологда, Белоозеро и др.). Реализуя на рынке хлеб, феодалы получали возможность на вырученные денежные суммы удовлетворять свои потребности, возросшие в условиях образования централизованного государства. Усиливающаяся связь феодального хозяйства с рынком способствовала развитию барщины и росту крепостничества. Повышение в конце XV века в некоторых районах Руси удельного веса денежной ренты является показателем устанавливающихся связей крестьянского хозяйства с рынком. В уставных, таможенных, жалованных грамотах упоминаются крестьяне, торгующие хлебом, скотом и другими продуктами сельского хозяйства. Но слабость связей крестьян с рынком в силу недостаточного развития городов вела к тому, что обслуживание товарным производством феодального хозяйства происходило в основном через барщину.

Итак, рост производительных сил в результате труда непосредственных производителей материальных благ создавал экономические предпосылки образования Русского централизованного государства, что явилось в свою очередь важным фактором дальнейшего экономического и культурного прогресса, борьбы за независимость страны. Но в то же время это было связано с усилением феодального гнета и ростом крепостничества.

* * *

На протяжении XIV—XV вв. происходило восстановление ремесленного производства, разрушенного в результате татаро-монгольского ига. К XV веку в деревне господствовало соединение натурального земледелия с домашними промыслами и с ремеслом. Однако шел процесс отделения ремесла от земледелия, обрабатывающей промышленности — от добывающей. Выделялись районы, специализировавшиеся на эксплуатации отдельных отраслей добывающих промыслов и производстве определенных видов ремесленных изделий. Складывались центры добычи

железа и обработки металлов, районы добычи соли и т. д. Совершенствовалась техника добывающих промыслов и ремесла. С XIV века в соляных промыслах начинает применяться глубокое бурение скважин. Ручные жернова вытесняются водяными мельницами. Мельницы использовались не только для размола зерна, но находили применение и в других отраслях производства (например, в сукновальном деле). В результате развития общественного разделения труда и роста рыночных отношений возникали торгово-ремесленные поселки — рядки, где сосредоточивались оброчные крестьяне-ремесленники. Отделение ремесла от земледелия приводило к росту числа ремесленников, лишенных пашенных участков. Возрастало количество ремесленных профессий, шла дальнейшая специализация ремесла. Значительный сдвиг в области металлургии представляло выделение в особую специальность доменного дела.

Специализация наблюдалась как в крестьянском, деревенском, так и в вотчинном ремесле. У монастырей были слободы, в которых работали феодально-зависимые ремесленники. Имели место случаи перевода их на денежный оброк. Это указывает на наличие ремесленников, работавших для рынка, где они реализовали изделия своего производства.

Наибольшей специализации ремесло достигло в городах, здесь его технический уровень был значительно выше, чем в деревне. Большое значение имело кузнечное дело, в котором господствовало разделение труда. Из кузнечного производства выделилось слесарное. Близко к кузнечному делу стояло производство оружия, связанное с ковкой металла. В XIV веке возобновилось литейное дело. Широко было развито литье колоколов. К 1382 году относится первое упоминание о пушках на Руси. С начала XV века вместо ковки железных пушек стало применяться литье медных орудий. С конца XV века в Москве существовала особая «пушечная изба» для литья пищалей. Со второй половины XIV века в ряде княжеств возрождается чеканка серебряной монеты, что вызвало специализацию особого вида ремесла — монетного дела. Совершенствовалось ювелирное дело. Широко распространились кожевенное и сапожное ремесла. Развивалось косторезное дело. Возроди-

лось гончарное ремесло. Обжиг гончарных изделий производился в специальных горнах. Развитие каменного зодчества стимулировало производство керамических строительных материалов. С XIV века возобновилось строительство каменных зданий в городах. В середине XV века была восстановлена техника постройки кирпичных зданий. Большого искусства достигло деревянное строительство. Для подъема материалов применялись блоки. Роспись церквей иногда производилась специальными артелями иконников. В городах появились автоматические часы. В связи с появлением в качестве писчего материала бумаги увеличилось количество лиц, специализировавшихся на переписке книг.

Русские ремесленники сыграли большую роль в восстановлении разрушений, произведенных татаро-монголами, в хозяйственном и культурном развитии страны. Ремесленники работали не только на заказ, но и на широкий рынок. Однако процесс перерастания ремесла в мелкое товарное производство задерживался узкими рамками рынка, примитивной ручной ремесленной техникой.

На протяжении XIV—XV вв. восстанавливались и развивались русские города. В одном из памятников конца XIV — начала XV вв. названо около ста городов в пределах Северо-Восточной Руси. Некоторые из них (Москва, Тверь, Новгород) выделялись своими размерами по сравнению с городами Западной Европы. Наблюдался приток в города беглых крестьян и холопов, часть которых переходила в разряд ремесленников. Территориальные подразделения внутри городов («улицы», «ряды», «сотни») были и формами ремесленных организаций. Своеобразным видом ремесленных корпораций являлись объединения вокруг церквей, бывших патрональными храмами, определенных ремесел. Наблюдался процесс имущественного расслоения ремесленников. Среди них выделялась зажиточная верхушка, представители которой выступали даже в качестве кредиторов князей. Рядовая масса ремесленников часто попадала в кабалу к богатым горожанам и феодалам. Господство в городах феодалов тормозило развитие товарного производства.

Феодальный город являлся средоточием не только ремесла, но и торговли, центром сбыта ремесленных изделий в деревню и рынком для ввоза хлеба и других

продуктов вотчинного и крестьянского хозяйства из соседней округи.

Хотя в XIV—XV вв. хозяйство в своей основе оставалось натуральным, однако в связи с развитием товарного производства в это время происходило формирование местных и областных рынков. Процесс их концентрации во всероссийский рынок относится к более позднему времени.

Крупными областными рынками в XV веке были Москва, Тверь, Новгород, Белоозеро и т. д. Усиливались экономические связи между различными русскими городами и областями. Тормозом для развития этих связей являлось существование самостоятельных княжеств со своими политическими и таможенными границами. Экономическая и политическая потребность в преодолении феодальной раздробленности нашла свое выражение в таможенной политике русских князей. В междукняжеские договоры вносились условия, предусматривавшие возможность проезда для купцов из одного княжества в другое, запрещавшие введение торговых и проезжих пошлин, не оговоренных существующими соглашениями.

Развитие товарно-денежных отношений втягивало в торговлю светских и духовных феодалов, особенно монастыри. Монастырские торговые караваны с хлебом, солью, рыбой совершали поездки на отдаленные рынки, пользуясь специальной княжеской охраной в пути. «Перекупным» товаром торговали зажиточные крестьяне («прибыльные люди»).

Наряду с ростом внутренней торговли расширялись и внешнеторговые связи Руси. Русские купцы торговали с Украиной, Белоруссией, Прибалтикой. По волжскому пути происходила торговля Руси с Золотой Ордой, Средней Азией, Ираном. Русские земли были связаны торговыми отношениями с венецианскими городами Крымского побережья (Кафой и Сурожем) и непосредственно с Крымом. Великий Новгород играл большую роль в торговле Руси с Западной Европой. Среди московского купечества выделялись две корпорации: «гостей сурожан», ведших торговлю с Югом и Востоком, и «суконщиков», торговавших с Западом. Из русских земель вывозились за границу пушнина, воск, сало, лен, масло, кожи, холсты, а также ремесленные изделия, высоко ценившиеся в зарубежных странах. С За-

пада на Русь ввозились сукна, полотна, вина, пряности, металлические изделия и т. д., с Востока — пряности, драгоценные вещи, материя, оружие и т. д.

Среди городского купечества, так же как и среди ремесленников, происходило имущественное расслоение. Купеческая верхушка («гости сурожане», «суконщики») срасталась с феодальной аристократией, обзаводилась домами в городах и землями, пользовалась политическими правами, предоставляемыми ей великокняжеской властью. Крупное купечество эксплуатировало городскую ремесленную бедноту («меньших», «черных людей»).

Несмотря на то, что развитие товарного производства на Руси в XIV—XV вв. не разлагало основ феодального способа производства, оно создавало тот минимум экономических связей, который был необходим для образования Русского централизованного государства в условиях еще неликвидированного феодализма.

* * *

Образование Русского централизованного государства происходило в обстановке нараставшей классовой борьбы в деревне (между зависимым крестьянством и феодалами-землевладельцами) и в городе (между трудящимися массами, тесно связанными с окрестным сельским населением, и господствующей землевладельческой и купеческой верхушкой). Эта борьба, проявлявшаяся в разных формах, ослабляла позиции феодалов и объективно содействовала делу объединения Руси, имевшему прогрессивное значение. В то же время политическая централизация и укрепление государственного аппарата означали усиление в руках господствующего класса средств внеэкономического принуждения трудовых народных масс.

Поскольку феодальная собственность на землю являлась основой феодализма, классовая борьба в деревне была борьбой за землю и против эксплуатации. «Черные» крестьяне выступали против феодалов, захватывавших общинные крестьянские земли. Они перепахивали границы («межи») феодальных владений, уничтожали знаки («перетесы») на пограничных столбах и деревьях, поджигали пограничные изгороди и т. д. На спорных земельных участках

происходили вооруженные столкновения между крестьянами и землевладельцами. Эта борьба нашла отражение в актах судопроизводства («правых грамотах»).

На усиление феодального гнета крестьяне отвечали побегами. В документах XIV—XV вв. содержатся указания на запустение сел и деревень вследствие ухода оттуда населения. Имеются сведения, что повышение землевладельцами нормы феодальной ренты встречало сопротивление крестьян, для подавления которого феодалы прибегали к содействию властей.

Активные формы крестьянского протеста усилению феодальной эксплуатации феодалы расценивали как татьбу (нарушение прав собственности), разбой (вооруженное нападение), душегубство (убийство). Этими терминами представители господствующего класса называли в ряде случаев проявления классовой, антифеодальной борьбы. Крестьяне расхищали барские сельскохозяйственные орудия: рала, лемехи, лыскари (заступы), косы, серпы. Добиваясь свободы, холопы похищали у своих господ документы, удостоверявшие их права на владение несвободными людьми.

Борьбу с «татьбой», «душегубством», «разбоями» государственная власть рассматривала как одну из своих важнейших задач. В договорных междукняжеских грамотах имеются специальные статьи, посвященные татям, разбойникам, грабежникам, душегубцам — обычно беглым крестьянам и холопам, совершившим преступления против феодального права. Согласно условиям княжеских договоров, они должны были или судиться на территории княжества, где их поймают, или по задержании выдавались правительству того княжества, откуда бежали. Жалованные и уставные грамоты возлагали ответственность за татьбу и душегубство на ту крестьянскую общину, в пределах которой были совершены эти преступления.

Особое внимание антифеодальным выступлениям крестьянства уделяет Судебник 1497 года. Он устанавливает наказание кнутом за уничтожение меж (границ) земельных владений феодалов, вводит смертную казнь для «ведомого лихого человека», причем среди категорий «лихого дела» названы душегубство, повторная татьба, убийство государя (господина, землевладельца), поджог и т. д. Так по мере государственной централизации и укрепления ап-

парата власти усиливались репрессии за выступления против феодального строя.

Классовая борьба происходила не только в деревне, но и в городе. Городская беднота («черные люди») не раз поднималась против бояр и крупных купцов. При этом собирались вечевые собрания, на которых часто происходили вооруженные столкновения между городской аристократией и рядовой массой ремесленников, действовавших вместе с окрестными крестьянами.

Особенность городских движений XIV—XV вв. заключается в том, что в них проявлялась борьба и против феодального гнета со стороны господствующего класса и против татаро-монгольского ига. Так, в 1327 году в результате народного движения в Твери были перебиты татары, явившиеся сюда во главе с золотоордынским послом Шевкалом (Щелканом) для взимания поборов с населения. Во время нашествия в 1382 году на Москву Тохтамыша в городе также вспыхнуло народное антифеодальное движение, принявшее освободительный характер. Городские ремесленники вместе с крестьянами, собравшимися из окрестных сел и деревень, вооружились и требовали защиты города. Тех, кто пытался уйти из Москвы, задерживали и избивали. В течение нескольких дней московское население упорно отбивало приступы татар. Население Москвы выступило на защиту столицы и в 1445 году, когда великий князь Василий II был взят в плен татарами, а значительная часть бояр и крупных купцов в панике покинули столицу. «Черные люди» старались помешать бегству из Москвы феодальной знати и купечества, насильно задерживая беглецов.

Антифеодальные освободительные движения развертывались и в русских землях, захваченных литовскими феодалами. Так, в 1440 году «черные люди» (ремесленники) Смоленска подняли восстание против литовских захватчиков и их сторонников из местных бояр. Литовский наместник и часть боярства бежали из города. Восставшие расправились с оставшимися представителями литовской администрации. Только в 1441 году, после подавления восстания, в Смоленске снова укрепились литовские феодалы.

Классовая борьба в XIV—XV вв. принимала также форму «ересей» — движений, направленных против

господствующей церкви. В данном случае под религиозной оболочкой скрывался социальный протест.

Развертывание классовой борьбы, ослабляя феодалов местных центров и подрывая основы властвования Золотой Орды, в то же время вызывало у феодалов потребность в объединении, в создании прочного централизованного аппарата для удержания эксплуатируемых масс в повиновении.

* * *

Северо-Восточная Русь в XIV—XV вв. была раздроблена на ряд самостоятельных («великих») княжеств. Наиболее крупными из них являлись Московское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское княжества. Кроме того, существовали две аристократические республики: Новгород и Псков. Во главе всей Руси стоял великий князь владимирский, получивший ярлык (грамоту) на княжение от золотоордынского хана. С усилением политического значения Московского княжества и ослабления власти Орды право на великое Владимирское княжение перешло к московским князьям.

Политические взаимоотношения между отдельными «великими» княжествами оформлялись путем заключения договоров. В договорных грамотах определялись границы княжеств, порядок решения пограничных споров, условия выдачи беглых крестьян и холопов и т. д. С усилением экономических связей между отдельными областями и развитием товарного производства вставал вопрос о некотором преодолении таможенных преград. Князья обязывались не устраивать новых «мытов» (застав для сбора пошлин с проезжающих купцов) и не создавать пограничных препятствий для торговли, предоставляя купцам свободный проезд. Договоры преследовали также цель установления общей линии внешней политики и взаимной военной помощи против татаро-монгольских захватчиков, польских и литовских феодалов, немецких рыцарей. На протяжении XIV—XV вв. московские князья последовательно проводят ограничение прав других великих князей на самостоятельное сношение с Золотой Ордой и Литвой. Внешняя политика ряда княжеств подчиняется задачам, которые

ставило перед собой московское правительство, стремясь к объединению Руси.

Территория каждого «великого» княжества дробилась на ряд уделов. Удельные князья пользовались правами самостоятельных властителей. В договорные междукняжеские грамоты обычно включалось условие о неприкосновенности чужих владений: «тобе знати своя отчина (владение, полученное от отца), а мене знати своя отчина». Князья обязывались за себя и за своих бояр не покупать в чужих уделах села, не держать там зависимых от себя людей («закладней» и «оброчников»), не посылать в чужие владения своих данщиков для сбора дани, не выдавать жалованные грамоты на расположенные там земли и т. д. Этими условиями охранялось право земельной собственности — тот материальный фундамент, на котором строилось здание феодальной иерархии.

Отношения между великим и удельными князьями строились на началах вассального подчинения. Удельные князья были обязаны по приказу великого князя «всести на конь» (то есть выступать в поход) и посылать вместе с его воеводами свою рать. В договоры между великим и удельными князьями вносилось условие о единстве внешней политики и дипломатии. Князья обязывались «быти заодни до живота» (то есть пожизненно быть в союзе). Правом сношений с Ордой пользовался только великий князь. Остальные князья должны были передавать ему собранную по уделам дань, и он сам отправлял ее в Орду.

На протяжении XIV—XV вв. наблюдается укрепление московской великокняжеской власти за счет сокращения политических прав других великих и удельных князей.

Аппарат управления в русских княжествах носил вначале дворцово-вотчинный характер. Каждый князь опирался на феодальный совет, состоящий из бояр (Боярская дума).

Во главе отдельных отраслей княжеского хозяйства и управления стояли «путные бояре» (от слова «путь» — дворцовое ведомство). Существовали пути сокольничий, конюший, ловчий, стольничий, чашничий, ведавшие организацией княжеской охоты и обслуживанием княжеского стола и двора. Путные бояре, а также управляющий княжеским двором — дворецкий участвовали в феодальном совете и занимали при князе привилегированное положение.

Государственная территория, не входившая в состав дворцового управления, составляла «черные» волости и города. Туда посылались (обычно сроком на год) наместники и волостели, назначавшиеся из бояр и «вольных слуг». Они получали города и волости в «кормление», то есть с правом собирать в свою пользу «кормы» (поборы) с населения, судебные и торговые пошлины. Органы дворцового («путного») и наместничьего управления являлись аппаратом насилия над трудовым населением деревни («черными» крестьянами) и города (посадскими людьми). Система «путей» и «кормлений» представляла собой организацию управления, характерную для периода феодальной раздробленности, когда еще не созрели достаточные экономические предпосылки для централизации аппарата власти. В процессе централизации права наместников ограничиваются.

На территории частновладельческих феодальных земель действовала вотчинная власть феодала, обладавшего иммунитетом. По мере политического объединения русских земель иммунитетные привилегии земельных собственников сокращались. Ряд судебных дел: дела о душегубстве, разбое, татьбе — изымался из их ведения и передавался княжеским наместникам. За деятельностью самих наместников устанавливался контроль со стороны великокняжеской власти. Начали различать две категории наместников: с «боярским судом» и без «боярского суда». Первые сохраняли право самостоятельно решать все дела. Последние были обязаны докладывать органам центральной власти (великому князю или Боярской думе) наиболее крупные дела и не могли самостоятельно выносить по ним решения.

Укрепление государственного аппарата было связано с усилением налогов и повинностей и с изменениями в организации финансового управления. Основным налогом в период феодальной раздробленности являлась дань, которая шла в княжескую казну, за исключением того, что передавалось князьями в Золотую Орду. Из других повинностей, которые выполняло трудовое население, известны «городовое дело» (участие в постройке и ремонте городских укреплений), «кормы» на содержание органов княжеской администрации — наместников и волостелей, «ямское дело», или «ям», (личное участие в организации связи по большим

дорогам), «писчая белка» (пошлина, взыскивавшаяся при переписи земель и крестьян) и т. д. Крестьяне были обязаны также предоставлять представителям княжеского хозяйственно-административного аппарата (сборщикам дани, писцам, приставам и т. д.) помещения, содержание, подводы. Специальные пошлины взыскивались с передвижения лиц с товарами («мыт» и др.), с торговых сделок («тамга» и др.), с клеймения скота при продаже («пятно»). Крестьяне ряда светских и духовных феодалов привлекались к работе в хозяйстве князя: постройке княжеского двора, конюшен, косьбе сена на княжеских лугах, участию в «ватагах» княжеских рыболовов и т. д.

Вотчины крупных бояр и церковных землевладельцев были свободны (полностью или частично) от уплаты ряда налогов в княжескую казну. Таким образом, доходы, получаемые этими землевладельцами с феодально-зависимого населения, целиком или в значительной части оставались в их руках. С образованием Русского централизованного государства податные привилегии крупных феодалов были урезаны.

В результате выделения княжеских дворцовых земель в особую систему управления, отличную от общегосударственной, утратили свое значение повинности частновладельческих крестьян в княжеском хозяйстве и возросла роль налогов и повинностей общегосударственного значения. В связи с ростом в стране товарно-денежных отношений ряд повинностей, получивших общегосударственное значение, был переведен на деньги («кормы» и доходы наместников, «ямское дело»).

В период феодальной раздробленности армия каждого из княжеств состояла из отрядов, возглавляемых боярами и «вольными слугами» и сформированных из зависимого населения их вотчин (главным образом дворовой челяди). Широкие массы крестьянства выставляли определенное количество ратников с «сохи» (единицы податного обложения). Военную службу несло и торгово-ремесленное население городов.

Служба бояр и «вольных слуг» формально носила добровольный характер и не зависела от того, где были расположены их вотчины. Бояре и «вольные слуги» имели право прервать службу и «отказаться» от князя, сохраняя

владельческие права в том княжестве, где были их имения. Обязательными считались, однако, участие в обороне того города, к которому в административно-военном отношении «тянуло» (то есть подчинялось ему) данное владение, и платеж дани «по земле и по воде» (то есть в пользу князя, на территории которого находилась земля боярина или вольного слуги).

По мере объединения русских земель вокруг Москвы статьи договоров о «вольности» боярской службы теряли свое значение. Во второй половине XV века бояре были окончательно лишены права «отъезда». Московские князья стали брать с них «присяжные» записи о «неотъезде» и «верности».

По мере складывания единого государства происходили изменения в организации вооруженных сил. Увеличивалась численность великокняжеского двора. Изменялся его состав. В ряды московского боярства вступали со своими дворами «служебные» князья из числа бывших удельных князей, потерявших самостоятельность, выходцев из Литвы и т. д. На службу к великому князю переходили бояре из других русских княжеств. Увеличивалась численность народного (городского и крестьянского) ополчения, которое было подчинено великокняжеской власти. Получила развитие поместная система обеспечения землей дворянской армии.

* * *

Образование Русского централизованного государства происходило в условиях борьбы с захватчиками, прежде всего борьбы с золотоордынским игом. Всемирно историческое значение имела Куликовская битва 1380 года. Подготовленная экономическим развитием Руси и завоеванная благодаря героизму русского народа, победа на Куликовом поле положила начало распаду Золотой Орды и освобождению от ее ига ряда народов. В 1480 году произошло окончательное свержение татаро-монгольского ига, подготовленное длительной борьбой русского народа против монгольских захватчиков.

На Западе и Северо-Западе Русь вела борьбу с агрессией литовских феодалов и с немецкими рыцарями. В 70-х годах XIV века русский народ отразил три нападения на Москву литовских феодалов под предводительством князя Ольгерда. В 1410 году соединенные силы славянских войск при решающем участии русских полков одержали блестящую победу над Тевтонским орденом.

С образованием Русского централизованного государства определяются основные линии его внешней политики: на Западе — борьба с Польским и Литовским государствами за воссоединение исконных земель Руси (русских, украинских и белорусских), на Северо-Западе — борьба с Прибалтийскими государствами за выход в Балтийское море, на Юге и Востоке — борьба с агрессивной политикой татарских ханств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды (за спиной этих ханств часто стояла Турция).

В международной жизни Европы и Востока Россия играла выдающуюся роль в качестве могущественной политической силы. К национальному центру русского народа — Москве — обращали взоры народы Украины и Белоруссии в борьбе с польско-литовскими феодалами и турецкими агрессорами, народы Прибалтики, страдавшие под гнетом Ливонского ордена, народы Закавказья, боровшиеся с агрессией со стороны Османской Турции и Сефевидского Ирана. В силу исконных, исторически складывавшихся на основе общности происхождения и дальнейшего развития связей русского народа с южными славянами, с народами Балканского полуострова, эти народы рассматривали Москву как опору в своем сопротивлении турецким ассимиляторам.

Образование централизованного государства было прогрессивным явлением. Преодоление феодальной раздробленности, с характерными для нее политическими перегородками, замкнутостью отдельных областей и княжеств, бессмысленными феодальными войнами, разорявшими население и облегчавшими доступ внешнему врагу, являлось условием экономического и культурного роста страны, борьбы за свою независимость [1]. Образование централизо-

[1] См. И. В. Сталин, Приветствие Москве в день ее 800-летия, «Правда» 7 сентября 1947 г.

ванного государства, возникшего на определенном этапе экономического развития, содействовало дальнейшему поступательному развитию феодального способа производства (при данном уровне производительных сил имевшего прогрессивный характер). В то же время аппарат централизованного государства был поставлен на службу господствующему классу и направлен на подавление сопротивления эксплуатируемого большинства населения.

Сплочение нерусских народностей в составе Русского централизованного государства способствовало росту экономических и культурных связей этих народностей с русским народом и было прогрессивным явлением, спасая их от поглощения отсталыми государствами, объективно создавая для них возможности развития в условиях воздействия более высокой по своему уровню экономики и культуры России.

Политические, юридические и другие идеи и соответствующие им учреждения Русского централизованного государства защищали и национальный гнет самодержавия, и эксплуатацию русскими феодалами нерусского трудового крестьянства, что вызывало с его стороны антифеодальные движения, сливавшиеся с борьбой русского народа против феодально-крепостнического гнета. Это была классовая борьба трудящихся масс разных национальностей, в процессе которой возникали корни будущей дружбы народов нашей страны.

* * *

Право в период феодальной раздробленности развивалось в княжествах Северо-Восточной Руси на основе общего правового кодекса, созданного еще в древней Руси, — Русской Правды. Источниками права в XIV—XV вв. являлись также многочисленные грамоты, касающиеся землевладения, взаимоотношений между феодалами и зависимым населением их вотчин, организации власти и управления, судопроизводства и т. д.

Перелом в развитии права наступил с образованием Русского централизованного государства в конце XV века, когда великокняжеская власть провела большую работу

по кодификации права, защищавшего классовые интересы феодалов.

Публикуемые в третьем выпуске «Памятников русского права» материалы представляют собой важный источник для изучения процесса складывания Русского централизованного государства.

Первый раздел издания составляют акты феодального землевладения и хозяйства. Это грамоты: данные (акты дарения частной земельной собственности), деловые или раздельные (акты раздела земли и зависимых людей владельца), духовные (завещания о передаче владений и зависимого населения), заемные закладные кабалы (акты залога частной собственности под взятую в заем денежную сумму), купчие (акты купли-продажи), меновные (акты обмена недвижимой собственности), межевые или отводные, разводные, разъезжие (устанавливающие границы владений) и т. д. Эти акты показывают рост крупной феодальной собственности в результате захвата общинных крестьянских земель, укрепление феодального способа производства, перераспределение земельных фондов внутри класса феодалов. Изучение документов, касающихся феодальной земельной собственности, раскрывает их значение как памятников борьбы феодалов за средства производства и за право эксплуатации крестьянского труда. Актовый материал свидетельствует, что процесс складывания феодальной собственности имеет большую давность и что развитые правовые нормы, как часть надстройки феодального строя, способствовали углублению этого процесса.

Акты, укрепляющие полную и неполную собственность феодалов на работников производства (грамоты полные, оформляющие полное холопство, служилые кабалы, устанавливающие временную зависимость через взятую в долг денежную сумму), содержат правовые нормы, охраняющие начала господства и подчинения в феодальном обществе. Этими актами санкционируется право земельных собственников на эксплуатацию феодально-зависимого населения.

Во втором разделе настоящего издания помещены жалованные и указные грамоты князей и высших представителей церковной иерархии (митрополитов) привилегированным землевладельцам. Все жалованные грамоты могут

быть разбиты на следующие главнейшие группы: 1) грамоты, закрепляющие переход различными путями недвижимой собственности во владение феодалов; 2) грамоты, содержащие судебные привилегии феодалов-землевладельцев; 3) грамоты, фиксирующие освобождение привилегированного землевладения от различных податей и повинностей в пользу князя, чем феодалам создавались бо̀льшие возможности эксплуатации зависимого населения в свою пользу; 4) охранные («заповедные») грамоты на феодальные владения; 5) грамоты, предоставляющие право на производство промыслов и торговли и сбор торговых и таможенных пошлин.

Жалованные грамоты юридически оформляют отношения, возникшие в процессе развития феодальной собственности на землю (например, в результате расхищения «черных» земель) и обращения господствующим классом в феодальную зависимость непосредственных производителей. Жалованные грамоты являются источником изучения истории иммунитета (судебных и фискальных прав привилегированных землевладельцев в отношении сельского зависимого населения феодальных вотчин). Ограничение судебных прав княжеских наместников и волостелей в отношении частновладельческих крестьян и закрепление за самими феодалами права судить зависимое население своих вотчин юридически оформляли систему господства и подчинения в феодальной деревне, организованно проводившуюся господствующим классом методами внеэкономического принуждения. Грамотами, содержащими податные привилегии (бессрочное, полное или частичное освобождение от податей и повинностей, временную льготу, замену всех повинностей, падающих на данное владение, единой, твердо установленной суммой оброка, уплачиваемого в княжескую казну), феодалам обеспечивались условия для дальнейшего расширения своего хозяйства и усиления феодальной эксплуатации.

Классовый смысл заповедных грамот заключается в том, что великокняжеская власть, оберегая феодалов от своих агентов, обеспечивает им господство над крестьянами, охраняет их собственность и право эксплуатации крестьянского труда, защищает от антифеодальных выступлений крестьян.

Особый интерес представляют грамоты, выдаваемые самими землевладельцами своим свободным и несвободным слугам, которые получают от них землю во временное держание с условием возвратить впоследствии эту землю собственнику со всем заведенным на ней хозяйством. При помощи таких условных держаний происходил процесс расширения феодальных отношений, хозяйственное освоение земли и включение в сферу феодальной эксплуатации новых категорий крестьянства.

Развитие промыслов в феодальных владениях и втягивание феодальных хозяйств (особенно монастырских) в рыночные отношения нашли отражение в специальных княжеских грамотах землевладельцам на право производства промыслов и торговли. Эти грамоты свидетельствуют одновременно и о развитии товарного производства, и о его слабости, вызывавшей необходимость поддержки со стороны княжеской власти.

Близко к жалованным грамотам стоят по своему характеру и содержанию грамоты указные, в которых имеются различные распоряжения князя своим агентам. В этих грамотах содержится ряд указаний, касающихся феодального землевладения (об установлении твердых границ земельных владений и о разрешении пограничных споров; об охране феодальной собственности от попыток «черных» крестьян предъявить на нее права, о соблюдении иммунитетных привилегий феодалов и т. д.). Особое значение для изучения процесса закрепощения крестьянства представляют грамоты, касающиеся отказа крестьян от владельцев лишь один раз в году («на Юрьев день осенний»).

В третий раздел настоящего издания включены акты местного управления. Это прежде всего грамоты о передаче княжеским слугам определенных территорий «в кормление» (то есть в управление с правом сбора с населения в свою пользу кормов, доходов и различных пошлин). Специальными актами («доходными списками») определялся круг и характер этих сборов. Грамоты «в кормление» и «доходные списки» рисуют систему управления при феодальном строе, в условиях политической раздробленности. В это время отсутствовал централизованный государственный аппарат, наблюдалось смешение административных и судебных функций. Назначение на должность представляло

собой в то же время пожалование правом на получение доходов с этой должности. Передавая это право кормленщику, княжеская власть предоставляла ему возможность получать в виде кормов и поборов часть прибавочного продукта труда населения «черных» земель, подобно тому, как феодал — земельный собственник получал в форме ренты прибавочный продукт зависимых от него крестьян. Порядок местного управления в «черных» волостях регулировался уставными грамотами.

Древнейшим из дошедших до нас источников этого типа является Двинская уставная грамота. Она была выдана Московским великим князем Василием I Дмитриевичем в конце 1397 или в начале 1398 года населению Заволочья, или Двинской земли, после того как эта земля на короткий срок перешла из-под власти Новгородской аристократической республики в зависимость от Московского великого княжества.

Двинская грамота отражает классовый характер политики великокняжеской власти. Московское правительство нашло опору в местном двинском боярстве, эксплуатировавшем непосредственных производителей. Кроме того, на службу интересам правящего класса феодалов была поставлена черносошная крестьянская общинная организация. Адресованная ко всему населению Двинской земли, как к боярам, так и к «черным» людям, грамота, однако, подчеркивает привилегированное положение местного боярства. Так, устанавливается денежный штраф за «бесчестие» бояр, причем сумма штрафа повышается в зависимости от родовитости потерпевшего («по отечеству»). Грамота подтверждает полную собственность господина на его холопа. Смерть холопа или раба, наступившая в результате побоев со стороны владельца («осподаря»), не влечет за собой ответственности последнего и не ставится ему в вину, а расценивается лишь как его «грех» («огрешится»).

Много внимания уделяет Двинская грамота нарушениям права феодальной собственности на землю и другим преступлениям против феодального порядка. Назначаются штрафы за нарушение границ земельных владений. Стоя на страже собственности, Двинская грамота вводит смертную

казнь через повешение для вора (татя), уличенного в краже в третий раз, и требует наложения клейма на всякого человека, привлеченного по обвинению в воровстве. Устанавливается ответственность крестьянской общины за убийство (душегубство), совершенное в ее пределах.

Наместники из числа великокняжеских или местных бояр пользуются всей полнотой административной власти в пределах Двинской земли. Жалобы населения на их действия возможны лишь на имя самого Московского великого князя.

Особое внимание Двинская грамота уделяет двинскому купечеству, предоставляя ему льготы в уплате податей и привилегии в области суда во время поездок с торговыми целями.

Наряду с нормами права, восходящими к Русской Правде, в Двинской уставной грамоте нашли отражение юридические нормы формирующегося Русского единого государства, приспособленные к местным условиям Двинской земли.

Более поздняя уставная грамота, Белозерская уставная грамота 1488 года, относится к тому времени, когда Русское централизованное государство в основном уже сложилось. Она свидетельствует об известном ограничении власти наместников. Так, на Белоозеро приезжают великокняжеские приставы для вызова в суд в Москву горожан и «черных» крестьян. Кроме того, наместники и тиуны не имеют права производить суд без «сотцков и без добрых людей», то есть без участия выборных представителей местного управления на посаде и в «черных» крестьянских волостях, которых правительство рассматривало как низшее звено государственного аппарата.

Дополнением к Белозерской уставной грамоте 1488 года является Белозерская таможенная грамота 1497 года, которая представляет большой интерес прежде всего для изучения экономических предпосылок складывания Русского централизованного государства, формирования рыночных связей. Город Белоозеро представлял собой крупный рынок, на котором продавались сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия. На этот рынок поступали не только товары местного производства. Туда съезжались продавцы из различных районов Русского госу-

дарства. Изучение ассортимента товаров, обращавшихся на белозерском рынке характеризует общественное разделение труда в конце XV века. Имеется материал, показывающий втягивание в рыночные отношения различных категорий населения. Наконец, очень важно изучение таможенной политики русского правительства и правовых норм, возникших в условиях развития товарного производства и регулировавших торговлю и товарное обращение.

Среди других актов, касающихся организации управления, выделяется так называемая «Запись о душегубстве». В ней определяются границы судебного округа, подведомственного по делам о «душегубстве» «большому» (великокняжескому) наместнику в Москве, и рассматриваются взаимоотношения «большого» наместника с «третниками» удельных князей (то есть с представителями удельно-княжеской администрации, принимавшей участие в наместничьем суде и имевшей право на определенную долю — «треть» судебных пошлин). Специально ставится вопрос о подсудности населения, проживающего в московских дворах, принадлежащих удельным князьям, и в их селах, расположенных в Московском стане, или уезде.

«Запись о душегубстве» была, повидимому, составлена в середине XV века, после завершения длительной феодальной войны, которая закончилась победой великокняжеской власти над реакционным блоком удельных князей и бояр, сопротивлявшихся прогрессивному делу государственной централизации. Задачей «Записи о душегубстве» являлось проведение судебной централизации, ограничение судебных прав удельных князей и предоставление более значительных полномочий в московском суде великокняжескому наместнику.

Специально судебным актам посвящен четвертый раздел настоящего выпуска «Памятников русского права». Здесь помещены судные списки (протоколы судопроизводства), правые грамоты (судные списки, сопровождаемые приговорами суда), бессудные (правые грамоты, выдаваемые судом одной из сторон без судебного разбирательства на основании того, что другая сторона уклонилась от явки в суд в назначенный срок), срочные (устанавливающие сроки явки сторон в суд), мировые (акты полюбовного ре-

шения тяжбы) и т. д. Документация феодального суда является источником для изучения деятельности государства по охране на основе существующего феодального права привилегий господствующего класса от их нарушения со стороны эксплуатируемого большинства населения.

Поскольку основой феодализма является феодальная собственность на средства производства и прежде всего на землю, главный объект судебного разбирательства составляют земельные дела. Правые грамоты и другие судебные акты рисуют процесс захвата «черных» земель феодалами и дают материал для характеристики форм этого захвата. В ряде случаев судебная документация вскрывает не только факты завладения феодалами «черных» земель, но и их стремление к обращению в феодальную зависимость «черных» крестьян. Представляет интерес использование феодальным судом различных видов доказательств в целях ограждения привилегий феодалов.

В пятый раздел издания включены духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.

Духовные грамоты — предсмертные завещания князей — представляют собой источник, очень широкий по своему содержанию. Наряду с перечнем предметов личного и фамильного имущества князей, статей княжеского дворцового хозяйства, передаваемых завещателем наследникам, они содержат ряд важных распоряжений политического характера. Поэтому духовные грамоты дают материал для изучения как социально-экономических отношений XIV—XV вв. (отрасли хозяйства в княжеских дворцовых имениях, положение крестьян и формы их эксплуатации; уровень ремесла, характер и направление торговых связей, выясняемые в значительной мере по предметам княжеского обихода), так и особенно процесса политического объединения Руси.

Три помещенных в настоящем издании духовных грамоты московских великих князей (Ивана Калиты, Дмитрия Донского и Ивана III) рисуют важнейшие моменты в истории образования Русского централизованного государства.

Грамота Ивана Калиты была составлена во второй четверти XIV века, после того как Московское княжество

добилось победы над своим политическим соперником — княжеством Тверским и Московский великий князь сумел дипломатическим путем использовать Золотую Орду в своих интересах. В это время уже была отменена система сбора дани с русского населения через татарских баскаков; дань стала собираться и отправляться в Орду самими московскими князьями. Духовная Калиты показывает, что при нем были «заложены основы могущества Москвы» (К. Маркс). В основе этих политических успехов лежало экономическое развитие страны и широкое движение народных масс против золотоордынского ига, использованное московской великокняжеской властью в целях укрепления своих позиций.

Духовная грамота Дмитрия Донского написана в 1389 году, после героической победы русского народа на Куликовом поле. Из этой грамоты видны политические результаты успехов Москвы, достигнутых к концу XIV века в объединении русских земель и в борьбе за их независимость от Золотой Орды. В это время уже потеряла значение та политическая система, согласно которой во главе русских княжеств стоял великий князь Владимирский, утверждаемый Ордой. Дмитрий Донской объявил великокняжеское достоинство привилегией московского княжеского дома и передал Владимирское великое княжество в качестве «отчины» (наследственного владения) своему сыну. Москва стала политическим центром формирующегося единого государства.

По духовной грамоте Ивана III (1504 г.), составленной после свержения монгольского ига, Русское государство выступает уже как централизованное. Хотя еще существуют отдельные уделы, но их князья подчинены власти великого московского князя. Они лишены политических прав, права чеканки монеты и т. д.

Тот же процесс политического объединения Руси рисуют договорные акты князей. Они вскрывают историческую роль Москвы как инициатора и основы слагающегося Русского централизованного государства, показывают ее борьбу с другими феодальными центрами (Тверью, Рязанью, Новгородом), ее организующую роль в борьбе с золотоордынским игом и агрессией польско-литовских феодалов.

Договорные грамоты свидетельствуют о разработанности, развитости и четкости русского договорного феодального права XIV—XV вв., о большой культуре русской дипломатической службы.

Шестой раздел выпускаемого издания составляет Судебник Ивана III, составленный в 1497 году (или, быть может, в начале 1498 года) и явившийся первым кодексом феодального права Русского централизованного государства. Использовав правовые нормы, содержавшиеся в более ранних юридических памятниках (Русской Правде, Псковской судной грамоте, уставных грамотах и т. д.), составители Судебника проявили большое новаторство в создании норм права, отвечавших новому этапу в развитии феодального общества.

Издание Судебника было важным актом среди мероприятий русского правительства, направленных к государственной централизации, перестройке центрального и местного аппарата власти, разработке норм уголовного и гражданского права, судоустройства и судопроизводства в интересах защиты привилегий господствующего класса.

Статьи Судебника направлены на охрану прав класса землевладельцев на владение средствами производства, на эксплуатацию труда зависимого крестьянства, на охрану феодальной монархии как политической формы Русского централизованного государства. Судебник детально разработал процессуальные нормы, имея в виду земельные тяжбы как правовую форму борьбы за землю между «черным» крестьянством и классом землевладельцев, с одной стороны, и между различными категориями земельных собственников внутри класса феодалов, — с другой. Отчетливо выступают последствия введения поместной системы, обострившей классовые противоречия, а также внутриклассовую борьбу за средства производства, за рабочие руки. Детально останавливается Судебник на документации, удостоверявшей на суде права феодалов на зависимое от них население (крестьян, холопов). Специальные статьи памятника посвящены источникам «полного» холопства и праву крестьянского «отказа» — ухода от землевладельцев. Установление Судебником общего для всего государства,

единственного разрешенного в году срока крестьянского «отказа» (26 ноября — в «Юрьев день осенний») юридически оформляло значительные перемены в положении крестьянства. Ограничение в общерусском масштабе права крестьянского перехода было толчком к дальнейшему развитию крепостнических отношений.

Охраняя начала господства и подчинения в феодальном обществе и государственный аппарат, защищающий эти отношения, Судебник особое внимание уделяет различным преступлениям (покушениям на жизнь и собственность феодалов, выступлениям против политического порядка и органов власти и т. д.). Обострение классовых противоречий и внутриклассовой борьбы, проявляющееся в действиях, квалифицируемых феодальным кодексом как преступления, ведет к усилению репрессий, применению смертной казни. Важное место среди мероприятий государственной власти занимает право использования судебными органами местного дворянства и верхушки черносошного крестьянства в качестве свидетелей (послухов).

В Судебнике ярко проявляется тенденция к централизации суда, к стеснению власти наместников и к подчинению их контролю со стороны центральных органов, к использованию в качестве низшего звена государственного аппарата органов крестьянского и посадского управления.

Для ряда дел Судебник вводит формы розыскного процесса. Усиливается значение письменных документов как одного из главных видов судебных доказательств. Регламентируется деятельность судебных агентов. Все эти мероприятия диктовались теми новыми задачами в области суда, которые были выдвинуты в процессе создания Русского централизованного государства. Активная роль Судебника проявилась в создании новых правовых норм, способствовавших укреплению и дальнейшему развитию феодального базиса.

Сравнение Судебника с современными ему кодексами западноевропейских стран приводит к выводу, что он выделяется среди них как памятник, свидетельствующий о наличии единого права для всего Русского государства.

Среди памятников церковной юрисдикции, помещенных в седьмом разделе настоящего издания, следует прежде

всего отметить грамоту митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю (1391 г.). Эта грамота детально раскрывает формы феодальной эксплуатации зависимого сельского населения в монастырской вотчине в конце XIV века, подробно перечисляет крестьянские повинности, показывает борьбу крестьян против попыток землевладельца усилить эксплуатацию.

Другая грамота митрополита Киприана, представляющая его договор с великим московским князем Василием Дмитриевичем (конец XIV — начало XV вв.), подробно определяет политические права и привилегии московской митрополичьей кафедры как феодальной организации, ее взаимоотношения с великокняжеской властью. По своему характеру эти взаимоотношения напоминают отношения между великими и удельными князьями, а самый текст грамоты (представляющий собой, повидимому, сложившийся формуляр подобных договорных актов) близок к текстам договорных княжеских грамот.

В сфере церковного суда возник интересный, но до сих пор мало изученный памятник, известный под именем «Правосудие митрополичье». Различные исследователи датируют его временем между XIII и XVI вв. Ряд норм «Правосудия митрополичьего» близок к церковному уставу Ярослава, Русской Правде, Двинской уставной грамоте, Псковской судной грамоте, Судебнику. Ряд статей дословно заимствован из Устава Ярослава. Правовые нормы «Правосудия митрополичьего» отличаются ярко выраженным классовым характером. Как и в Двинской уставной грамоте, в «Правосудии» устанавливается наказание за «безчестие» различных представителей господствующего класса, причем степень наказания определяется их положением на иерархической феодальной лестнице (князь, боярин, наместник, слуга (тиун) и т. д.). Охраняя основы господства и подчинения в феодальном обществе, «Правосудие», говоря о взаимоотношениях «челядина-наймита» и «осподаря», защищает прежде всего права последнего, так же как Русская Правда прежде всего защищает интересы господина, если они сталкиваются с интересами «закупа». Как и Двинская уставная грамота, «Правосудие» расценивает убийство «осподарем» «полного челядина» не как преступление (ду-

шегубство), а как «грех». Об обострении классовых противоречий свидетельствует статья «Правосудия» о «казни» «душегубца» и «разграблении» его дома, о поимке и выдаче беглых холопов и татей и т. д.

В приложении к изданию печатаются ярлыки татарских ханов русским митрополитам (в переводах, относящихся к XIV—XV вв.). Ярлыки содержат материал для характеристики экономического, правового и политического положения церковного феодального землевладения.

В целом материалы настоящего, третьего выпуска «Памятников русского права» дают представление о развитии права в период формирования Русского централизованного государства и о его активной роли в укреплении феодального базиса.

Доктор исторических наук
профессор Л. В. Черепнин

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем (третьем) выпуске «Памятников русского права» помещены важнейшие правовые документы периода складывания Русского централизованного государства. Древнейшие из них датируются 20-ми годами XIV века, то есть временем, когда были заложены основы могущества Москвы, ставшей основой и инициатором объединения Руси в единое централизованное государство.

Бо́льшая часть актов относится к периоду до конца XV века, ко времени создания Русского централизованного государства. В данном выпуске составителями также помещены некоторые материалы, относящиеся к началу XVI века, но тесно связанные с нормами права изучаемого периода.

Основное внимание в настоящем выпуске уделено памятникам права образующегося Русского централизованного государства, что позволяет наглядно представить себе процесс создания общерусского феодального права. Из числа актовых и других материалов Белозерского, Тверского и Рязанского княжеств в выпуске публикуются лишь важнейшие, с учетом их значения в выработке норм общерусского права.

Настоящий выпуск открывается публикацией актов феодального землевладения. Учитывая специфику актовых материалов, составители условно выделили из их числа самостоятельную группу жалованных и указных грамот. Из-за многочисленности и многообразия всех этих актов составители ограничились приведением лишь таких, которые дают представление о важнейших разновидностях дошедших до нас документов.

Существенное значение для изучения истории развития русского права имеют многочисленные духовные и договорные княжеские грамоты, из числа которых в настоящее издание включены важнейшие документы.

При публикации памятников составители руководствовались теми принципами, которые были изложены в предисловии к первому выпуску. Все памятники публикуются по лучшим изданиям, при отсутствии таковых — по рукописям.

Текст законодательных и актовых памятников (в необходимых случаях) разделен на статьи, в соответствии с делением, принятым в настоящее время. Если в литературе таковое отсутствует, то деление производится заново.

Как и в предыдущих выпусках, публикации сопровождаются введениями, в которых дается краткая характеристика памятников, историко-правовыми обзорами, ставящими своей целью помочь читателям разобраться в содержании памятников и отчетливо представить основные вопросы права, и, наконец, библиографией.

Настоящий выпуск «Памятников русского права» подготовлен к изданию *В. Н. Автократовым, А. А. Зиминым, С. М. Каштановым, А. Г. Поляком.*

А. А. Зимину принадлежат введения и историко-правовые обзоры к разделам: «Памятники церковной юрисдикции» и «Ярлыки татарских ханов московским митрополитам».

А. Г. Поляку принадлежат введения и историко-правовые обзоры к разделам: «Судебные акты» и «Судебник 1497 г.».

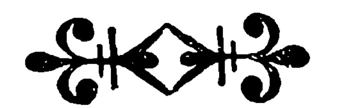
В составлении настоящего выпуска принимали участие *В. Н. Автократов* («Правосудие митрополичье») и *С. М. Каштанов* («Жалованные и указные грамоты»).

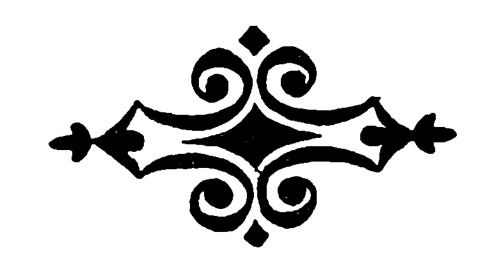
Остальные разделы выпуска подготовлены *А. А. Зиминым* и *А. Г. Поляком* совместно.

Тексты актов подобраны и подготовлены к изданию *А. А. Зиминым.*

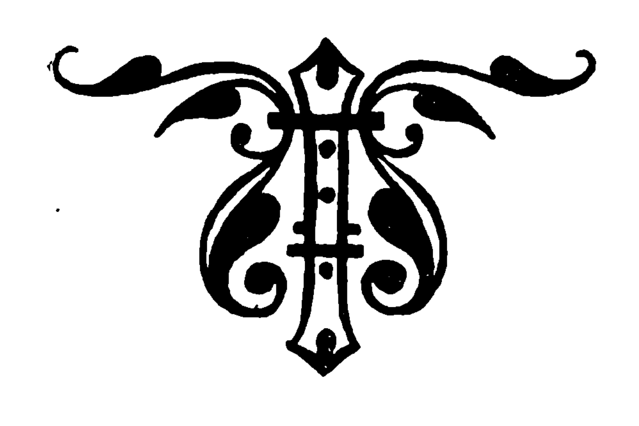
Перевод Судебника 1497 г. выполнен доктором исторических наук проф. *Л. В. Черепниным.*

Составители

АКТЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

ВВЕДЕНИЕ

Основой производственных отношений при феодализме является полная собственность феодала на средства производства, прежде всего на землю, и неполная собственность на работника производства — крепостного. Напряженную борьбу феодалов за землю и рабочие руки в период создания Русского централизованного государства (XIV—XV вв.) отражают многочисленные акты феодального землевладения и хозяйства.

Изучение этих актов позволяет глубоко познать основные особенности базиса феодального общества, оформлению и укреплению которого активно помогала феодальная надстройка.

Помещаемые в данном разделе акты дают возможность показать многообразие отношений, складывающихся в феодальном обществе, помогают выяснить и понять происхождение и развитие правовых норм феодального государства, закрепляющих феодальную собственность на средства производства и в первую очередь на землю.

Одновременно приводимые акты позволяют с достаточной полнотой нарисовать картину развития важнейших правовых институтов, в том числе таких, как право собственности, обязательственное право, залоговое право, наследственное право и т. д. Указанные акты особенно важны потому, что законодательные памятники исследуемого периода не содержат никаких постановлений по целому ряду правовых институтов. Так, например, дошедшие до нас акты свидетельствуют о наличии на Руси развитой системы договоров, в то время как уставные грамоты и судебники почти не отражают развития обязательственного права.

Таким образом, акты феодального землевладения (данные, меновные, купчие, деловые, закладные и другие грамоты) и акты, относящиеся к истории феодального хозяйства (духовные грамоты, кабалы полные, докладные, служилые и пр.), наиболее ярко характеризуют экономический строй феодального общества, его правовые учреждения, рисуют важнейшие черты развития феодальных отношений в период образования Русского централизованного государства.

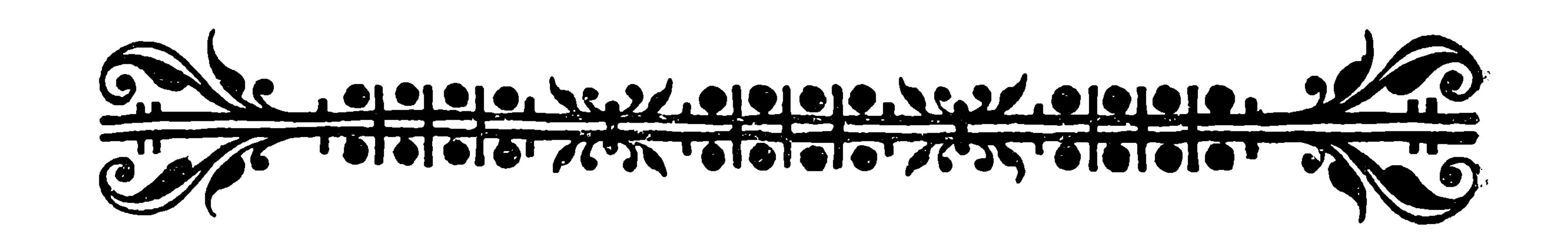
До нас дошло большое количество подобных актов XV века, в основном хранившихся в архивах духовных феодалов (митрополита, монастырей). Эти акты отражают стремление церковных феодалов к сосредоточению в своих руках крупной земельной собственности, рисуют борьбу дворянства за создание и расширение своих феодальных владений и одновременно — борьбу черносошного крестьянства против активного наступления феодалов на его права.

Находящиеся в числе этих актов полные докладные грамоты и служилые кабалы являются наглядным подтверждением стремления феодалов к увеличению количества зависимых людей — основной рабочей силы феодального хозяйства. Хотя формально эти акты и не говорят о похолоплении должников, фактически отношения, оформляемые ими, являлись отношениями феодальной зависимости.

Ниже публикуются наиболее интересные акты подобного рода, ярко характеризующие гражданское право исследуемого периода.

К актам феодального землевладения и хозяйства, помимо перечисленных выше групп актов, относятся также документы, фиксирующие феодальные права и привилегии землевладельцев (жалованные, несудимые, тарханные, льготные грамоты). Вследствие их особого значения они выделены в специальный раздел.

[1483—1488 гг.]

ВЫКУПНАЯ ГРАМОТА ДМИТРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ШЕИНА — МОРОЗОВА, ВЫКУПИВШЕГО У ИГУМЕНА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ МАКАРИЯ СВОЕ СЕЛО ЛАВРЕНТЬЕВСКОЕ И ДР. ПОШЕХОНСКОГО УЕЗДА

Се яз, Дмитреи Васильевич Шеин, купил есмь у Троицьскаго Сергиева монастыря игумена у Макарья, и у келаря Веньямина, и у всех старцев Сергиева монастыря свою отчину, землю село Лаврентьевьское да Ивановьское, да Тупиковское дворищо, да Роканово селище, да луг на Шексне Шашпал на усть Нахты, да Тетерин наволочек со всем с тем, что к тем землям потягло из старины, куды плуг, и топор, и коса, и соха ходила, что дала мати наша Стефанида по своем сыне по Семене по Баташе да и яз. А дал есмь на тех землях пятнатцать рублев за пополнъка корову.

А на то послуси: Прокофеи Скурат Зиновьев сын Станищова, да Гридя Калитин, да брат его Федко Калитин.

А грамоту купчюю писал слуга монастырской Гридя Подгубок.

А запечатали сию грамоту печатью келарьскою Сергиева монастыря.

АСЭИ, т. I, № 509

[1447—1455 гг.]

ДАННАЯ ДЕНИСИЯ САВИНА СЫНА КЛИМЕНТЬЕВА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ИГУМЕНУ МАРТИНИАНУ НА ДЕРЕВНЮ КАБАНОВСКУЮ С ПУСТОШАМИ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДА

Се яз, Денисе Савин сын Климентьева, дал есми в дом живоначалной Троице свою деревню Кабановскую, и с пустошми, и с лесом, да селище, Скориково да Васильевское, да Бытыицево со всем с тем, что к тои деревне и к тем пустошом потягло истарины, куды топор, и коса, и соха ходила. А дал есми святои Троице в дом в Сергееве монастыре игумену Мартиниану з братьею по своих родителех да и по своеи душе.

А на то послуси: Василеи Хозя, да Иван Дьяконов, да Степан иконник, да Ефим Бородатои.

А грамоту писал Олешко Галка.

АСЭИ, т. I, № 206

[Около 1480-х гг.]

ДЕЛОВАЯ ГРАМОТА СТАРЦА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ФЕОГНОСТА НА СЕЛО ЛАЗАРЕВСКОЕ И ДР. ИНОБОЖСКОГО СТАНА ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА

Се яз старец Фегнаст Сергеева монастыря розделил есмь землю своим детем: дал есмь своей дщери [1] Ульяне в приданыи Ворохобино, а сыну своему Захарью дал есмь село Лазоревское, а дщери [1] своей Екатерине, как взростет, велел есми ей дати сыну своему Захарью деревню Ботвиньево. А разъехал есмь Ворохобино с Лазоровским: Нардановская дуброва да лугом к Лазореву по конец Окуловского

[1] *В тексте* тщери.

врага, поперег лугу по овинную яму. А грани есмь клал по перехресной дороге с хрезца по дорозе через Улитино селище, по дорозе, правая сторона к Ворохобину, а левая к Лазоревскому.

А на розъезде был Онтон Ежевский, Борис Тимошкин, дворской, Семен Сидоров Сотников, Матфей Труфанов, Костя Еремеев.

А сю грамоту писал чернец троецкой Александр Кондак.

А запечатал есмь грамоту своею печатью белетскою.

Печать на черном воску. Году не написано.

АСЭИ, т. I, № 543

[1392—1427 гг.]

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ПАТРИКЕЯ СТРОЕВА

Во имя отца и сына и святого духа. Се яз, раб божеи Патрекеи, отходя сего света, своим целым умом пишю грамоту душевную, где ми што взяти, кому што дати.

Взяти ми на Пануте рубль, на полтину косити ему искос, на полтину взяти два борана. Взяти ми на брате на Панутине на Онисиме полтину, на то взяти искос. Взяти ми у Ермака у Огофонова полтину да две овчины. Взяти ми у Фоки да у Пантелеика полтину да овчину. Взяти ми в Охотине на Устинке полтину да боров. Взяти ми на Якуше на попове зяте на Офонасове семь гривен.

А дати ми Фегносту два рубля. Дати ми Васияну Ондронову полтину. Дати ми Костену брату четыре рубли, Дати ми на Москву кому Климу четыре гривны.

А дал есмь двем своим сыном болшим Доронке да Фетку кобылка гнеда, лонская, а Доронке кобыла гнеда да корова пестрая болшая да вол бурои да другои чернои.

А жене моеи своими детми [1] кобыла савраса жеребятем, да кобылка голуба, да две коровы, черная да бурая, да вол редр.

А што моего хлеба, ржи ли яри ли, то им по жеребием. А што им сеяти ныне рожь в земле, то им по половинам.

---

[1] *В тексте* дтми.

А двое конев есмь велел брату своему Костену продати да долг заплатити, жеребчик ворон да кобылу карую.

А по своеи[1] душе дал есмь село Игнатьевское да трои пчелы святои Троице в монастырь.

А приказал есмь свою жену и свои детки[2] и где што взяти, кому што дати, брату своему Костену.

А над головою сидел отец мои душевны игумен Никон.

А на то послуси: Иван Беклемишев, Клим Данилов, Клим[3] Молотило да Пянтельи.

А грамоту душевную писал Васук попов сын Иванов.

А запечатали есмь вси послуси одиною печатью хрес-цем[4].

На обороте: А по сеи[5] душевное брата моего, што ми велел двое коньв продати да долг заплатити; и яз их продал да заплатил долг: Парфенью дал е три рубли, досталь земново серебра, Фегнасту заплатил игумнову сыну два рубля, Касьяну рубль заплатил. У Ермака взята полтина да плачена Васьяну старецу да две овчины Ондронову сыну. На Фоке да на Пантелеике взято полтина[6].

У грамоты остатки вислой желтовосковой печати.

АСЭИ, т. I, № 11

[Около 1447—1455 гг.]

ЗАКЛАДНАЯ КАБАЛА ВАСЮКА НОГИ ЕСИПОВА СТАРЦУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ГЕРОНТИЮ ЛИХАРЕВУ НА ЛУКИНСКУЮ ПУСТОШЬ УГЛИЦКОГО УЕЗДА

Се[7] яз, Васюк Нога Есипов сын, занял есми у троицкого старца у Геронтья Сергеева монастыря два рубля с четвертью московскими денгами ходячими по пяти гривен

[1] *В тексте* сво.
[2] *В тексте* дтки.
[3] *В тексте* Кли.
[4] *Фраза написана другим почерком.*
[5] *В тексте* се.
[6] *Фраза приписки написана тем же почерком, что и последняя фраза духовной.*
[7] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список с кабалы с старцовы Геронтьевы.

за полтину от Велика дни до Дмитреева дни. А в тех денгах ввел есми Геронтью свою землю Лукинскую пустошь по рубеж по Кашинской со всем, куда ходил плуг и коса и топор. А за рост Геронтью ту пустошь Лукинскую косити. А не выкуплю яз тое пустоши на срок на Дмитреев день, ино Геронтью на ту мою землю ся кабала и купчая грамота.

А на то послуси: Назар Скрыпицин, да Аврам Бывалцов, да Гридя Пуминов, да манастырской слуга Мяхкой.

А кабалу писал Федко Голохвастов.

А на сю кабалу изусные не взяти не доложа человека старешаго.

Подпись на кабале: Став перед Климентьем Григорьевичем Васко Есипов Нога сказал, что занял у троецкого старца у Геронтья два рубля с четвертью и сю кабалу на себя дал. Да и то сказал, что ввел Геронтью свою пустошь Лукинскую пустошь по рубеж по Кашинской в сех денег, что в сей кабале писано. И Климентей Григорьевич к сеи кабале и печать свою приложил.

А подписал дияк Семен.

АСЭИ, т. I, № 216

[1392—1427 гг.]

ЗАПИСЬ ИВАНА СВАТКА О ПЕРЕДАЧЕ ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ НИКОНУ ЗА ДОЛГ ПУСТОШЕЙ СТОЛБЦЕВСКОЙ И ДР. ВЕРХНЕДУБЕНСКОГО СТАНА ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДА

Се[1] яз, Иван Сватко, что есми был виноват своему господину игумену Никону десятью рубли, и яз за ту десять рублев дал свою пустошь Столбцевскую да Микиткинскую пустошь да[2] Ивакинскую и с лесом и што к ним потягло. А лучится ми смерть, и им поминати мою душу.

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Списки з даных и с купчих с Сватковских деревень.

[2] *Так в списке ГБЛ Троицк. кн. № 520. В кн. № 518, по которой грамота публикуется, слово* да *отс.*

А на то послуси: Василей Борисович, сын его Иван да Мардар.

А грамоту есми дал бес печати.

АСЭИ, т. I, № 12

[1448—1461 гг.]

ЗАПИСЬ ЛОГИНА КОРЫТКОВА О ЗАПАХАННОЙ ЕГО КРЕСТЬЯНАМИ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ ЗЕМЛЕ МОНАСТЫРЯ КОНСТАНТИНО-ОЛЕНИНСКОГО

Се яз, Логин Корытков, что есмь поорал землю митрополичю Костянтино-Оленскую и господин мой Иона митрополит Киевский и всеа Руси меня пожаловал, тое ми землицу посеяти и хлеб ми велел с нее сняти. А по то место мне, Логину, в ту церковную землю не вступатись без господинова повеленья без митрополичя. А что мои християне тое землю поорали митрополичю, а те мои християне дадут наем с тое земли, как идет в людех. А дал есмь сю грамоту на себя господину своему Ионе митрополиту Киевскому и всеа Руси о том, по тому ми та земля не осваивати.

А на то послуси: Иван дьяк Куладар да Иван Ларионов.

А грамоту писал Лука митрополич.

АФЗ и Х, т. I, № 202

[1461—1465 гг.]

ЗАПИСЬ ФОМЫ ДАНИЛОВА ФОМИНА О НЕОСВОЕНИИ ИМ ПУСТОШИ ПОСЕЧЕНСКОЙ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДА, ДАННОЙ ЕМУ МИТРОПОЛИТОМ ФЕОДОСИЕМ ВО ВРЕМЕННОЕ ДЕРЖАНИЕ

Се яз, Фома Данилов, что мя пожаловал государь мой Феодосий митрополит всеа Руси пустошью Посеченкою и с лужком с Ямником да и с Великим лужком на речке на

Печкуре и с всем, что к ним потягло. И мне, пашучи, их себе не осваивати, ни продати, ни променити, ни отдати никому, а впрок то земли церковные пречистыа Богородици да и митрополичи по старине.

А на то послуси: Иван Мануйлович, да Акакии казначей митрополич.

А грамоту сию писал Кожух дьяк.

А запечатал Фома сю грамоту своею печатью.

АФЗ и Х, т. I, № 121

[Около 1470—1490 гг.]

КУПЧАЯ ЕСИПА АНДРЕЕВИЧА, КУПИВШЕГО СЕЛО ВАГАНОВО С ДЕРЕВНЯМИ ВЛАДИМИРСКОГО УЕЗДА ВЫШЕГОРОДСКОГО СТАНА У ИВАНА ЗЛОБЫ АНДРЕЕВА СЫНА СТЕПАНОВИЧА БАСАРОВИТИНОВА

Се яз, Есип Ондреевич, купил есми у Ивана [1] у Злобы у Ондреева сына у Степановича у Басаровитинова его село Ваганово в Володимерьском уезде, отца его куплю, и з деревнями с-Ывешеневым да з Бурьдуковым и со всем с тем, что к тому селу [2] потягло ис старины и к деревням земли и луги и лес, и с лугом Назарьевзьским, куды ис того села и из деревень топор, и плуг, и коса, и соха ходила, со всем с тем, как то село и деревни и земли того села б[ы]ли [3] за Ондреем за Степановичем и за его сыном за Иваном за Злобою. Дал есми на нем восмьдесят рублев да пополнъка конь. А купил есми то село з деревнями и со всем собе и своим детем впрок, без выкупа.

А на то послуси: Иван Непеицин, да Булгак Петров, да Игнатеи Яковль сынь Бестужова.

А грамоту писал Одинец Семенов сын Москотиньева.

А ся грамота бес печяти.

АСЭИ, т. I, № 484

---

[1] *В тексте последние два слова повторены.*

[2] *В тексте слово повторено дважды.*

[3] *Грамота попорчена. Текст, помещенный в квадратных скобках, восстановлен по смыслу.*

[1428—1434 гг.]

КУПЧАЯ (ДОКЛАДНАЯ) ГРАМОТА ИГУМЕНА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ХРИСТОФОРА, КУПИВШЕГО ПУСТОШЬ КОЧЕВИНСКУЮ У ПАВЛА ФИЛИППОВА СЫНА В ВОЛОЧКЕ СЛОВЕНСКОМ НА БЕЛООЗЕРЕ

Доложа Григорьева тиуна Ивановича Головы, се яз, Христофор игумен, купил есми пустош Кочевиньскую у Павла у Филиппова сына. Дал есми на ней полтину да дест бел.

А купил есми Пречистои в дом.

На то послуси: Епифанеи чернец, да Ивашко Головко, да Семен Ильин. А докладницу писал Окиш Негодяев сын. А запечатали есмя хрестьцом.

Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря, СПб., 1900, № XXIV

1506—1507 гг.

КУПЧАЯ (ПОСИЛЬНАЯ) НА ЧАСТЬ ДВОРА И ЗЕМЛИ С УГОДЬЯМИ НА ОСТРОВЕ СОЛОТКОВЕ, ПРОДАННЫЮ ТИТОМ ВАСИЛЬЕВЫМ СЫНОМ НИКИФОРУ ФРОЛОВУ СЫНУ

Се яз, Тит Васильев сын, продол есми Микифору Фролову сыну в полуострове Солодком треть князя великого земли орамых земель и пожень и двора и [дворищо] [1] и притеребов треть и со всими угодьи. А взял есми Тит у Микифора осмь гривен на посилье.

А на то послуси Фефилат Лавентеев сын да Микита Прокопьев сын.

А посильную писал Останя Онофреев сын лета 7000 пятогонадесять.

Сборник Грамот Коллегии Экономии, т. I, № 48

---

[1] *Текст попорчен. Восстановлен по списку.*

[1428—1432 гг.]

МЕНОВНАЯ ЕСИПА САВЕЛЬЕВИЧА НА ОСЬМИНУ ВАРНИЦЫ В ВЕРХНЕМ КОЛОДЯЗИ У СОЛИ ГАЛИЦКОЙ И ДВОР ШИШКИНСКОЙ, ПРОМЕНЕННЫЕ ИМ НА ТОЛПОХОВСКОЕ СЕЛИЩЕ И ЛУЖОК ЗА РЕКОЮ ВОРЕЙ

Се яз, Есип Савельевич, менил есмь с Савою с ыгуменом Серг[иева] [1] манастыря, что у меня у Галичьское Соли осмина в варници на Верхънем колодязи воды да двор Шишькиньскои. А въсхочет Тихмен моего двора, ин отведет свои двор с хоромы да п[очи]нок Резановьскои и что к нему потягло, куде соха ходила, куде топор ходил, куде коса ходила и с лесом, что к тому починку потягло издавна.

А заменил есмь у игумена у Савы Толпо[хов]ьское [2] селище с лугом да и противу селища лужок за рекою за [Во]рею.

А на то послуси: Венедикт Шарапов, Симан Данилов сын Верхобеньского да братанич его Григореи чернец.

АСЭИ, т. I, № 68

[1392—1427 гг.]

ОТВОДНАЯ ГРАМОТА АЛЕКСАНДРА НИКИТИНА СЫНА РАХМАНОВА НА СЕЛО НЕФЕДЬЕВСКОЕ В ВОЛОСТИ ВОРЕ МОСКОВСКОГО УЕЗДА

Се [3] яз, Олександр Микитин сын Рахманова, отвел есми игумену Никону земли, ино есми ему продал свою вотчину село Нефедьевское и з деревнями от Соимиря по

---

[1] *В квадратных скобках помещен текст, попорченный в подлиннике.*

[2] *В списках XVII в.* Селезовское.

[3] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список с отводные грамоты с Нефедьевские.

огороду да по Степанещов враг да ото врага на ель, а от ели на вяз, а от вяза на болотцо да по Семеновскую по старую межю да по Щитниковской враг да врагом по воду к Воре к реце да по реце Воре вниз, да от Вори от реки по Соколовскую по старую межу, да межи Токмаковым и Баскаковым по старой меже, да межу Голыгиным и Степанещовым по старой меже, да меж Неверовым Семеновским по старои меже, да меж Федоровым и Неверовским по старой меже да от Косачова по старой меже да от Ламана по старую межу, — а ту землю Яковлевскую отвел Александр да поп Максим. Да Талицою рекою вверх да тою жо земли за Талицою два лужка от Куликова да от реки от Талицы по Потепнинскую по старую межу, да от Щербининского по старую межу, да межи Чернятина и Бобровым по старую межу, да в реку в Талицу, да по Соймирь до Фомины межи.

А на отводе были: Григорей Гарман, Фома Паюсов, Родивон Скобелцын Лодыга, Олексейко Кобылников, Нестер Ртищов, Семенко Белый.

А грамоту писал Столыпа.

АСЭИ, т. I, № 9

[1473—1489 гг.]

ОТСТУПНАЯ ГРАМОТА И. Н. БЕКЛЕМИШЕВА МИТРОПОЛИТУ ГЕРОНТИЮ НА ДЕРЕВНЮ, ПОСТАВЛЕННУЮ ЕГО ОТЦОМ Н. В. БЕКЛЕМИШЕВЫМ НА МАНАЧУКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ ЮРЬЕВСКОГО УЕЗДА

По [1] приказу отца своего Никиты Васильевича Беклемишова, се яз, Иван Никитин сын Васильевичя, что был отец мой Никита поставил деревню на митрополче земле на Маначюковской, от Калманские земли за отводом Луки Кезомина, и яз, Иван Никитин, сын по приказу отца своего Никиты тое деревни отступился своему господину Ге-

[1] *В тексте над строкой:* А се грамота того ж сельца Маначюковского на деревню.

ронтию митрополиту всеа Руси по отводу Луки Кезомина от Калманские земли.

А на то послуси: Иван Васильевич, да старец Сава троецкой Сергиева монастыря приказники отца моего Никитины.

А сю грамоту писал яз, Иван Никитин, сам своею рукою.

А запечатал есмь ее перстнем отца своего Никитиным.

АФЗ и Х, ч. I, № 153

[1410—1431 гг.]

ОБВОДНАЯ ГРАМОТА НА ЗЕМЛИ НОВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

А се ободу земли церковнои пречистей богородицы Новинского монастыря. А пошло ото князя Володимера Андреевича и от его княгини Олены Волгирдовны. И первое больший двор был князя Володимера Андреевича на трех горах с церковью. А село его было Большее Кудрино. А к тому селу тянули деревни: Онаньина деревня, да Обельмицына деревня, да Безстужева деревня, да Офонасовская деревня, да Давыдкова деревня, да Диаконова деревня, да Перепецина деревня, да Краскова деревня, да Редкина деревня, да Выпрежкова деревня, да Радукина деревня, да Валчина деревня, да Захарова деревня, да Тимошкина деревня.

И после живота князя Володимера Андреевича княгини его княгиня Олена Волгирдовна дала то село Кудрино и со всеми деревнями и с селищи по реку по Ходыню, да по Беседы, да по Тверскую дорогу, да по липы, да по Сущовскую межю, да по Хлынову, да Городцкое поле, да по Мажайскую дорогу, да по перевоз. А дала по своем князе и по своих родителех в дом пречистей богородицы Фотею митрополиту всеа Русии. И Фотей митрополит тую землю со всем с тем дал в Новый свой монастырь Введенью святей богородици на Присну. И при животе Фотея митрополита в том манастыре многии игумены были, а тою церковною землею володели по реку по Ходыню, от игумена от

Грача, а от Грача до Фегнаста, а от Фегнаста до Хохла, а от Хохла до игумена до Андрияна, а от Андрияна до Галасиа, а от Галасиа до Иева до Белых рук, а от Иева до Макариа до Сати, а от Макариа до Савы, а от Савы до Еуфимья до Монзикова, а от Еуфимья до Гарасима до Зеленого, да от Гарасима от Зеленого до игумена до Сергия, а от Сергия до игумена до Гарасима, а от Гарасима до игумена до Филимона, а от игумена от Филимона до игумена до Парфенья.

А подпись на грамоте: смиренный, Фотей митрополит всеа Русии.

А печать у грамоты пречистые образ.

АФЗ и X, т. I, № 31

[Около 1455—1456 гг.]

РАЗЪЕЗЖАЯ ДОКЛАДНАЯ ГРАМОТА ИЛЕМЕНСКОЙ ЗЕМЛИ КНЯГИНИ ЕВФРОСИНИИ ДМИТРОВСКОЙ ОТ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ЗЕМЛИ БОБОЛИ И ТУРЬИХ ГОР

По великого князя Василья Васильевича, разъехал землю Василеи Оньдреевич княгинину Офросиньину Илеменьскую с великого князя з землями з Боболью, с Турьими горами, с Ловышиною. И възьехав на Ловышинскую землю на Захарову деревню, и Микула Паръфеньев княгинин Офросиньин да с ним илемничи, поимался за Захарову деревню и за землю да за Микулины Чиркова новины да за Чепелеву поляну, а зовучи те земли княгиниными Офросиньиными землями Илеменьскыми лет за тритцать, и дерн резал и за люди дал, и воимяновал на те земли знахори Саву Водринского да Овдея. А сотник ловышинскои Ульян с сваею братею Гавш[ею да с] [1] Карпом с Масягиным и с своим товарыщи с Захаром и с иными ловышинци зовут те земли великого князя землями Ловышинскою. И воимяновали на ту землю знахореи Олешка, да Проню, да Василя Волка, да Павлика Юдина сына сотникова, что то земля Ловышинскаа за сорок лет.

[1] *Текст, помещенный в квадратных скобках, попорчен.*

И знахори обои перед Васильем стали. Илеменскые знахори назвали ту землю Илеменьскою землею за тритцать лет, а ловышинскые знахори назвали ту землю великого князя землею Ловышинскою за сорок лет, и за поле поимались.

И Василеи поставил истьцов обоих и знахореи обоих перед великым князем и доложил о том великого князя.

И князь великы въспросил истцов и мужеи: «Был ли вам таков розъезъд и суд о тех землях перед Васильем?» И истьци и знахори обои так рькли: «Таков, господине, был нам розъезд и суд».

И князь велики велел Василью присудити им поле.

И княгиня Офросинья Микуле Парфеньеву и своим илемничом на поле лести не велела битися, ни их знахорем, а отступилася тех земель Захаровы деревни, да Микулиных Чиркова новин да Чепелевы поляны великому князю. А положила княгиня Офросинья на душах на тех сотницех и на хрстьянех, на тутошних старожилцех, которые в тех землях живали, на боболском сотнице и на его братьи на Ванюте, да на Ондрейке на Окулове и на их товарищех, да на туреиском сотнице на Якуше и на его братьи, на Трофиме на Санине, и на Ольфиме Санине, и на Олтухе на Гужове и на Павле Иванове и на Монахе Ильине и на их товарищех, да на ловышинском сотнике на Ульяне и на его братьи, на Гавше и на Карпе на Масягине и на Курьяне на Зернове.

И те сотникы и те старожилци повели по старым поделем по старине: с Обжерова поля по конець Маринины деревни да на Юрьевьскои дуб, да с дуба на межу на Туреискую на Васильево поле на Китаево, на клен, по ржищу по Китаеву, да на иву, а от ивы на деревню, а от деревни на Ловышинскую землю, на Олешкову деревню по меже, а по Китаевои же земле, да позади Захаровы деревни на Плешкову пустошь на заполицу от дуба, по лес, и по дубью по старине по Моруево болото, да по Верину изгороду на Моруево селищо да печищо да на клен, а с клену на вымол по Микулину изгороду Чиркова, да на дубовои пень да на Сенкину межу, на ель да на клен, да по Мосеикову пустошь конець Микулина поля Чиркова да на горелои дуб, да на Боковскую заполицу в краи по дуб, позади Микулиных новин Чиркова и позади Чепелевы поляны. И отвели те

сотникы и мужи старожилци Илеменскую землю к Илеменьскои земле, а великого князя земли к великого князя землям.

И розъехав Василеи земли, да поставил тех сотников и тех мужеи старожилцов всех перед великым князем.

И князь великы въспросил тех сотников и старожилцов: «По тому ли есте розъехали те земли?» И сотникы и мужи старожилци все так рькли: «По тому, господине, розъехали есмя те земли, по тому отводу по старине».

И князь великы велел дати Басилью грамоту розъездную илемничом на Илеменскую землю от великого князя земль, а сотником боболскому и туреискому и ловышинскому дать велел грамоту от Илеменскых земль.

И по великого князя слову, Василеи Ондреевич дал грамоты розъездные на обе стороны.

А на розъезде были с Васильем и с теми ж сотникы и с мужми и с старожилци дети боярьскые, тутошние жилци Микула Чирков, Федор Киров, Юрьи Бескунников Тишина, Илья Григорьев, Терех Петров, Микита Борзои.

АСЭИ, т. I, № 257

1510 г.

СЛУЖИЛАЯ КАБАЛА С ДОКЛАДА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АГРАФЕНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ, ВДОВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РЯЗАНСКОГО ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, О ЗАЙМЕ АКСИНЬЕЙ ДЬЯКОНОВОЙ ТРЕХ РУБЛЕЙ У ИВ. КОНЧЕЕВА С ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ ЗА РОСТ РАБОТАТЬ

Доложа [1] великие княгини Огрофены боярина [2] Федора Ивановича Сунбула, се яз, Оксинья Михайлова жена Дьяконова, заняла есми, господине, у Ивана у Олтуфьева сына

[1] *В тексте* долож. *В тексте над строкой:* Список великие княгини Огрофены с докладной.

[2] *В рукописи* з докладной.

Кончеива три рубли денег от Рожества Ивана Предотечи на год и те есми денги дала мужу своему Михайлу Дьякону Борисову сыну. А за рост мне у Ивана иду вана[1] работать; а не похочю у него работать до сроку, и мне ему денги его дать все и с ростом по росчету, как дают на пять шестой. А полягут денги по сроце, и мне у него за рост работать по тому ж, а не отниматися мне у него от сея кабалы ни полетною, ни изустною.

А на докладе были Пакрат Михайлов сын Катов да Семен Тимофеев сын Денижников лета 7018.

А подписал великие княгини дьяк Федор Матвеев.

У подлинной печать на черном воску.

Акты Юшкова, № 78

[Конец XV в.]

ЗАПИСЬ О ДОКЛАДНОЙ ГРАМОТЕ НА АНДРОНИКА С ЖЕНОЮ И ДЕТЬМИ

Полная. Доложа Василья Федоровича, Михайло Тирков купил у Есипа у Есипова сына Овцына Андроника з женою с Матренкою з детми Степанком, да с Протасейцом, да с Маурицею, да с Настасьицею, да с Катеричецею и с полницы в полницу, а дал на них восмь рублев. И Андроник сказал, что он з женою и з детми и с полницы в полницу[2] продались. У полные петчать вощаная измята.

И по той де полной пращура их Михайла того Ондроникова и его детей роду служили у них, а ныне бегают: Лаврентейко, прозвище Первушка, Марков сын, да брат его Матюшка, да Кирилко, да Ивашко, да сестра их Парасковьица Олексеевы дети; и Кирилко да[3] Ивашко живут в Копорском уезде, да сестра их Парасковьица бегает. Да Марьица Онисимова дочь, прозвище Белка, бегает.

Записная книга крепостным актам, № 516, РИБ, т. XVII, стр. 192—193

[1] *Так в тексте.*
[2] *В тексте* полницы.
[3] *В тексте* де.

ЗАПИСЬ О ДОКЛАДНОЙ ГРАМОТЕ НА ТИТКА ПЕТРОВА СЫНА ФАТЬЯНОВА С СЕМЬЕЙ

Полная. Доложа Дметрея Давыдовеча, наместнека Костромского, Ондрей и Русин Михайлов сын Тиркова купил собе и своим детем Титка Петрова сына Фатьянова, да его жену Анницу, да его детей: Макарца да Гридицу в полницу; взяли на собе четыре рубли, продались по своей воли. От Василья Федоровича тамгу и осмичее взяли Федор Булава, от Дметрея Давыдовича тамгу и восмичее взял Ивашко Данилов. Послуси писаны. Полную писал дьяк Костромской Болобан. У полные [1] печать, писано в кругу пятно.

И по той полной прадеда их Ондрея и Русина Михайлова сына Тыркова и того де Титкова роду и его детей служат у них: Овдокимко, прозвище Трешка [2], Мамонтов сын Докучаев, а Тимошка брат его да сестра Ховроньица от них бегают: да Офонка с сестрою с Парасковьицею Степановы дети у них служат, да Осипко, прозвище Беляйко, Олексеев сын, да брат его Петрушка, да сестра Матренка у них служат; да Овдокимко да сестра его Оксеньица Оверкиевы дети у них служат; а Оксеньица сестра его замужем за Юшкою за Катайком за Ивановым сыном, у них служат; а в холопстве де у них Китайко прижил детей; Намелфицу, прозвище Чернуху, да Марьицу, да Полашку, да сына Лазарка, да дочь Просковьицу, служат у них; а Катайкова де дочь Чернуха за Куземкою; да Ховроньица Осташкина дочь замужем за Гришкою Ермолиным, служат у них; да Парасковьица, прозвище Любка, замужем за Ивашком за Григорьевым сыном.

Записная книга крепостным актам
№ 517, РИБ, т. XVII, стр. 193—194

---

[1] *В тексте* полны.
[2] *В тексте* Трешшка.

[Конец XV в.]

ЗАПИСЬ О ДОКЛАДНОЙ ПОЛНОЙ ГРАМОТЕ НА ВОЛЬНУЮ ДЕВКУ ОВДОТЬИЦУ ИВАШКОВУ ДОЧЬ, ВЫХОДЯЩУЮ ЗАМУЖ ЗА ХОЛОПА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ИВАНУ ФЕДОРОВУ НОВОКЩОНОВУ

Докладная. Бил челом Якову Захарьевичу неместнеку Коломенскому Иван Федоров сын Новокщонов, поставя паропка холопа своего Захарца Гридцына сына да девку Овдотьицу Ивашкову дочь Костыгина; а сказал, что тот де его ч[еловек] Захарец полной, а девка волная идет за того его холопа Захарцу; а по его холопи далась ему в робы.

У докладные печать вощаная.

Записная книга крепостным актам № 359, РИБ, т. XVII, стр. 131

Историко-правовой обзор

1483—1488 гг. Выкупная грамота Дмитрия Васильевича Шеина-Морозова

В середине XV века обостряется борьба феодалов за увеличение своих земельных владений. Немалую активность в этой борьбе проявляют духовные феодалы, расширяющие церковное землевладение за счет захвата крестьянских земель и присоединения вотчин светских феодалов. Одним из наиболее распространенных способов увеличения земельных богатств церкви были вклады светских землевладельцев в монастыри «на помин души» (ср. ниже «данную Денисия Савина»).

Монастыри стремились закрепить в качестве своих постоянных владений вотчины, которые отходили к церкви как вклад «на помин души». Однако светские феодалы, не менее духовных заинтересованные в увеличении своих земельных богатств, всячески отстаивали право выкупа

земель, вложенных их родственниками в монастыри. В конце XV века, когда борьба между феодалами за землю резко обострилась, это право осуществлялось особенно часто.

Приводимая грамота является правовым оформлением выкупа родовой вотчины Дмитрия Васильевича Шеина-Морозова, данной его матерью (Стефанидой, вдовой боярина Василия Михайловича Шеи-Морозова) в 1476 году Троице-Сергиеву монастырю.

Куды плуг, и топор, и коса, и соха ходила — со всеми освоенными землями. Формула эта уходит своими корнями в глубокую древность, свидетельствуя еще о подсечном земледелии (упоминание о топоре), об отсутствии четко выраженных границ земельного участка, окруженного лесом. В XV веке приводимая формула утратила свое первоначальное значение и употреблялась как общее определение всех земель, относящихся к объекту пожалования, купли-продажи и т. п.

А дал есмь на тех землях пятнатцать рублев да пополнъка корову. Пополнъка — дополнение. Упоминание о пополнъке показывает, что при совершении акта купли-продажи сохраняли свою силу архаические пережитки того времени, когда вместо купли-продажи существовал лишь акт мены. Добавляемая к покупной сумме в качестве «пополнъки» корова и является подобной данью архаическим пережиткам.

1447—1455 гг. Данная Денисия Савина

Перед нами обычная данная грамота, то есть документ, оформляющий акт дарения светским феодалом земельных владений монастырю. Как правило, в XV веке подобные грамоты были весьма лаконичны и содержали следующие сведения:

1. Имя феодала, делающего вклад, и наименование монастыря, получающего этот вклад.

2. Имущество, составляющее предмет дарения. В помещаемой нами грамоте — это четыре деревни со всеми владениями, прилегающими к ним.

3. Обозначение границ земельных владений, вошедших в состав вклада. В данном случае даритель указывает границы отводимых земель по обычной формуле: «куды топор,

топор и коса и соха ходила». В некоторых грамотах уже дается четкое описание границ земельных владений («отвод»).

4. Конечный протокол, в который входят имена послухов, присутствующих при составлении акта дарения, и писца, оформляющего данную грамоту. Приводимую нами грамоту писал монастырский слуга.

Тексты данных грамот к концу XV века претерпели некоторые изменения. Их обычный формуляр дополнился указаниями, что земля передается навечно — «впрок без выкупа». В этом были крайне заинтересованы духовные феодалы, чтобы пресечь стремление родственников дарителя выкупить после его смерти полученное церковью имущество.

Поскольку в практике встречались случаи выкупа у духовных феодалов вложенных земель (см. выше выкупную грамоту Дмитрия Васильевича Шеина-Морозова), то в ряде данных грамот монастыри старались обеспечить себя от возможности подобных покушений на свои земельные владения, требуя от вкладчика оговорить в данной грамоте запрет выкупа владений, составлявших предмет вклада. Иногда способом обеспечения монастыря от притязаний родственников дарителя являлось привлечение их в качестве послухов при совершении акта дарения (вклада).

Данные грамоты являются ценнейшими документами для изучения истории феодального землевладения.

Дата публикуемой грамоты установлена по времени игуменства Мартиниана (1442—1455 гг.). Как правило, данные грамоты и другие акты феодального землевладения, лишены хронологических указаний, а также заверительных подписей свидетелей на обороте («к сей грамоте руку приложили...»). Подписи послухов и дата выдачи документов получают распространение в 10-х годах XVI века, что объясняется обострением борьбы за землю и увеличением значения письменной документации как судебного доказательства.

В дом живоначалной Троице — Троице-Сергиеву монастырю.

Олешко Галка — монастырский слуга. О нем см. АСЭИ, т. I, № 205, 267.

Около 1480 г. Деловая грамота старца Феогноста

Деловые грамоты служили обычно дополнениями к духовным грамотам и являлись актами, закрепляющими раздел имущества завещателя между его наследниками. В грамоте, как правило, указывалось происхождение делимого имущества, то есть от кого и на каком основании это имущество перешло к участникам раздела.

Количество экземпляров грамоты (противней) зависело от количества наследников.

Приведенная деловая грамота несколько иного типа. Землевладелец-феодал постригся в монастырь. Будучи «старцем», он формально не может помышлять о земных богатствах, но его волнует судьба своих земельных владений, и он спешит внести ясность в распределение своего имущества между детьми. Одной из дочерей Феогност дает в приданое село, а другой указывает на обязанность выделить из данных ей ранее владений село брату, повидимому, еще малолетнему. С целью избежать возможных споров о границах владений детей Феогност в присутствии свидетелей сам определяет эти границы.

Фегнаст — упоминается в акте, написанном до 22 августа 1482 г. (АСЭИ, т. I, № 499). Отсюда и дата деловой.

Врага — оврага.

С хрезца — с перекрестка дорог.

1392—1428 гг. Духовная Патрикея

Говоря о праве наследования в эксплуататорском обществе, Маркс указывал, что «...законы о наследовании являются *не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества*, которая основана на частной собственности на средства производства...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 336).

Дошедшие до нас завещательные распоряжения (духовные грамоты) русских феодалов являются яркой иллюстрацией к изучению производственных отношений феодализма, основанных на феодальной земельной собствен-

ности. Ряд духовных грамот XV века свидетельствует о росте задолженности крупных феодалов и разорении их хозяйств.

Духовные грамоты составлялись на смертном одре («отходя сего света»), во время болезни или же перед отправлением в военный поход. Приведенная грамота — одна из самых ранних дошедших до нас грамот Северо-Восточной Руси — является типичным образцом завещания землевладельца, не принадлежащего к верхушке феодального общества. В силу этого мы не находим здесь пространных распоряжений о разделе вотчин и судьбе «людей» феодала (холопов). Отпуск на свободу холопов по духовным грамотам XV века — характерное явление, свидетельствующее о постепенном изживании холопства на Руси. Завещатель лишь упоминает о даче одного из своих сел «по своей душе» в монастырь. Это предписание завещания показывает один из путей, при помощи которых церковные феодалы «округляли» свои земельные богатства.

Основное внимание завещателя направлено на взыскание долгов и выплату, в свою очередь, сумм кредиторам.

Исходя из текста грамоты, можно полагать, что завещатель часто давал деньги взаймы.

Распределяя оставшееся имущество среди членов своей семьи (жены и детей), завещатель поручает исполнение завещания своему брату, повидимому, оставляя ему в качестве вознаграждения крупную сумму денег («четыре рубли»).

На обороте духовной грамоты имеется запись душеприказчика об исполнении распоряжений завещателя.

Грамота датируется упоминанием троицкого игумена Никона (1392—1427 гг.).

В позднейшее время (XVI век) духовные грамоты приобретали силу лишь после того, как они были предъявлены митрополиту или епископу и утверждены (подписаны) им. Неоформленные по правилам духовные грамоты именовались изустными записями, которые приобретали силу при наличии подтверждающих показаний послухов и духовников.

Патрекеи — П. Строев, вотчинник Переяславского уезда. Около 1397—1427 гг. Строев купил у Парфена Иванова сына Сваткова село Игнатьевское Верхнедубенского стана (АСЭИ, т. I, № 10), упоминаемое в духовной.

Около 1447—1455 гг. Закладная кабала Васюка Есипова

Залог в XV веке регулировался нормами обычного права. В практике часто встречались случаи залога недвижимого имущества, в первую очередь земли. Залог весьма тесно соприкасался с актом купли-продажи, ибо заложенные земли переходили во владение залогопринимателя с правом полного распоряжения ими. Залогоприниматель (кредитор) получал даже право отчуждения (продажи) заложенного имущества. Залогодатель (должник) при уплате долга получал обратно заложенное имущество. Если залогодатель своевременно не погашал долга, то закладная, как правило, превращалась в купчую, и залогоприниматель становился собственником заложенного имущества. Часто актом залога маскировали продажу земли, чтобы избежать притязаний родственников продавца на обратный выкуп родовой вотчины.

Приводимая закладная кабала (письменное долговое обязательство) является яркой иллюстрацией такой замаскированной продажи земли: залогодатель оговаривает право кредитора владеть и пользоваться заложенной пустошью, причем прямо указывает, что в случае неуплаты долга «...Геронтью на ту мою землю ся кабала и купчая грамота». Таким образом, контрагенты данной сделки прямо рассматривали настоящий акт как купчую грамоту, оттягивая лишь оформление сделки в силу неизвестных для нас причин на срок «до Дмитриева дни». В первой половине XV века закладная кабала вступала в действие после утверждения ее на докладе у представителя княжеской администрации («доложа человека старешаго»).

Московскими денгами ходячими — деньги по московской денежной системе, согласно которой рубль равнялся 200 деньгам. В XV веке существовала еще новгородская денежная система (рубль = 216 денег).

А на сю кабалу изусные не взяти не доложа человека старешаго — при составлении закладной в ней специально оговаривается запрещение должнику распоряжаться заложенной землей в своем завещании (изустной грамоте). Свободу распоряжения заложенным имуществом мог предоставить лишь представитель великого князя («человек стареший»).

Перед Климентьем Григорьевичем — К. Г. Поливанов, углицкий наместник.

1392—1427 гг. Запись Ивана Сватка

Монастыри на Руси являлись крупными заимодавцами и ростовщиками. Духовные феодалы, сосредоточивая в своих цепких руках большие денежные богатства, ссужали деньгами светских землевладельцев, опутывая их сетью кабальных обязательств. Результатом подобных отношений, как правило, являлось увеличение земельной собственности духовного феодала-кредитора за счет владений должника.

Приведенная нами грамота рисует обычную картину разрастания церковных владений за счет присоединения земельной собственности неисправного должника. Характерно, что автор отступной лишает своих наследников права выкупа отошедшей к монастырю вотчины, оставляя ее после своей смерти на «помин души». Монастырь никоим образом не желал выпускать раз полученную земельную собственность из своих рук.

Есми был виноват — был должен.

Иван Сватко — землевладелец Переяславского уезда. О нем см. АСЭИ, т. I, № 10, 227.

Василей Борисович — В. Б. Копнин, боярин Переяславский. О нем см. АСЭИ, т. I, № 7, 20, 22, 29 и др.

Мардар — вотчинник Переяславского уезда; см. пустошь Мардаровскую (АСЭИ, т. I, № 227).

1448—1461 гг. Запись Логина Корыткова о запаханной его крестьянами митрополичьей земле

Церковь не всегда могла организовать освоение принадлежавших ей огромных земельных владений. Черносошные крестьяне, а также мелкие и средние феодалы, испытывая недостаток в земле, пытались осваивать пустующие земли. Однако церковь тотчас же выступала в защиту своей земельной собственности. До нас дошли свидетельства о многочисленных земельных тяжбах, одной из сторон в которых выступал духовный феодал.

В приведенном случае церковь в ответ на самовольную запашку крестьянами Логина Корыткова митрополичьей земли получает от него гарантийную запись, согласно которой духовному феодалу причиталась плата за использованную землю и подтверждалось обязательство «ту землю не осваивать» и «не вступатись без господинова повеления без митрополичя».

Приведенная запись является свидетельством ожесточенной борьбы духовных феодалов за земли, которая происходила в Русском государстве начиная с середины XV века и закончилась, в конце концов, секуляризацией церковных владений при Екатерине II (1762 г.).

Лука митрополич — Лука, митрополичий дьяк. О нем см. АФЗ и Х, № 213.

1461—1465 гг. Запись Фомы Данилова Фомина о неосвоении им пустоши Посеченской

Одним из способов, при помощи которых церкви удавалось осваивать свои земельные богатства, являлось прекарное (условное) владение, то есть раздача земли свободным земледельцам во временное держание. Особенно широко практиковалось церковью принятие от земледельцев их же земли с обратной передачей им в прекарное владение (см. «порядную» грамоту 26 июля 1544 г. Корельского монастыря с Романом Кузнецом, согласно которой последний, передав монастырю свою деревню, получал ее во владение с обязательством «жить до живота» и давать в монастырь «на год по гривне денег». «Сводный текст крестьянских порядных XVI века», стр. 52).

Перед нами грамота, фиксирующая обычный для феодализма институт прекарного землевладения. Держатель земли, обрабатывающий землю церковного феодала, обязуется не нарушать право собственности землевладельца.

Постепенно институт прекарного землевладения терял свою силу, и опутанный тяжкими сетями экономической зависимости, а иногда под прямым давлением внеэкономического принуждения прекарист терял свою личную свободу и превращался в крепостного.

Около 1470—1490 гг. Купчая Есипа Андреевича

Актами, ярко показывающими рост феодального землевладения, являются документы, оформляющие куплю-продажу, а именно купчие грамоты. Как и другие акты феодального землевладения, купчие грамоты отразили развитие поземельных отношений в русском феодальном обществе XV века.

В тексте купчей грамоты обычно указывались:

1. Имена контрагентов сделки, то есть покупателя и продавца.

2. Объект сделки. В силу того, что в феодальном обществе не всякий владелец земли являлся ее собственником, в акте указывались основания для возможности отчуждения земли: была ли она вотчиной продавца, то есть земельной собственностью, перешедшей по наследству, или его «куплей» (приобретением)? В приведенной грамоте объектом сделки служит «купля» отца продавца.

3. Границы отчуждаемых владений. Приведенная грамота довольствуется обычной формулой обозначения границ: «куды ис того села и из деревень топор, и плуг, и коса, и соха ходила». Иногда в грамотах давалось конкретное описание земельных меж («отвод»).

4. Сумма, уплачиваемая покупателем.

Иногда в текст грамоты добавлялось указание на обязанность продавца нести ответственность в случае предъявления претензий на проданную им землю.

Приводимая купчая является купчей домашней, то есть совершавшейся на дому. Юридическую силу ей придают подписи послухов, свидетельствующих о достоверности сделки. Подобные купчие именовались подписными.

Впрок, без выкупа — покупатель в условиях существования права «родового выкупа» стремился обеспечить себя от возможных притязаний со стороны родственников продавца. Для этой цели в тексте купчей указано, что купля произведена «впрок, без выкупа».

1428—1434 гг. Купчая (докладная) грамота игумена Христофора

Один из крупнейших духовных феодалов Северо-Восточной Руси — Кирилло-Белозерский монастырь стремился

к расширению монастырских вотчин за счет наиболее возделанных земель. К числу таких местностей относилась волость Волочек Словенский, по которой проходил важнейший торговый путь на Двину. Используя свое экономическое могущество, монастырь всеми возможными путями приобретает земельные угодья в этой волости, округляя свои и без того обширные владения.

Дошедшие до нас поземельные акты Кирилло-Белозерского монастыря показывают, что процесс расширения землевладения духовного феодала шел различными путями, в том числе и путем отчуждения земель отдельных собственников.

Приводимая купчая грамота является документом, фиксирующим продажу Кирилло-Белозерскому монастырю Кочевинской пустоши, принадлежавшей некоему Павлу Филиппову. Монастырские власти с целью закрепления своего права на приобретенную землю стремились получить на это владение санкцию княжеской власти. Грамота, удостоверяющая факт купли-продажи, докладывалась княжескому тиуну, после чего приобретала неоспоримую силу.

Христофор — игумен Кирилло-Белозерского монастыря, проявлявший особую активность в деле увеличения границ монастырских вотчин (см. Н. Н. Дебольский, Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря, «Вестник археологии и истории СПб Археологического института», СПб., 1910, № 23, 148, 149 и т. д.).

Окиш Негодяев — белозерский землевладелец. В 1428—1434 гг. Федосья Негодяева и ее сын Окиш дали «землю Пановскую и с ее учястъки и с пожнями» в Кириллов монастырь (см. Н. Н. Дебольский, указанное выше сочинение, «Вестник археологии и истории СПб Археологического института», СПб., 1910, № 149).

1506—1507 гг. Купчая (посильная) Тита Васильева

Крестьянство Севера Руси, где было мало распространено крупное землевладение, формально считалось свободным. В своем гениальном труде «Капитал» Маркс указывал, что если непосредственные производители — земледельцы — обрабатывают личным трудом свои участки и

самостоятельно ведут связанную с земледелием деревенско-домашнюю промышленность, то «прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее». При этом крестьянская несвобода носит различный характер: она может смягчиться от «крепостничества с барщинным трудом... до простого оброчного обязательства» (К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, 1938, стр. 696).

Крестьяне Севера Руси, населявшие территорию великокняжеского домена, платили дань, денежный оброк («тягло») великому князю и управлялись общей администрацией. Рассматривая свою землю как собственность великого князя («земли великого князя, а нашего владения»), крестьяне Севера Руси тем не менее распоряжались ею, совершая различные сделки, объектом которых была земля.

Приводимая купчая рисует подобную сделку. Двинский крестьянин Тит Васильев продает часть своей земли, именуя ее «треть князя великого земли», то есть подтверждая, что собственником его угодий является великий князь, а он, Тит Васильев, осуществляет лишь право пользования землей. Себе продавец берет сумму на «посилье», то есть за владение и пользование землей.

Подобный акт купли-продажи нельзя никоим образом отождествлять с продажей вотчин феодалами, когда передавалось право собственности. В данном случае передается лишь право владения и пользования, ибо черносошный крестьянин не являлся собственником обрабатываемого им участка.

Земли орамых — пашенных земель.

Притеребов треть — претеребы, небольшие участки пашенных земель, расположенные вблизи опушки леса, у болот и не входившие в общий пашенный массив земель.

1428—1432 гг. Меновная Есипа Савельевича

Как и другие акты феодального хозяйства, меновные грамоты, оформлявшие обмен земельными владениями, являлись одним из юридических выражений роста феодальной земельной собственности.

Обмен землями и промысловыми угодьями являлся одним из средств, при помощи которых монастыри консолидировали свои владения, приобретенные различными способами и разбросанные по всей территории Русского государства.

Меновная грамота включала следующие моменты:

1. Наименование участников сделок.

2. Существо сделки («менял есьм...»).

3. Объект сделки.

После составления грамоты, если предметом обмена являлись земельные угодья, происходила замена старых межевых знаков новыми.

Меновная Есипа Савельевича рисует картину включения в свое хозяйство видным духовным феодалом — Троице-Сергиевым монастырем — одного из важнейших промыслов Русского государства, а именно солеварения. Троице-Сергиев монастырь, равно как и другие монастыри, являлся не только крупнейшим феодальным землевладельцем, но и владельцем промыслов.

Одна из наиболее развитых отраслей промыслового хозяйства — добыча соли — и беспошлинная торговля солью, сосредоточенные в значительной степени в руках монастырей, увеличивали их доходы.

До нас дошла также данная грамота Есипа Савельевича, согласно которой Троице-Сергиеву монастырю передавалась та же самая часть соляной варницы, Шишкинский двор и починок Рязановский (АСЭИ, т. I, № 67). Данная грамота, судя по именам послухов, была составлена одновременно с меновной.

В Верхнем Колодязи Троице-Сергиев монастырь в 1428—1432 гг. приобрел еще три четверти соляных варниц (АСЭИ, т. I, № 64, 65, 66). Приобретения монастыря в Верхнем Колодязи продолжались и позднее (см. АСЭИ, т. I, № 72 и др.).

Отведет — выделит.

Венедикт Шарапов — троицкий старец, из семьи переяславских вотчинников (см. АСЭИ, т. I, № 60, 67, 75, 80, 81, 168).

Симан Данилов сынь Верхобеньского — С. Д. Верхобенский происходил из семьи вотчинников Переяславского уезда Верхнедубенского стана (АСЭИ, т. I, № 60, 671).

1392—1427 гг. Отводная грамота Александра Никитина

При приобретении новых земельных владений одной из важнейших забот покупателей являлось точное определение границ «купель» с целью избежать впоследствии возможных поземельных тяжб.

Отвод земли в XIV—XV вв. был часто актом ее передачи другому владельцу.

Особое внимание размежеванию земель уделяли духовные феодалы, являвшиеся, как мы уже отмечали, наиболее частыми приобретателями новых земельных массивов. В силу этого уже в ранних грамотах, связанных с церковным землевладением, составители стремятся избегнуть нечеткой старинной формулы определения границ по пределам действия сохи, косы и топора.

В приводимой грамоте светский землевладелец, продавший свою вотчину духовной корпорации, по требованию последней производит точный «отвод». Интересно присутствие среди отводчиков попа Максима, чье свидетельство как представителя церкви могло сыграть существенную роль при возможной впоследствии поземельной тяжбе.

Для придания процессу отвода особого авторитета он был произведен в присутствии шести послухов (свидетелей). Таким образом, мы видим, что покупатель — монастырь — всячески стремился обезопасить свое новое приобретение от каких-либо притязаний и в силу этого заботился о наибольшей авторитетности юридического документа, определявшего границы новой церковной вотчины.

1473—1489 гг. Отступная грамота И. Н. Беклемишева

Отступная грамота И. Н. Беклемишева является одной из иллюстраций процесса роста церковного землевладения. Церковные феодалы всегда реагировали на самовольное освоение светскими феодалами или крестьянами владений, принадлежавших церкви.

В данном случае светский феодал, поставивший свою деревню на митрополичьей земле, принужден отказаться от захваченной им церковной земли. Повидимому, Беклемишев не имел никаких юридических возможностей оспаривать право митрополита, и он был вынужден составить отступную грамоту.

1410—1431 гг. Обводная грамота

Рост феодального землевладения требовал четкого определения границ владений феодала. В первую очередь об этом заботились церковники, обладавшие огромными вотчинами и всячески стремившиеся защитить свое достояние от посягательств светских землевладельцев. Возраставшее могущество государственной власти позволяло документально оформлять все правовые отношения, которые были выгодны и угодны господствующему классу. Одним из видов актов, закрепляющих феодальную собственность на землю, являлись обводные грамоты, документально подтверждающие право на определение земли и устанавливающие границы.

Приводимая обводная грамота не просто очерчивает границы земельных владений Новинского монастыря, но и дает краткую историю их происхождения. Это, очевидно, могло служить подспорьем монастырским властям в случае возникновения поземельной тяжбы.

Около 1455—1456 гг. Разъезжая докладная грамота

Если в ранних грамотах стороны удовлетворялись стандартной формулой, определяющей границы земельных владений («куды топор, и соха, и коса ходила»), то во второй половине XV века все чаще и чаще встречается «отвод», то есть конкретное описание границ земельных угодий, большей частью определяемое показаниями «знахарей» (свидетелей, призывавшихся при решении спорных вопросов о границах земельных участков) и «старожильцев», то есть лиц, издавна живших на данной территории.

Земельные тяжбы возникали в результате обостренной борьбы за землю. Поводом к ним часто служило отсутствие точных границ между земельными владениями. Начиная со второй половины XV века землевладельцы и органы великокняжеской власти стремятся к размежеванию владений.

Приводимая ниже грамота, одна из самых ранних разъезжих грамот, является актом размежевания домениальных

владений великого князя с вотчинами княгини Ефросиньи. Размежевание начиналось с опроса «знахорей» и «старожильцев». Поскольку в приводимой грамоте их показания разошлись, то по распоряжению великого князя в качество доказательства выдвигается судебный поединок («поле»). Однако уже к этому времени «поле» утрачивает положение решающего доказательства (см. историко-правовой обзор к ст. 9 Белозерской уставной грамоты 1488 года), и одна из сторон — княгиня Ефросинья — запрещает своим «знахорям» вступить в судебный поединок, отказываясь от своих притязаний в пользу великого князя, что является подтверждением все возрастающего могущества великокняжеской власти.

Что касается границ бесспорных владений обеих сторон, то они устанавливаются обходом «старожильцев» и санкционируются по докладу разъездного судьи великокняжескими грамотами.

Очень интересно окончание разъездной грамоты, свидетельствующее о том, что все основные акты государственной власти, касающиеся феодальной поземельной собственности, оформлялись в присутствии местных землевладельцев, по преимуществу мелких и средних феодалов — детей боярских. Именно эта категория господствующего класса, нуждавшаяся в охране своих владений от насилия крупных земельных собственников, была больше всего заинтересована в упорядочении земельных отношений.

1510 г. Служилая кабала

Рост феодального землевладения в свою очередь требовал увеличения численности крепостных — феодально-зависимых производителей, посаженных на землю и наделенных средствами производства. В отличие от крепостных холопы, лишенные средств производства, не были заинтересованы в результатах своего труда, и их труд постепенно становился невыгодным для землевладельцев-феодалов.

Хотя общая тенденция шла к уменьшению холопства, холоповладение в XV веке было еще достаточно развито и служило одним из источников пополнения недостающего количества рабочих рук в хозяйстве феодала.

В конце XV века в условиях развития товарно-денежных отношений появляется и развивается кабальная форма зависимости непосредственных производителей. Кабальные люди уже упоминаются в документах 80-х годов XV века. Заем денег, обеспеченный обязанностью «за рост (проценты) служити» у кредитора, фиксировался в служилой кабале.

Приведенная грамота (наиболее ранняя из дошедших до нас служилых кабал) рисует превращение должника в кабального холопа. Документация, оформлявшая поступление в холопы, должна была исходить от компетентного лица, как правило, наместника с судом боярским (ср. ст. ст. 18, 20 Судебника 1497 года).

В данном случае грамота санкционирована боярином великой княгини Рязанского княжества, которое в начале XVI века еще не входило в состав централизованного Русского государства, но чьи правовые институты были сходны с институтами общерусского права.

В приведенной служилой кабале крайне характерна оговорка, запрещающая должнику прибегать к полетной грамоте, то есть просить у органов власти документа на право льготы при погашении долга.

Конец XV в. Запись о докладной грамоте

Приведенные тексты взяты из новгородской записной книги крепостным актам конца XV века, куда вносились сведения о наличии холопов и об источниках «похолопления». В книгу вносились не грамоты, а их краткое изложение. Акты свидетельствуют об отношении к холопам как к товару. В первой грамоте полные холопы, принадлежавшие одному господину, перепродаются им («ис полницы в полницу») другому.

В XV веке стороны обязаны были составлять грамоту на продажу полных холопов в присутствии холопов, являвшихся объектом сделки, о чем и указывалось в заключаемом договоре. Эта деталь является отражением процесса ограничения холопства и свидетельствует о том, что холопов в Русском государстве исследуемого периода нельзя полностью отождествлять с рабами в рабовладельческом обществе.

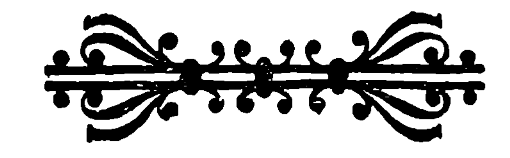
Процесс ограничения холопства в конце XV века сказался также в том, что полные грамоты должны были «докладываться» великокняжескому наместнику («доложа Василья Федоровича»). Таким образом ограничивалась возможность бесконтрольного составления грамот на холопство.

В конце XV века вводится обязательное правило составления полных грамот ямскими дьяками (см. в завещании Ивана III: «...а грамоты полные и докладные на Москве пишет дъяк ямскои... а опричь того грамот полных и докладных не пишет нихто»).

Во второй грамоте фиксируется сама продажа лиц в полные холопы. Лаконичная формула «продались по своей воле» не раскрывает всех обстоятельств, способствовавших «похолоплению» свободных лиц. Общая тенденция развития феодального общества вела к установлению отношений феодальной зависимости широких народных масс. Перед нами — один эпизод из общей цепи подобных явлений.

Конец XV в. Запись на вольную девку Авдотьицу

В Русском государстве существовал принцип «по холопе раба», согласно которому свободная женщина, вышедшая замуж за холопа или крепостного, становилась холопкой или крепостной. Перед нами — докладная полная грамота, оформляющая «похолопление» «девки волной» путем выдачи ее замуж за холопа.

РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950.
2. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.
3. И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952.
4. И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952.
5. История ВКП(б), Краткий курс, Госполитиздат, 1952.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, СПб., 1841.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, год ред. Н. Калачова, тт. I—III, СПб., 1857—1863—1884.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии Наук, т. I, СПб., 1836.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв., т. I, Издательство Академии наук СССР, 1952.
5. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, собрал и издал Александр Юшков, М., 1898.
6. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., подготовил к печати Л. В. Черепнин, ч. I, Издательство Академии наук СССР, 1951.
7. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838.
8. Архив П. М. Строева, т. I, РИБ, т. XXX, Птгр., 1915.

9. Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву, РИБ, т. XVII, СПб., 1898.

10. Сборник грамот коллегии экономии, т. I, Птгр., 1922; т. II, Л., 1929.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, М., 1903.

2. И. Д. Беляев, Лекции по истории русского законодательства, М., 1879.

3. Г. Р. Блюменфельд, О формах землевладения в древней Руси, Одесса, 1884.

4. С. Б. Веселовский, Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., т. I, Издательство Академии наук СССР, 1947.

5. М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. 7-е, Киев, 1915.

6. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, Издательство Академии наук СССР, изд. 2-е, кн. 2, 1952.

7. Н. Н. Дебольский, Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря, Вестник археологии и истории СПб Археологического института, СПб., 1900.

8. А. И. Копанев, История землевладения Белозерского края XIV—XVI вв., Издательство Академии наук СССР, 1951.

9. Н. А. Максимейко, Лекции по истории русского права, Харьков, 1906.

10. Д. И. Мейер, Древнерусское право залога, Юридический сборник Мейера, Казань, 1855.

11. Д. М. Мейчик, Грамоты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права, М., 1883.

12. К. А. Неволин, История российских гражданских законов, Полное собрание сочинений, тт. 4, 5, СПб., 1857—1858.

13. Очерки истории СССР, период феодализма, IX—XV вв., под редакцией Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто, ч. II, Издательство Академии Наук СССР, 1953.

14. Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910.

15. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы, ч. II, Издательство Академии наук СССР, 1951.

16. Л. В. Черепнин, Акты конца XIV—XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника, в книге «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.» т. I, Издательство Академии наук СССР, 1952.

17. С. А. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. II, М., 1917.

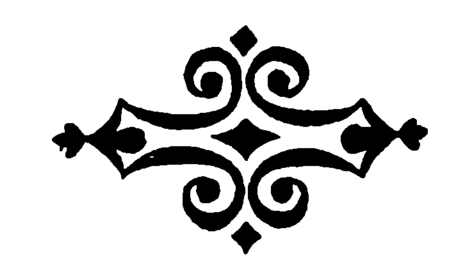
18. С. В. Юшков, Очерк истории приходской жизни на Севере России в XV—XVI вв., СПб., 1913.

19. С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, изд. 3-е, Госюриздат, 1950.

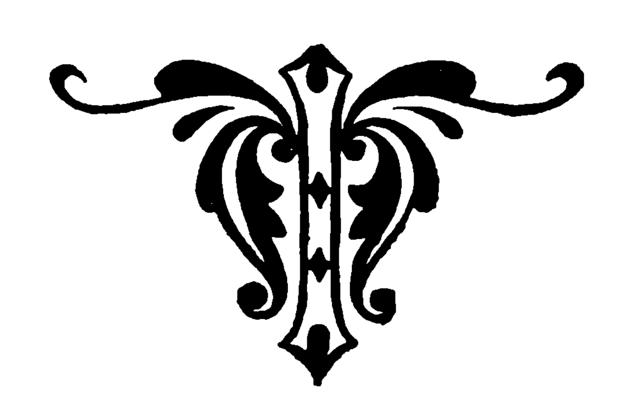
20. С. В. Юшков, К древнейшей истории института давности по русскому праву, «Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», вып. 5, Юриздат, 1947.

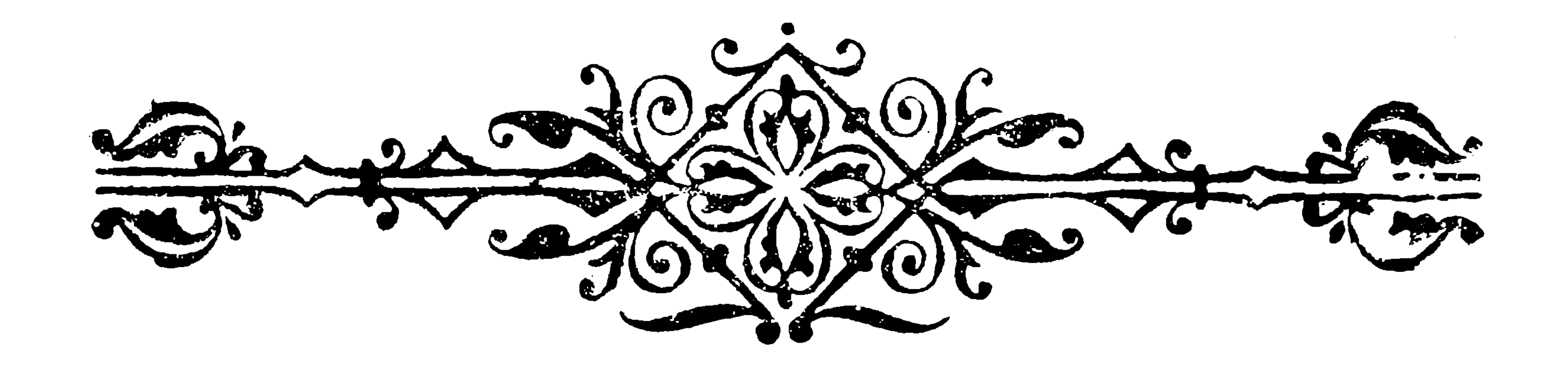
21. И. Энгельман, О приобретении права собственности на землю, СПб., 1859.

ЖАЛОВАННЫЕ
И
УКАЗНЫЕ ГРАМОТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Жалованные и указные грамоты являются одним из ценнейших источников для исследования социально-экономических отношений и права феодальной Руси.

Жалованные грамоты выдавались великими и удельными князьями, а также высшими церковными иерархами (митрополитами, архиепископами) главным образом привилегированным духовным и светским землевладельцам. Жалованная грамота сюзерена была для вассала санкцией его иммунитетных прав. Указные (посыльные) грамоты князей их агентам, содержавшие распоряжения, в которых устанавливались иммунитетные права феодалов, представляли собой наряду с жалованными грамотами одну из форм утверждения, а в ряде случаев — ограничения феодальных привилегий.

Указные грамоты стали входить в употребление главным образом со второй половины XV века. Однако лишь с 30-х годов XVI века они превратились в одну из основных групп документов, исходивших из великокняжеской канцелярии. В XIV — начале XV вв. политическая власть феодальных сеньоров в пределах их владений была настолько велика, что взаимоотношения между сюзереном и вассалами фиксировались обычно только в торжественной форме (договорные, жалованные грамоты), подчеркивавшей суверенное положение феодалов на территориях, которые принадлежали им в качестве феодальной земельной собственности.

Появление указных грамот отражало процесс укрепления Русского государства, в частности централизацию

аппарата государственного управления и ограничение независимости местных феодалов.

До нас дошло около пятисот жалованных и указных грамот XV — начала XVI вв. (до 1505 года).

Жалованные грамоты XIV—XVI вв. могут быть разделены на три основные группы.

I. Грамоты, закрепляющие переход в собственность феодалов недвижимого имущества. Эти документы имеют первостепенное значение для изучения истории Русского феодального государства и права, так как они посвящены вопросам, связанным с основой феодализма — феодальной собственностью на землю. В эту группу грамот входят жалованные, данные, купчие, меновные и другие грамоты, в которых фиксировались права феодалов на землю.

II. Грамоты, фиксирующие иммунитет феодального землевладения. Иммунитет являлся важнейшим атрибутом феодальной собственности на землю. «...в феодальную эпоху, — подчеркивал Маркс, — высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» (К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 339). Советские исследователи (И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин, С. В. Юшков) убедительно разоблачили порочную буржуазную теорию происхождения иммунитета, согласно которой иммунитет был якобы создан князьями посредством выдачи феодалам жалованных грамот. На самом деле феодальный иммунитет возник независимо от княжеской власти. Содержание податного (налогового) иммунитета заключалось в получении феодалом-землевладельцем феодальной земельной ренты, созданной трудом мелких производителей, находившихся в зависимости от землевладельца. Судебный иммунитет, под которым подразумевается судебная власть сеньора в отношении феодально-зависимого населения, служил наряду с правом административной расправы, средством удержания в узде эксплуатируемого населения феодального владения, средством, обеспечивавшим феодалу получение земельной ренты.

Таким образом, иммунитет — это выросшие на основе феодальной собственности на землю отношения господства и подчинения в феодальном владении. В жалован-

ных грамотах глава феодального государства санкционировал сложившиеся социально-экономические отношения, стремясь вместе с тем ограничить права феодалов на сбор налогов и производство суда. С процессом консолидации великокняжеской власти функция удержания эксплуатируемого большинства в узде, рассредоточенная в период феодальной раздробленности между крупными феодалами, стала переходить все в более и более значительной степени к центральному правительственному аппарату. Это повлекло за собой ограничение судебных прав феодалов. Ограничение податного иммунитета диктовалось интересами укрепления аппарата власти феодального государства. Феодалы были вынуждены поступаться частью своих доходов в пользу государства для того, чтобы и в изменившихся исторических условиях обеспечить господствующие позиции классу феодалов.

Иммунитетные грамоты делятся на три подгруппы:

1. Грамоты, закрепляющие за феодальным владением податной иммунитет. Среди них нужно различать: а) тарханные грамоты[1], обязательной принадлежностью которых являлось бессрочное освобождение от основных государственных налогов; б) льготные грамоты, освобождавшие от основных прямых налогов на определенный срок; в) тарханно-оброчные грамоты, в которых освобождение от основных налогов предоставлялось при условии уплаты иммунистом оброка в казну сюзерена, выдавшего грамоту; г) обельные[2] грамоты, содержавшие освобождение от второстепенных налогов.

2. Грамоты, закрепляющие за феодальным владением судебный иммунитет. Из них важнейшие: а) несудимые грамоты, в которых устанавливалась степень изъятия населения феодального владения из юрисдикции судебных агентов сюзерена, регулировались вопросы совместного суда иммуниста и агентов сюзерена в случаях возникновения тяжб между крестья-

[1] Тархан (татарск. — свобода) — свободный, господин.

[2] От слова «обелить» — выделить из «черных», тяглых земель.

нами грамотчика, то есть феодала, на имя которого была выдана несудимая грамота, и посторонними людьми и др.; б) срочные грамоты, в которых назначался один или несколько (не более трех) сроков вызова крестьян иммуниста в суд к сюзерену для разбора не решенных на месте тяжб с посторонними людьми; в) грамоты, предписывающие вызов приставом в суд крестьян иммуниста только через его приказчика, которому должна была предъявляться приставная грамота (без определения сроков вызова).

3. Грамоты, охраняющие феодальную вотчину и ее население от различных притязаний и насилия со стороны агентов сюзерена или посторонних лиц. Все грамоты этой группы носят название заповедных[1] или бережельных[2].

III. Грамоты, предоставляющие феодалам права на организацию промыслов, ведение торговли и сбор таможенных пошлин. Среди них видное место занимают проезжие грамоты, разрешающие беспошлинный провоз товаров, и тарханно-проезжие грамоты, в которых право беспошлинного провоза сочеталось с правом беспошлинной купли-продажи товаров.

Часто встречаются сложные по своему составу жалованные грамоты (тарханно-несудимые, несудимо-заповедные и т. п.), в которых соединены две или несколько грамот из числа названных выше разновидностей.

Исходившие от носителей верховной власти — как светской, так и духовной, жалованные и указные грамоты обладали силой законодательных актов и до издания Судебника 1497 года были главным средством юридического оформления прав и привилегий господствовавшего класса феодалов.

Однако и после составления Судебника 1497 года роль жалованных грамот оставалась попрежнему большой, ибо в них формулировались нормы материального права, в то время как Судебник содержал в себе нормы процессуаль-

---

[1] От слова «заповедь» — запрещение.

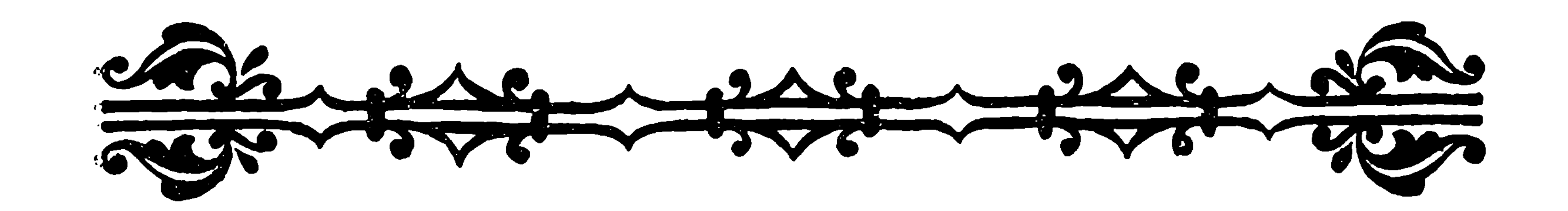
[2] От слова «беречь».

ного права. Жалованные грамоты укрепляли власть феодалов над феодально-зависимым крестьянством.

Жалованные и указные грамоты отражали развитие феодальных отношений и являлись средством активного воздействия надстройки на феодальный базис.

Выдача жалованных грамот использовалась правительством Русского централизованного государства для постепенного наступления на иммунитетные права феодальных сеньоров с целью увеличения доходов казны, сосредоточения в руках правительства и его агентов судебной власти и всех нитей государственного управления.

КНЯЖЕСКИЕ ГРАМОТЫ

I. ГРАМОТЫ, ЗАКРЕПЛЯЮЩИЕ ПЕРЕХОД В СОБСТВЕННОСТЬ ФЕОДАЛОВ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

[1462—1466 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ ДАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ВАССИАНУ НА ДЕРЕВНЮ КОНДРАТОВСКУЮ В РАДОНЕЖЕ

Се [1] яз, князь великий Иван Васильевичь, пожаловал есми богомолца своего игумена Троецкого Сергиева монастыря Васияна з братьею, или хто по нем иный игумен будет, дал есми ими в дом к святой живоначалной Троице и чюдотворцу Сергею в монастырь деревню свою Кондратовскую волосную радонежскую, что была за Генадьем за Бутурлиным, по тому ж со всем.

А у грамоты печать государьская.

А подпись на грамоте: Князь великий.

АСЭИ, т. I, № 308

---

[1] *На полях рукописи написан заголовок:* Государева жаловалная грамота на Кандратовскую деревню.

[1448—1461 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ ЗАПОВЕДНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МИТРОПОЛИТУ ИОНЕ С ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ ПРАВ ВЛАДЕНИЯ МИТРОПОЛИЧЬЕГО БЕЛОЗЕРСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ ОЗЕРОМ В ЛУХОВЦЕ ВЛАДИМИРСКОГО УЕЗДА

Се яз, князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита киевскаго и всеа Руси, пожаловал есмь его монастыря святого Воскресениа домовное в Луковси, и яз того обыскал по грамоте княж Иванове Андреевича, что Свято-озерцо домовное святого Воскресениа и его. И яз, князь великий, не велел в том Святе-озерце своим рыболовом да и всем луковшаном ловли деяти, ни вступатись в него ничем, занеже то озерцо домовное святого Воскресениа.

АФЗ и Х, т. I, № 274

[1447—1455 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ МЕНОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ МАРТИНИАНУ НА ГОРОДИЩСКИЕ ПУСТОШИ ВЗАМЕН СЕЛА КНЯЗСКОГО В ПЕРЕЯСЛАВСКОМ УЕЗДЕ

Се[1] яз, князь великий Василей Васильевичь менял есмь с ыгуменом с Мартинияном троицким Сергиева монастыря и с келарем Ларионом и со всею братьею землями. Выменил есмь у них себе к своему селу к Городищскому село Князское Ивановское Крюкова, и з деревнею и со всем с тем, что к нему потягло, опрочь хлеба, что их хлеб в земле. А им есми променил к их селу Хупанскому пустоши свои, великого князя, Городицкого села и Кривущинского.

---

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список з меновные грамоты великого князя.

А отвод тем пустошем, куды отъехал те пустоши дьяк мой, великого князя, Степан: от Касьянова на дуб по заполью около Хлябишина новотеребом на дорогу на Бармазовскую, да около их же пустоши Есиплевские, да межи моее, великого князя, пустоши Уляшкина к Вертлищу, а от Вертлища к Углецевской дорозе, а от Углецевские дороги на болото ко кресту, опрочь старых пожен Хупанских.

А выменил есмь себе то село Князское впрок, а они себе те пустоши выменили впрок к Хупанскому к своему селу.

А на мене были у великого князя бояре Федор Михайлович да князь Иван Александровичь.

А грамоту подписал дьяк Степан.

А у грамоты печять.

А подпись на грамоте. А выменил князь велики село Князское и со всеми пустошми и з деревнею и что к ним потягло.

АСЭИ, т. I, № 201

[1485—1488 гг.]

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ДМИТРИЮ ЛАЗАРЕВУ О ДОСМОТРЕ МЕЖ КУЧЕЦКОЙ ЗЕМЛИ В УЕЗДЕ ЮРЬЕВА ПОЛЬСКОГО, НАРУШАЕМЫХ НОВГОРОДЦЕМ ЕСИПОМ МАКСИМОВЫМ

От великого княз[я] Ивана Васильевича всеа Руси Дмитрею Лазареву. Бил ми челом живоначялные Троици Серьгеева манастыря игумен Макареи, а сказывает: вступа[ется деи] у него в землю в Кучетскую в монастырскую [Еска Мак] симов, новгородець, лезши через твои разъезд, через межы и через ямы, землю попахал; а розъезжал, деи, ту землю ты ж, да с тобою Данило Милосълавской; и ямы, сказывают, есте копали и межи чинили. И ты бы нынче ехал на свои розъезд, понявши с собою тех же людеи, которые с тобою были на том розъезде, а того бы еси досмотрил, да досмотривши бы еси сказал мне, великому князю. А едет с тобою Микула Коробьин Брюхатои.

Оборотная сторона грамоты заклеена, можно разобрать: Князь велики Иван Васильевичь всея Руси.

АСЭИ, т. I, № 520

II. ГРАМОТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ БОРЬБУ ФЕОДАЛОВ ЗА РАБОЧИЕ РУКИ

[1454—1455 гг.]

УКАЗНАЯ ГРАМОТА С ПРОЧЕТОМ КНЯЗЯ ВЕРЕЙСКОГО И БЕЛОЗЕРСКОГО МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА ФЕДОРУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ОБ ОТПУСКЕ СЕРЕБРЕНИКОВ ФЕРАПОНТОВОЙ ПУСТЫНИ ТОЛЬКО В ЮРЬЕВ ДЕНЬ

От княз[я] Михаила Андреевич[а] Федору Константинович[у]. Присылал ко мне игумен Еким и старець Мартемьян Ферапонтовы пустыни и вся братья старца Еустратья, а бил ми челом о том, а сказывает, што являл им староста волоцкой мою грамоту такову, што им приимати к себе в волость в твой путь на Волочек из Мартемьяновских деревень манастырьские половники в серебре межень лета и всегды; да кто, деи, выйдет половник серебряник в твой путь, ино, деи, ему платитися в ыстое на два года без росту. И яз пожаловал игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы манастырьских людей серебреников от Юрьева дни до Юрьева дни не принимал, а принимал бы еси серебреники о Юрьеве дни о осеннем. И которой пойдет о Юрьеве дни манастырьских людей в твой путь, и он тогды и денги заплатит, а ту есми полетную подернил. А игумену есми и всей братьи от Юрьева дни до Юрьева дни ис своих деревень серебреников пускать не велел, а велел есми им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни. А которые будут вышли в манастырьском серебре в твой путь, и они бы дело доделывали на то серебро, а в серебре бы ввели поруку. А осень придет, и [о]ни бы и серебро заплатили. А прочет сию грамату, да отдай назад игумену Екиму и старцю Мартемьяну и всей братьи.

На обороте: Князь Михайло Андреевич.

Архив П. М. Строева, т. I, № 24

[1463—1468 гг.]

УКАЗНАЯ ГРАМОТА С ПРОЧЕТОМ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА В ЯРОСЛАВЛЬ НАМЕСТНИКУ КНЯЗЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ОБОЛЕНСКОМУ ОБ ОТКАЗЕ КРЕСТЬЯН ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ТОЛЬКО В НЕДЕЛЮ ДО ЮРЬЕВА ДНЯ И В ТЕЧЕНИИ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ НЕГО

От великого князя Ивана Васильевича в Ярославль боярину моему и наместнику князю Ивану Васильевичу и в волости волостелем и вашим тивуном и вашим заказником. Бил им челом игумен троицкои Сергеева монастыря з братьею о том, что, деи, у них отказываете люди в мою отчину в Ярославль межи Юрьева дни из их села из Федоровского из Нерехты и из деревень. И яз, князь велики, их пожаловал, людеи есми им изз[1] их села из Федоровского и из деревень не о Юрьеве дни отпущати не велел в Ярославское. А хотя хто у них и откажется не о Юрьеве дни, и яз им того вывести велел назад. А вы бы оу них тех их людеи межи Юрьева дни не отказывали. А хто хочет от них отказатись в мою отчину в Ярославль, и вы бы у них отказывали о Юрьеве дни, неделя до Юрьева да неделя по Юрьеве дни, в две недели. А межи Юрьева дни бы есте у них не отказывали никого по сеи по моеи грамоте.

А прочет сю мою грамоту, отдаваите им назад, и они собе держат ее въпрок.

На обороте: Князь великии.

АСЭИ, т. I, № 338

III. ИММУНИТЕТНЫЕ ГРАМОТЫ

[1362—1365 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ ТАРХАННО-НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ТВЕРСКОГО ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА И УДЕЛЬНЫХ ТВЕРСКИХ КНЯЗЕЙ ТВЕРСКОМУ ОТРОЧУ МОНАСТЫРЮ НА ЕГО ВОТЧИНЫ И ЗЕМЛИ ПРИПИСНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

Се милостыня князя великого Васильева Михаиловича и его братаничев, княжа Всеволожа, княжа Михаилова, княжа Володимерова, княжа Андреева Олександровичев,

[1] *Так в тексте.*

княжа Еремеева, княжа Семенова Костянтиновичев, княжа Михаилова Васильевича, церкви святое Богородицы Отрочью монастырю.

Во имя святыя троицы отца и сына и святого духа, се мы, раби святыя троица, князь великии Василей Михаиловичь и его братаничи князь Всеволод, князь Михайло, князь Володнмер, князь Андрей Олександровичи, князь Еремей, князь Семен Костянтиновичи, князь Михайло Васильевичь, по отца моего и нашего деда князя великого Михайловым грамотам, бога деля и своего деля спасенья, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будет у святое Богородици, дали есмы сю милостыню церкви святое Богородици Отрочью монастырю, на память преставльшимъся от сего житья роду нашему, а нам пребывающим в житьи семъ за въздоровие.

Архимандриту святое Богородици и игуменом тех монастырев, что тягнуть к святой Богородици Отрочью монастырю, Въскресенье за Волгою, Богородица на Бору, Спас во Зьезах, Воскресенье и Богородица на Шеше, Богородица на Гостомле, и попом, и дьяконом, и дьяком, и конархистом, и черньцем, и стороником, и всему церковному исполненью, и слугам монастырьским, и ключником, и вольным людем, не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмьничее, ни иныи которыи пошлины к городу, ни к волостем.

Тако же и сиротам, кто имет седети на земли святое Богородици Отрочья монастыря и тех монастырев в нашей отчине, в Тферьских волостех и в Кашиньских, по одиному слову со отци своими с владыкою Федором и со владыкою с Васильемь, пожаловали есмы тех сирот: не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни корм, ни медовое, ни иныи которыи пошлины к городу, ни к волости, ни служба, ни дело княже, ни дворьскии, ни старосты ать их не займают ни про что.

Тако же и наместници наши и волостели ать не въездять и не судят тех людий и не всылають к ним ни по что; и данници наши, и ямьщици, и писци, и пошлиньники, кто ни буди, ать не въездять, ни всылають к монастырьским людем ни по что. Про все те люди знають архимандрита службою и подъможеньемь дому церковному святое Богородици.

А архимандриту монастырьским хлебом кормити крилошан и черньцев, а преставльшихъся архимандритов память их правити. А к тому кого еще людий перезовет архимандрит из зарубежья во отчину нашю, на землю святое Богородици, или кого в городе посадит во Тфери и в Кашине, а тем по тому же не емлють на них ничего же.

А что ся учинеть, или розбой, или душегубьство, или татба, который суд ино будет межи монастырьских людий, судит их и дворян даеть монастырьскии тивун один; а нашим судьям не надобе ничто; а смешаються судом монастырьскии люди с волостными людьми, судить монастырьскии тивун с посельским вместе с нашими судьями, а прибыток им наполы, а дворян дает тот, на чьем ищуть, и суд туто же, а на правду ездять обои.

А хотя коли повелим имати на тех, у кого будуть грамоты наши жаловалныи, на монастырьских людех, ни тогды никто не емли ничего, по сей нашей грамоте.

ААЭ, т. I, № 5

[Около 1371 г.]

ЖАЛОВАННАЯ ДАННАЯ И ТАРХАННО-НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РЯЗАНСКОГО ОЛЕГА ИВАНОВИЧА ИГУМЕНУ ОЛЬГОВА МОНАСТЫРЯ АРСЕНИЮ НА СЕЛО АРЕСТОВСКОЕ

[Ми]лосердеемь божьимь, молитвою святое богородици, и молитвою отця своего княза великого Ивана Олександровича, и благословеньемь епискупа рязаньского и муромского Василья, яз, князь великии Олег Ивановичь, сгадав есмь с своимь отцемь с владыкою с Васильемь и с своими бояры, а бояре со мною были: Софонии Алтыкулачеви[ч], Семенъ Федоровичь, Микита Аньдреевичь, Тимошь Олександровичь, Манасея дядько, Юрьи околничии, Юрьи чашьник, Семен Микиты с братьею, Павел Соробичь, дал есмь отцю своему Арсенью [ман]астырь святое Богородици, на Олгове в свободь, до его ж[и]вота, а по своемь животе волен кого онь благословить на игуменьство. А дал есмь святои Богородици дому Арестовское село, с в[инами], и с поличьным,

и с резанъкою, и с шестьюдесят, и со всеми пошлинами, и с бортники, и с бор[тными] землями, и с поземом, и с озеры, и с [бобры, и с] перевесьищи.

А возрев есмь в да[вн]ыи грамоты, с отцемь своимь с владыкою с Вас[илье]мь и с бояры, коли ставили по первых [праде]ди наши святую Богородицю, князь великии Инъгвар, кн[язь] Олег, князь Юрьи, а с ними бояр 300, а мужии 600, тогды дали святой Богородици дому 9 земль бортных, а 5 погостов: Песочна, а в неи 300 семии, Холохолна, а в неи полтора[с]та семии, Заячины, а в неи 200 семии, Вепрния, 200 семии, Заячков, 100 и 60 семии, а си вси погосты с землями с бортными, и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесьищи, с резанками, и с шестьюдесят, и с винами, и с поличным, и со всеми пошлинами. А хто даных людии прадеды нашими святои Богородици дому где имуть седети, или бортници, или слободичь, в моей отчине, ать знають дом святои Богородици; а волостели мои ать не вступаются в них ни о которомь же деле. А Головчин дал Федор Борисовичь, а Мордовское дал Климент по Данилов двор, а Еремеи Великии с Глебом селя свои подавали госпожи Богородици, а муж[и] Олговскую околицю, купивше у муромьских князии, давше 300 гривен, и дали святои Богородици.

И яз, князь великии Олег Ивановичь, што есмь дал Арестовское [с]ело святои Богородици дому, и што прадеди наши подавали которая места и люди, и што бояре подавали дому святои Богородици, того хочю боронити, а не обидети ничимь дому святои Богородици; а волостели и даньници, и ямьщики ать не заимают богородицьских людии ни про што же; а кто изобидит дом святои Богородици, или князь, или владыка, или волостель, или кто иныи, тот дасть ответь перед богомь святои госпожи Богородици.

А коли есмь выехал из отчины ис своее, ис Переяславля, тогде еси обет учинил: к святеи госпожи Богородици придал есм рязаньское мыто и побережьное, аже ми дасть [господь бог быти] в отчине своеи в Переяс[лавл]и.

Сборник московского архива министерства юстиции т. I, ч. I, стр. 5—10

1423 г. февраля 20

ЖАЛОВАННАЯ ЛЬГОТНАЯ И НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА АРХИМАНДРИТУ СПАСО-БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МАЛАХИИ НА ЛЫСКОВСКИЕ И КУРМЫШСКИЕ ПУСТОШИ В НИЖЕГОРОДСКОМ УЕЗДЕ

Святого деля Спаса и святого деля Благовещенья, се яз, князь великий Василей Дмитриевич, пожаловал есмь архимандрита спаського и благовещенского Малахеа, или кто по нем иный архимандрит будет. Что у него пустоши монастырские на Лыскове и на Курмыше, Савины Сюзева пустоши, да Митроховскаа пустошь, да пустынка на Стобищах, и кого к себе на те пустоши перезовет людей тутошних старожильцев, и тем людем на три годы не надобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни ям, ни подвода, ни инаа никотораа пошлина. А ково к себе перезовет людей из ыных княжений, а не из моеа отчины, из великого княжениа, и тем людем пришлым на десять лет не надобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни подвода, ни ям, ни тамга, ни мыт, ни костки, ни восьмничее, ни весчее, ни езовое, ни побережное. Ни становщики мои к ним не вьежжают ни по что, ни наместници мои курмышские, ни лысковские, ни столник, ни посельской, ни их тиуни не всылают к тем людем пришлым доводшиков своих поборов брати, ни судят их, опроче душегубства и розбоя с поличным. А судит тех людей архимандрит сам или кому прикажет. А смешается суд тем людем пришлым с городскими людьми или с волостными, и наместници мои, или волостели, или их тиуни судят, а архимандрит с ними же судит, или кому прикажет, а прибытком ся делят. А как отсидят те люди пришлые урочные лета, и они потянут с монастырскими людьми по силе. А коли придет моа дань, князя великого, и архимандрит за них сам платит мою дань по силам. А что ми сказывал архимандрит Малахей что перенял моих сирот Черньцевых детей Вешняка, да Палку, да Яковка, а они пошли из моее отчины, и он их у себя осадил, и тех людей ведает и судит архимандрит сам по пошлине, а дает с них дань мою по силам. А у кого учинится какова гибель и кто пригонит какой след на монастырские земли спасские к кому на чью землю, и государь тое земли

обрез у него возьмет да следом ведет, а не сведет следу с своее земли, и гибелщик у него обыщет двор и поимает, а не вымет поличного, ино у него гибель пропала, а тому государю гибели не платить у кого ся след утеряет; а кого позовут на след, а он на след не пойдет, или обреза не возмет, и тому та гибель платить.

А через сю мою грамоту кто на ком что возмет, или чим изъобидит, быти от меня в казни. А на которые грамоты свои грамоты даю, а на сию грамоту иные моее грамоты нет.

А дана грамота на Москве февраля в 20 день в лето 6931.

АФЗ и X, т. I, № 230

1424 г. января 30

ЖАЛОВАННАЯ ЛЬГОТНАЯ И НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗА ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ИВАНУ КАФТЫРЕВУ НА ЗЕМЛИ В ОСЕЦКОМ СТАНУ КОСТРОМСКОГО УЕЗДА

Се [1] аз, князь великии Василей Дмитриевич, пожаловал есми Ивана Кафтырева, отоего [2] земли в Костромском уезде в Оседцком стану, и те, де, земли у него нынеча опустели мором и межениною вымерли, а иныя розошлися. И кого к себе перезовет на те на свои земли люди тутошних сторожильцев, и тем людям не надабедь мая дань на три годы, ни ям, ни подвода, ни письчая белка, ни иная никоторая пошлина. А каго к себе перезовет люди на те земли из ыных княжений, а не из моей вотчины из великого княжения, и тем людям пришлым на десять лет не надобедь моя дань и письчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная никоторая пошлина. А мои намесницы костромские и их тиуни до уроков к тем людям пришлым и старожильцем, кого к себе призовет, и к тем людям пришлым не въсылают ни по што, ни доводщики их у них побора не берут, опроче душегубства, а судит тех людей пришлых до уроков сам Иван.

---

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список з грамоты слово в слово.

[2] *Вероятно,* отца его.

А смешаедца[1] суд волостным людям сь его людьми, и наместницы или воластели, их тиуны судят, а Иван с ними судит или кому прикажет, а присудом ся делят[2] А отсидят свои уроки, и они[3] потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань мою по силе, а судом к городу.

А через сю мою грамоту хто что на них возьмет или их чем изобидит, быти от меня в казни.

А дана грамота на Москве месяца генваря в 30 день в лето шестьтысящное девятьсотное тридцать второе.

У подлинной грамоты позади пишет: Михайло Федоровичь.

Печать вислая на нитке на черном воску.

Акты Юшкова № 4

[1455—1462 гг.]

ОБЕЛЬНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ВАССИАНУ НА СЕЛА ПРИСЕКИ И СУКРОМНОЕ БЕЖЕЦКОГО УЕЗДА

Се яз, князь велики Василей Васильевичь, пожаловал есмь игумена Троецкого Сергеева манастыря Васиана з братьею, или кто будет по нем и ины игумен. Что их села в Бежитцком Версе, в Городецком стану, Присеки да Сукромское и з деревнями, и с тех им сел и з деревень не надобе пошлины: портное да объежжее, да коневое; и тех пошлин на тех их селех не емлет нихто по сеи моеи грамоте.

А кто ся ослушает сеи [моеи грамоты, быть от ме]ня в казни.

На обороте: Князь велики.

АСЭИ, т. I, № 263

---

[1] *В рукописи* смещаедца.
[2] *В рукописи* делать.
[3] *В рукописи* и ни.

1475 г. января 27

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ЯРОСЛАВНЫ ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ АВРАМИЮ О ВЫЗОВЕ В СУД ПРИСТАВАМИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН, ЖИВУЩИХ В НЕРЕХОТСКИХ СЕЛАХ И ДЕРЕВНЯХ, ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОНАСТЫРСКОГО ПРИКАЗЧИКА

Се яз, княгини великая Мариа, пожаловала есмь троицского игумена Сергиева монастыря Аврамиа и его братью, или по нем хто ины игумен будет. Что их села и деревни в моеи волости в Нерехте, и коли приедет пристав [мои, великие княгини], по их хрестианъ по монастырьских, и он явит приставную их приказщику, хто у них будет в Нерехте приказщик, да и срочную дасть ему ж, и они, поставят хрестианина своего на срок перед мною, перед великою княгинею. А которои мои приставъ не явит приставные монастырьскому приказщику, а накинет срочную на их хрестианина, и яз, княгини великая, игумена пожаловала — хрестианом есмь их на те сроки не велела ездити. А хоти хто и безсудную возмет на них хрестианина по тому сроку, и та безсудная не в безсудную.

А дана грамота лета восмьдесят третиаго генваря в 27 день.

На обороте: Княгини великая [1].

АСЭИ, т. I, № 451

[1410—1425 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ ЗАПОВЕДНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА МИТРОПОЛИТУ ФОТИЮ НА НЕПОШЛУЮ ДОРОГУ ЧЕРЕЗ СЛОБОДКУ КАРАШ РОСТОВСКОГО УЕЗДА

Се [2] яз, князь великий Василей Дмитреевич, отца своего для Фотея, митрополита киевскаго и всеа Руси, пожаловал есмь слободку Святославлю Карашь. Что, сказывают, положили, деи, путь непошлой на Павловское да на Пустыню, а пошлой, деи, у них путь новотереб на Иван святый, и

---

[1] *В тексте далее неразборчиво.*

[2] *Перед текстом:* На Караш непошлою дорогою не ездити.

только будет так, как они сказывали, и тем путем у них непошлым на Павловское и на Пустынку не ездят нихто, а ездят путем пошлым новотеребом да на Иван святый.

А хто поедет тем путем непошлым, и тому быти от меня, от великого князя, в казни.

АФЗ и Х, т. I, № 2

[1425—1462 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ ЗАПОВЕДНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НА МИТРОПОЛИЧЬЕ СЕЛО БИСЕРОВСКОЕ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА

Святыа деля богородици, се яз, князь великий Василей Васильевич, пожаловал есмь село митрополиче Бисеровское. Что ся, деи, из него розбежали люди дороги деля, и яз, князь великий, их пожаловал: не ставятся в том селе князи, ни бояре, ни иные никакие ездоки, ни корму, ни подвод, ни проводников не емлют. А что у них кто возьмет или чем их изобидит, быти от меня в казни. А хто у них станет через сю грамоту, а учинится у них в том селе какова гибель, ино ему та гибель платити без суда и без исправы.

АФЗ и Х, т. I, № 112

[1448—1461 гг.]

ЖАЛОВАННАЯ ЗАПОВЕДНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МИТРОПОЛИТУ ИОНЕ НА МИТРОПОЛИЧЬИ СЕЛА КАРИНСКОЕ И КОЛПАКОВО ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДА

Отца своего для Ионы, митрополита киевского и всеа Руси, се яз, князь великий Василей Васильевич, пожаловал есмь его христиан Каринского села и его деревенщиков и Калпакова сельца христиан: моих волостелей слободцких тиуни и доводшики, также и боярские люди, также и боярские подворники, ни иной нихто незваны к ним на пир и в братшины не ездят. А хто к ним на пир и на братшину незван приедет, и яз, князь великий, тех незванных велел ис

пира слати вон безпенно. А учинится какова гибель на пиру, и он ту гибель подымет без суда и без исправы, а еще от меня тому быти в казни.

АФЗ и Х, т. I, № 118

[1462 г.]

ЖАЛОВАННАЯ ТАРХАННО-ПРОЕЗЖАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА АРХИМАНДРИТУ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ АФАНАСИЮ НА МОНАСТЫРСКУЮ ТОРГОВУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ

По отца своего грамоте великого князя Василья Васильевича се яз, князь велики Иван Васильевич, пожаловал есмь своего манастыря Симановского архимандрита Афонасья з братьею, или кто по нем иным архимандрит будет. Что, коли посылают на Белоозеро своих черньцов или мирян с монастырьским товаром в паоузке с подвозъском, також, коли посылают своих черньцов или мирян в свои села в Бежицкии верхь, или коли з Белаозера с рыбою пойдут или из сел, и намесници мои углечские и все п[о]шлинники мытов, ни тамги с тех судов и с их людей пошлин своих никоторых не емлют и не приимают их ни в чем. Также на на Усть Шексны и вверхь по Шексне к Белуозеру в Княжичах и вь Арбужевце и в Луковце мои волостели и все пошлинники с тех судов мытов не емлют, ни иных никоторых пошлин ни с их людеи, не приимают их ни в чем. Также, коли зимою на возех пойдут архимаричи черньци или бельци Симановского манастыря или хрестьяне из их сел из Бежицского Верха или в села, ино на них по тому жо мытов не емлют ни иных никоторых пошлин в городех и в волостех и во всей моей отчине, великом княженье.

А через сю мою грамоту кто что на них возмет или чем изобидит, быти от мене, великого князя, в казни.

На обороте: Князь великии.

Князь великии Василеи Иванович всея Руси по сеи грамоте пожаловал пречистые Симановского монастыря архимандрита Варлаама з братьею, или хто по нем у пречистые и инои архимандрит буде[т], сее у них грамоты рушити не велел никому ничем, а велел у них ходити о всем по тому,

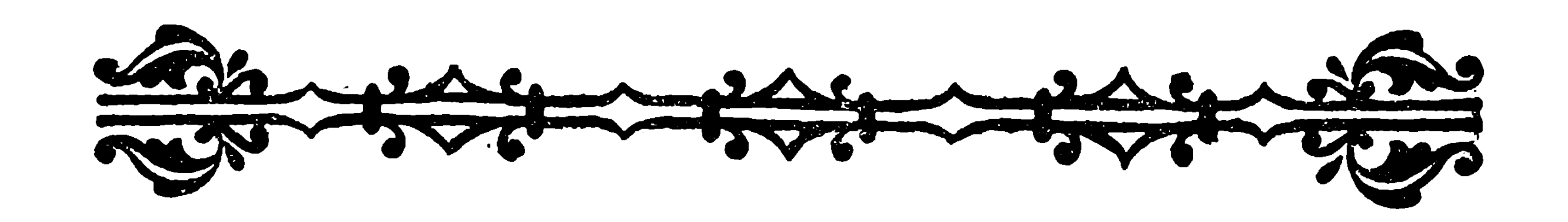
как в сеи грамоте писано. А подписал великого князя диак Бодырь Паюсов. Лета 7000 пятагонадесят, апреля ... д[ень].

Князь великий Иван Васильевич всеа Руси по сеи грамоте пожаловал Симановского манастыря архимандрита Филофея з братьею, или хто по нем в том манастыре иный архимандрит будет, со всем по тому как в сеи грамоте писано. Сее у них грамоты рушети не велел никому ничем. Лета 7000 четыредесят втораго, майя в 29 де[нь]. А подписал дьяк Федор Мишурин.

Лета 7059-го майя в 17 де[нь] царь и велики князь Иван Васильевич всеа Русии се[и] грамоты слушал и, выслушав сю грамоту, симановского архимандрита Олексея з братьею, или по нем на Симанове ины архимандрит будет, пожаловал: велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и сей у них грамоты рушати не велел никому ничем. А велел ходити о всем по тому, как в сеи грамоте писано. А подписал царя и великого князя диак Юрьи Сидоров.

ЦГАДА, Гос. Древ., отд. 1, рубр. IV, № 8, Подлинник. Печать у грамоты коричневая на синем шнуре.

МИТРОПОЛИЧЬИ ГРАМОТЫ

1460 г. марта 29

ЖАЛОВАННАЯ ДАННАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА ИОНЫ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ НА УСЛОВНОЕ ДЕРЖАНИЕ ИМ МИТРОПОЛИЧЬЕГО СЕЛА КУСУНОВСКОГО ВЛАДИМИРСКОГО УЕЗДА

Се яз, Иона, митрополит киевский и всеа Руси, пожаловал есмь сына своего князя Дмитреа Ивановичя, по прошенью его и по челобитью, дал есмь ему село пречистыа Богородици домовное и свое митропольское Кусуновское в Володимерском уезде, и с пустошми, и с луги, и с всем с тем, что к тому селу потягло изстарины, до его живота. А князю Дмитрею Ивановичю того церковнаго и моего митропольскаго села ни продать, ни менить, ни отдать, ни осваивать. А что сын мой князь Дмитрей Иванович в то село примыслит хлеба и животины, и после его живота то село Кусуновское с житом, и с животиною, и с коньми, и с всем с тем, что в нем ни̂ будет, в дом пречистыа Богородици и митрополиту. А против сее господиновы грамоты яз, князь Дмитрей Иванович, господину отцу своему Ионе, митрополиту киевскому и всеа Руси, дал свою грамоту и за своею печатью.

А дана грамота на Москве месяца марта в 29 день в лето 6968, индикта в 8.

АФЗ и X, т. I, № 174

1450 г. мая 25

ЖАЛОВАННАЯ, ТАРХАННАЯ И НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА ИОНЫ АНДРЕЮ АФАНАСЬЕВУ НА ПУСТОШЬ ГОЛЯМОВСКУЮ В МИТРОПОЛИЧЬЕЙ РОМАНОВСКОЙ ВОЛОСТИ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДА

Се яз, Иона, митрополит всеа Руси, пожаловал есмь Андреа Афанасьева что сел на своей купле, на Голямовской пустоши, в волости пречистыа Богородици и в моей, в Романовском. И кого Андрей на ту пустошь к себе перезовет людей из иных княженей, а не из волости, ни из сел пречистыа Богородици, и тем людем пришлым не надобе им с моими христианы с волостными тянути ни в какое дело, ни в какие розметы. Ни волостели мои романовские и их доводшики не въежжают к тем людем пришлым на ту пустош ни по что, ни кормов, ни поборов у них не емлют, ни судят их. А ведает и судит тех христиан Андрей сам. А кому будет до самого Андрея каково слово, и яз, Иона митрополит, сам его сужу. А коли куде отъеду в свою митрополью дале, ино его судит мой наместник, тот, кому прикажу в свое место ведати. А которой христианин волостной романовец или из села из церковного выйдет за рубеж, а хотя ити к Андрею на ту пустошь, и Андрею тех христиан волостных, ни сельчан церковных не приимати.

А дана грамота на Москве месяца маиа 25 день в лето 6958, индик[та] 13.

Смиренный Иона, архиепископ всеа Руси.

Феодосий, митрополит всеа Руси, сее брата своего Ионы митрополита грамоты не рушил, пожаловал Андреа Афанасьева о всем по тому, как в сей грамоте писано.

А по господинову по митрополичу приказу подписал митрополич диак Гридко Карлов иун[я] 10, лета 71.

АФЗ и Х, т. I, № 133

1449 г. января 10

ЖАЛОВАННАЯ, ТАРХАННО-НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА ИОНЫ ПОКРОВСКОМУ ПЕРЕЯСЛАВСКОМУ МОНАСТЫРЮ

Се яз, Иона, митрополит всеа Руси, пожаловал есмь Царковский монастырь свой Покрова пречистыа Богородици

на Богоне. И который игумен имет в том монастыре пети, и яз ему приказал тот монастырь строити, чтоб как туто всегдашняа богомолья была. И на церковные земли приказал есмь людей звати, что подавали те земли в дом пречистой Богородици честнаго еа Покрова Филип Марков сын Богоньского да братаничь его Лев чернец. И пожаловал есмь того своего игумена — не надобе ему никотораа моа дань, ни к старосте поповскому с тяглыми попы тянути, ни иная никотораа пошлина. Ни десятинници мои переаславльские в тот мой монастырь не въежжают, ни всылают ни по что, и не емлют никаких пошлин, и не судят того моего игумена, ни тех черньцев моего монастыря. А кому будет до того игумена или до черньцев каково слово, и яз, Иона, митрополит всеа Руси, сам их сужу. А коли куда отъеду в свою митрополью дале, ино его судит мой наместник, кому прикажу свое место ведати. А о всем о том игумен знает мене, Иону, митрополита всеа Руси.

А дана грамота на Москве месяца генвариа в 10, индикта 12.

АФЗ и Х, т. I, № 135

Историко-правовой обзор

Княжеские грамоты

I. Грамоты, закрепляющие переход в собственность феодалов недвижимого имущества

1462—1466 гг. Жалованная грамота на деревню Кондратовскую

Жалованная данная грамота Ивана III Троице-Сергиеву монастырю является одним из источников, характеризующих рост монастырского землевладения в XV веке. Великокняжеские жалованные грамоты отражают разнообразные социально-экономические отношения между вкладчиками и монастырем (скрытый вид купли земли — передача земли с требованием уплаты долгов и т. п.). В настоящей грамоте великий князь санкционирует факт пере-

хода к монастырю земли старца Троице-Сергиева монастыря, бывшего боярина Геннадия Бутурлина.

З братьею — эта трафаретная формула встречается почти во всех жалованных грамотах монастырям. Она показывает, что грамота пожалована не лично игумену, а монастырю как духовной корпорации, юридическому лицу.

Хто по нем иный игумен будет — другой, кто после него будет игуменом. Подобно предыдущей, данная формула является обычной принадлежностью жалованных грамот монастырям. Она фиксирует независимость срока действия жалованной грамоты от смены настоятелей в монастыре.

Деревня Кондратовская — запустела уже во второй половине XV века, в XVII веке местные старожилы о ней уже ничего не знали.

По тому ж со всем — эта формула показывает, что деревня переходит к монастырю со всем комплексом материальных ценностей, которые принадлежали ее старому владельцу. Иногда в данных грамотах поясняется: «с лесы, с лугы, с озером, а в поле стоячей хлеб...» и т. п. В данных грамотах обычно не фиксировалась передача крестьян вместе с землей. Но фактически крестьяне переходили к новому владельцу. Об этом свидетельствует встречающаяся в некоторых данных грамотах статья о передаче наряду с землей «серебра», то есть денег, полученных крестьянами в долг от феодала. Крестьяне должны были выплачивать старый долг новому владельцу земли. Таким образом, в основе экономической зависимости крестьян от феодалов лежало право феодальной земельной собственности.

1448—1461 гг. Жалованная заповедная грамота на озеро в Луховце

В грамоте Воскресенскому монастырю подтверждение прав владения недвижимой собственностью (озером) сопровождается «заповедью» (запрещением), в которой эти права ограждены от посягательств со стороны княжеских агентов и посторонних лиц.

Отца своего — митрополит считался «духовным отцом» великого князя.

Монастыря ...Воскресениа домовное. — На землях митрополии, или, как она иначе называлась, «Дома Пречистыя Богородици», был расположен ряд монастырей, носивших наименование «домовных». Для взаимоотношений домовных монастырей с кафедрой характерна просьба о защите — «челобитье», с одной стороны, и согласие на защиту — «пожалование» — с другой.

Митрополичий дом выступал в роли патрона коммендированных домовных монастырей. Классовый смысл патроната митрополичьего дома над мелкими церковными организациями состоял в защите последних от выступлений против них феодально-зависимых крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу с духовными и светскими феодалами.

Митрополичья кафедра отстаивала интересы домовных монастырей и перед великими князьями. В вассальной зависимости от домовных монастырей находились более мелкие церкви и «пустыньки».

В митрополии наблюдается, таким образом, характерная для периода феодальной раздробленности иерархия феодальных поземельных отношений.

Часто митрополичья кафедра добивалась разрыва отношений зависимости между мелкими «пустыньками» и домовными монастырями, ставя мелкие духовные корпорации в непосредственную вассальную зависимость от себя.

По грамоте княж Иванове Андреевича — для установления законности прав владения Воскресенского монастыря озером был послан князь Иван Андреевич, который доложил великому князю о результатах своего обследования в специальной грамоте.

Того обыскал..., что Свято-озерцо... святого Воскресениа и его — установил, что озеро принадлежит монастырю святого Воскресения и ему (митрополиту).

Своим рыболовом — имеются в виду рыболовы, поставлявшие рыбу на великокняжеский двор.

Луковшане — жители Луховца. Луховец — поселение во Владимирском уезде.

Ловли деяти — ловить рыбу.

Ни вступатись... ни чем — формула, запрещающая нарушать права собственности и использовать чужое владение каким бы то ни было образом.

1447—1455 гг. Жалованная меновная грамота на Городищские пустоши

Грамота является образцом документа, отражавшего обмен владениями между великим князем и крупным духовным вотчинником. В приводимом документе не только зафиксирован обмен селами, но и подробно описана межа, разграничивавшая вотчины великого князя и монастыря. Грамота скреплена печатью, подписью великокняжеского дьяка и свидетельством феодалов, присутствовавших при оформлении земельного акта. Все это подчеркивает большое значение, которое придавало великокняжеское правительство вопросам перераспределения земельных фондов между частными феодалами и носителями государственной власти.

Келарь (греч. «амбарник») — второе после настоятеля лицо в монастыре. В ведении келаря находилось монастырское хозяйство.

Село Городище — было расположено на восточном берегу Переяславского озера. В этом районе имела место большая чересполосица, которую владельцам приходилось устранять путем обмена и продаж «отхожих пустошей и пожен».

Выменил ... к своему селу... село — эта формула типична для меновных грамот. Старое владение, наиболее близкое к вновь приобретаемому, называлось для того, чтобы указать, с каким селом будут «тянуть» новые земли «во всякие подати и оброки».

Село Князское Ивановское Крюкова — название селу дано, несомненно, по имени его бывшего владельца Ивана Михайловича Крюкова, сына боярина Михаила Федоровича, не носившего княжеского титула, но происходившего от смоленских князей Фоминских.

Со всем с тем, что к нему потягло — эта формула имеет в виду прилегающие к селу луга, поля, лес, пожни и т. п.

Опрочь — кроме.

Хлеб в земле — речь идет о неснятом хлебе, посеянном монастырскими крестьянами. Этот неснятый (или не вырос-

ший еще) хлеб принадлежал монастырю, хотя земля, на которой он находился, становилась собственностью великого князя.

Пустоши — опустевшие, но ранее заселенные земли. Пустоши, как и деревни, «тянули» обычно к тому или иному селу.

Отвод — межа.

Отъехал — отмежевал.

От Касьянова... и далее — подробное описание межи, содержавшееся в грамоте, преследовало цель точного установления границы между владениями феодалов и рассматривалось как основание для правильного урегулирования возможных земельных споров.

Заполье — земля за полем, дальняя пашня, залежь, росчисть сверх тяглого участка.

Новотереб — новая росчисть (от леса) под пашню.

Впрок — навеки. Этот термин часто встречается в актах феодального землевладения. Он подчеркивает, что сделка носит окончательный характер: земли переходят в постоянное и безусловное владение их приобретателя.

А на мéне были — свидетелями (этой сделки, мены) были. В частно-правовых актах имеется аналогичная статья. Там свидетели называются послухами. Послухи были ответственны за выполнение условий сделки тем лицом, за кого они поручались.

1485—1488 гг. Указная грамота о досмотре меж

Грамота характеризует великокняжеское правительство как главную судебную инстанцию, к которой обращались феодалы в случае земельных споров между собой. Получив челобитную Троице-Сергиева монастыря о нарушении старых меж, великий князь отправляет «судью» для установления правильности сообщенных в челобитной фактов. Грамота не отражает дальнейшего хода дела. Результаты своего обследования «судья» должен был изложить в специальном «докладе» великому князю. После этого если сообщенные в челобитной факты подтверждались данными обследования, великий князь в новой указной грамоте приказывал «судье» восстановить старую межу. Размеже-

вание, произведенное по указу князя, фиксировалось в специальной разъезжей грамоте, которая обладала юридической силой судебного приговора, вынесенного великим князем.

Дмитрей Лазарев-Станищев — разъездчик (межевщик) и судья великого князя Ивана III. В функции «судьи»-межевщика входило не только заново межевать землю, но и восстанавливать старые межи, особенно межи, проведенные под его руководством.

Вступается — нарушает права владельца, использует чужое владение для своих нужд.

Деи — ср. с сохранившимся позднее в употреблении словами «де», «мол».

Еска Макъсимов — в 1476 году был тысяцким в Великом Новгороде. Позже был выселен из Новгорода, лишен своих вотчин и испомещен в Юрьевском уезде по соседству с селом Кучкой.

Лезши через твой разъезд — нарушив межу, установленную тобой.

Данило Милосълавской — был посельским у князя Юрия Васильевича в Юрьеве, а после его смерти — у великого князя Ивана III и у великой княгини Софии.

Чинили — делали, устанавливали.

Понявши — взяв в качестве свидетелей. При межевании присутствовало значительное число лиц, как правило, старожильцев, которые, указывая старые межи, были одновременно свидетелями нового межевания. В данном случае межевщику предписывается использовать их для установления факта нарушения старых меж.

II. Грамоты, отражающие борьбу феодалов за рабочие руки

1454—1455 гг. Грамота об отпуске серебреников только в Юрьев день

Грамота Белозерского князя Михаила Андреевича об отпуске серебреников Ферапонтова монастыря в Юрьев день характеризует процесс закрепощения одной из групп феодально-зависимого крестьянства — половников. Приводимая ниже указная грамота Ивана III ярославскому на-

местнику князю Оболенскому содержит аналогичное постановление применительно ко всем людям Троице-Сергиева монастыря, находившимся в его ярославских вотчинах. Это свидетельствует о том, что процесс закрепощения крестьян к середине XV века охватил всю основную массу трудового населения деревни, а не касался только отдельных его категорий.

Запрещение принимать в волость серебреников Ферапонтова монастыря имело и свои особые причины. В 50-х годах XV века, очевидно, резко усилилась эксплуатация крестьян в вотчинах Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей, так как в 1450 году они получили от правительства право волочить одну треть всех судов, проходивших через волок. Это право, давшее монастырям большие доходы, привело к увеличению барщинных повинностей монастырских крестьян: к их старому «изделью» прибавилась еще бурлацкая повинность (не случайно в грамоте речь идет о выполнении половниками отработочных повинностей). Рост феодального гнета вызвал бегство крестьян из монастырских вотчин.

На примере настоящей грамоты мы имеем возможность убедиться, как усиление феодальной эксплуатации обострило классовую борьбу крестьянства, которая, в свою очередь, наталкивалась на ответные мероприятия господствовавшего класса, организованно проводившего политику закрепощения крестьянства.

Путь — здесь подведомственная область, округ (о «пути» см. историко-правовой обзор к Духовной грамоте Ивана Калиты).

Волочек — волость Волочек Словенский, получившая свое название от одного из волоков, соединявших Словенское озеро с рекой Порозобицей. Этот волок лежал на важном торговом пути из Белого моря в Вологду. Первое упоминание о Волочке Словенском относится к 1389 году, когда он принадлежал княгине Федосье, жене белозерского князя Давида Семеновича Кемского.

Половники в серебре — половники, взявшие в долг у феодала деньги (серебро). Половник — феодально-зависимый крестьянин, работавший из половины или вообще из части урожая.

Межень лета и всегды — в течение круглого года, в любое время.

Серебреник — крестьянин-должник (занявший деньги у феодала).

Истое — сумма долга без процентов.

Без росту — без процентов.

Старец Мартемьян — видимо, монастырский посельский, управлявший названными в грамоте Мартемьяновскими деревнями.

О Юрьеве дни — в Юрьев день. В году существовало два Юрьева дня — «вешний» (23 апреля) и «осенний» (26 ноября). Юрьев день был сроком сдачи оброка сотнику. Юрьев день осенний являлся сроком законного «отказа» крестьян.

А ту есми полетную подернил — нарушил ту полетную грамоту, объявил ее утратившей силу. В начале грамоты излагалось содержание княжеской полетной (предоставлявшей рассрочку в уплате долга) грамоты, при помощи которой удельный князь хотел заполучить в число своих волостных крестьян монастырских серебреников.

Сведения об этой полетной грамоте Михаила Андреевича ярко характеризуют борьбу феодалов за рабочие руки в Белозерском княжестве. Однако в обстановке обострившейся классовой и внутриклассовой борьбы удельный князь был вынужден отказаться от своего первоначального намерения и удовлетворить требования влиятельного монастыря.

Они бы дело доделывали на то серебро — здесь имеется в виду так называемое «издельное» серебро, то есть деньги, дававшиеся с условием возмещения долга путем выполнения натуральных повинностей в пользу феодала (в отличие от ростового серебра, предполагавшего уплату долга и процентов деньгами).

А в серебре бы ввели поруку — эта статья требует установления коллективной ответственности нескольких крестьян за выполнение серебреником повинностей. Кроме самого серебреника, за него должны были поручиться другие тяглецы.

Введение поруки способствовало обеспечению интересов землевладельцев и являлось одной из форм внеэкономического принуждения крестьянства.

1463—1468 гг. Указная грамота об отказе крестьян в Юрьев день

Грамота отражает степень развития крепостнических отношений во второй половине XV века и является одним из убедительных свидетельств, разоблачающих лживую легенду дворянских (Н. М. Карамзин) и буржуазных (Б. Н. Чичерин) историков о свободе крестьянских переходов на Руси до конца XVI—XVII вв. Грамота также характеризует роль феодального государства на страже интересов господствующего класса земельных собственников.

Причины появления этой грамоты могут быть поняты в свете взаимоотношений между ярославскими землевладельцами и московскими вотчинниками. Присоединение Ярославского княжества к Москве в 1463 году повлекло за собой конфискацию земель у ряда оппозиционно настроенных по отношению к Москве местных бояр и передачу этих земель другим феодалам. Перераспределение земельных фондов между вотчинниками Ярославского уезда привело к усилению феодального гнета, вызвавшего, в свою очередь, побеги крестьян. Одновременно началась острая борьба за рабочие руки между ярославскими боярами и духовными и светскими землевладельцами соседних уездов.

Заказник — должностное лицо, задачей которого являлась организация переходов крестьян с земель одного владельца на земли другого в установленные, «законные» сроки. В своей деятельности заказники, очевидно, использовали административный аппарат, находившийся в распоряжении наместников.

Термином «заказник» (заказщик) обозначались также великокняжеские административные чины вообще (АСЭИ, т. I, № 294—297 и др.) и монастырские приказчики (АСЭИ, т. I, № 245, 523 и др.).

Отказываете люди — отпускаете, здесь, в смысле «вывозите», «переманиваете» людей.

Межи Юрьева дни — в период времени до и после Юрьева дня.

Откажется не о Юрьеве дни — перейдет (из монастырской вотчины в «черную» волость) не в Юрьев день.

Отдавайте им — отдавать игумену с братьею.

III. Иммунитетные грамоты

1362—1365 гг. Тарханно-несудимая грамота Отрочу монастырю

Грамота характеризует нормы феодального иммунитета в Тверском княжестве в XIV веке. Полнота объема закрепленных за монастырем иммунитетных привилегий объясняется двумя факторами.

С одной стороны, Отроч монастырь являлся крупнейшей духовной корпорацией княжества, концентрировавшей вокруг себя целый ряд более мелких монастырей, связанных со своим патроном отношениями вассалитета. Отроч монастырь был собственником огромных земельных владений. В средневековых феодальных государствах политическое значение феодала определялось обычно размерами землевладения. Понятно поэтому, что финансовая, судебная и административно-военная власть Отроча монастыря была чрезвычайно велика. Тверские князья оказались не в состоянии урезать иммунитетные привилегии крупного монастыря-вотчинника [1].

С другой стороны, задача, стоявшая перед составителями грамоты Отрочу монастырю, заключалась не в ограничении иммунитета духовной корпорации, а в урегулировании междукняжеских конфликтов.

Выяснение мотивов выдачи жалованной грамоты Отрочу монастырю связано с вопросом о ее датировке. Крайними датами приняты 1362 и 1365 гг., потому что в грамоте не упомянут сын Василия Михайловича — Василий Васильевич, скончавшийся в 1362 году, и названы князья Семен Константинович, Всеволод и Владимир Александровичи, умершие в 1365 году.

Составление грамоты происходило в напряженной политической обстановке. Появление этого документа становится понятным в свете отношений между великим князем тверским Василием Михайловичем и его племянниками — Всеволодом, Михаилом, Владимиром и Андреем Александровичами. Борьба Всеволода с Василием Михайловичем уходит своими корнями к концу 40-х годов XIV века. Целью

---

[1] В этом отношении интересно сравнить грамоту Отрочу монастырю с грамотой Ивана Калиты Юрьеву монастырю (ГВН и П, № 86): московское великокняжеское правительство сочло возможным предельно сократить судебный иммунитет монастыря — пример, наглядно показывающий разницу в степени централизации государственной власти в Московском и Тверском княжествах.

обоих противников было обладание великокняжеским престолом в Твери. Василий Михайлович ориентировался на Москву и пользовался постоянной поддержкой великих князей московских — Семена Гордого и Ивана Красного, а также митрополита Алексея. Благодаря содействию Семена Гордого Василий Михайлович получил в 1351 году ярлык на великое княжение в Твери.

Князь Всеволод Александрович Холмский, напротив, стремился заручиться помощью Литвы. Между ним и литовским князем Ольгердом установились родственные связи. Породнились с Ольгердом и братья Всеволода.

В конце 50 — начале 60-х годов XIV века Василий Михайлович оказался в весьма затруднительном положении. Умер московский великий князь Иван Иванович. Великим князем владмирским был утвержден в Орде и признан новгородцами не сын Ивана Красного Дмитрий Иванович, а суздальский князь Дмитрий Константинович, находившийся в родстве с Ольгердом и племянниками Василия Михайловича. Это заметно ослабило позиции тверского великого князя. К тому же в Тверском княжестве активизировалась деятельность сторонников литовской ориентации. Из Литвы вернулся бежавший туда Всеволод, а также приехал ставленник Ольгерда митрополит Роман (1360 г.), вокруг которого стали группироваться племянники Василия Михайловича и все феодалы, недовольные политикой тверского великого князя. В литературе высказано предположение, что Роман прибыл в Тверь с целью примирить князей и выговорить Всеволоду наиболее выгодные условия. Так или иначе, но Василий Михайлович был вынужден пойти на уступки племянникам. Он отдал им треть Твери, оставив за собой две трети [1].

После усиления позиций удельных князей в Твери (1359—1360 гг.) наиболее опасным соперником Великого князя тверского Василия Михайловича сделался его племянник Михаил Александрович, удельный князь Микулинский, очевидно, пользовавшийся поддержкой тверского купечества. Михаил являлся сыном тверского великого князя Александра, в то время как Василий Михайлович занял великокняжеский престол, будучи кашинским удельным князем. Верхушка городского населения Твери находилась, несомненно, в более тесном контакте с князьями тверского дома, чем с кашинским князем Василием Михайловичем. Поэтому после соглашения князей в 1359—1360 гг. тверичи открыто выступили на стороне Михаила Микулинского.

---

[1] Москва при великом князе Иване Ивановиче была поделена подобным же образом между великим князем и удельными князьями московского дома (см. Духовную грамоту Ивана Калиты).

В сложившейся обстановке выдача жалованной грамоты Отрочу монастырю имела большое политическое значение. Инициатива ее составления исходила, несомненно, от великого князя Василия Михайловича, который надеялся при посредстве крупнейшей духовной корпорации княжества удержать за собой Тверь и тверские волости. Грамота носит характер договора не только тверских князей с Отрочим монастырем, но и договора князей между собой: грамота обязывала князей к определенному единству действий с великим князем Василием Михайловичем. Таким образом, грамота являлась по существу формой трехстороннего докончания (договора).

В составлении грамоты приняли участие обе враждующие стороны: великий князь Василий Михайлович, его сын Михаил Васильевич, князь Еремей Константинович Дорогобужский и поддерживавший их епископ Федор — с одной стороны, и племянники Василия Михайловича — удельные князья Всеволод, Михаил, Владимир и Андрей Александровичи, князь Семен Константинович Дорогобужский и близкий к ним епископ Василий — с другой стороны. Активно участвовал в составлении грамоты и Отроч монастырь, представитель которого епископ Федор выступал заодно с великим князем Василием Михайловичем [1].

В грамоте отчетливо проявилось стремление великого князя Василия Михайловича лишить удельных князей каких бы то ни было аргументов в пользу их притязаний на великокняжеский стол. Весьма показательно отсутствие в грамоте ссылки на грамоты брата Василия Михайловича — князя Александра, отца Михаила Микулинского, Всеволода Холмского и др. Имеется упоминание лишь о грамотах князя Михаила — отца Василия Михайловича и деда оппозиционных удельных князей.

Возникает вопрос о том, когда была составлена грамота Отрочу монастырю: до нападения великого князя Василия

---

[1] Федор в 1359 году отрекся от епископского звания и поселился в Отроче монастыре. Его отречение, видимо, связано с усилением Всеволода и литовской партии, посадивших в 1361 году на епископский стол своего ставленника — Василия.

на Микулин (1363 г.) или после него — в результате примирения Василия Михайловича с Михаилом Александровичем? Первое предположение кажется нам более правдоподобным. Грамота представляется следствием общего компромисса между тверскими князьями. Ее выдачу великий князь Василий рассматривал как одно из мероприятий, подготавливавших почву для открытой борьбы с удельным микулинским князем.

Братаничи — сыновья брата, племянники.

Деля — для, ради.

Въскресенье за Волгою и др. — названия монастырей, приписанных к Отрочу. Точное расположение их неизвестно. Однако представляет большой интерес то обстоятельство, что грамота указывает монастыри, находившиеся главным образом на территории уделов племянников Василия Михайловича. Так, Воскресенье и Богородица на Шоше были расположены, видимо, в пределах Микулинского княжества, по которому протекала река Шоша. Богородица на Гостомле находилась, очевидно, в Холмском уделе князя Всеволода (в Зубцовском уезде, где и находился, по мнению исследователей, г. Холм, сохранилась до более позднего времени деревня Тостомля или Гостомля). Таким образом, великий князь Василий Михайлович стремился заручиться поддержкой не только тверского Отроча монастыря, но и монастырей, находившихся на землях его соперников — удельных князей.

Конархист — ср. с позднейшим «конарх» (читающий в церкви каноны и стихары).

Сторонники — странники, паломники.

Слуги монастырьские — категория зависимых от монастыря лиц, из которых формировалась монастырская вотчинная администрация. Они использовались также для выполнения особых поручений монастыря при княжеских дворах и в других случаях.

Ключники — группа монастырских слуг, ведавших монастырским хозяйством в селах и собиравших налоги в пользу монастыря. Ключники назначались в села на определенный срок и взимали с крестьян натуральный, а впоследствии и денежный корм.

Вольные люди — вольными людьми могли называться лица, не имевшие своих участков земли (захребетники

и т. п.) Здесь, возможно, имеются в виду высококвалифицированные ремесленники из числа посадских людей, временно нанимавшиеся для отстройки и ремонта особо сложных архитектурных деталей монастырского здания (известно, например, что новгородские плотники еще в более ранние времена работали по найму в других городах).

Сироты — крестьяне, владеющие участком земли, но не имеющие на него права собственности (последнее принадлежало феодалу).

Дань, ям, подвода, тамга, осьмничее — налоги и повинности. Подробно о них см. историко-правовой обзор к льготным грамотам 1423—1424 гг. Благовещенскому монастырю и Ивану Кафтыреву.

Сторожевое — пошлина, заменявшая обязанность давать сторожей для участия в княжеских походах и охотах.

Писчее — см. о писчей белке в историко-правовом обзоре к грамотам Ивану Кафтыреву и Благовещенскому монастырю.

Корм — очевидно, имеется в виду корм, который платили крестьяне наместникам, волостелям и их агентам.

Медовое — оброк медом.

Служба — возможно, подразумевается обязанность выставлять определенное число людей для исполнения различных вспомогательных функций в княжеском войске.

Дело княже — общее определение натуральных, главным образом строительных, повинностей в пользу князя.

Дворьский — княжеский агент, ведавший сбором налогов и принуждением к исполнению повинностей «черных» крестьян (в отличие от даньщика, взимавшего дань с населения иммунитетных владений).

Старосты — выборные крестьянские должностные лица, отвечавшие за сбор налогов и отбывание повинностей. Находились в подчинении у дворского.

Не займают ни про что — не принуждают ни к чему.

Ать не въездят — да не въедут.

Данници — даньщики, княжеские агенты, собиравшие дань.

Ямьщици — княжеские чиновники, заведовавшие отбыванием ямской повинности.

Писци — агенты князя, производившие описание земель (о писцовых описаниях см. историко-правовой обзор к грамотам 1423—1424 гг. Ивану Кафтыреву и Благовещенскому монастырю).

Пошлиньники — в данном случае имеются в виду сборщики таможенных пошлин и, возможно, судебные агенты князей.

Про все те люди знають архимандрита службою и подъможеньемь дому церковному святое Богородици — формула ярко характеризующая классовую направленность княжеской жалованной грамоты. Привилегии касались не монастырских крестьян, а самого духовного вотчинника, который получал разрешение на дальнейшую, еще более усиленную эксплуатацию непосредственных производителей.

Зарубежье — здесь территория, находившаяся вне пределов Тверской земли.

Ся учинеть — случится.

Розбой и др. — подробнее см. историко-правовой обзор к грамотам 1423—1424 гг. Благовещенскому монастырю и Ивану Кафтыреву.

Суд... межи монастырских людей — судебное дело, в котором сторонами являлись монастырские люди.

Дворянин — в данном случае играл роль пристава, вызывавшего в суд истца и ответчика. Как и тиун, дворянин, о котором идет речь в настоящей грамоте, принадлежал к числу монастырских слуг.

А смешаються судом — относительно практики сместного суда см. историко-правовой обзор к грамотам 1423—1424 гг. Благовещенскому монастырю и Ивану Кафтыреву.

Около 1371 г. Жалованная грамота Олега Рязанского Ольгову монастырю

Подобно предшествующей грамоте, грамота Олега Рязанского Ольгову монастырю закрепляет за духовной корпорацией полный податной и судебный иммунитет. Исследованиями Б. А. Романова и Л. В. Черепнина выяснены политические мотивы составления приводимой грамоты. Л. В. Черепнин установил, что в августе

1371 года был заключен договор между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и Олегом Рязанским, вынужденным признать самостоятельность Пронского удела. Неудовлетворенность Олега результатами договора привела к столкновению между рязанскими и московскими вооруженными силами в декабре 1371 года под Скорнищевым. Л. В. Черепнин относит составление грамоты Ольгову монастырю ко времени между августом и декабрем 1371 года. Грамота должна была играть роль документа, в котором предъявлялся счет Москве. Перечисленные в грамоте погосты Песочна, Холохолна, Веприя, Заячков к моменту ее оформления уже не принадлежали Рязани и входили в состав Московского княжества. Пятый погост — Заячины — был включен в Пронский удел. Предоставляя Ольгову монастырю полный судебный иммунитет в отношении сельского населения, находившегося вне рязанских владений, Олег надеялся с помощью влиятельной духовной корпорации присоединить к Рязани утраченные территории. Включение в жалованную грамоту сведений о том, что при «прадедах» Олега Ольгов монастырь получил право на владение погостами, оказавшимися в 70-х годах XIV века вне пределов Рязанского княжества, поднимало вопрос относительно пересмотра московско-рязанских границ, зафиксированных в августовском договоре 1371 года. Следовательно, жалованной грамоте предназначалась ответственная роль на дипломатической арене. Этим объясняется и ее уникальное оформление (изображение игумена-грамотчика).

Грамота Ольгову монастырю была выработана правящими верхами Рязанского княжества (князь, бояре, епископ) при активном участии самого монастыря. Как и грамота Отрочу монастырю, разбираемый документ являлся по существу договором между князем и крупным духовным вотчинником.

Околничии, чашьник — княжеские дворцовые чины.

Дал . . . в свободь — быть может, дал с правом свободы (от податей и суда). Ср. равнозначную латинскую формулу sub integra immunitatum».

С винами, и с поличьнымь, и с резанъкою, и с шестьюдесят — формула судебного и таможенного иммунитета в рязанских грамотах.

Грамоты, выданные рязанскими князьями, отличаются исключительной архаичностью формуляра. Приводимая статья встречается в рязанских грамотах конца XV века. Вместе с тем эта древняя формула показывает, что иммунитет был атрибутом земельной собственности. Иммунитетные права феодала закреплены здесь в позитивной форме.

Вины — судебные пошлины, штраф за убийство.

Поличьное — пошлина за судебное разбирательство дел о разбое и, видимо, татьбе с поличным (впрочем, для обозначения пошлины, взимавшейся судьей при разборе татьбы, в других рязанских грамотах употребляется специальный термин: «татин рубль»). Передача монастырю всех судебных пошлин означала установление судебного иммунитета монастыря в полном объеме.

Резанъка — по С. Б. Веселовскому, то же, что и мыт (проезжая пошлина с товаров). Возможно, резанка была мытом, в древнерусском смысле этого слова, то есть включала как проезжую, так и таможенную пошлину.

Шестьдесят — согласно мнению С. Б. Веселовского, штраф, взимавшийся в случае неуплаты мыта (шестьдесят состояло из нескольких резанок). С. Б. Веселовский справедливо полагает, что в рязанских грамотах резанка и шестьдесят стоят рядом с судебными пошлинами, потому что они вместе с последними составляли главную статью дохода наместников и волостелей. Очевидно, монастырь получил право собирать резанку и шестьдесят не только со своих крестьян, но и с проезжавших по монастырской земле купцов.

Позем — оброк, который платили непашенные крестьяне за владение монастырской землей, являвшейся феодальной собственностью монастыря. Поземщики обычно занимались промыслами и охотой. Возможно, здесь имеется в виду позем, взимавшийся с монастырских бортников.

С бобры — подразумеваются так называемые «бобровые гоны», то есть водоемы, где водились бобры.

Перевесьищи — сети, устанавливаемые в лесу для ловли птиц. Здесь имеются в виду места, где эти сети находились. Показательно, что в грамоте земельные владения,

передаваемые монастырю, перечисляются вперемежку с различными пошлинами. Это лишний раз подчеркивает неразрывность феодальной собственности на землю с иммунитетом.

Давныи грамоты — можно читать также: «данныи грамоты».

Бояр 300, а мужии 600 — исследователи считают эти числа легендарными.

Погосты — административные единицы, служившие в древней Рязани местом сбора дани.

Песочна — поселение в районе реки Песоченки, притока Отры, впадающей в Москву-реку, в 25 км от Коломны.

Холохолна — поселение на реке Холохолне, притоке Плавы, впадающей в Упу, приток Оки.

Заячины — поселение у истоков реки Прони.

Веприя — Вепрейка, село около реки Лужи.

Заячков — поселение к юго-востоку от г. Боровска в районе реки Нары, левого притока Оки. Заячины, Веприя, Заячков — названия, возникшие, очевидно, в результате попогостной специализации княжеской охоты (на зайцев, вепрей, т. е. диких кабанов, и др.).

Семии — семья, понятие, равнозначное двору. Семья — окладная единица для сбора дани и других подворных пошлин. Исследователи (Б. А. Романов, Л. В. Черепнин) полагают, что количество семей, перечисленных в грамоте, явно преувеличено, но свидетельствует о широкой политической программе рязанского правительства по расширению своих рубежей и освоению зарубежных пунктов с проживающими в них потомками рязанских подданных (Л. В. Черепнин).

Слободичь — житель слободы.

А хто даных людии прадеды нашими святой Богородици дому, где имуть седети, или бортници или слободичь, в моей отчине, ать знають дом святои Богородици — в этой статье говорится о том, что монастырские люди, предки которых были переданы монастырю княжескими «прадедами», подлежат монастырской юрисдикции даже в том случае, если они вышли из пределов монастырских владений в качестве бортников или слободчиков.

Не вступаются — не ведают.

Федор Борисович, Климент, Еремеи Великии с Глебом — видимо, крупные рязанские бояре.

Мужи — может быть, княжеские дружинники.

Боронити — защищать.

А коли есм выехал... — последняя часть грамоты является позднейшей припиской. В ней Олег рассказывает, что, выезжая из Переславля Рязанского (после поражения под Скорнищевым в декабре 1371 года), он обещал пожертвовать монастырю в случае своего возвращения право на сбор проезжих пошлин. Этим Олег хотел сохранить союз с крупнейшей духовной корпорацией княжества на время вокняжения в Переславле Рязанском удельного князя Владимира Пронского.

1423 г. Жалованная льготная и несудимая грамота на село Лысковское

1424 г. Жалованная льготная и несудимая грамота Ивану Кафтыреву

Обе грамоты предоставляют грамотчикам податной и судебный иммунитет в более или менее полном объеме. Здесь мы видим целый комплекс различных по своему содержанию правовых норм. Характерной особенностью обеих грамот является то, что они даны на запустевшие владения. Льгота, таким образом, должна была стимулировать заселение этих мест. Льготные грамоты первой четверти XV века отражают политику московского великокняжеского правительства, направленную на закрепление в пределах Московского княжества запустевших и вновь присоединенных земель, где феодалам предоставлялись большие иммунитетные льготы. Укрепляя экономическую власть феодалов, правительство уже в этот период начинает последовательно проводить ограничение податного и судебного иммунитета, способствуя тем самым дальнейшему росту феодальной эксплуатации. Отличительной особенностью льготных грамот XV века является временное, а не бессрочное освобождение от основного прямого налога — дани. В грамотах первой четверти XV века из судебного иммунитета исключался, как правило, разбор дел о душегубстве (убийстве). В грамоте Благовещенскому монастырю

мы видим еще большее сужение сеньориальной юрисдикции (исключение из нее, помимо права суда по делам о душегубстве, права разбирать дела о разбое). Это объясняется стремлением правительства усилить власть своих местных органов в недавно присоединенном Нижегородском уезде. Грамота землевладельцу Ивану Кафтыреву отличается от грамоты Благовещенскому монастырю краткосрочностью судебного иммунитета. Жалованная грамота Кафтыреву является одной из самых ранних дошедших до нас жалованных грамот, выданных светским феодалам.

Межениною вымерли — умерли от голода, происшедшего в результате неурожая.

Иныя разошлися — с некоторых земель (крестьяне) ушли.

Старожилец — (по определению Б. Д. Грекова) крестьянин-тяглец, живущий на определенном участке земли, государственной или частновладельческой, и обязанный нести повинности в пользу государства, если он живет на государственной земле, и государства и владельца, если он живет на земле частновладельческой.

Люди пришлые из иных княжений — крестьяне, перешедшие в данное владение из других княжеств, всегда получали бо́льшие льготы чем старожильцы, так как им нужен был продолжительный период времени для того, чтобы построить жилище и обзавестись хозяйством на новом месте. Старожильцам льгота давалась обычно на три-пять лет, а «новоприходцам» — на десять-пятнадцать лет. Князья считали весьма выгодным привлекать в свое княжество людей из других княжеств, так как по истечении льготных лет эти люди должны были пополнить число тяглецов, платящих князю дань. С другой стороны, иммунистам строго воспрещалось призывать крестьян данного княжества, не являвшихся обитателями владений грамотчика, так как они были плательщиками княжеских налогов.

Никотораа . . . дань — дань, основной прямой налог, взимавшийся, очевидно, подворно. Для сбора дани князья посылали специальных агентов — данщиков. Непосредственно раскладкой дани ведали крестьянские выборные должностные лица — сотские, пятидесятские, десятские.

Употребление термина «никотораа» перед словом «дань» может быть объяснено двояко: во-первых, дань в ряде случаев уплачивалась несколько раз в год (обычно два раза). В грамотах встречается выражение: «никотораа моя дань: ни рожественая, ни петровская». В первой половине XV века дань могла взиматься в двух формах: как в денежной, так и в натуральной — различными продуктами (хлебом, медом и т. п.).

Жалованные грамоты редко предоставляли бессрочное освобождение от дани, так как последняя составляла главную статью доходов княжеской казны. Иван III, подтверждая грамоту Василия II московскому Симонову монастырю, даже аннулировал содержавшееся в ней освобождение от дани (ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 108—109). В грамоте Благовещенскому монастырю особенно внимательное отношение к дани также проявляется вполне определенно (см. пункт о перешедших к монастырю великокняжеских крестьянах: «дает с них дань мою»; см. также пункт: «А коли придет моа дань (если будет объявлен сбор моей дани)... и архимандрит за них сам платит мою дань»). Архимандрит обязывался к уплате дани оброком. Перевод дани на оброк избавлял население монастырских сел от общей с «черными» людьми раскладки податей. Однако вся тяжесть платежа лежала на крестьянах; только сам сбор налога находился в руках других сборщиков — монастырской администрации, которая передавала затем установленный оброк в великокняжескую казну. Часть собранного оброка могла в том или ином виде поступать в пользу монастыря. В ряде грамот (главным образом, первой половины XVI века) оброк выступает в точно зафиксированной денежной форме, причем перевод на оброк охватывает в подобных грамотах не только дань, но, как правило, и другие основные подати и повинности.

Писчаа белка — пошлина в пользу писца за описание земель. Об описательных работах до конца XV века до нас дошли очень скудные сведения. Ретроспективно ход описательских работ в XV веке можно представить себе следующим образом. Описание велось по уездам, а в уездах — по волостям или станам. Земли разных владельцев описывались отдельно. Описание сводилось к перечислению дворов в селах и деревнях, пашенных угодий,

пожен, лугов и т. п. К концу XV века главной окладной единицей становится так называемая «соха» (о сохе см. в историко-правовом обзоре к Белозерской уставной грамоте). Земля, описанная писцом, считалась «положенной в тягло». Писцовые описания служили основанием для раскладки податей и прежде всего дани. Термин «писчаа белка» указывает на давность практики описания земель с фискальными целями: зарождение описаний относится к тому периоду, когда писцу за его работу платили еще беличьими шкурками. С переходом к металлическим деньгам термин «писчаа белка» сделался архаическим пережитком, хотя пошлина в пользу писца продолжала взиматься [1].

Ям — натуральная повинность, состоявшая в обязанности тяглого населения участвовать в организации ямской гоньбы: строить ямские дворы (станции), поставлять на них лошадей и ямщиков. Часто заменялась денежным платежом.

В начале XVI века эта повинность в частновладельческих землях была повсеместно переведена на деньги. Уже в первой половине XVI века ямские деньги заменили дань как основной налог с частновладельческих земель. Наряду с ямскими деньгами существовала повинность стоять на яму с подводами, часто обязательная для населения иммунитетных вотчин. В первой четверти XVI века руководство сбором прямых налогов на местах начинает переходить в руки так называемых городовых приказчиков, постоянно находившихся в уезде, в отличие от прежних данщиков и прочих «посыльников», временно присылавшихся на места для сбора податей в «государеву казну». Первое известное нам упоминание о городовых приказчиках относится к 1515 году (ЦГАДА, кн. копий Волоколамского монастыря, № 75) [2].

Подводы — повинность, по своему характеру тесно связанная с ямом. Подводой называлась обязанность тяглого

[1] В жалованных грамотах XVI века термин «писчаа белка» встречается очень редко, но не исчезает совсем (см., например, ГБЛ, Тр. кн. 528, № 240; ГИМ, Сим. кн. 58, № 7 по Дмитрову), как полагали некоторые дореволюционные историки (Н. Д. Чечулин и др.), говоря об отмене писчей белки в XVI веке.

[2] М. А. Дьяконов относил первое упоминание о городовых приказчиках к 1517 году.

населения предоставлять лошадей (а, возможно, и подводы) для разъездов местной администрации.

Тамга — торговая пошлина, платилась с цены товаров, которые, прежде чем быть проданными, подвергались клеймению в таможне. Тамга была введена на Руси в XIII веке. По-татарски тамга — клеймо, пятно. Последнее слово наряду со словом «тамга» прочно вошло в состав терминов, обозначавших пошлины. «Пятно» взималось за продажу лошадей, которых клеймили («пятнали») специальным «пятном» (клеймом). За продажу товаров без уплаты тамги брался штраф — «протаможье». Продажа коня без «пятнания» также каралась штрафом, называвшимся «пропятенье».

Восьмничее — пошлина с продажи сыпучих тел (главным образом зерна и муки). Название пошлины произошло от слова «осьмина» (единица измерения сыпучих тел). Пошлина, очевидно, бралась с каждой осьмины или с денег, вырученных за каждую осьмину. Товары, которые нельзя было клеймить или измерять определенной мерой (например, сено, продававшееся возами, всякие мелкие изделия: гвозди, сошники и т. п.), просто предъявлялись таможнику с уплатой «явленого», или «явки», без чего продажа считалась незаконной. Кроме того, «явку» платил всякий приезжавший торговать каким бы то ни было товаром.

Уже в первой половине XVI века в связи с успешным ходом централизации Русского государства вносится некоторое единообразие в систему торговых пошлин. Исчезает «восьмничее». Очевидно, его заменила пошлина за измерение товаров — «померное». Основной торговой пошлиной становится тамга, которая благодаря унификации денежной системы (в 1535 году) взимается теперь (с 40-х годов XVI века) в определенном размере с рубля, независимо от того, клеймению или измерению подлежит товар. «Пятно» сохранилось в качестве самостоятельной пошлины, очевидно, потому, что оно неизменно входило в состав наместничьих доходов.

Весчее — пошлина за взвешивание товара на казенных весах.

Мыт — пошлина, платившаяся за провоз товаров. Термин «мыт» был распространен в ряде славянских

стран. В Древней Руси в XI—XII вв. слово «мыт» обозначало еще не диференцированную таможенную пошлину, взимавшуюся как за провоз, так и за продажу товаров. С появлением тамги мыт сделался только проезжей пошлиной. Но следы его прежнего значения проявлялись в том, что он взимался лишь с товаров. В случае неуплаты мыта взимался штраф — «промыт».

Костки — пошлина с людей, сопровождавших провозимый товар. Не лишено оснований предположение, что название этой пошлины произошло от слова «гость» (купец). Обычный размер этой пошлины — одна деньга с человека.

Езовое — пошлина за проезд мимо езов. Ез — специальное приспособление для ловли рыбы.

Побережное — пошлина, взимавшаяся за причаливание к берегу лодки или судна с товаром.

Тамга, восмничее, явка являлись торговыми пошлинами. Мыт, костки и целый ряд других поборов причислялись к проезжим пошлинам. Совокупность торговых и проезжих пошлин составляла многочисленную группу таможенных пошлин (см. историко-правовой обзор к Белозерской таможенной грамоте).

Пошлины с торговых сделок крестьян одного и того же села или деревни взимались либо агентами землевладельца, если село было расположено на частновладельческой земле, либо агентами князя или его наместника, если село находилось на государственной «черной» земле. Право феодалов на получение торговых пошлин со своих крестьян являлось следствием феодальной собственности на землю. Поэтому жалованные грамоты XV века, предоставляя крестьянам иммуниста освобождение от таможенных пошлин, имеют в виду не столько пошлины, взимавшиеся в селах и деревнях феодалов, где их право на сбор этих пошлин разумелось само собой, сколько пошлины, собиравшиеся вне владений иммуниста. Так, в грамоте Благовещенскому монастырю предполагается отъезд монастырских крестьян для покупки и продажи товаров, очевидно, на значительное расстояние от монастыря. В жалованной грамоте 1456 года Дмитровского князя Юрия Васильевича Московскому Богоявленскому монастырю указывается, что монастырские крестьяне села

Дятелинского могут беспошлинно покупать и продавать товары в городе Дмитрове (ЦГИАЛ, кн. копий Богоявл. м-ря, лл. 70 об. 73). Необходимость отъезда в город для купли-продажи товаров объясняется тем, что в XV веке сельский рынок был еще очень узок. Жители различных по своей владельческой принадлежности поселков обменивались товарами, как правило, лишь на городском рынке. В городах в XV веке помещались таможни, где пошлины собирались агентами князя или его наместника. Мыты (пункты сбора проезжих пошлин) устраивались, помимо городов, в различных местах на торговых дорогах и волоках. Это нашло отражение в топонимике (ср., например, название «Мытищи»). Проникновение рыночных отношений в деревню в конце XV — начале XVI вв. резко изменило картину. Происходил процесс разрушения средневековой замкнутости центров натурального хозяйства — сел и деревень. Завязывался интенсивный торговый обмен между селами и деревнями различных владельцев. Поэтому княжеские таможенники устремляются и в сельские районы. Встречающиеся в жалованных грамотах конца XV — начала XVI вв. освобождения от тамги, мыта и пятна касаются теперь крестьян иммунитетных владений лишь при условии совершения торговых сделок в их селах.

Ценное разъяснение данного вопроса имеется в жалованной грамоте 1510 года князя Юрия Ивановича Иосифо-Волоколамскому монастырю: «А учнут (начнут, будут) их хрестьяне монастырские в их селех и в деревнях в монастыр[ских по] празником меж себя торговати каким товаром нибуди, и яз... на их хрестьянех тамги и мыта с их товару имати не велел. А учнут торговати [в селех] и в деревнях по празником городцкие люди... и становые, и волостные, и иногородци каким то[варом] нибуди, — и таможником моим... с тех с приеждих людей тамга и мыт и пятно и всякие таможены[е пош]лины брати на меня... А учнут монастырские хрестьяне, в городе Рузе и по [волостем] ездя, торговати по празником каким товаром нибуди — и таможником моим... тамга имати со всякого то[ва]ру на меня» (ЦГАДА, ГКЭ, № 10240).

Сбор таможенных пошлин с крестьян иммуниста в его селах оставался в руках агентов иммуниста. Об этом, кроме приведенного отрывка, свидетельствует также формула, часто встречающаяся в грамотах: «а пятно держать игу-

мену свое», или: «тамгу платят игумену... в монастыре» (АИ, т. I, № 15).

Торговые пошлины на Руси взимались таможниками и пятенщиками, проезжие — мытчиками. Таможники и мытчики могли быть как княжескими, так и наместничьими чиновниками. Стремление великих князей к увеличению казенных доходов приводило к изъятию сбора таможенных пошлин из ведения наместников. В руках последних к середине XVI века остался лишь сбор пятна и получение половины суммы штрафов, взимавшихся с торговых людей в случае неуплаты ими таможенных пошлин. В конце XV — начале XVI вв. московское великокняжеское правительство, желая сделать таможенную систему более надежной и прибыльной, вводит в отдельных уездах специальный институт откупных таможников из числа зажиточных посадских людей, которые должны были ежегодно собирать таможенные пошлины в сумме, равной доходу таможни за прошедший год, если этот доход удовлетворял правительство (см. историко-правовой обзор к Белозерской таможенной грамоте). Кроме того, в начале XVI века в отдельные уезды в целях централизации сбора таможенных пошлин посылались специальные великокняжеские тиуны, которые становились во главе уездных таможников и мытчиков.

Ни инаа никотораа пошлина — условная формула, содержащаяся в большинстве льготных и тарханных грамот XV—XVI вв. Эту формулу следует всегда рассматривать в конкретном контексте, ибо в буквальном смысле, то есть как полное и безусловное освобождение от всяких пошлин, она пониматься не может. В грамоте Благовещенскому монастырю данная формула имеет в виду, очевидно, пошлины, собиравшиеся в пределах монастырских владений, но не распространяется на таможенные пошлины, взимавшиеся с крестьян грамотчика вне его владений. Это прослеживается совершенно отчетливо при сравнении льгот, предоставленных старожильцам, с льготами, которые должны были получить люди, пришедшие из других княжеств. Для того чтобы дать последним более широкие льготы, составитель грамоты счел нужным зафиксировать их освобождение от целого ряда вполне определенных таможенных пошлин, в то время как менее

привилегированные старожильцы были в категорической форме освобождены только от поземельных налогов, а формула «ни инаа никотораа пошлина» играла роль простого стилистического придатка.

А отсидят свои уроки — когда наступит конец сроку (их льготы).

Потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань мою — будут вместе с боярскими крестьянами давать мою дань по общей раскладке с «черными» людьми. В жалованной грамоте более привилегированному иммунисту — Благовещенскому монастырю — этого положения нет, так как монастырским крестьянам не предстояла перспектива платить дань по общей раскладке с «черными» людьми, они имели право платить ее «особно» от «черных» людей.

По силе — в соответствии с хозяйственными возможностями («силой»), платежеспособностью крестьянского двора.

Становщик — великокняжеский агент, ведавший станом. Становщик наделялся судебно-административными функциями.

Столник и посельской — великокняжеские агенты, обладавшие судебно-административными и хозяйственными полномочиями. Управляли дворцовыми селами.

Душегубство — убийство. В позднейших грамотах различалось душегубство преднамеренное и непреднамеренное, случайное («бесхитростное»).

В случаях преднамеренного душегубства на территории крестьянской общины членам общины надлежало выдать убийцу для суда над ним наместнику и его тиунам. Если «душегубец» был выдан, то другие крестьяне освобождались от «виры и продажи» (штрафов). Если «душегубец» не был найден и не выдан агентам наместника, вся крестьянская община принуждалась к уплате «веры» наместнику (ср. с «дикой вирой» Русской Правды). В понятие «душегубства не хитростию» входили случаи смерти от различных причин, не обусловленных злым умыслом людей (если человека «гром убьет», или в лесу «зверь съест», или человек, упав с дерева, разобьется насмерть и т. п.), и случаи, когда было установлено, что труп попал на территорию данной общины не по вине ее чле-

нов. Крестьяне должны были «являть» труп («голову») агентам наместника (обычно тиунам) с уплатой (а иногда и без уплаты) специальной пошлины — «смотреного» (за осмотр). «Смотреное» было намного меньше «веры» (см. историко-правовой обзор к ст. 14 Белозерской уставной грамоты).

Разбой с поличным. Разбой — посягательство на чужую собственность (особенно на собственность феодала), сопровождающееся насилием над собственником, в отличие от татьбы, не сопровождающейся подобным актом. Разбой с поличным — грабеж, при расследовании которого обнаружены вещественные улики против грабителей.

Формула «не судят, опроче...» характеризует степень изъятия крестьян грамотчика из юрисдикции наместников и других представителей княжеской администрации, причем речь здесь идет о тяжбах лишь между крестьянами грамотчика.

Благовещенскому монастырю судебный иммунитет предоставляется в менее полном объеме, чем Ивану Кафтыреву, но срок пользования последнего судебным иммунитетом (в отношении уголовных дел) ограничен.

В период феодальной войны второй четверти XV века жалованные грамоты, как правило, передавали в ведение наместников только дела о душегубстве, а иногда даже предоставляли феодалам судебный иммунитет без всяких изъятий в пользу наместников. Это в значительной степени объяснялось слабостью местного аппарата управления в период феодальной раздробленности и феодальной войны второй четверти XV века — на данном этапе самим иммунистам было легче, чем агентам великих и удельных князей, держать в узде эксплуатируемое крестьянство. Во второй половине XV века в связи с укреплением местного правительственного аппарата наместники получили право судить крестьян грамотчиков не только «в душегубстве», но также «в разбое» и «в татьбе с поличным». В ряде княжеств расширение прав наместников происходило медленно, постепенно. Так, жалованная грамота 1456 года дмитровского князя Юрия Васильевича Богоявленскому монастырю указывает, что в татьбе и разбое с поличным игумен и наместник судят монастырских крестьян «вопче», то есть совместно.

А смешается суд... — речь идет о широко распространенной в феодальной Руси практике сместного (смешанного, совместного) суда. Сместный суд возникал в случаях, когда завязывалась тяжба между лицом, зависимым от иммуниста, и жителем волости, стана или города, подсудным наместнику, волостелю и их тиунам. В роли судей выступали, с одной стороны, иммунист или его доверенное лицо («кому прикажет»), с другой стороны, — наместник или волостель и их тиуны. Согласно многим грамотам XV и особенно XVI вв. приводить в исполнение приговор и взимать с подсудимого судебные пошлины и штрафы имел право только тот судья, в ведении которого находился подсудимый. Поэтому человек иммуниста и «в правде и в вине» (как в случае оправдания его, так и в случае обвинения) был ответственен перед иммунистом, а наместник не имел права осуществлять свою власть по отношению к нему. Соответственно иммунисту запрещалось «вступаться в волостного, станового, городского человека».

А присудом ся делят — (судьи) присудом (прибытком) делятся. Присуд — пошлина с подсудимых в пользу судей. Размер этой пошлины зависел от результатов судебного разбирательства и от суммы тех убытков, из-за которых возникла тяжба. Например, в случае признания иска правильным судья получал с «виноватого» пошлину, равную половине той суммы, которую «виноватый» уплачивал истцу. Если иск признавался неправильным, судья взимал с истца пошлину — определенное количество денег с каждого рубля [1], исходя из суммы убытков, вызвавших тяжбу.

В русском феодальном праве XV — начала XVI вв. были разработаны весьма подробно и другие случаи исхода тяжбы и в связи с этим определены размеры судебных пошлин. Формула «присудом делятся на полы» содержится главным образом в ранних жалованных грамотах. В актах второй половины XV и XVI вв. она постепенно вытесняется нормой, устанавливающей описанный выше порядок взимания судебных пошлин.

С. Б. Веселовский ошибочно считал формулу «присудом делятся на полы» принадлежностью грамот только

[1] Рубль состоял из 200 денег.

светским землевладельцам. В монастырских грамотах, по его мнению, имелась лишь вторая формула. Отсюда С. Б. Веселовский делал методологически порочный вывод о том, что различие формул указывает на чисто финансовые различия, не имевшие отношения к самому характеру сместного суда: светские феодалы делились с наместниками «присудом на полы», а монастыри взимали судебные пошлины с подведомственных им людей в свою пользу.

Вопрос этот, однако, гораздо сложнее. Формула «присудом делятся на полы», встречающаяся в жалованных грамотах как светским, так и духовным феодалам, отражает тот период в истории феодального судопроизводства, когда сместные судьи пользовались правом действительно совместного исполнения приговора и взимания пошлин с подсудимых. Только в таком случае имела смысл статья о разделе присуда на две равные части. Замена формулы «присудом делятся на полы» формулой «а в правде и в вине...» характеризует важный момент в истории социально-экономических отношений. Она показывает рост личной зависимости непосредственных производителей от феодального сеньора и от феодального государства. Но полный переход исполнения приговора в руки одной стороны открывал широкий простор для злоупотреблений и неисполнения решений суда. Поэтому в жалованных грамотах появляется специальная формула: «А исцово доправят на виноватом» (убытки пострадавшего должны быть возмещены за счет «виноватого»).

Следовательно, сдвиги в развитии производственных отношений привели к существенным изменениям в институте «сместного» суда.

А судом к городу — означает, что по истечении «урочных лет» будет восстановлена подсудность (очевидно, лишь в делах о наиболее тяжких преступлениях — разбое и татьбе с поличным) крестьян Ивана Кафтырева наместнику и его чиновникам (город — место пребывания наместничьего суда).

Осадил — посадил (на землю), наделил землей.

По пошлине — по обычаю, согласно старому, давно заведенному порядку.

А... учинитца гибель... и далее — означает установление порядка розыска пропавшей вещи в пределах владений грамотчика.

Кто пригонит... след — если кого след (предполагаемого вора) приведет.

Государь... земли — хозяин, владелец земли. Имеется в виду крестьянин, владевший землей.

Обрез — возможно, «обрез» земли, на котором сохранились следы преступника.

А не сведет следу с своее земли — если не докажет, что след уходит с его земли (на соседнюю землю).

Гибелщик — человек, у которого пропала вещь.

Не вымет поличного — не обнаружит поличного (пропавшей вещи).

Гибели не платить — не возмещать причиненный убыток.

У кого ся след утеряет — на чьей земле след затеряется.

А... на след не пойдет... и тому та гибель платить — отказ владельца земли проверить, правильно ли привел след на его землю, расценивался как прямая улика против него.

Через сю... грамоту — вопреки этой грамоте.

А на которые грамоты... а на сию грамоту иные... нет — этой формулой заранее отрицаются постановления других княжеских грамот, нарушающие настоящую грамоту. Наместник, например, в грамоте на кормление мог быть пожалован различными доходами со всего тяглого населения уезда, причем в подобной грамоте не указывалось, что крестьяне такого-то иммуниста освобождены от этих налогов. Поэтому формула, которой заключена жалованная грамота, имела существенное значение.

1455—1462 гг. Обельная грамота на села Присеки и Сукромное

Грамота предоставляет право не исполнять мелкие дворцово-княжеские повинности. Сама постановка вопроса об освобождении от этих повинностей показывает усиление великокняжеской власти и свидетельствует о том, что

в середине XV века наряду с основным налогом — данью — крестьяне иммунитетных вотчин могли принуждаться к исполнению натуральных повинностей в пользу государства.

Не надобе — не надо (давать).

Пошлина — в данном случае побор, налог. В XV—XVI вв. слово «пошлина» имело, однако, гораздо более широкое значение. Пошлиной мог быть назван всякий более или менее древний обычай, все то, что «пошло» по старине: понятие «пошлина» по смыслу равнялось «обычаю», «старине».

Слово «пошлина» в смысле «побор» могло быть отнесено в XV—XVI вв. к любому прямому и косвенному налогу, к любой повинности. Однако в источниках конца XV — первой половины XVI вв. мы имеем возможность проследить наряду с таким широким употреблением слова «пошлина» несколько более суженное его использование для обозначения поборов. Название «пошлина» сохранилось в основном за косвенными налогами, прежде всего за таможенными пошлинами. Обобщающим определением основных прямых поземельных налогов становится термин «подати». Повинности приобретают название «дела».

Портное — обязанность шить одежду для князя и чинов княжеского двора. Эта пошлина часто взималась в денежной форме.

Объежжее — очевидно, обязанность поставлять кормы князю и княжеским слугам, «объежжающим» земли данного княжества.

Коневое — повидимому, обязанность предоставлять место для постоя и корм княжеским коням (или луг для их пастьбы).

Казнь — в данном случае наказание.

1475 г. Жалованная грамота о вызове крестьян в суд только через приказчика

Грамота ярко иллюстрирует роль иммунитета как средства ограничения прав феодально-зависимого крестьянства. Великая княгиня требует сообщать о вызове крестьян в суд не самим крестьянам, а монастырскому приказ-

чику. В противном случае вызов признается незаконным. Монастырю было важно, чтобы крестьяне отрывались от работ как можно реже. Выполняя волю господствовавшего класса феодалов, великие князья назначали вызов крестьян, принадлежавших феодалам, в великокняжеский суд на время, свободное от сельскохозяйственных занятий.

Мариа — Мария Ярославна, великая княгиня, вдова Василия Темного, мать Ивана III.

Нерехта — волость в Костромском уезде, предоставленная во владение Марии Ярославне по духовной (завещанию) Василия II.

Пристав — великокняжеский агент, посылавшийся для вызова того или иного лица в суд к великому князю (княгине). Его функции сходны с функциями доводчика, который вызывал в суд наместника и являлся агентом последнего. Пристав получал специальную пошлину с вызываемого лица — «езд», то есть вознаграждение за то, что он приехал и известил о вызове. «Езд» был жалованием пристава. Неправильный вызов, нарушающий предписание великого князя, грозил приставу лишением «езда». В ряде грамот это предупреждение четко сформулировано: «А пристав езду лишен» (в случае нарушения грамоты).

Коли приедет... по их хрестианъ — если приедет вызывать их крестьян в суд.

Явит — покажет.

Приставную — в приставной грамоте фиксировался вызов в суд.

Приказчик — монастырский агент, которому «приказывалось» одно село или группа сел. Ведал порученными селами в хозяйственном и судебно-административном отношении. «Кормился» за счет населения «приказанных» ему сел. Судебные функции приказчика ограничивались разбором тяжб между монастырскими крестьянами (часто за исключением уголовных дел) и участием в сместном суде.

Срочная — грамота, в которой был указан срок явки в суд ко двору великого князя. Представители верховной власти разбирали тяжбы между крестьянами разных феодалов, пользовавшихся судебным иммунитетом (ср. ст. 26 Судебника 1497 года). Кроме того, накануне смерти Василия I и в первые годы великого княжения Василия II

была усилена централизация суда, которая свелась к требованию доклада великому князю дел, вызывавших споры между «сместными судьями» (см. АФЗ и Х, т. I, № 211).

Накинет срочную на их хрестианина — предъявит срочную грамоту их крестьянину.

Безсудная — грамота, выдававшаяся одной стороне в случае, если другая не являлась в суд («без суда»). В бессудной грамоте дело решалось в пользу явившейся стороны (ср. историко-правовой обзор к ст. 25 Судебника 1497 года).

Безсудная не в безсудную — бессудная недействительна.

1410—1425 гг. Жалованная заповедная грамота на непошлую дорогу

Грамота представляет собой особую форму освобождения от проезда и постоя княжеских ездоков.

В данном случае ездокам запрещалось пользоваться новой дорогой, в то время как позднее этот запрет обычно смягчался: проезжать разрешалось, нельзя было только «сильно» (насильно) останавливаться на постой и безвозмездно брать корм. Таким образом, в первой четверти XV века заповедный иммунитет крупных духовных корпораций отличался более полным объемом, чем в последующий период.

Непошлой — новый, не вошедший в общий обиход, в отличие от старого («пошлого»).

Путем... непошлым... не ездят нихто — запрещение посторонним людям проезжать по новой дороге было существенной льготой для митрополичьих крестьян. Всякие «ездоки» обычно требовали с тяглого населения корм, лошадей, проводников. «Непошлая» дорога в случае разрешения посторонним лицам проезда по ней явилась бы новым способом ограбления митрополичьих крестьян, что было невыгодно митрополиту, так как это понижало платежеспособность населения, обеспечивавшего главу русской церкви феодальной рентой, вело к разорению крестьян и стимулировало их переход на другие земли.

1425—1462 гг. Жалованная заповедная грамота на село Бисеровское

Грамота дает яркое представление о тяжести государственных повинностей, отбывание которых в ряде случаев приводило к разорению целых селений. Вместе с тем грамота характеризует ослабление власти кафедры, которая уже не могла без содействия великого князя ограничить произвол княжеской администрации. Пассивность кафедры в этом отношении объясняется и другим фактором — обострением классовой борьбы угнетенных масс, вынуждавшим митрополичий дом оказывать поддержку правительственным агентам, что приводило к дальнейшему общему росту феодального гнета.

Святыа... Богородици — название митрополичьего дома.

Деля — для, ради.

Пожаловал... село — наделил село привилегией. Слово «пожаловал» не означает передачу владения тому или иному лицу. В княжеских данных грамотах употреблялась другая формула: «пожаловал дал».

Деи — де.

Ся... розбежали люди дороги деля — люди разбежались из-за того, что по селу проходит дорога. Проезжавшие по дороге «всякие ездоки» требовали с крестьян корм, проводников, лошадей и т. п. Это являлось тяжелой повинностью податных слоев населения. Чтобы избавиться от нее, крестьяне, как видно на примере настоящей грамоты, даже уходили с обжитых мест.

Не ставятся — не останавливаются на постои.

Ни подвод — под подводами могли подразумеваться как подводы, запряженные лошадьми, так и лошади без подвод.

Не емлют — не берут. Освобождение от перечисленных в этой грамоте повинностей является статьей, типичной для многих жалованных грамот XV—XVI вв.

Учинится — случится.

Гибель — убыток.

Гибель платити — возмещать убыток (от пропажи, порчи вещи).

Исправа — здесь взыскание с обвиняемого судом человека суммы, равной убытку, причиненному преступлением.

Смысл формулы «гибель платити без суда и без исправы» сводится к тому, что администрация феодала, может, не обращаясь непосредственно в суд князя или его наместника, возмещать потерпевшему убыток за счет нарушителя жалованной грамоты независимо от того, является ли последний истинным виновником преступления: он виноват уже потому, что нарушил княжескую жалованную грамоту. См. аналогичную статью в грамотах, освобождающих от прихода посторонних людей на пиры и братчины.

1448—1461 гг. Жалованная заповедная грамота на села Каринское и Колпаково

Грамота ярко рисует иммунитетную изолированность митрополичьего села, в которое запрещалось приходить под каким бы то ни было предлогом великокняжеским агентам и посторонним лицам.

Деревенщики — жители деревни. Здесь, очевидно, имеется в виду несколько деревень, «тянущих» к селу Каринскому.

Доводшики, доводники, доводчики — агенты наместников и других чиновников, ведавших судом. Доводчики «доводили» до сведения того или иного лица о вызове последнего в суд (к наместнику, волостелю и т. п.) и отвечали за своевременную явку этого лица в суд. Побор доводчиков был пошлиной, раскладывавшейся на всех крестьян данного села, деревни и т. п., подобно наместничьему корму. Корм наместников, волостелей и поборы вспомогательного судебного персонала (доводчиков и др.) собирались с крестьян, как правило, три раза в год — по праздникам: в «Рождество Христово» (25 декабря), на «Велик день» (в пасху) и на «Петров день» (29 июня). Побор доводчику выплачивался натурой: хлебом, мясом, овсом, сыром и т. п. В конце XV—XVI вв. доводчики обычно получали побор в денежной форме (например, на «Петров день» — «за ковригу деньга, за сыр деньга», см. ААЭ, т. I, № 144). Доводчики и праведчики[1] брали еще пошлину «хоженое»

[1] Агенты наместника, исполнявшие судебные приговоры. Они, например, «доправляли» «исцово на виноватом», то есть возмещали

или «езд» с каждого лица, к которому они ходили (или ездили), выполняя поручение наместника (волостеля). Ср. с аналогичными пошлинами в пользу пристава.

Боярские люди — население боярской вотчины, находившееся в феодальной зависимости от боярина и платившее ему феодальную ренту.

Боярские подворники — жившие в боярских вотчинах бобыли, захребетники, не имевшие своих земельных участков.

Братшины — пиры в дни церковных праздников.

Слати вон безпенно — эта формула снимает с митрополичьей администрации и крестьян ответственность за изгнание незваных гостей из своего села. В период становления феодальных отношений изгнание незваных гостей являлось еще правом крестьянской общины. Затем оно стало правом сеньора, вытекавшим из феодальной собственности на землю. Феодальное государство, стремясь держать в узде эксплуатируемые массы крестьянства, не признавало крестьян правомочными совершать какие бы то ни было акты расправы. Со всеми жалобами на посторонних лиц крестьянам предписывалось обращаться к феодалу или (если крестьяне были черносошными) к волостным властям. Впоследствии (в начале XVI века) в уставных грамотах государственным и дворцовым крестьянам право самостоятельно изгонять незваных гостей предоставлялось как особая привилегия. В конце XV — начале XVI вв. московское великокняжеское правительство, централизуя аппарат государственного управления, несколько сокращает права вотчинной администрации в пользу правительственных чиновников. Наиболее ярко это иллюстрируется на примере мелких монастырей. Так, в 1508 году Василий III назначил в Троицкий на Махрище монастырь специального пристава для расправы с «незваными гостями», приходившими в монастырскую вотчину на пиры и братчины: «А не поидет кто с монастыря и из сел и из деревень незванои, а учнет пити силою, а учинится у них какова гибель, и яз

убытки оправданного по суду за счет обвиненного, взимали штрафы за неуплату таможенных пошлин. Праведчики получали доход вдвое больший, чем доводчики, так как исполнявшиеся ими обязанности считались более ответственными.

на тех дал своего пристава Гридию Семенова сына Жукова, а велел есми ему тех давати на поруки да ставить перед собою, перед великим князем, а велети ми на том та гибель вся доправити, вдвое без суда и без исправы» (ЦГДА, ГКЭ, № 8771). Практика назначения приставов для охраны монастырских лесов от порубки или от наездов посторонних лиц получает распространение с 70-х—80-х гг. XV века.

1462 г. Жалованная тарханно-проезжая грамота

Проезжая грамота освобождает монастырских агентов, посланных монастырем для проведения торговых операций и провоза товаров, от таможенных пошлин.

Датируется годом окончания игуменства Афанасия и вступления на престол Ивана III (1462 г.).

В паоузке — паузок, павозок — торговая лодка довольно значительных размеров, с одним парусом. Предназначалась для перевозок по мелководью.

Подвозок — вспомогательная лодка при павозке. Существенной разницы между павозком и подвозком не было.

Не принимают — не препятствуют и не судят.

Бельцы — лица, не постриженные в монахи, «миряне», лица белого, не монашествующего духовенства.

Подписи — жалованные грамоты обычно подписывались каждым новым великим князем, вступавшим на престол. Впервые подпись монастырских грамот на великокняжеское имя в широких масштабах произвел Василий III (в 1505—1507 гг.), причем привилегии некоторых монастырей были ограничены.

Общий пересмотр монастырских жалованных грамот был произведен правительством Ивана Грозного в мае 1551 года, о чем свидетельствует надпись и на данной грамоте. Пересмотр производился дьяками Юрием Сидоровым и Кожухом Кротким, ведавшими сбором казенных платежей в начале 50-х годов XVI века. При подтверждении грамот ограничивались привилегии в отношении уплаты главных государственных налогов.

Рушити — нарушать.

Митрополичьи грамоты

1460 г. Жалованная митрополичья грамота на условное держание села Кусуновского

Грамота ярко характеризует одну из интереснейших форм феодального землевладения, прекарное держание земли (см. выше запись Фомы Данилова о неосвоении им пустоши Посеченской). Село Кусуновское является прекарием, то есть участком, данным митрополитом Ионой князю Дмитрию Ивановичу Ряполовскому «по прошенью его».

Прекарные отношения в Русском государстве имели место главным образом между представителями класса феодалов. При помощи временных держателей земли крупные феодалы, не затрачивая сами никаких усилий, добивались заселения пустошей крестьянами. Выдача митрополитом Ионой данной грамоты князю Дмитрию Ивановичу Ряполовскому выглядит, однако, не как вполне добровольный акт.

Во второй половине XV века, при Василии II и Иване III, московское великокняжеское правительство стремилось использовать земли митрополичьей кафедры для обеспечения наделами своих слуг. Митрополичий дом был вынужден уступать великокняжеским слугам часть своих земель и ренты. Держателями кафедральных земель были лица, близкие к московским великим князьям, содействовавшие их централизаторской политике. Дмитрий Иванович Ряполовский поддерживал Василия II в его борьбе с галицкими князьями.

Несмотря на вынужденный характер отдачи земли князю Дмитрию Ивановичу, она являлась одним из важных хозяйственных мероприятий кафедры: на князя Дмитрия Ивановича были переложены заботы по обеспечению митрополичьего села «рабочими руками» и т. д. Правда, при жизни Дмитрия Ивановича крестьянам села Кусуновского надлежало платить феодальную ренту князю-держателю. Зато после его смерти митрополичий дом получал законное право присвоить себе в полную и безраздельную собственность все доходы княжеского хозяйства в селе Кусуновском, воспользоваться всеми положительными результатами хозяйственной деятельности князя (например,

заселением пустошей и т. п.). В ряде других подобных грамот митрополит оговаривал для себя, кроме того, получение с держателя земли части феодальной ренты в форме оброка.

До его живота — пожизненно.

Ни осваивать — не присваивать. Князю запрещалось превращать село Кусуновское в свое наследственное владение. Часто случалось так, что держатели объявляли прекарий своей «дединой» и «отчиной», а затем завещали его родственникам, нарушая этим интересы феодала, пожаловавшего землю.

Примыслит — приобретет.

Животина — крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, домашняя птица.

А против сее господиновы грамоты... и далее. — Князь — держатель дал митрополиту ответную грамоту, в которой были записаны его обязательства по отношению к митрополичьей кафедре. Взаимоотношения между митрополитом и держателем из числа великокняжеских слуг облекались таким образом в форму докончания (договора).

Индикт — пятнадцатилетний цикл, применявшийся в византийском и русском летоисчислении.

1450 г. Жалованная грамота Андрею Афанасьеву

Грамота характеризует землевладение и иммунитет светских вассалов митрополичьей кафедры.

Андрей Афанасьев — светский слуга кафедры. Землю Васильевскую Голямова на реке Киржаче он приобрел с ведома митрополита в 1450 году у Афанасия Ивановича Никитина и Гриди Мелешкина.

Митрополия являлась своего рода государством в государстве. Основой существования «Дома Причистыя Богородицы» была феодальная собственность на землю, которая давала митрополиту и его слугам возможность получать ренту с населявших территорию митрополии крестьян. Владея значительным количеством земель в различных уездах страны, митрополичий дом создал свою систему финансов, суда и управления, в целом очень сходную с великокняжеской. У «Дома Богородицы» были военные слуги,

связанные с митрополитом отношениями вассалитета, подобно тому, как великокняжеские служилые феодалы находились в вассальной зависимости от великого князя. Церковь «...окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 93). Феодал, приобретавший землю в пределах владений кафедры, становился вассалом митрополита, который в качестве сюзерена мог пожаловать феодалу иммунитетную грамоту. В грамоте Андрею Афанасьеву митрополит наделяет своего вассала крупными податными привилегиями по тем же мотивам, что и князь: ввиду необходимости освоения пустошей.

Дело — в данном случае повинность.

Розметы — этот термин имел весьма широкое значение. Под «разметом» могли подразумеваться всякие подати и повинности, взимавшиеся по мирской раскладке («разметывавшиеся» между волостными крестьянами). Однако в жалованных грамотах «разметы» обычно выступают как мирские расходы местного значения (обязанность поставлять подводы для местной администрации, выбирать из своей среды уличных сторожей и т. п.).

А кому будет до самого Андреа каково слово... — если кто-либо захочет судиться с Андреем. Подсудность грамотчика сюзерену — характерная норма феодального иммунитета.

1449 г. Жалованная грамота Покровскому монастырю

Грамота регулирует внутрицерковные отношения. Штат монастыря освобождается от церковных пошлин и от суда митрополичьих агентов. Льготы пожалованы с тем, чтобы монастырь освоил новые земли и обеспечил «всегдашнее богомолье», расширив таким образом область митрополичьего землевладения.

Имет... пети — начнет служить молебны.

Строити — устраивать.

Чернец — монах.

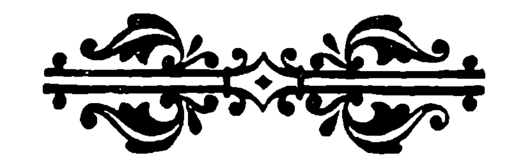
Дань — в данном случае церковная пошлина, взимавшаяся с тяглого духовенства в пользу церковных иерархов,

Дань выплачивалась из тех сумм, которые получали духовные корпорации от феодально-зависимого крестьянства и от прихожан за церковные службы.

Староста поповский — поп, выбиравшийся волостным духовенством для исполнения мелких административных функций. Он ведал сбором различных митрополичьих пошлин с тяглого духовенства данной волости.

Десятинници — светские агенты митрополита, судившие духовенство по гражданским делам и мирян по вопросам, предоставленным суду церкви уставами Владимира и Ярослава. Они также собирали подати с духовенства и прихожан в пользу архиерея (митрополита, архиепископа) и следили за жизнью и исполнением духовенством его обязанностей.

А о всем о том игумен знает мене — формула, устанавливающая патронат митрополита над коммендированным монастырем.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950.

2. Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, Введение к английскому изданию, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные сочинения в двух томах, т. II, Госполитиздат, 1948.

3. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.

4. И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953.

5. И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

См. Список изданий, указанный к разделу I.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. П. И. Беляев, Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение, «Журнал министерства юстиции», 1916 (октябрь и ноябрь).

2. С. Б. Веселовский, К вопросу о происхождении вотчинного режима, М., 1926.

3. С. Б. Веселовский, Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., т. I, Издательство Академии наук СССР, 1947.

4. А. Н. Горбунов, Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках, Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачевым, кн. I, СПб., 1860; кн. V, СПб., 1863; кн. VI, М.,1869.

5. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, Издательство Академии наук СССР, 1946.

6. В. Милютин, О недвижимых имуществах духовенства в России, М., 1862.

7. К. Неволин, История российских гражданских законов, т. II, СПб., 1851.

8. Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910.

9. Б. А. Романов, Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю, Проблемы источниковедения, Сборник третий, Соцэкгиз, Л., 1940.

10. В. Сергеевич, Русские юридические древности, т. I, СПб., 1890.

11. В. Сергеевич, Древности русского права, т. III, СПб., 1903.

12. И. И. Смирнов, Судебник 1550 года, Исторические записки, кн. 24, Издательство Академии наук СССР, 1947.

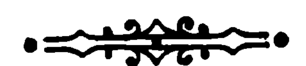
13. И. Смирнов, С позиций буржуазной историографии, «Вопросы истории», 1948 г. № 10.

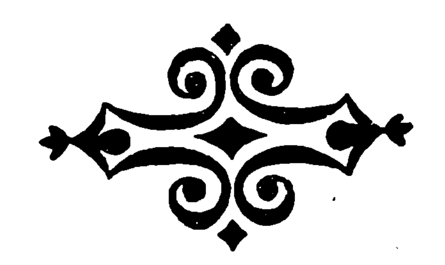
14. Л. В. Черепнин, Из истории древнерусских феодальных отношений, Исторические записки, кн. 9, Издательство Академии наук СССР, 1940.

15. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, часть вторая, Издательство Академии наук СССР, 1951.

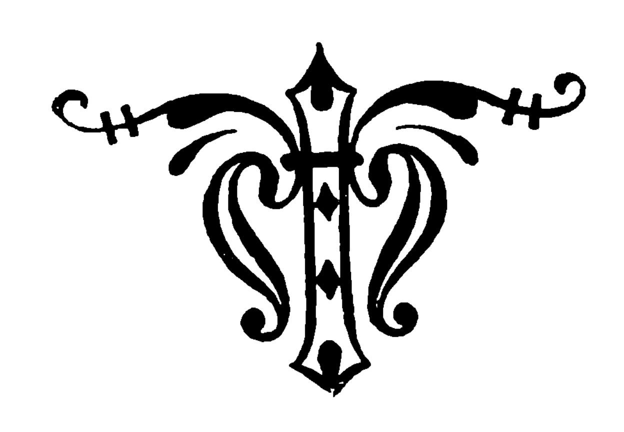
16. Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949.

17. С. М. Шапшал, К вопросу о тарханных ярлыках, Сборник статей: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.

АКТЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о времени, предшествовавшем XVII веку, В. И. Ленин указывал, что Русское «...государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137).

В период образования Русского централизованного государства (XIV—XV вв.), когда происходило слияние отдельных русских земель в единую державу с единым правительством, единым руководством, происходит процесс реорганизации органов власти на местах, ограничение и постепенное вытеснение института кормления, являвшегося одним из наследий феодальной раздробленности.

Изменяется вся система управления государством. Характерная для периода феодальной раздробленности дворцово-вотчинная система управления постепенно вытесняется зарождающейся приказной системой управления, которая оформилась окончательно лишь во второй половине XVI в.

В Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. представителями центральной власти на местах были так называемые кормленщики — наместники и волостели, княжеские слуги, возглавлявшие отдельные отрасли дворцово-вотчинной системы управления. Кормленщики получали управление определенной территорией в порядке вознаграждения за военную или придворную службу («А по се время, бояре и князи и дети боярские сидели по

кормлениям, по городам и по волостям, для расправы людям и всякого устроения землям и себе от службы для покоя и прокормления» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 267). Кормленщики, назначавшиеся на срок не более трех лет, ведали всеми административными, финансовыми и судебными делами, причем выполнение ими своих обязанностей оплачивалось за счет населения. Поборы и самоуправство кормленщиков тяжелым гнетом ложились на трудящиеся массы, которые нередко открыто выступали с протестом против насилий.

Институтом кормления были крайне недовольны сидевшие на местах, в своих вотчинах и поместьях, мелкие и средние феодалы, ибо кормленщики мало считались с их интересами. Институт кормления не мог обеспечить успешное проведение на местах политики Русского централизованного государства, направленной на максимальную защиту интересов господствующего класса феодалов и охрану феодальной собственности от любых посягательств.

Великокняжеская власть начинает постепенно ограничивать власть кормленщиков, ставя своей конечной целью введение более упорядоченной системы местного управления, способной на деле последовательно проводить централизаторскую политику русского правительства. Для этого первоначально вводится строгая регламентация, а затем и сокращение объема привилегий кормленщиков.

Появляются специальные уставные грамоты наместничьего управления, определяющие порядок государственного управления на местах: в различных землях, уездах, волостях, а также предметы и границы ведения местной администрации.

Эти уставные грамоты, выдававшиеся местным землевладельцам, верхушке посадского и черносошного населения, равно как и доходные списки, выдававшиеся самим кормленщикам, были законодательными средствами, при помощи которых государственная власть проводила политику контроля над деятельностью аппарата местного управления.

Постепенное ограничение функций кормленщиков вызывает изъятие из их ведения сбора важнейших пошлин (в том числе таможенных).

В первой половине XVI века в Москве появляется специальный институт «кормленных дьяков», то есть чиновников, контролировавших деятельность кормленщиков.

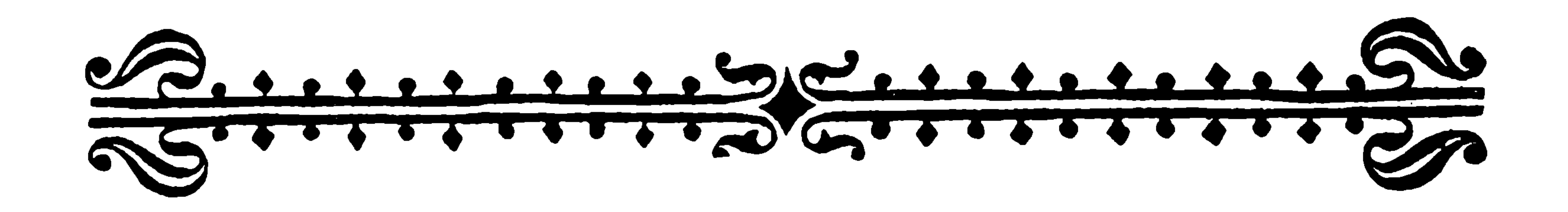
Окончательно институт кормления был ликвидирован в 1555 году.

До нас дошло шестнадцать уставных грамот наместничьего управления, из которых две (Двинская и Белозерская) относятся к периоду до издания Судебника 1497 года.

Ниже приводятся образцы актов, характерные для системы кормления, две первые уставные грамоты — Двинская 1397—1398 гг., Белозерская 1488 года — и Белозерская таможенная грамота 1497 года, а также так называемая Запись о душегубстве (середина XV века).

В приложении к Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг. публикуются четыре грамоты конца XIII — начала XIV вв., взятые из сборника 70-х годов XV века и содержащие памятники права Древнего Новгорода и Пскова. Эти четыре грамоты ярко рисуют великокняжескую политику на Двине и Печоре.

[1462—1505 гг.]

КОРМЛЕННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА ИВАНУ ПЛЕМЯННИКОВУ НА ПУШКУ И ОСИНЦОВО

Се аз, князь велики Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми Ивана Андреева сына Племянникова Пушкою и Осинцовым [1] в кормленье с правдою и с пятном. И вы, все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преж сего.

А назади у подлинной припись: Князь великий Иван Васильевичь.

Печать у подлинной вислая на красном воску.

Акты Юшкова, № 19

[1462—1505 гг.]

ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА О ПОЖАЛОВАНИИ ИВАНУ ПЛЕМЯННИКОВУ ЧАВЦЫ В ПУТЬ

Се аз, князь велики Иван Васильевич, пожаловал есми Ивана Степановичь Племянника Чавцею в путь по годом. А вы, бояря и слуги и все люди того пути, чтите его, слушайте, а он вас блюдет, и ведает, и ходит по старой пошлине, как было преж сего. А хто по кого взведет пристава

---

[1] *После этого слова в списке замечено:* в подлинной в сем месте выдрано.

моего великого князя, а будут оба исцы того пути, и пристав мой ставит те дела пред Иваном Степановичем или перед его тивуном; а не поставит пристав мой тех дел перед Иваном или перед его тивуном, и он езду лишен. А которой истец не почнет перед Иваном или перед его тивуном искати или отвечати, и яз того велел ему обинить и грамоту праву на него дати.

А назади подлинной припись:

Князь Дмитрей Ивановичь.

Акты Юшкова, № 18

[1462—1505 гг.]

КОРМЛЕННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА ИВАНУ ОСОКЕ НА ХЛЕБНЕ ДОРОГОЧЕВО ДА ПОЛОВИНУ ВОЛОСТИ НЕГОРЬЯ

Се[1] аз, князь велики Иван Васильевичь всеа Росии, пожаловал есми Ивана Григорьевича Осоку Хлебнем Дорогочевым да половиною Негорья[2] в кормленье под городом под Клещеевым[3]. И вы, все люди тех волостей, чтите его и слушайте, а он вас ведает и ходит у вас по старой пошлине, как было преж сего. А хто по кого взведет пристава моего великого князя, а будут оба истца тех волостей, и пристав мой тех обоих истцев ставить пред Иваном или пред его тиуном. А не поставит пристав мой тех обоих истцев пред Иваном или пред его тиуном, и он езду лишен. А который тех обоих истцов[4] не учнет пред Иваном или пред его тиуном искати или отвечати, и яз, князь велики, велел того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади подпись: Князь велики Иван Васильевич всея Росии.

Акты Юшкова, № 16

---

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список з государевой грамоты слово в слово.

[2] *В другом списке* Негорья волостью.

[3] *В другом списке* Плещеевым.

[4] *Слова:* перед Иваном... тех обоих исцов *пропущены в другом списке. Во всех списках вместо* который тех *написано* которые ете, *вместо* езду — иску.

1504 г. июня 13

КОРМЛЕННАЯ ГРАМОТА ДМИТРОВСКОГО КНЯЗЯ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА ВАСИЛИЮ И ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВЫМ ДЕТЯМ РТИЩЕВА НА ВОЛОСТЬ КОЧЕМЛЬ

Се яз, князь Юрьи Иванович, пожаловал есми Василья да Федора Васильевых детеи Ртищова правдою Кочемльскою и правым десятком и вязчим и пятном и всеми доводными пошлинами по годом в кормленье. А придал есми к их жалованью за долг. И хто у них в волости лошадь продасть или купит или менит, и они те лошади являют Василью да Федору, и они у них кони пятнят и людские имена и кони в шерсть в книги пишут. А хто у них в тои волости лошадь купит или продасть или менит, а не явит Василью да Федору до того ж дни, а кого в том Василеи да Федор уличят, — и яз на том велел взяти заповеди и пропятенья два рубля.

Писана на Москве лета 7000 вторагонадесять июня в 13 день.

На обороте: князь Юрьи Иванович [1].

К грамоте привешена желтовосковая печать
ГБЛ акты ОИДР № 17/1

1506 г. июня 29

ДОХОДНЫЙ СПИСОК, ДАННЫЙ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ВАСИЛИЕМ ИВАНОВИЧЕМ ВОЛОСТЕЛЮ КНЯЗЮ ЮРИЮ ЛЬВОВИЧУ КОЗЛОВСКОМУ НА КОРМЛЕНИЕ В АНТОНОВСКОМ СТАНУ

Се [2] аз, князь великии Василей Иванович всеа Русии, пожаловал есьми князь Юрья княж Лвова сына Козлов-

---

[1] *На отгибе нижнего края грамоты на красном шелковом шнуре привешена желтого воску печать средних размеров со стертым изображением и надписью.*

[2] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список з грамоты слово в слово.

ского. Что за ним мое жалованье, волость Антоновскай стан, и у кого будут в той волости мои грамоты жалованныя, чтоп моим волостелем кармов не давати, и яз, князь великии, князя Юрия пожаловал, велел есьми ему в той волости имати корм свой со всех граматников з боярских и с монастырских па сей грамоте. А с сохи волостелю корму на Рожество Христово: полоть мяса, десетера хлебов, мех овса, воз сена; а на Велик день с сохи ж волостелю корму: полоть мяса, десетера хлебов; а на Петров день с сохи ж баран, десятеро хлебов. А не люб будет волостелю корм, и он емлет за полоть мяса десеть денег, за десетера хлебов десеть денег, за мех овса восемь денег, за боран десеть денег, за воз сена два алтына. А тиуну его с сохи ж на все те три празники вполы волостелява корму. А довотчику его побор с сохи ж: на Рожество Христово каврига, часть мяса, забня авса; а на Велик день [с] сахи ж довотчику побор каврига, часть мяса, а на Петров день с сохи ж довотчику побор каврига да сыр. А не люб будет довотчику побор, и он емлет за кавригу деньга, за часть мяса деньга, за сыр деньга, за забню авса две деньги. А с черных деревень велел есьми ему имати корм со шти деревень на Рожество Христово за полоть мяса два алтына, за десетера хлебов два алтына, за мех авса два алтына з деньгою, за воз сена полтретья алтына; а на Велик день со шти деревень волостелю корму за полоть мяса два алтына две деньги, за десетера хлебов два алтына; а на Петров день со шти ж деревень волостелю корм за баран два алтына две деньги да за десетера хлебов два алтына. А тиуну его вполы того. А довотчику его побор з деревни на Рожество Христово три денги, а на Велик день довотчику побор две деньги, а на Петров день довотчику побор две жа деньги. А праветчику его имати побор з деревни на Рожество Христово восмь денег, а на Велик день праветчику его побор з деревни ж четыре деньги, а на Петров день праветчику его побор з деревни ж четыре ж деньги.

Также есьми князь Юрья пажаловал, велел есьми ему в Онтонове держати петно; и хто в той волости купит лошадь, или продаст, или менить, и они являют князю Юрью или его петенщику, а он у них кони пятнит, а от петна емлят с лошади — с купца деньгу московскую, а с продавца деньгу ж московскую; а имена люцъкия и кони

в шерсть пишет в книги памяти для. А хто в той волости купит лошадь, или продаст, или менит, а не явит князю Юрью или его петеньшику до того ж дни, и он, уличив того, возьмет на нем заповеди и пропятенья два рубля московския.

Писал на Москве лета 7014 июня в 29 день.

А назади у подлинной грамоты пишет: Князь велики всеа Русии.

Печать вислая на красном воску — орел двоеглавый у подлинной грамоты.

Акты Юшкова, № 69

1481 г. июня 6

ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА О НАЗНАЧЕНИИ Ф. ПЕТРИЩЕВА ПРИСТАВОМ ДЛЯ ОХРАНЫ ПОДМОСКОВНЫХ СЕЛ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ОТ ПОСТОЯ, ПОДВОД И КОРМОВ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

От великого князя Ивана Васильевича князем моим, и бояром, и воеводам ратным, и детем боярским, подорожным людем, всем без оменки, чей бы хто ни был.

Чтоб есте в троицких селех Сергиева монастыря в Ворских, в Петровском, и в Муромцове и у Ильи святого на Воре, и в Путилове, и в Пупкех, и в Беседех, и в Боркове, и в деревнях тех сел не ставились, ни кормов бы есте, ни проводников не имали, ни лугов не травили, ни гонци бы мои поводы и проводников у них не имали, оприч ратные вести или с кем моя будет грамота на имя в монастырьские села, кому будет дати подводы. А хто станет силно, и яз дал на тех пристава Филю Петрищева, а велел есми их ссылати доловь. А хто имет стояти силно или хто что возмет, и пристав мой тех дает на поруце да ставит передо мною, перед великим князем, и яз взятое на нем велю взяти вдвое без суда и без исправы, а от меня ему быти в казни.

А дана грамота лета 89-го июня в 6 день.

Приписи на грамоте: Князь великии.

Князь великий Василей Иванович всеа Русии по сей грамоте пожаловал Троицкого Сергиева монастыря игумена Серапиона з братьею, или хто по нем иный игумен будет, сее грамоты у них рушити не велел никому ничем. А в Филино место Петрищова дал им пристава Филинова сына Петрищова Левку. Лета 7014-го декабря в 6 день.

Подпись дьяка Данило Кипреянова.

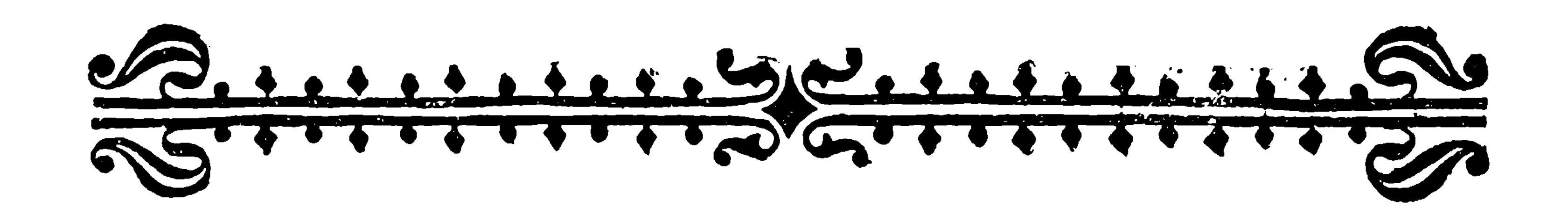
Князь великии Иван Васильевич всеа Русии по сеи грамоте пожаловал Троицкого монастыря игумена Иасафа з братьею, или хто по нем иный игумен будет, сее грамоты у них рушити не велел никому. Лета 7042-го февраля в 9 день.

Подпись дьяка Офонасья Курицына.

Печать у грамоты на черном воску.

АСЭИ, т. I, № 493

[1397—1398 гг.]

УСТАВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ДВИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Се яз, князь велики Василеи Дмитриевичь всеа Руси, пожаловал есмь бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людеи Двинские земли. Коли кого пожалую своих бояр, пошло наместником к ним в Двинскую землю, или кого пожалую наместничеством из двинских бояр, — и мои наместници ходят по сеи по моеи грамоте, великого князя.

1 Оже учинится вира, где кого утепут, — ине душегубца изыщут; а не наидут душегубца, — ине дадут наместником десять рублев. А за кровавую рану тритцать бел, а за синюю рану пятнатцать бел; а вина противу того.

2 А кто кого излает боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут, — и наместницы судят ему по его отечеству безщестие; тако же и слузе.

3 А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выида ис пиру, — и наместником и дворяном не взяти ничего; а вышед ис пиру возмут прощение, — ине наместником дадут по кунице шерьстью.

4 А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, вины боран. А межы сел межа тритцать бел; а княжа межа три сороки бел; а вязбы в том нет.

5 А кто у кого что познает татебное, — и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклово[1] татя, а от того наместником и дворяном не взяти ничего. А татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, про-

---

[1] *Буква л исправлена из какой-то первоначальной буквы.*

дадут его не жалуя; а уличат втретьие, — ино повесити; а татя всякого пятнити.

6 А самосуда четыре рубли; а самосуд то: кто, изымав татя с поличным, да отпустит, а собе посул возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самоусуд; а опрочь того самосуда нет.

7 А кого утяжут в рубле, — и наместником вины полтина; а того боле или менши, — ино по тому ж.

8 А на Орлеце дворяном хоженого белка; а езды и позовы от Орлеца до Матигор две белки езду, до Колмогор две белки, до Куръострова две белки, до Чюхчелема две белки, до Ухтъострова две белки, до Кургии две белки, до Княжаострова четыре белки, до Лисичаострова семь бел, а до Конечных дворов десять бел, до Нонаксы дватцать бел, до Уны тритцать бел; а с Орлеца вверх по Двине до Кривого белка, до Ракулы две белки, до Наволока три белки, до Челмахты четыре белки, до Емци пять бел, до Калеи десять бел, до Кириегор семнатцать бел, до Тоимы до Нижние тритцать бел. А на правду вдвое. А железного четыре белки, толко человека скуют, а не будет по нем поруки; а более того дворянину не взяти ничего; а черес поруку не ковати; а посула в железех не просити; а что в железех посул, то не в посул.

9 А кто на кого челом бьет, дворяне и подвоиские позовут к суду, а он не станет у суда, — и на того наместници дадут грамоту правую безсудную; а кто будет нетутошнеи человек, — ине его дадут на поруце.

10 А от печати наместником по три белки; а дьяком от писма от судные грамоты две белки. А сотскому и подвоискому пошлинка с лодьи по пузу ржы у гостя.

11 А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, — в том наместници не судят, ни вины не емлють.

12 А приставом моим, великого князя, в Двинскую землю не въездити, всему управу чинят мои наместници.

13 А над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, — и мне, князю великому, велети наместнику стати перед собою на срок; а не станет, — ино на того грамота безсудная, и пристав мои доправит.

14 А гостю двинскому гостити в лодьях или на возех; с лодии на Устюзе наместником два пуза соли, а с воза

две белки, а того боле наместники не емлют у них, ни пошлинники, ничего; а на Вологде дадут с лодии два пуза соли, а с воза по белке, а того боле не емлют у них ничего. А в лодиах или на возех, коли поедут, и наместници устюжские и вологодские их не уимают.

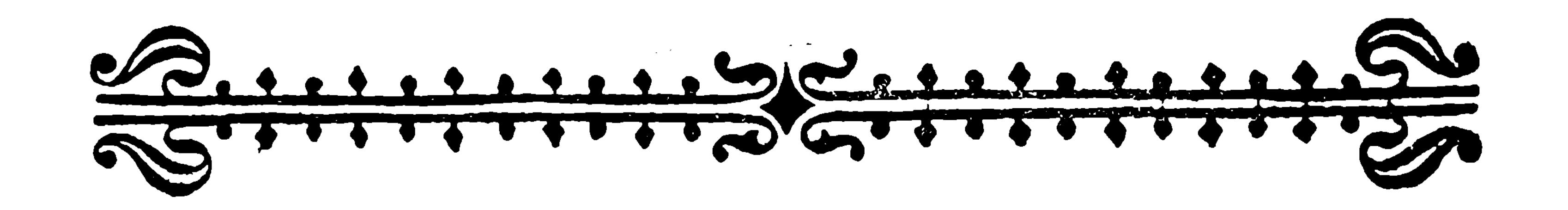
15 А на Устюзе, и на Вологде, и на Костроме их не судят, ни на поруки их не дают ни в чем; а учинится татба от двинских людеи с поличным, — ине поставят их с поличным передо мною, перед великим князем, и яз сам тому учиню исправу; а чего кто имет искати на них, — ине учинят им срок перед моих наместников перед двинских, ине учинят исправу им на Двине.

16 А куды поедут двиняне торговати, — ино им не надобе во всеи моеи отчине в великом княжении тамга, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлины.

А через сю мою грамоту кто их чем изобидит, или кто не имет ходити по сеи грамоте, — быти ту от мене, от великого князя, в казни.

ГВН и П, № 88

Приложения

а) [1294—1304 гг.] Грамота великого князя Андрея Александровича на Двину с сообщением о договоре с Новгородом о кормах и подводах для великокняжеских ватаг

От великого князя от Ондрея к посадником, и к скотником, и к старостам.

Како есмь докончал с Новымъгородом, ходити трем ватагам моим на море: а ватамман Ондреи Критцкыи, оть дают с погостов корм и подводы по пошлине; а сын его Кузма како поидет с моря с потками с данными по данничу пути, дадят ему корму и подводы, по пошлине, с погостов. А как пошло при моем отце и при моем брате не ходити на Терскую сторону ноугородцем, и ныне не ходять.

ГВН и П, № 83

б) [1328—1340 гг.] Грамота великого князя Ивана Даниловича печерским сокольникам Жиле и другим об освобождении их от даней и некоторых повинностей

Се яз, князь великии Иван Даниловичь всея Руси пожаловал есмь соколников печерских, хто ходит на Печеру, Жилу с други. А се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федець, Острога Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица, Иванов сын, Семенець, Кондрат, Чешко, Семенець, Григорь, Степанець, Савица. Не надобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянути; и что у них третники и наимиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе никоторая дань, ни ко старосте им не тянути, ни биричь их не поторгыват, не надобе ни корм, ни

подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и яз князь великии кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурью; а ты, Меркуреи, по моеи грамоте блюди их, а в обиду их не выдаваи никому.

ГВН и П, № 84

в) [1328—1340 гг.] Грамота Новгорода на Двину о поручении Печерской стороны в ведение Михаила для морского промысла

От великого князя от Ивана, от посадника Данила, от тысяцского Аврама и от всего Новагорода к двинскому посаднику на Колмогоры и к боярам к двиньским.

Приказал есмь Печерскую сторону Михаилу, а ходит на море в дватцати человек. А вы, бояре двинские, не вступаитеся в гнездные потки, ни в места. А погост Кегролскии и Волок ведает Михаило по пошлине, како то было при моих дядях и при моем брате при стареишем. А Микифору не надобе вступатись ни во что же, ат ходит Микифор в Михаилове ватазе.

ГВН и П, № 85

г) [1363—1389 гг.] Грамота великого князя Дмитрия Ивановича Ондрею Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление

Се яз, князь велики Дмитреи Ивановичь, пожаловал есмь Ондрея Фрязина Печерою, как было за его дядею за Матфеем за Фрязином; а в Перми емлет подводы, так было и доселе.

А вы, печеряне, слушаите его и чтите, а он вас блюдет, а ходит по пошлине, как было при моем деде при князи при великом при Иване, и при моем дяде при князи при великом при Семене, и при моем отци при князи при великом[1] при Иване, так и при мне.

ГВН и П, № 87

---

[1] *В списке* великого.

1456—1462 гг., марта 27
ЗАПИСЬ О ДУШЕГУБСТВЕ

[1] Запись, что тянет душегубьством к Москве. Серпохов со всеми волостми и со княж[е]ньскыми селы и с манастырьскыми селы; а Хотунь по тому ж с всеми волостми и селы, и Перемышль, и Растовец, и Городець, и Суходол, и Щитов, и Голичици по Нару, Звинигород, и Руза, со всеми ж волостьми и селы. А дмитровьскых волостеи тянет, Въхна Сельна, Гуслици, Загорие, Рогож, а вь Московьском уезде во всем по Коломьньскыи[1] уезд и по Дмитровьскыи, княженьскых сел...[2] и великие кнегини села, и митрополичи, и манастырьские вси душегубьством к наместнику же к Москве.

[2] А на Москве на посаде лучится душегубьство за рекою за Москвою, ино к тому и Даниловьское. А будет душегубьство за Яузою, ино к нему Анъдрониев манастырь и Городищо. А лучится душегубьство на Великои улици у Николы у Мокрово, ино к тому от Острого конца и до Варьскои улици. А лучится душегубьство за Варьскою улицею, ино к тому и у Стретеньскои улицы и по Неглимну. А за Неглимною лучится душегубьство, ино к тому и Дорогомилово, все Занеглименье и Семьчиньское.

[3] А учнет искать москвитин на семьчинине, на нагатинци, на островлянине и Коломеньскаго села, и на прудском а на сущевленине, и великие кнеини дворы у городе, и митрополичи, и манастырьскые, что ни есть дворов на Москве, и на огородниках, и на садовниках великого князя и великие кнеини, и митрополичи, ити им искати

---

[1] *Буква и над строкой.*
[2] *Дальнейший текст читается на лл. 66.*

перед болшего наместника московьского, а судья за ним идеть своего прибытка смотрит. А поимают за поличным, ино суд; и за ним нет, ино судить и казнить болшей наместник.

4 А посулять болшему наместьнику, а двема третником тоже а тиуну великого князя что посулят. А у заповеди, то у торгу кличить, наместнику большему с двема третники по третем же, а тивуну великого князя нет ничего у заповеди. А у поля ему вяжщого треть, а пересуда треть ж, да что посулять[1]. А поголовьщины наместником четыре рубли, а тивуну великого князя вяжщого треть. А пересуда треть ж у наместников у третников; а пересуда идет с рубля по десяти денег, а менши рубля пересуда нет, а кто учнеть бесчестия искать, то со всякого пересуд.

5 И что городов великого князя и волостеи и сел и великие кнеини, и уделных князеи городов и волостеи и сел, кого поимают за поличным на Москве, судит его наместник московьскыи с двема третники, и казнит, а отсилкы ни судьи за ним нет.

6 Поимают опроче того в пеном деле, в каком ни есть, срок ему дать судью за собою поставить, занеже у докончаньи писано по крестному целованию: в московскые суды не вступатись никоторому князю.

7 По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи великие кнегини и уделных князеи всих суживал наместник болшеи, судии за ними не бывало; а учинила то кнеини великая София при Иоане при Дмитриевиче, что судья за ними ставится.

8 А во Езерецкое село, тамо судья с Москвы не ездит, да ездит пристав, да возмет собе товарища, и дав на поруце да судить его на Москве болшеи наместник, а судья за ним придет своего прибытка смотрит; також и по инем селом великие кнеини и уделных князеи в Московьском уезде.

9 А что деревни в Московьском в становом уделных князеи, и волостели их судят, а доложат своего князя, аж будеть на Москве: а не будет на Москве его князь, и

[1] *Далее вставка на полях:* А у душегубьства ему вяжщего треть, да что посулят.

ему доложить великого князя или болшаго наместника, а по иным городом их не водит к докладу.

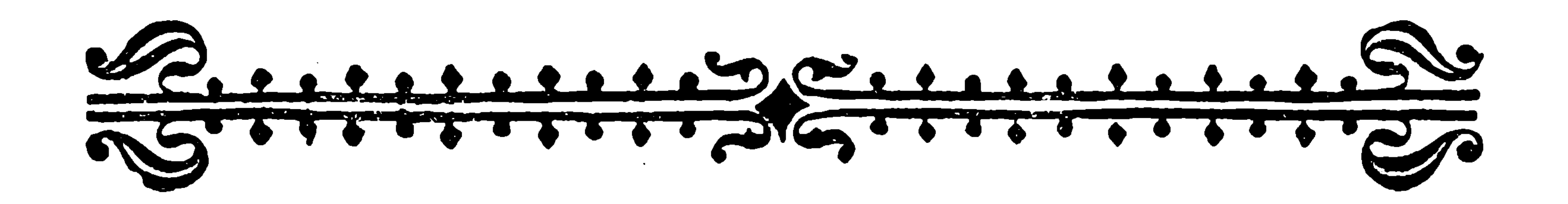
10 А поимают тферитина[1] за поличным на Москве, и судять и казнят его на Москве, а отсылкы ни судьи за ним нет; а поимают в пеном деле, ино его дать на поруце, а искати на нем во Тфери.

ГПБ., QXVII № 58, лл. 62 об., 66—67 об.

---

[1] *Слог* на *над строкой.*

1488 г. март

БЕЛОЗЕРСКАЯ УСТАВНАЯ ГРАМОТА

Се яз, князь велики Иван Васильевичь всея Руси, пожаловал есми своих людей белозерцов, горожан и становых людей и волостных всех белозерцов: хто наших наместников у них ни будет, и они ходят по сей по нашей грамоте.

1 Взоежжого корму горожане и становые люди наместником нашим на взоезд что хто принесет, то им взяти.

2 На Рожество Христово наместником нашим дадут корм со всех сох, со княжих, и з боярьских, и с монастырьских, и с черных, и з грамотников, и со всех без оменки, с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку овса десять денег, за воз сена два алтына; а на Петров день дадут корм наместником нашим со всех же сох, с сохи за боран восмь денег, за десятеро хлебов десять денег. А тиуном корм режественской и петровьской вполы наместничя корму. А доводчиком побор со всех же сох, с сохи на Рожество Христово за ковригу денга, за чясть мяса денга, за зобню овса две денги; а на Петров день доводчиком побор со всех же сох, за ковригу денга, за сыр денга.

3 А наместником нашим у них держати в городе и во станех два тиуна за десять доводчиков: во станех восмь доводчиков, а два в городе; а станы и деревни своим доводчиком поделять.

4 А доводчику ездити во стану без паропка и без простые лошади, своего деля прибытка; а побора им в стану и не брати, имать им свой побор у соцкого в городе; а доводчику из своего разделу в другой роздел не ездити; а где доводчик ночует, туто ему не обедати, а где обедает, туто ему не ночевати.

5 А наместники[1] тиунов и доводчиков до году не переменяют.

6 А кормы наместничьи и тиуновы и доводчиковы поборы берут в станех сотцкие да платят наместником и тиуном и доводчиком в городе: о Рожестве Христове рожественской корм платят и наместником, и тиуном и доводчиковы поборы, а о Петрове дни петровьской корм платят в городе и наместником и тиуном и доводчиковы поборы.

7 А пошлин наместником на Белеозере в городе: явка з гостей, кои гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новогородцкие земли, или откуды хто ни приедет, з болшаго судна. с ватамана гривна, а людей на судне сколко ни будет, ино з головы по денге; а хто приедет в малых судех в гребных на Белоозеро из Московские земли, или из Новогородцкие, ино с ватамана и с людей, колко их на судне ни будет, ино з головы по ленте. А на Волочке на Словенском наместником держать своих пошлинников, а явку емлют з гостей по тому же: кто придет из Московские земли, из Тверские, из Новогородцкие земли, и с Устюга, и с Вологды, ино з болшого судна с ватамана гривна, а с людей, сколко их на судне ни будеть, ино з головы по денге; а в малом судне в гребном хто приедет, ино с ватамана и с людей, колко их ни будеть на судне, ино з головы по денге. А которы гость заплатит пошлину на Волочке, а на том другие пошлины на Белеозере не емлют.

8 А хто придет из Московские земли, из Тверские, из Новогородцкие земли, изо всех монастырей Московские земли, и Тверьские и Новогородцкие земли, из белозерьскых монастырей, ис Кирилова, из Фарафонтиева, изо всех белозерьскых монастырей, торговать им всем на Белеозере в городе житом и всяким товаром; а зо озеро им всем торговати не ездити. А по волостем и по манастырем не торговати житом и всяким товаром, опрочь одное волости Углы; а на Угле быти торгу по старине. А кого изымают, хто поедет за озеро, или кто учнет торговати по волостем и по монастырем белозерьским, и они с купца возмут два рубля, рубль наместником, а рубль таможником; а с продавца возмут два рубля, рубль наместником,

[1] *В рукописи* наместник.

а рубль таможником; а что у них будет товару, у купца и у продавца, и тот товар у них емлют таможники на великого князя, а их дают на поруце наместник и таможник да ставят перед великим князем. А городьским людем белозерьским посажаном за озеро ездити торговати по старине.

9 А будет суд перед наместники и перед тиуны о рубле, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну, и с тиуни и з доводчики, за все пошлины; а досудят наместники и тиуны о рубле до поля, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну, с тиуны и з доводчики, за все пошлины; а будет выши рубля или нижи, и наместники на них емлют по тому же розчету; а побиются на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны и з доводчики за все их пошлины.

10 А доведут на кого татьбу, или розбой, или душегубьство, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а тот разбойник или душегубець наместником в продаже и в казне.

11 А поличное то, что выимут из клети из-за замка; а наидут что в дворе, или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное.

12 А у кого что признают татебное, и тот [с][1] себя сведеть свод, хотя и до десятого своду и до чеклого татя, а наместники у них в том не возмут на них ничего.

13 А самосуда наши наместники и их тиуни емлют два рубля: а самосуд то, хто поимает татя с поличным да отпустит его прочь, а наместником и их тиуном не явя, а его в том уличят, ино то[2] самосуд; а опричь того самосуда нет.

14 А учинится у них в городе душегубьство, а не доищутся душегубьца, ино вины четыре рубли заплатят горожаня; а учинится душегубьство в коем стану или в коей волости, а не доищутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатят в стану или в волости, в коей душегубьство учинилося; а доищутся душегубца, и они его дадут наместником или их тиуном, а хрестьаном в том продаж нет. А кого у них в лесе дерево заразиг, или з дерева

---

[1] *В рукописи отсутствует.*
[2] *В рукописи* та.

убиется, или зверь сьест, или хто в воду утонет, или кого возом сътреть, или хто от своих рук потеряется, а обыщут без хитрости, ино в том вины и продажи нет.

15 А станов к городу: Городецки стан, да Напорожский стан, да Заозерски стан.

16 А езд в станы и в волости на две версты денга, а в городе хоженого денга, а на правду вдвое. А от поруки пристав у них не емлеть ничего.

17 А хто дасть дочерь замужь, из города в волость, или из волости в город, или из волости в волость, и он дасть за выводную куницю алтын; а хто дасть дочерь замужь за рубеж, в Московьскую землю или в Ноугородцкую, и он даст за выводную куницю два алтына; а в городе и во стану и в волости в одной, ино свадебного за убрус две денги, а десятинику владычню знамен три денги.

18 А хто у кого межу переорет или перекосит, и наместники наши и их тиуни возмут на виноватом за боран восмь денег.

19 А наместником нашим и их тиуном без сотцков и без добрых людей не судити суд.

20 А тиуном и наместничьим людем на пир и на братчину незваным не ходити; а хто приедет к ним на пир и на братчину незван, и они того вышлют вон безпенно. А хто у них имет пити сило, а учинится какова гибель, и тому то платити без суда, а от меня от великого князя быти в казне.

21 А князи мои, и бояре, и дети боярьские, и всякие ездоки, у горожан и у становых людей и волостных людей кормов и подвод, и проводников, и сторожов не емлют. Тако же и гонци, мои великого князя, без грамоты подвод и проводников у них не емлють.

22 А приедеть мой пристав, великого князя, с Москвы, по белоозерца по горожанина и по становаго человека и по волостнаго, и он им пишет один срок в году, на заговение на великое на мясное; а опрочь того сроку хто на них иной срок накинет, а не по их сроку, или хто на них зазывную грамоту принесет, а не по их сроку, и яз, князь велики, им х тем срокам ездити не велел. А хотя хто на них безсудную грамоту возметь, а не по их сроку, а та грамота

бессудная не в бессудную. А пристав емлеть у них...[1] ского езду три рубли, а от поруки у них не емлет ничего.

23 А кому будеть белозерцом, горожаном и становым людем и волостным обида от наместников и от волостелей, и от тиунов обида, и от доводчиков, и они сами сроки наметывають на наместников и на волостелей и на их людей.

А через сю мою грамоту хто что на них возмет, или чим изобидит, быти тому от меня, от великого князя, в казне.

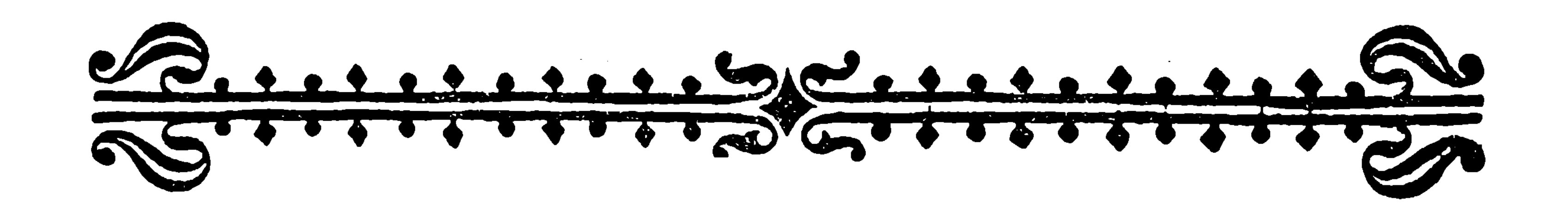
А дана грамота лета девятьдесят шестаго, марта.

Архив П. М. Строева, т. I, № 55

---

[1] *В рукописи текст попорчен.*

1497 г. мая 21
БЕЛОЗЕРСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ ГРАМОТА

Лета семь тысячь пятаго, маиа двадесят первы, от царя Констянтина и Оленина дни на год до царя Констянтина до лета семь тысяч шестаго, да двадесят перваго дни маиа, откупили белозерскую тамгу, да пятно коневое Тит Окишюв да Есип Тимофеев, да Семен Бобр.

1 А откупа им дати сто рублев и дватцать рублев. А имати у них те деньги часовнику подьячему по сроком, шестьдесят рублев взяти у них на великое заговейно на мясное, а шестьдесят рублев взяти у них на царя Констянтина и Еленин день.

2 Хто привезет городцкой человек белозерець и окологородць и изо всех волостей белозерьских товар свой, и таможником у них имати со всякого товару с рубля по полудензе; да у них же имати с саней, что привезут свою рухлядь, по полудензе за церковную пошлину, что емлють на Москве.

3 А которой белозерець городцкой человек купит себе на лавку мед, или икру, или рыбу, и им имати у них с рубля по полудензе порядного.

4 А купит себе на лавку белозерець городской человек мех соли, или рогозину соли, или пошев соли или бочку рыбы, или кадь рыбы, или бочку селдей, и им со всего с того с одного имати у них по полудензе.

5 А хто мясо привезет на санех, городцкой человек белозерець и окологородець и изо всех волостей белозерских, и им у них имати с стяга по полудензе.

6 А хто коровы пригонит, и им имати с коровы по полу ж дензе, а десять полот стяг мяса, дватцать гусей стяг же мяса, тритцать поросят стяг же мяса, тритцать утят стяг

же мяса, десять боранов стяг же мяса, тритцать сыров стяг же мяса, дватцать зайцов стяг же мяса.

7 А привезет хто белозерецъ городцкой человек и окологородецъ и изо всех волостей белозерьских лен, лук, чеснок, орех, яблока, мак, золу, деготь, и им у них имати с воза и с саней по дензе, а повезет з Белаозера белозерецъ городцкой человек и окологородецъ и изо всех волостей белозерьских бочку рыбы, или кадь рыбы, или мех соли, или рогожу соли, или пошев соли, и им у них имати со всего с того по полудензе.

8 А с служилого человека, которой поедет бес товару, и с того пошлины не имати. А хто служилой человек поедет, а имет каким товаром торговати, ино с того имати тамга и все пошлины по тому ж, как и с торгового человека.

9 А хто купит человека в полницу, и ему давати наместнику ставленого з головы по алтыну, то и с приставом. А диаку имати, которой грамоты полные пишет з головы по алтыну, а таможеником имати з головы по алтыну ж.

10 А хто купит лошадь в рубль или менши рубля, и им имати у того от пятна с лошади по дензе, а хто продасть лошадь в рубль или менши рубля, и им у того имати с лошади по дензе.

11 А всем торговцом белозерьцом городцким людем и окологородным и изо всех волостей белозерьских, и изо всее Московские земли, и из Тферьские земли, и из Новгородцкие земли Великого Новагорода являти товар свой таможником, не складывая с воза и из судна. А не явя таможником сложит товар свой с воза и из судна, и он то протамжил, ино товар его ему назад. А будет того товару на два рубля или колко нибуди боле двух рублев, ино с него протамги два рубля: рубль наместнику, а рубль таможником. А хто протамжит своего товару на рубль, ино товар его ему назад, а с него протаможья тритцать алтын без гривны, четыре гривны наместнику, а четыре гривны таможником. А хто протамжит своего товару боле рубля, а менши дву рублев, или менши рубля, ино товар его ему назад, а с него протаможье имати наместнику и таможником по тому ж по розчету, как емлют протаможье по колку с рубля.

12 А хто продаст лошадь или купит хто, а не яви таможником ни пятня, ино с него заповеди пропятенья два рубля; рубль наместнику, а рубль пятенщиком.

13 А белозерець городцкой человек на Белеозере в городе купит товар или продасть, ино с него тамги не имати, а продасть или купит судно городцкой человек белозерець и окологородець, и изо всех волостей белозерьских, и им у них имати тамга, как у них и с ыного товару емлют с рубля по полудензе.

14 А с московитина и изо всех городов Московских, и из вотчины братаничев великого князя, и из всее Московские земли, и из Тверские земли, и из Новогородцкие земли, со всех с тех имати тамга по старине с рубля по алтыну, да у всех же у тех имати с саней по полудензе за церковную пошлину и за гостиное, что емлют на Москве.

15 А купит хто судно или продаст, и им у них имати тамга у всех по тому ж, как у них емлют с ыного товару, с рубля по алтыну.

16 А придет хто с товаром на судне из Московские земли, и из Тферьские земли, и из Новогородцкие земли, и колко у него будет людей на судне, и им у них имати со всех с тех з головы по дензе; а хто приедет из Московские земли, и из Тверьские земли, и из Новогородцкие земли, и изо всех манастырей Московские земли, и из Тверьские, и из Новогородцкие, и из белозерьских монастырей, ис Кирилова, и из Фарафонтьева, и изо всех белозерьских манастырей, всем им всяким товаром и житом торговати в городе на Белеозере, а за озеро всем им торговати не ездити, а по волостем им и по манастырем не торговати ни житом, ни всяким товаром, опроче одные белозерьские волости Углы; а на Угле быти торгу по старине, а тамга имати у них по тому ж, как емлют на Белеозере в городе.

А кого изымают, хто поедет за озеро или хто учнет торговати по волостем и по манастырем по белозерьским, и они с купца возмут два рубля: рубль наместнику, а рубль таможником, а с продавца возмут два же рубля: рубль наместнику, а рубль таможником. А что у них будет товару у купца или у продавца, и тот товар емлют у них таможники на великого князя, а их дают на поруки наместники и таможники, да ставят перед великим князем.

17 А городцким людем белозерцем и посажаном за озеро ездити по старине торговати, а имати им тамга и церковная пошлина и пятно с великого князя селчян, и с великие княгини селчян, и с митрополичих, и с княжих, и со владычных, и с манастырьских, и з боярьских, и з грамотников и со всех без оминки, чей бы хто ни был.

Архив П. М. Строева, т. I, № 68.

Историко-правовой обзор

1462—1505 гг. Грамота Ивана III о пожаловании Ивану Племянникову кормления

Список грамоты дефектный. Однако и в дошедшем до нас виде грамота ярко характеризует те привилегии, которые получал кормленщик. Великий князь жалует в кормление определенную территорию «с правдою и пятном», то есть с правом суда и сбора пошлин при купле-продаже и связанным с этим клеймением лошадей.

Интересна концовка грамоты, свидетельствующая о том, что данный акт был обращен непосредственно к населению территории, пожалованной в кормление.

1462—1505 гг. Грамота великого князя Ивана III о пожаловании Ивану Племянникову Чавцы в путь

В конце XV века аппарат государственного управления во многом еще сохранял следы феодальной раздробленности, когда ве́дение великокняжеским хозяйством неразрывно переплеталось с государственным управлением.

Управление различными отраслями великокняжеского хозяйства (содержанием и разведением лошадей, птичьей охотой, снабжением великокняжеского стола продуктами питания, напитками и т. д.) занимало в общей системе государственного управления значительное место. Целый

ряд деревень, сел, сельскохозяйственных и охотничьих угодий, расположенных на территории великокняжеского домена, отводился великим князем в распоряжение лиц, возглавлявших ту или иную отрасль княжеского хозяйства. Доходы, собиравшиеся с населения этих земель, шли на нужды великокняжеского хозяйства и частично — в пользу того представителя феодальной знати, которому поручалось ве́дение данной отраслью и управление предназначенных для нее территорий. Этот сложный комплекс, сочетавший отрасль великокняжеского хозяйства с управлением определенными частями дворцовой территории, носил наименование «пути».

В литературе существует различное толкование термина «путь», в прямом смысле обозначающего выгоду, удобство, преимущество, первенство (см. ниже договорную грамоту сыновей Ивана Калиты: «...а потом на старешии путь, кто будет старешии...»).

В исторической и историко-правовой науке термин «путь» обычно толкуется как ведомство («Материалы для терминологии словаря Древней России», Издательство Академии наук СССР, 1937; С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, Госюриздат, 1950, и т. д.). Однако подобную трактовку следует признать далеко не точной.

По существу «путь» — это наименование кормления в дворцовом ведомстве, ибо в «путь» входила определенная административно-территориальная единица, население которой тянуло «судом и данью» к феодалу, ведавшему определенной отраслью дворцового хозяйства (сокольнику, чашничему, ловчему и т. п.).

Приводимая нами грамота является ярким тому подтверждением. Население села Чавцы, жалуемого «в путь», полностью подлежит юрисдикции грамотчика. Великий князь запрещает представителям общегосударственной администрации (приставам) вмешиваться в рассмотрение судебных споров жителей жалуемой территории, подлежащих ведению грамотчика. Отказ в признании судебного авторитета грамотчика влечет для отказавшейся стороны бесспорный проигрыш дела.

В некоторых других грамотах термин «путь» сочетается с упоминанием конкретной отрасли княжеского хо-

зяйства: сокольничий, ловчий путь (ср. ниже договор сыновей Ивана Калиты: «...да тобе сокольничии путь... да конюшии путь и кони ставити... ловчии путь»; ср. великокняжескую грамоту «О пожаловании Фунику Прокудину чашнича пути на Костроме в кормление с правдою», Акты Юшкова, № 63).

В приводимой грамоте отсутствует указание на конкретную отрасль хозяйства, которую должно было обслуживать жалуемое село Чавцы. Данный акт сходен с другими грамотами на кормление, помещаемыми в настоящем разделе, что является еще одним доказательством толкования «пути» как кормления в дворцовом ведомстве.

В путь по годом — «путь» жаловался феодалу на ограниченный срок, что также напоминает формуляр грамот, отводящих определенную территорию или доходы в кормление.

1462—1505 гг. Грамота Ивана III о пожаловании Ивану Осоке кормления

Грамота фиксирует пожалование Иваном III кормления одному из представителей служилых людей — Ивану Осоке. В тексте грамоты не перечисляются привилегии кормленщика, а также размеры пошлин, идущих ему за отправление судебно-административных функций. Грамота отсылает к «старой пошлине», то есть, повидимому, к старым установлениям, которые обычно фиксировались в кормленных грамотах. Подобная отсылка к прежним установлениям практиковалась повсеместно, ибо, как правило, положение различных кормленщиков мало чем отличалось. В то же время грамота ограничивает стремление жителей управляемой наместником территории разрешать свои споры в центральных судебных органах. Требуя явки всех местных жителей — участников процесса к кормленщику, грамота предоставляет последнему право решать вопрос о необходимости рассмотрения их дела в Москве или же на месте. В последнем случае стороны не имеют права отказываться от рассмотрения дела кормленщиком. Сторона, не желающая предстать перед судом кормленщика, автоматически признавалась виновной.

Интересна вторая половина приводимой нами гра-

моты. Ее постановления сходны с постановлениями ст. 37 Судебника 1497 года, требующей от великокняжеского пристава при прибытии в уезд по поручению центральных судебных органов обеспечивать явку лиц, вызываемых в суд наместника или волостеля, если вызываемые принадлежат к числу жителей управляемой наместником территории. Эта норма была обусловлена необходимостью контролировать действия агентов центральной власти во время их пребывания в уездах и волостях. С этой целью грамота строго наказывает приставов, не выполняющих данного предписания. [Ср. кормленную грамоту Юрия Васильевича Василию Ртищеву от 24 ноября 1510 г.: «И вы дети боярские, и слуги, и все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает и ходит по старой пошлине, как было преж сего» (ГБЛ, Акты ОИДР, № 17/2). Интересно, что в этой грамоте дается точное перечисление категорий населения, подлежащих ведению кормленщиков.]

Характерно указание грамоты на роль не только кормленщика, но и других должностных лиц местного управления. Грамота ставит в один ряд самого кормленщика и его тиуна. Фактически все функции по управлению уездом или волостью сосредоточивал в своих руках тиун кормленщика, принадлежавший, как правило, к его холопам и являвшийся посредником между самим кормленщиком и местными жителями.

1504 г., июня 13. Жалованная кормленная грамота Юрия Ивановича Василию и Федору Ртищевым

Приводимая жалованная кормленная грамота исходит от брата Ивана III — князя Дмитровского и Рузского Юрия Васильевича и является примером кормленной грамоты, выданной в удельном княжестве. Кормленная грамота говорит о двух кормленщиках — родных братьях (о наличии двух волостелей для одной территории см. ст. 65 Судебника 1497 года).

В грамоте точно перечисляются основные доходные статьи кормленщиков. Чрезвычайно характерно для грамоты, выданной удельным князем, упоминание о его долге

кормленщикам. В качестве компенсации задолжавший князь дает кормленщикам право на получение дополнительного дохода: сбора пошлин за куплю-продажу лошадей и за запись этих сделок. За нарушение этого правила грамота устанавливает весьма суровую меру наказания — «пропятенье» в размере двух рублей.

Правдою Кочемльскою — правда кочемльская, суд в Кочемльской волости, который отдавался в ведение кормленщиков.

Вязчим — вязчее, пошлина, платившаяся надельщику, присутствовавшему при совершении судебного поединка (ср. ст. 7 Судебника 1497 года).

Пятном — пятно, пошлина при клеймении лошадей (ср. ст. 12 Белозерской таможенной грамоты).

Доводными пошлинами — доводные пошлины платились доводчикам за исполнение ими судебных решений или же обеспечение явки сторон на суд кормленщика.

Кони в шерсть — запись лошадей поштучно, по масти.

1506 г., июня 29. Доходный список волостеля князя Юрия Козловского

Как и уставные грамоты наместничьего управления, доходные списки посвящены регулированию взаимоотношений между представителями государственной власти, назначенными для управления данной территорией, и ее жителями, с той лишь разницей, что уставные грамоты выдавались на имя «лучших людей» (представителей местных феодалов и верхушки посадского и черносошного населения), в то время как доходный список вручался непосредственно кормленщику. Содержание же этих актов во многом было сходно.

Для процесса централизации Русского государства и постепенного ограничения великокняжеской властью привилегий крупнейших феодалов характерно начало приводимого акта, где великий князь предписывает кормленщику собирать корм со всех жителей территории, невзирая на наличие у бояр и монастырей жалованных иммунитетных грамот.

Доходный список дает нам представление об аппарате волостельского управления. Мы встречаем здесь волостеля, его тиуна, доводчика (повидимому, здесь — в понятии судебного пристава), недельщика, праветчика (лицо, исполнявшее судебные решения) и пятенщика (лицо, регистрировавшее акты купли-продажи лошадей, клеймившее лошадей и взимавшее за это пошлины).

Основное содержание доходного списка составляют постановления о количестве кормов в пользу волостеля и представителей его аппарата и о порядке взимания этих кормов.

Определение размера кормов и сроков их сбора было обусловлено как заинтересованностью государственной власти в материальном вознаграждении кормленщика за его придворную и военную службу, так и желанием поставить пределы корыстолюбивым притязаниям и привилегиям кормленщиков.

Кормленщику полагался корм три раза в год (рождественский, петровский и пасхальный). Размеры корма совпадают во всех уставных грамотах и доходных списках.

Так, рождественский корм («полоть мяса, десетера хлебов, мех овса, воз сена») одинаков во всех грамотах.

Вначале корм собирался натурой. С развитием товарно-денежных отношений вместо корма в натуральном выражении доходные списки, равно как и уставные грамоты наместничьего управления, указывают размер корма в денежном его выражении (ср., например, уставную грамоту крестьянам дворцового села Андреевского, 1544 г.). Упоминание о замене натуральных кормов денежным их выражением впервые появляется в 1506 году.

Доходный список различает «корм» и «поборы». Корм шел волостелю и тиуну — верхушке кормленщического аппарата, а поборы — рядовым агентам кормленщика.

Говоря о поборах и кормах, идущих должностным лицам аппарата волостеля, доходный список указывает, что тиун получает «вполы волостелева корму» (половину причитающегося волостелю), а другие агенты волостеля — и того меньше.

Интересно отметить, что приводимый нами доходный список специально говорит о праветчике. О праветчиках упоминается лишь в трех из шестнадцати дошедших до нас уставных грамот наместничьего управления.

С сохи волостелю — соха, единица обложения в Русском централизованном государстве.

Полоть мяса — полоть, туша, разделенная вдоль хребта.

Мех овса — мера, мех овса был равен 7 пудам овса.

Забня овса — зобня, единица измерения сыпучих тел в Пскове во второй половине XV века, равна 14 пудам.

Пропятенья — пропятенье, штраф, взимавшийся с лиц, не уплативших пятно.

1481 г., июня 6. Грамота Ивана III о назначении Петрищева приставом

Приведенная грамота была выдана крупнейшему духовному феодалу Русского государства XV—XVI вв. — Троице-Сергиеву монастырю. Заинтересованный в охране своих богатств, монастырь требовал от правительства принятия неотложных мер для пресечения любых посягательств на материальное благосостояние монастыря.

Правительство посылает с этой целью специальных лиц, задачей которых являлось недопущение каких-либо покушений на монастырскую собственность.

Указанная грамота является ярким свидетельством произвола, который чинили над местным населением многочисленные представители государственного аппарата. Этот произвол был, повидимому, весьма широко распространен, если даже столь могущественная корпорация, как Троице-Сергиев монастырь, была вынуждена обращаться за помощью к центральной власти. Следует заметить, что постановления приводимой грамоты во многом совпадают с постановлениями большинства дошедших до нас уставных грамот наместничьего управления, запрещающих проезжим людям, независимо от их социальной принадлежности, становиться насильно на постой.

1397—1398 гг. Двинская уставная грамота

Двинская уставная грамота 1397—1398 гг. — наиболее ранняя из числа дошедших до нас наместничьих уставных грамот XIV—XVI вв. Эта грамота составлена в период восстания на Двине, в результате которого Двинская земля временно вышла из-под власти Великого Новгорода и признала власть московского великого князя. В грамоте нашла отражение борьба Москвы за создание Русского централизованного государства.

Великому Новгороду впоследствии удалось вновь вернуть Двину в состав своих владений. Великий князь московский еще не мог противостоять натиску Новгорода, взявшего в 1398 году «мир по старине».

Двинская уставная грамота фактически открывает историю законодательства Русского централизованного государства, поскольку она является первой известной нам попыткой обобщить действовавшие в Московском княжестве нормы права и применить их на только что присоединенной территории. В этой грамоте мы встречаемся со взаимодействием московского (общерусского) права, основанного частично на нормах Русской Правды, с новгородскими правовыми установлениями в области уголовного права, судоустройства и судопроизводства. Это объясняет близость уставной Двинской грамоты к Русской Правде и жалованным грамотам московских великих князей, с одной стороны, и к Новгородской и Псковской судным грамотам, нормы которых вырабатывались в XIV—XV вв., — с другой.

Вступление. Грамота дана великим князем Василием Дмитриевичем (1397—1425 гг.) в связи с восстанием 1397—1398 гг. на Двине, — точнее определить дату ее составления пока затруднительно. Одни исследователи относят грамоту к 1397 году, то есть к тому моменту, когда Двина «задалась» за Московского великого князя (М. Ф. Владимирский-Буданов, А. А. Шахматов, Л. В. Черепнин); другие — к 1398 году, когда на Двину был послан великокняжеский наместник князь Федор Ростовский (Н. П. Загоскин, М. П. Мрочек-Дроздовский).

Вступление содержит общее положение о том, что деятельность московского наместника на Двине должна

регламентироваться нормами данной грамоты, которой «пожаловал» великий князь население Двинской земли.

Заинтересованная в непосредственном подчинении Двинской земли Москва сразу же после восстания направила на Двину своего представителя — наместника князя Федора Ростовского. Желая привлечь на свою сторону двинян, московский великий князь указал во вступлении посылаемой с наместником грамоты на возможность назначения двинских бояр наместниками. Это было удачным политическим ходом, ибо двинские бояре — Иван Никитич с братьями — являлись руководителями восстания против Новгорода и претендовали на ведущую роль в Двинской земле. Вступление к грамоте показывает, что в момент ее выработки вопрос о назначении наместником великокняжеского боярина был решен и обещание пожаловать «наместничеством (кого-либо, — *Авт.*) из двинских бояр» было лишь средством обеспечения поддержки двинских феодалов.

Стремясь завоевать популярность среди широкой массы двинян, московское правительство обращает грамоту внешне ко всему населению Двинской земли: «пожаловал есмь бояр своих двинских, также соцкого и всех своих черных людей Двинской земли».

Бояр своих двинских — бояре из местной двинской феодальной знати, в отличие от бояр новгородских, также имевших большие владения на Двине; о боярах двинских см. грамоту 1328—1340 гг. (ГВН и П, № 85); ср. в жалованной грамоте 1448—1454 гг.: «бояре двиньскии и житьи люди и купци» (ГВН и П, № 95); ср. Новгородскую первую летопись под 1397 годом: «Двиняне, Иван Микитин и бояре Двиньскии и все Двиняне за великыи князь задалеся».

Сотского — сотника, выборного административного лица посадского и черносошного населения в Великом Новгороде и его землях, делившихся на сотни; ср. сотского в Двинских актах первой половины XV века (ГВН и П, № 92, 132); встречаются сотские в слободах (ср. там же, № 191). О сотском см. ст. 15 проекта договора с Казимиром IV. «Сотник Пан» упоминается на Выми в конце XIV века (см. Житие Стефана Пермского). О сотнях в Новгороде см. ст. 37 третьей договорной грамоты

Великого князя Ярослава Ярославича. О сотских в городах см. также вводную статью договора Смоленска с Ригою 1229 года, ст. 27 московского противня Коростынского договора 1471 года и ст. 4 Устава князя Всеволода (см. «Памятники русского права», выпуск второй, Госюриздат, 1953, стр. 58, 141, 162, 258).

Черных людей — торгово-ремесленное и крестьянское население Двины.

Наместничеством — управлением Двиною как в известной мере автономной областью. На Двине в конце XIII—XV вв. были самостоятельные посадники, сотники, старшины (ГВН и П, № 83, 85 и др.). Введение наместничества должно было подчинить Двину верховной власти московского великого князя.

Двинские земли — Двинская земля, или Заволочье, иначе — Двинская слобода (см. Новгородскую первую летопись под 1397 годом) охватывала в XV веке территорию Подвинья от реки Емцы до моря (ср. Послание новгородского архиепископа Иоанна около 1397 года, Шахматов, Исследования, ч. II, стр. 145). О Двинской слободе как об автономной единице самоуправления см. в грамоте новгородского веча (около 1411 года) сиротам Терпилова погоста (ГВН и П, № 89).

Ст. 1. Статья определяет наказание за важнейшие преступления против личности (убийство, ранение). Статья близка к нормам Русской Правды. В конце XIV — начале XV вв. возник Чудовский вид Пространной Правды, составление которого М. Н. Тихомиров связывает с деятельностью митрополита Киприана, быть может, участвовавшего и в выработке норм Уставной Двинской грамоты. Во всяком случае, характерно в обоих памятниках употребление терминов «вина» (вместо «продажа»), «осподарь» (вместо «господин»).

Первая часть статьи может быть сопоставлена с ст. 3 Пространной Правды, вторая — с ст. 29; ср. ст. ст. 25, 30, 31 Пространной Правды, а также статью «О муже кроваве» (см. приложения к Пространной Правде).

Весьма серьезным отличием ст. 1 от соответствующих постановлений Русской Правды является обязательность выдачи преступника в случае его обнаружения. Правительство уже не может, как это было в период становле-

ния феодализма, ограничиваться лишь денежным взысканием; убийцу ныне подвергают суровой каре, ибо принцип устрашения становится одним из важнейших принципов феодального права.

Усиление феодальной эксплуатации вызывало рост сопротивления зависимого населения. Беглые и обнищавшие крестьяне нападали на боярские вотчины и разоряли их. Именуя любую форму открытого сопротивления феодальному государству «разбойничеством», русское правительство не могло допустить выкуп виновного общиной, как это предусматривала Русская Правда (ср. ст. 20 Краткой Правды, ст. 3 Пространной Правды). В качестве основного средства к понуждению общины бороться с «душегубцами», «разбойными людьми» и т. п. русское правительство устанавливает обязанность общины платить виру за неотыскание преступника. Таким образом, в ст. 1 Двинской Уставной грамоты речь идет об убийце, посягнувшем на жизнь представителя феодальной верхушки.

Утепут — убьют; вообще же «утети» означает ударить.

Десять рублев — соответствуют 40 гривнам виры по Русской Правде. 1 гривна серебра равнялась 4 гривнам кун (см. договор Новгорода с немцами 1189—1199 гг., договор Смоленска с Ригою 1229 года). Следовательно, 1 гривна серебра равнялась рублю. В грамотах XV—XVI вв. вира оценивается в 4 рубля (ср. Уставную Белозерскую грамоту 1488 года и др.). По ст. 96 Псковской судной грамоты в случае убийства штраф взыскивался в размере одного рубля.

Тридцать бел — белки, новгородско-двинская денежная единица XIV—XV вв. По одной грамоте конца XIV—XV вв. на рубль приходилось 100 белок (ГВН и П, № 123). Однако в заемной митрополита Киприана 1389 года тысяча белок расценивается в 5 «старых» новгородских рублей, то есть этот рубль приравнивается к 200 белкам (АИ, I, № 252). Переверстка гривен на белки в Уставной грамоте 1397—1398 гг. происходила из расчета 1 : 10; 30 белок вместо 3 гривен; 120 белок вместо 12 гривен (см. ст. 4).

Ст. 2. Нормы ст. 2 отражают интересы двинского боярства, устанавливая в соответствии с феодальным правом — правом-привилегией диференцированную компенсацию за

оскорбления и нанесения побоев двинским боярам и слугам, определяющуюся их «отечеством», то есть положением на феодально-иерархической лестнице.

Установление особой охраны телесной неприкосновенности, а также чести и достоинства боярина и его слуги свидетельствует, что основное внимание законодателя направлено на усиленную защиту интересов господствующего класса.

Уставная Двинская грамота впервые в русском светском праве вводит в качестве состава преступления словесное оскорбление.

Статья близка к позднейшим дополнениям к Пространной Правде («О муже кроваве», «А се бещестие»), а также к «Правосудию митрополичью»; ср. выражение: «Судят ему по его отечеству безщестие».

Тенденции, выраженные в ст. 2, нашли свое окончательное выражение в ст. 26 Судебника 1550 года («Всем указывати за увечье, посмотря по человеку и по увечью»).

Слузе — слуге; слуги, представители феодального вассалитета (дворяне и др.), частью происходили из младших дружинников (отроки, детские), частью набирались из тиунов. Из их состава формировался контингент детей боярских, дворян. См. также историко-правовой обзор к «Правосудью митрополичью». О них см. в княжеских договорных грамотах XIV века, см. Д и ДГ, № 2, 5, 9—11, 13—15; см. также ст. 12 договора 1270 года Новгорода с князем Ярославом, договор 1294—1300 гг. Новгорода с князем Михаилом (ГВН и П, № 4, 5) и др.

Ст. 3. Статья посвящена столкновению «на пиру» и ограничивает судебно-финансовые привилегии двинских наместников (ср. ст. 4,5). О столкновении «на пиру» см. ст. 6 Пространной Правды. Об этом же говорит ряд жалованных грамот конца XIV—XV вв. и ст. ст. 34 и 80 Псковской судной грамоты.

Возмут прощение — помирятся, ср. ст. 37, 80 Псковской судной грамоты.

Дворяном — в данном случае судебно-административные агенты, помощники великокняжеского наместника. Соответствуют «мужам» или «дворянам» договоров Новгорода с князьями (ГВН и П, № 1, 2, 3 и др.); ср. «отроков» в Пространной Правде и «тиунов» в жалованных

и уставных грамотах конца XIV — начала XV вв. Позднее из их числа вербовались «приставы».

Статья близка по содержанию к ст. 80 Псковской судной грамоты.

Ст. 4. Статья посвящена такому важному в феодальном обществе правонарушению, как нарушение и порча земельных границ (меж). В отличие от Русской Правды (ст. 34 Краткой Правды и ст. 72 Пространной Правды), знающей лишь один размер штрафа за это преступление, Двинская грамота определяет три вида земельной собственности и в соответствии с этим три разряда штрафа. Наименьший штраф назначался за нарушение права владения простого общинника. Более строго наказывалась порча межи, отделяющей поля двух селений, поскольку здесь могли быть нарушены интересы какого-либо феодального землевладельца, соседствующего с общиной. И, наконец, наиболее сурово каралось нарушение границ княжеских земель. Это было прямым проявлением начал общерусского права, поскольку в Двинской земле, входившей ранее в состав новгородских владений, не было земель, принадлежавших великим князьям. Составитель Двинской грамоты, предвидя неминуемое поглощение земель свободных общинников великокняжеским доменом, указывает на необходимость усиленной охраны интересов главы феодального государства.

Вины боран — штраф (прежняя «продажа») — межевой боран. Этот штраф упоминается в ряде грамот XV—XVI вв. (ср. в Белозерской уставной грамоте 1488 года: «А кто у кого межу переорет или перекосит и наместники наши и тиуни возмут на виноватом за боран восмь денег»).

Три сороки бел — 120 белок (12 гривен). «Сороками» считались белки в Новгороде и на Двине в XIV—XV вв. (ср. ГВН и П, № 124, 133 и др.).

Вязбы — (ср. вязебное в ст. 114 Пространной Правды) — пошлина, платившаяся при совершении судебного поединка и шедшая в пользу судебно-административных агентов (по новгородско-двинской терминологии — дворян). Ср. в договоре 1304—1305 гг. Новгорода с князем Михаилом Александровичем: «А вязчего не пошло по Новгородьской волости, то судиам твоим отложити»

(ГВН и П, № 7). Ср. кормленную грамоту князя Юрия Ивановича.

Ст. 5. Статья восходит к ст. ст. 35—39 Пространной Правды, регламентировавших порядок свода (о своде см. ст. 54 ПСГ).

Внешне напоминая постановления Русской Правды о краже, ст. 5, по существу, знаменует новый шаг в истории русского права. Она является первым дошедшим до нас предписанием русского уголовного закона о введении смертной казни. Смертная казнь, ставящая своей целью возмездие за вину и устрашение непокорных, является неотъемлемой чертой развитого феодального права. Появление в Двинской уставной грамоте упоминания о смертной казни свидетельствует, что данный законодательный акт выражает правовые воззрения крепнувшего феодального государства, сосредоточивающего в своих руках полноту власти для борьбы с классово-враждебными элементами.

Двинская грамота также впервые упоминает о рецидиве как отягчающем вину обстоятельстве и закрепляет в законе правило о клеймении преступников, что является результатом усиления классовых противоречий в русском феодальном обществе.

Позднее первая часть статьи повторяется в ст. 12 Белозерской уставной грамоты: «А у кого что признают татебное, и тот с себя сведеть свод, хотя и до десятого своду и до чеклого татя, а наместники у них в том не возмут на них ничего». Эта часть ст. 5 ограничивает судебно-финансовые права великокняжеских наместников, расширяя за их счет компетенцию местного двинского самоуправления.

Впервые — если вор уличен в воровстве впервые.

Чеклого — наличный, настоящий.

Продати противу поличного — продать имущество вора (а если таковое отсутствует, то продать в холопы самого вора) соответственно цене украденного имущества. В ст. 11 Белозерской уставной грамоты разъясняется: «А поличное то, что выимут из клети из-за замка; а наидут что во дворе или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное». О «продаже» неплатежеспособного должника см. в ст. 55 Пространной Правды.

Продадут его не жалуя — продадут вора в рабство (не давая ему возможности договориться с истцом, каковая, очевидно, сохранилась в первом случае).

Повесити — первое упоминание в законодательных актах о смертной казни через повешение. Вор, уличенный третий раз, подвергался смертной казни и по ст. 8 ПСГ.

Пятнати — клеймить.

Ст. 6. Статья запрещает наместникам расширять понятие самосуда, ограничивая его лишь одним случаем. Законодатель стремится подвергнуть каре любого нарушителя интересов государства, в данном случае лицо, самовольно разрешавшее вопрос об ответственности преступника. Однако правительство не обладало еще в тот период достаточной силой и достаточным аппаратом, чтобы пресечь подобное своеволие. Поэтому оно карает самосуд лишь в случае получения отпустившим на волю взятки, то есть при наличии отягчающих обстоятельств. По последующему законодательству наказуемо любое лицо, отпустившее преступника на волю. Ср. ст. 13 Белозерской уставной грамоты: «А самосуда наши наместники и их тиуни емлют два рубля; а самосуд то, хто поимает татя с поличным да отпустит его прочь, а наместником и их тиуном не явя, а его в том уличат, ино то самосуд; а опричь того самосуда нет». О самосуде см. в договорах Новгорода с Великим князем Михаилом 1304—1305 гг. (ГВН и П, № 6, 7); ср. историко-правовой обзор к ст. 4 третьего договора князя Ярослава 1270 года, а также к ст. 16 Правосудия митрополичья.

Посул — мзда, взятка, побор. В рассматриваемый период этот термин имел два значения: а) плата участников процесса судье по договоренности с последним за отправление им правосудия; б) взятка, вымогаемая судьей. В данном случае речь идет о прямой взятке.

Ст. 7. Статья регламентирует взимание «вины» (продажи) по всем делам, исключая те, которые отмечены в ст. 1. Ср. в Уставной грамоте переяславским рыболовам 1506 года: «случится суд перед волостелем или перед его тиуном о рубле или выше, а досудит до виноватого, и волостель наш и его тиун велит на виноватом исцово доправити, а собе емлет противень вполы исцова, то ему и с тиуном» (ААЭ, т. I, № 143). О пошлинах вирникам

и отрокам см. в ст. ст. 9, 10, 74 и др. Пространной Правды.

Ст. 8. Статья определяет размеры пошлин на путевые расходы, шедшие княжеским дворянам за поездки по территории Двинской земли.

Статья также устанавливает правила содержания обвиняемого, задержанного ввиду отсутствия поручительства за него. Арестованный обычно жил у задержавшего его представителя наместничьего управления и охранялся дворянами. За это дворянин получал определенную пошлину. Закон специально указывал на запрещение каких-либо вымогательств у арестованных: «что в железех посул, то не в посул».

На Орлеце — Орлец, городок на Двине, в центре Двинской земли, центр восстания в 1397 году.

Хоженого... езды и позовы — хоженое, езд, позов — пошлины, прогоны, шедшие княжеским судебно-административным агентам (по двинской терминологии — дворянину) на их путевые расходы. Позов платился дворянину за вызов ответчика или истца к суду (ср. термин «зазывная грамота» в ст. 22 Белозерской уставной грамоты). Езд и хоженое платились дворянину за его выезд на место преступления, к истцу или ответчику (в первом случае — за пределы города, во втором случае — в его пределах). Ср. ст. 20 первой договорной грамоты князя Ярослава с Новгородом, ст. ст. 28—30 Судебника 1497 года, ст. ст. 49, 64 ПСГ, ст. 18 Договора 1270 года Новгорода с князем Ярославом Ярославичем; ср. в докончании 1375 года Дмитрия Донского с тверским князем: «Хоженого в городе алтын, а на правду два, а далнии езд верьста по резане, а на правду вьдвое» (Д и ДГ, № 9); ср. Новгородский противень договора 1456 года (ГВН и П, № 22). О позове и позовниках см. московский противень договора 1456 года Новгорода с великим князем Василием Темным (ГВН и П, № 23).

Позовницу — вызов на суд; см. ст. ст. 20 и др. ПСГ, ср. позовку в ст. 41 ПСГ. В Белозерской уставной грамоте 1488 года и Судебнике 1497 года позовы отсутствуют.

До Матигор — позднее село Матигорское, на левом берегу Северной Двины, у Холмогор, центр волости.

До Холмогор — город Холмогоры на Северной Двине.

До Курьострова — Куростров, остров на Северной Двине, против Холмогор, центр волости.

До Чюхчелема — Чухчелема, центр волости на правом берегу Северной Двины, против Ухтострова, по рекам Юре и Вертусу.

До Ухтьострова — Ухтостров на реке Двине, против Холмогор, центр волости.

До Кургии — возможно, центр Куреской волости на левом берегу Двины, ниже Холмогор.

До Княжаострова — Княж (или Лявль) остров против устья реки Лявли на Северной Двине, выше Холмогор, центр волости. О нем см. ГВН и П, № 92, 132, 138, 148, 150, 164, 182, 253, 259, 265.

До Лисичаострова — Лисичий остров на Двине, выше Холмогор, ниже устья реки Уймы, центра Лисеостровской волости.

До Нонаксы — Ненокса волость, расположенная на берегу Двинской губы.

До Уны — Уна, волость на берегу Унской губы.

До Ракулы — Ракульская волость по обоим берегам реки Северной Двины, между устьями рек Смердьей и Обокши.

До Челмахты — Челмахта, волость по реке Челмахте, правому притоку Двины.

До Емци — позднее Емецкое на реке Емце, левом притоке Северной Двины. Ср. грамоту князя Святослава Ольговича 1137 года.

До Калеи — волость Калья на правом берегу Двины, близ впадения в нее реки Пингиши.

До Тоймы до Нижние — Нижняя Тойма, волость на одноименной реке, правом притоке Двины (крайний южный предел Двинской земли). Ср. грамоту князя Святослава Ольговича 1137 года.

А на правду вдвое — когда дело идет о судебном разбирательстве. Ср. ст. 65 ПСГ: «поедет на татбу, ино ему за езд имати вдвое».

Железного — в данном случае пошлина, взимавшаяся при аресте и заковывании в кандалы. О «железах» см. ст. 4 договора 1229 года с Ригою; о «железном» см. ст. 93 ПСГ.

Черес поруку — если обвиняемый был взят на поруки (ср. ст. 9); о поруке и поручнике см. Псковскую грамоту начала XIV века (ГВН и П, № 337); о поручнике см. также ст. 14 Краткой Правды.

Ст. 9. В случае неявки ответчика на суд по вызову дворян или подвойских иск признавался подлежащим удовлетворению без судебного разбирательства. Если к ответственности привлекалось лицо, на которое не распространялась юрисдикция наместника, то привлекаемого отдавали на поруки до рассмотрения дела надлежащим судьей.

Челом бьет — в данном случае предъявляет к кому-либо иск.

Подвоиские — судебные исполнители, должностные лица, передававшие распоряжения властей. См. о подвойских в ст. ст. 49, 64, 81 ПСГ; ст. 23 НСГ в рядной 1315—1322 гг. (ГВН и П, № 279); ст. 18 московского противня Коростынского договора 1471 года.

Грамоту правую безсудную — судебное решение, принятое в пользу одной из сторон вследствие неявки на суд другой. О безсудной см. ст. 50 ПСГ; ср. ст. ст. 25, 27 Судебника 1497 г.

Не тутошнеи человек — не житель Двинской земли.

По пузу — пуз, мера сыпучих тел; пуз ржи весил полтора пуда, пуз соли — три пуда.

Ст. 10. В статье определяется величина печатных и писчих пошлин, шедших наместнику и дьякам. О писчих и печатных пошлинах см. также в ст. ст. 82, 83 ПСГ и в ст. ст. 15, 16, 17, 22—26, 28, 40 Судебника 1497 года. Статья является первым свидетельством распространения письменного процесса на Руси.

Ст. 11. Статья сохраняет права и привилегии двинских бояр, владельцев холопов, указывая, что судебная власть великокняжеских наместников не распространяется на дела об убийстве холопов.

Статья по существу устанавливает безнаказанность господина за убийство своего холопа. Выражениями «огрешится, случится» законодатель подчеркивает, что речь идет о ненаказуемости лишь неумышленного убийства холопа господином. Однако в условиях феодального общества вряд ли можно было доказать умышленность подобных действий холоповладельца. Упоминание в законе о том, что «наместници» в случае неумышленного убийства холопа господином «вины не емлют», позволяет сделать вывод, что наказанием в случае умышленного убийства господином холопа служило денежное взыскание.

Исчезновение нормы, предусмотренной в ст. 11, в последующих законодательных актах Русского государства, знаменует усиление феодального государства, стремящегося не допускать лишения жизни своих подданных без санкции государственной власти.

Ст. 12. Статья запрещает великокняжеским приставам въезд на территорию Двинской земли. Внешне напоминающая обычное запрещение жалованных грамот вторгаться великокняжеским чиновникам в пределы владения феодала, ст. 12 имеет, однако, иной смысл. Появление ее следует объяснить конкретной исторической обстановкой присоединения Двинской земли к Русскому государству. Наместником Двинской земли был назначен Федор Ростовский, из удельных князей Ростовских, превращавшихся постепенно в «служилых княжат». Желая поддержать авторитет своего наместника и тем самым укрепить престиж Москвы, великий князь Василий Дмитриевич вводит в текст Уставной грамоты данную статью.

Ст. 13. Статья предоставляет двинянам право обращения непосредственно к великому князю в случае злоупотребления наместников; при этом статья декларирует безотлагательный суд по таким делам. Предоставляя неограниченные полномочия наместнику и освобождая его от контроля со стороны отдельных представителей великокняжеской администрации, русское правительство в то же время формально провозглашало защиту местного населения от наместничьего произвола. Тем самым наместник предупреждался об ответственности за попытки обращения с управляемой территорией как со своей вотчиной.

Ст. 14. Статья устанавливает льготы двинским купцам («гостям»), торгующим на территории великого княжества, строго регламентируя поборы, взимавшиеся с них в Устюге, Вологде и Костроме. Упоминание о пошлине на соль не случайно: соль вывозилась из Двинской земли в Северо-Восточную Русь и позднее.

Ст. 15. Статья исключает двинских купцов из подсудности великокняжеским судебно-административным агентам в Устюге, Вологде и Костроме, перенося все тяжбы с ними на Двину (за исключением случаев кражи с поличным, когда судьею является сам великий князь).

Ст. 16. Примыкая к ст. 14, статья 16 освобождает двинян, торгующих в великом княжении, от уплаты торговых пошлин. Ее заключение устанавливает наказание за нарушение Уставной грамоты. Статья 16 грамоты взята из обычного формуляра жалованных грамот конца XIV — начала XV вв.

Наличие привилегий, установленных ст. ст. 14—16 Двинской уставной грамоты, обусловливалось необходимостью для русского правительства обеспечить себе поддержку максимально широкой массы двинян. Трудно, однако, сказать, нашли ли эти предписания Уставной грамоты практическое применение, поскольку пребывание двинян под властью Москвы продолжалось менее года.

Костки — проездная пошлина, см. выше, стр. 130.

Гостиное — пошлина, взимавшаяся с иногородних купцов за право остановки в каком-либо городе на Гостином дворе. Первоначально — пошлина, взимавшаяся с иногородних купцов («гостей»). Ср. также ст. 3 Первой уставной грамоты князя Ростислава 1150 года. См. духовную князя Владимира Андреевича Серпуховского около 1401—1402 гг (Д и ДГ, № 17) и др.

Явка — пошлина, взимавшаяся при предъявлении товара, предназначенного для продажи.

Приложения

Грамота «а»

Грамота характеризует великокняжескую политику в отношении Двинской земли и дает дополнительные сведения по организации ее управления. Датируется временем княжения Великого князя Андрея Александровича.

Посадником — имеются в виду двинские посадники; о них см. грамоту «б», а также грамоту 1448—1454 гг. (ГВН и П, № 95).

Скотником — представителям местной администрации. «Скотнике и помужнике» упомянуты в данной грамоте Палеостровскому монастырю 1415—1421 гг. (ГВН и П, № 90). «Скотничьи куны» упоминаются в рядной Кирилла Юрьевича середины XV века. Термин «скотник» означал иногда казнохранителя (от слова «скот» — деньги); ср. ПСРЛ, т. V, стр. 123; ср. Н. С. Чаев, Северные акты, стр. 141. Скотник встречается в ст. 18 ПСГ. Не исключена, впрочем, и возможность описки: «скотником» вместо «сотником».

Старостам — старосты, выборные представители местного аппарата власти. Слово «староста» — древнего происхождения (старший в сотне — «староста»), см. о нем в Краткой Правде; ср. о старостах в грамоте 1471 года (ГВН и П, № 98), в грамоте «б» — «ко старосте им не тянути». Старосты могли быть у купцов и у черносошных крестьян. Ср. рядную грамоту 1315—1322 гг. (ГВН и П, № 279, а также № 138), ст. 2 Рукописания князя Всеволода и ст. 4 Устава князя Всеволода. Известны также и церковные старосты. Функции старост напоминают функции сотского. В Пскове могли быть старостами и сотские (ГВН и П, № 340). Возможно, что старосты иногда имели хозяйственно-административные функции, тогда как сотские ведали административно-судебными делами.

Докончал — договорился.

Ватагам — промысловым артелям. О промысловой группе сокольников см. в грамоте «б», ср. также грамоту «в».

Ватаман — лицо возглавлявшее ватагу. См. жалованную грамоту 1448—1454 гг. (ГВН и П, № 95).

С погостов — погосты, административные единицы, на которые делилась Двинская земля. О новгородских погостах см. ст. ст. 22, 37 третьей договорной грамоты князя Ярослава с Новгородом 1270 года.

С потками — с птицами, очевидно, соколами. См. грамоту «б»; ср. в грамоте «в» «гнездные потки». О потках см. также церковный устав князя Владимира.

На Терскую сторону — О волости Тре см. в ст. 9 первой договорной грамоты князя Ярослава 1264—1265 гг.

Грамоты «б», «в» и «г»

Первые две грамоты, датированные временем великого княжения Ивана Калиты, а последняя — временем великого княжения Дмитрия Донского, конкретно рисуют организацию промысловых ватаг. Грамота «в», очевидно, составлена в конце 20-х годов XIV века: тысяцкий Авраам упомянут в грамотах 1313—1327 гг., а посадник Данила — в 1326 году (ср. ГВН и П, № 37, 38).

Соколников печерских — Печора даже в начале XVI века славилась своими соколами (П. Иовий отмечает там «сокольи и кречатьи садбища»; см. С. Герберштейн «Записки о московитских делах», СПб., 1908, стр. 261—262). Сокольники обслуживали ведомство великокняжеского сокольничьего, важного должностного лица в дворцово-вотчинной системе управления.

Третники и наимиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах — третники — в конце XV века феодально-зависимые люди, по своему положению близкие к половникам, пахавшие землю из трети урожая. В Шелонской пятине у одного дворцового крестьянина упоминается «третник его Якимец» (НПК, V, стр. 293). Наймиты «в кунах» — задолжавшие — очень близки, с одной стороны, к закупу (см. ст. 61 Пространной Правды) и с другой стороны, — к московскому серебренику, кабальному человеку. Они работали на господской пашне хозяйским инвентарем (готовыми конями: ср. «войский конь» закупа). О наймитах см. ст. ст. 39—41 ПСГ.

Биричь — судебный исполнитель, см. ст. 14 договора Смоленска с Ригою 1229 года.

При моем брате при стареишем — при князе Андрее (см. грамоту «а»).

Погост Кегролскии — о нем см. грамоту 1471 года (ГВН и П., № 98). Кегрола находилась на среднем течении реки Пинеги.

* * *

1456, июля 16 — 1462 гг., марта 27
Запись о душегубстве

Запись о душегубстве — ценный памятник, рисующий судопроизводство и судоустройство Русского государства середины XV века. Составленная после разгрома Василием II реакционной оппозиции удельных князей во время феодальной войны второй четверти XV века, «Запись о душегубстве» ярко отражает успехи Москвы в деле создания Русского централизованного государства. В «Записи» зафиксировано подчинение суду московского великокняжеского наместника территорий бывшего Галицкого и

Серпуховского княжеств. Вместе с тем «Запись» сохранила и следы постановлений, относящихся к судоустройству Московского княжества 20—30-х годов XV века. Это делает ее чрезвычайно ценным источником, для изучения права великого княжества Московского до создания Судебника 1497 года.

Подчеркивая необходимость централизации судебной власти и установления единой для всего Русского государства судебной системы, «Запись о душегубстве» знаменует собою один из важнейших этапов в процессе кодификации русского права.

«Запись» дошла до нас в одном списке середины XV века, опубликованном в Актах Археографической экспедиции. С этого списка текст публикуется в настоящем выпуске.

Разбивка текста «Записи» на статьи дается по М. Ф. Владимирскому-Буданову.

Ст. 1. Статья определяет состав бывших удельных земель, население которых судилось Московским наместником по делам о душегубстве (дела об убийстве, разбое). Она свидетельствует о значительных успехах, достигнутых Москвою в деле создания Русского централизованного государства. Ст. 1 «Записи» показывает, что многочисленные светские и духовные феодалы начинают постепенно терять свои иммунитетные привилегии в области суда (дела о душегубстве теперь изымаются из их ведения и передаются на рассмотрение Московскому наместнику).

В статье упомянуты земли бывшего удела князя Юрия Галицкого (см. в его завещании 1432—1433 гг. Рузу, Звенигород, Суходол, Дмитриевские села и т. д.; Д. и ДГ, № 29) и удела князя Владимира Андреевича Серпуховского (см. в его завещании 1401—1402 гг. Серпухов, Перемышль, Городец, Голичицы, Щитов, Ростовец, Хотунь; Д и ДГ, № 17). Эти земли попали под власть Москвы в результате разгрома каолиции удельных княжат во второй четверти XV века. «Запись» составлена ранее 27 марта 1462 г., так как согласно духовной Василия II, ряд земель, упомянутых в «Записи», попал в различные уделы (ср. Д. и ДГ, № 61), но, во всяком случае, позднее 16 июля 1456 г., когда был заточен в тюрьму князь Василий Ярославич Серпуховской, а его владения,

упомянутые в «Записи», присоединены к Москве. Л. В. Черепнин также установил, что «Запись» помещена в сборнике, водяной знак бумаги которого датируется серединой XV века. Позднейший документ этого сборника датируется 1461—1462 гг. (ср. Д и ДГ, № 62). Для лучшего понимания «Записи» ср. также договорные грамоты Василия II с Василием Ярославичем Серпуховским 1446—1456 гг. (Д и ДГ, № 45, 56, 58) и др. См. в завещании Ивана III 1504 года: «А которые есми городы и волости подавал детем своим, Юрью з братьею в уделы, а тянули душегубством к городу к Москве и те городы и уезды и волости тех городов тянут душегубством городу к Москве по старине» (Д и ДГ, № 89).

Хотунь — город на реке Лопасне; см. Д и ДГ, № 17, 27, 45, 56, 58 и др.

Перемышль — см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Ивана Калиты.

Ростовец — Ростовци, см. там же.

Городец — Серпуховская волость; см. Д и ДГ, № 13, 16, 17, 45, 58.

Суходол — см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Ивана Калиты.

Щитов — см. там же.

Голичици — Боровская волость, см. там же.

По Нару — река Нара.

Дмитровьскых волостеи — Вохна и другие волости считались московскими, но были приданы к Дмитрову еще Дмитрием Донским (Д и ДГ, № 12).

Въхна — Дмитровская волость; см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Ивана Калиты.

Сельна — Дмитровская волость, см. там же.

Гуслицы — Дмитровская волость, см. там же.

Загорие (Загорье) — Дмитровская волость, см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Дмитрия Донского (Д и ДГ, № 12, 29 и др.).

Рогож — Дмитровская волость; см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Ивана Калиты.

Великие княгини села — имеются в виду села великой княгини Софьи Витовтовны, о них см. Д и ДГ, № 57

Ст. 2. В отличие от Русской Правды, Двинской и Белозерской уставных грамот, устанавливающих взыскание виры или «вины» не по специальным участкам, а по обычному территориальному делению (земле, городу, стану, волости), «Запись о душегубстве» предусматривает организа-

цию великокняжеской администрацией специальных судебных округов, жители которых несли ответственность за убийство, совершенное на территории данного округа. Постановления ст. 2 характерны для усиливающегося Русского централизованного государства.

На посаде — Великий посад, находился на территории позднейшего Китай-города.

Даниловьское — ср. Данилов монастырь, основанный на правом берегу реки Москвы князем Данилом Александровичем.

Городищо — было расположено выше устья реки Яузы.

На Великои улици — улица на Подоле Великого посада, шедшая параллельно Москве-реке к устью Яузы (в современном Зарядье).

Подол — Древнейшая часть Великого посада.

У Николы у Мокрого — церковь Николы Мокрого находилась посредине Великой улицы. Первое точное упоминание об этой церкви относится к 1468 году.

От Острого конца — Острый конец находился в конце Великой улицы, между южной и восточной сторонами рва, ограничивавшего Великий посад.

До Варьскои улици — улица, тянувшаяся параллельно Великой, от Кремля по городскому рву. Название происходит от термина «варя» (так именовалась варка соли и повинности, лежавшие на городском населении). Позднее, в 1514 году, здесь была построена церковь Варвары, почему улица стала называться Варваркой.

У Сретеньскои улици — позднее улицы Лубянка и Никольская.

По Неглинку — река Неглинная.

Дорогомилово — местность на левом берегу Москвы-реки, у церкви Благовещенья.

Занеглименье — располагалось по левой стороне реки Москвы и по правой стороне реки Неглинной.

Семьчиньское — см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Ивана Калиты. Передано было сыну Василия II Юрию его бабкой Софьей Витовтовной около 1449—1453 гг. (Д и ДГ, № 579, ср. № 61).

Ст. 3. По делам москвичей с жителями княжеских и других подмосковных сел или с населением «белых» слобод и дворов устанавливался «сместный» (совместный) суд

московского наместника и судьи того феодала, на чьих землях проживал участник процесса, выступавший против москвича (ср. ст. 10).

Исключение составляли дела, когда вор был пойман с поличным. В этом случае судил один московский наместник (ср. ст. 5). Статья отражает пережитки феодальной раздробленности в судоустройстве (ср. ст. 5).

По семьчинине — житель села Семьчиньского.

На Нагатници — см. село Ногатинское в духовной грамоте Ивана Калиты.

Островлянине — село Островское, см. там же.

Коломеньского села — см. историко-правовой обзор к духовной грамоте Ивана Калиты.

Напрудском — см. село Напрудьское в духовной грамоте Ивана Калиты.

Сущевленине — см. подмосковное село Сущевское (на территории позднейших Сущевских и Новосущевских улиц) (Д и ДГ, № 29, 61 и др.).

На огородниках и на садовниках — документ имеет в виду феодально-зависимых людей, обрабатывавших подмосковные сады и огороды великого князя, великой княгини и митрополита. О положении огородников говорят княжеские договоры конца XIV — середины XV вв.: «А кого собе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому, з братьею два жеребья, а тобе, брате, треть» (Д и ДГ, № 13, 27, 45, 56, 58).

Судья за ним идет — судья сидит вместе с ними.

Прибытка — доходов (судебных пошлин).

Казнить — наказывать.

Ст. 4. Статья определяет размер «посулов» и судебных пошлин и порядок их распределения между наместником московским, третниками и великокняжеским тиуном. Судебник 1497 года в дальнейшем повел решительную борьбу с практикой взимания судьями посулов (ср. ст.ст. 1, 33, 34, 38, 67 Судебника 1497 года).

Большему наместнику — по завещанию Ивана Калиты Москва переходила в нераздельное владение его трем сыновьям и была разделена на трети. Позднее трети были объединены Василием II и подчинены ему, однако, третья треть (бывшая до 1456 года за наследником князя Владимира Андреевича — князем Владимиром Ярославичем

Серпуховским) сохраняла в управлении свои особенности. Во второй половине XV века в Москве было два наместника: большой, ведавший двумя третями, и наместник на трети Владимира Андреевича (ср. в завещании Ивана III: «държыт на Москве большего своего наместника по старине и как было при мне, а другого своего наместника държыт на Москве на княж Владимировскои трети Аендреевича» (Д и ДГ, № 89). Большое наместничество образовалось в результате объединения двух третей с их наместниками под властью великого князя (ср. в духовной великого князя Ивана Ивановича: «на Москве в наместничестве треть»; Д и ДГ, № 4). Позднее, после ликвидации должности тысяцкого, большой наместник в какой-то мере воспринял его функции.

Двема третники — двум московским городским судебно-административным лицам, ведавшим двумя третями Москвы, подчиненным великокняжеской администрации, то есть большому наместнику. Третное деление Москвы было ликвидировано в результате укрепления централизованного аппарата власти Иваном III, передавшим Василию III всю столицу в целом (Д и ДГ, № 89), хотя пережитки его сохранялись до конца XVI века (должность наместника трети Московской).

Система «большого наместника» и третника существовала также в Переяславле Рязанском (ср. договор 1496 года рязанских князей: «А в городе в Переяславле бытии, господине, моему третнику с твоим наместником з большим в душегубстве и в разбои и в татбе с поличным»).

Что посулят — о посулах см. ст. 6 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг., а также ст.ст. 4, 48 ПСГ.

У заповеди — о заповеди на торгу или «заклички» см. ст.ст. 39, 44 ПСГ, а также Русскую Правду.

У поля — о поле, судебном поединке, см. историко-правовой обзор к ст. 9 БУГ, ст.ст. 4—7 Судебника 1497 года; местом судебных поединков в Москве была площадка у церкви Троицы «на старых полях» (вблизи от нынешнего памятника первопечатнику Ивану Федорову).

Поголовьщины — о поголовщине см. ст. 33 НСГ и др. Четырехрублевый штраф за убийство см. в ст. 14 Белозерской уставной грамоты 1488 года.

Вяжщого — о вязчем см. ст. 4 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг.; см. ст. 6 Судебника 1497 года.

Пересуда — о пересуде см. ст. 3 НСГ; о пошлине за пересуд см. духовную грамоту князя Владимира Андреевича 1401—1402 гг. (Д и ДГ, № 17).

Безчестия — о бесчестии см. ст. 2 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг.

Ст. 5. Примыкая к ст.ст. 1 и 3, ст. 5 устанавливает суд московского наместника и двух третников по делам о тех немосквичах, которых поймают в столице с поличным (ср. ст. 10).

Отсилки — отсылки в тот город или волость, откуда он пришел на Москву; ср. ст. 10, ср. ст. 15 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг.

Судьи за ним — см. историко-правовой обзор к ст. 3.

Ст. 6. По делам немосквича, влекущим за собою денежное наказание (пеню), устанавливается совместный суд московского наместника и крупного феодала, имевшего владения в Москве (ср. ст. ст. 3, 10).

Из содержания ст. ст. 5—6 отчетливо видно сосредоточение рассмотрения важнейших уголовных дел в руках представителей общерусского правительства. Представители удельных княжат, на территории владений которых проживают ответчики, допускались к рассмотрению обвинений по менее важным преступлениям, караемым лишь денежными взысканиями.

В «Записи» указывается, что ответчику разрешается «судью за собой поставить, зане же у докончаньи писано по крестному целованию». Если бы это не было оговорено в договоре, скрепленном торжественной присягой, то, по мнению составителей, не следовало бы допускать судью из княжества, где проживал ответчик, ибо он не нужен для ведения процесса. Однако и этот судья, повидимому, «лишь своего прибытка смотрит», то есть получает пошлины с людей, подвластных его господину, поскольку ст. 6 заканчивается строгим запрещением: «в московские суды не вступатись никоторому князю».

Таким образом в Москве судебные функции фактически осуществлял только великокняжеский наместник. Третчики же — представители удельных князей — играли в суде роль наблюдателей, оберегающих финансовые инте-

ресы своих господ. Непосредственного участия в рассмотрении дел они не принимали.

В пенном деле — в тяжбе по преступлению, карающемуся пеней (штрафом), когда поличное отсутствует (ср. ст. 10).

Срок ему дать — дать ему отсрочку.

У докончаньи писано — неясно, о каком договоре (докончании) говорится. Возможно, речь идет о докончаниях московского великого князя с удельными вообще. Иллюстрацией к этой части ст. 6 служит пункт из договоров Василия II с князем Василием Ярославичем 40—50-х годов XV века: «А што, брате, которыи суды потягли к городу из моих волостеи и из твоих при моем деде, при великом князе, и при моем отце, при великом князе, и те суды судят наши намесники, как было преж сего» (Д и ДГ, № 56, 58, ср. ст. 45).

Ст. 7. Данная статья вызвала оживленный обмен мнениями в советской историографии. М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин считают эту статью убедительным доказательством того, что в период малолетства Василия II, когда государством фактически управлял боярин И. Д. Всеволожский, был составлен не дошедший до нас судебник, именуемый в историографии Судебником Софьи Витовтовны.

М. Н. Тихомиров полагает, что реформа Софьи Витовтовны, заключавшаяся во введении «сместных» судов большого наместника и частновладельческих судей, была осуществлена в интересах централизации и привела к ограничению власти удельных князей. Л. В. Черепнин иначе комментирует приводимую статью, полагая, что речь идет не об ограничении прав удельных князей, а об их расширении за счет умаления прав большого наместника великого князя. Из текста «Записи» явственно видно, что нововведение Софьи Витовтовны являлось уступкой, проведенной прежде всего в интересах удельных княжат. Именно в силу этого Иван III в своей духовной ликвидировал это установление: «А что есми дал детем своим... у города у Москвы селца з дворы з городцкими, и учинится в тех селцех и в дворех в городных душегубство или поличное, и то судит наместник болшеи...» (Д и ДГ, № 89).

Таким образом, ст. 7 говорит об уступках удельнокняжеской оппозиции в период малолетства Василия II. В то

же время текст статьи не подкрепляет предположения М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина о наличии следов Судебника Софьи Витовтовны. Статья говорит лишь о мероприятиях правительства Софьи в области судоустройства.

Ст. 8. Лица, совершившие преступление в подмосковных селах, брались на поруки и судились в Москве (ср. ст. 3). Впрочем, в духовной Ивана III (1504 г.) указано исключение из этого правила.

Езерецкое село — ср. подмосковные Озерецкие села в завещании Василия II (Д и ДГ, № 61).

Ст. 9. В случаях, когда судебный процесс проводился на территории подмосковных деревень (речь идет, очевидно, о процессе по поводу татьбы с поличным, совершенной у односельчан, см. ниже), удельно-княжеские волостели обязаны были доложить своему князю в Москве, а за его отсутствием — большому наместнику или великому князю. Статья значительно ограничивает права удельно-княжеского суда, подчиняя его контролю великокняжеской власти.

Правительство постепенно концентрирует все судебные полномочия в руках великокняжеской администрации, низводя удельных князей до положения рядовых вотчинников. В дальнейшем эта статья явилась основным источником постановлений ст. 100 Судебника 1550 года.

Дальнейшим развитием ст. 9 является установление духовной грамоты Ивана III (1504 г.): «А что есми дал детем своим, Юрью з братьею у города у Москвы селца з дворы з городскими и учинится в тех селцех и в дворех в городных душегубство или поличное, и то судит наместник болшеи сына моего Васильев. А что есми дал детем своим, Юрью з братьею села в станех в Московских, и над теми селы суд и дань моих детеи, а душегубством и поличным те села тянут к городу к Москве по старине, опричь того поличного, что будет в тех селех промеж их крестьян, то судят их приказщики, а докладывают наместника московского болшего» (Д и ДГ, № 89).

Ст. 10. Москва постепенно распространяет свою юрисдикцию и на подданных других княжеств. В данном случае речь идет о тверичах, пойманных с поличным на Москве (ср. ст. 5). Тверь оставалась до середины 80-х годов

XV века все еще формально независимым княжеством. Поэтому тверскому великому князю удалось сохранить за собою не только право суда над своими подданными за преступления, совершенные на территории Твери, но и право суда над тверичами по преступлениям, совершенным в Москве (ср. ст. 6) и карающимся штрафом («пенным делам»).

1488 г. Белозерская уставная грамота

Введение. Белозерская уставная грамота (БУГ) — один из первых памятников права Русского централизованного государства, в котором законодатель уделяет основное внимание деятельности органов государственного управления. Белозерская уставная грамота была издана Иваном III в 1488 году, вскоре после включения Белозерского княжества в состав Русского государства. Исключительно важное место, которое занимают в Белозерской грамоте вопросы организации управления, обусловлено развитием централизации Русского государства.

Стремясь держать эксплуатируемое большинство в узде, правительство Ивана III, «государя всеа Руси» (титул, введенный после присоединения к Москве великого княжества Тверского), было заинтересовано в устранении причин возможных трений между органами государственной власти и представителями господствующего класса на местах. В силу этого Белозерская уставная грамота адресована местному населению и детально регламентирует всевозможные повинности населения по отношению к представителям центральной власти — наместникам, тщательно разрабатывает их административные и судебно-финансовые полномочия. Этим самым Белозерская грамота отличается от так называемых «доходных списков», которые давались наместникам — кормленщикам и в которых определялись лишь размеры кормов, взимаемых кормленщиками.

Белозерская уставная грамота в известной мере воплотила в себе решение основных задач, стоявших в конце XV века перед государственной властью и заключавшихся в проведении политики подчинения феодалам закрепощаемого крестьянства, политики защиты интересов и прав

господствующего класса феодалов и введения контроля за деятельностью представителей власти на местах — кормленщиков.

Белозерская уставная грамота явилась одним из заключительных этапов кодификации русского права перед изданием Судебника 1497 года.

Введение ее однотипно с введениями всех уставных грамот наместничьего управления. Грамота начинается с указания на имя главы государства и той территории, на которую грамота распространяет свое действие. Содержание вступительных статей уставных грамот, в частности, Белозерской, совпадает по форме с вступительными статьями жалованных грамот.

Ст. 1. Рассматривая кормление как форму материального вознаграждения кормленщиков за придворную и военную службу, правительство детально регламентирует количество получаемых ими с населения кормов и пошлин, стремясь одновременно обеспечить защиту интересов местных феодалов и ограничить возможные посягательства кормленщиков на их права.

Ст. 1 открывает целый раздел уставной грамоты, посвященной определению количества взимаемых кормленщиком поборов. Статья говорит о так называемом «въезжем корме», который взимался кормленщиком по прибытии к месту своей службы. В Белозерской уставной грамоте, как и в большинстве других уставных грамот, размер въезжего корма не определялся. Отсутствие конкретного размера въезжего корма позволяло наместникам ничем не ограничивать свои притязания.

Ст. 2. Статья определяет размеры получаемого кормленщиком содержания. Корм полагался три раза в год (рождественский, петровский и пасхальный). Размеры корма в большинстве уставных грамот совпадают. Так, например, рождественский корм всюду взыскивается в одном размере («полоть мяса, десятеро хлебов, мех овса, воз сена»).

Такой же корм устанавливался в доходных списках кормленщикам (см. выше, стр. 158).

Белозерская уставная грамота была издана в период развития экономических связей и роста товарно-денежных отношений в Русском государстве. Кормленщики, являв-

шиеся представителями феодальной верхушки, становятся крайне заинтересованными в замене натуральных поборов денежными. Правительство идет навстречу этим стремлениям и устанавливает в законе таксу замены натурального корма деньгами. Корм, в натуральном или денежном его выражении, взимался с земельной единицы — сохи, независимо от ее принадлежности.

Закон, помимо установления размера и количества кормов, даваемых населением наместникам, определяет также размер вознаграждения должностных лиц наместничьего управления. Ближайший помощник наместника — его тиун получал корм в половинном размере против установленного наместнику. Доводчик получал несколько меньше.

Соха — окладная единица. «3 обжи — соха, а обжа один человек на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадях и сам третен ореть, ино то соха», — сообщает летопись о размере новгородской сохи 70-х годов XV века (ПСРЛ, т. XXV, стр. 319—320).

Петровский пост — кончается 29 июня по ст. стилю.

Рождественный пост — длился с 15 ноября по 25 декабря по ст. стилю.

Ст. 3. Статья определяет местопребывание должностных лиц наместничьего управления на территории бывшего Белозерского княжества. Свидетельством о попытке центральной власти ограничить привилегии кормленщиков является постановление, ограничивающее аппарат наместника на Белоозере двумя тиунами и десятью доводчиками, между которыми были разделены все станы и деревни. Пребывание доводчика на территории стана являлось дополнительным бременем для населения. В корыстолюбивых целях доводчики часто покровительствовали преступникам, чтобы под предлогом борьбы с ними облагать население стана новыми поборами. Грамота середины XVI века указывает, например, на содержание доводчиком на своем становом дворе корчмы, где могли собираться подозрительные лица (АИ, т. I, № 299).

Ст. 4. Статья определяет порядок поездок должностных лиц наместничьего управления. Установление определенного порядка разъездов (без слуги и с одной лошадью) диктовалось стремлением центральной власти регламенти-

ровать отношения представителей великокняжеской администрации к населению. Грамота запрещает доводчикам самим взимать причитающиеся им пошлины, устанавливая получение ими кормов через выборное лицо общины (сотского). Доводчику запрещалось объезжать разделы другого доводчика, а также обедать в месте ночевки и ночевать там, где его кормили обедом. Подобная форма поборов настолько часто встречалась в практике, что законодатель счел необходимым особо остановиться на этом запрещении. Правила ст. 4 нашли свое отражение во многих последующих уставных грамотах наместничьего управления, хотя в них права доводчиков несколько расширяются. Так, по уставной грамоте крестьянам села Высоцкого 26 января 1536 г. доводчику разрешалось ездить уже с одним парубком и тремя лошадьми (см. «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», М., 1909, стр. 21).

Разделы — раздел, административно-судебный округ, соответствовавший стану.

Ст. 5. Закон запрещал наместникам изменять состав должностных лиц наместничьего управления ранее чем через год. Буржуазные исследователи (Ф. Дмитриев, И. Д. Беляев) и вслед за ними С. Б. Веселовский объясняли появление этой нормы стремлением облегчить положение населения, вынужденного содержать весь наместнический аппарат. Тиуны и доводчики выполняли основные судебные функции, получали за это пошлины, и частая их смена могла лишь запутать и без того сложную систему судопроизводства.

Ст. 6. Статья тесно связана с постановлением ст. 4 и определяет порядок поступления кормов должностным лицам наместничьего управления. Местное дворянство требовало от правительства принятия мер, ограничивающих произвол кормленщиков. Одним из средств такого ограничения являлось установление строгого порядка уплаты наместникам причитающихся им кормов. Белозерская уставная грамота требует, чтобы все финансовые поступления сосредоточивались в руках выборных сотских, которые выплачивали корм непосредственно наместникам. Грамота запрещает наместникам и их аппарату ездить за кормами в станы. Сотские обязаны были сами доставлять корм в город, где находилась резиденция наместника.

Ст. ст. 7, 8. Статьи содержат постановления, определяющие порядок взаимоотношений наместника с белозерскими торговыми людьми и с купцами, приезжавшими на торг в Белоозеро.

В Русском государстве XV века торговля играла большую роль. Правительство оберегало интересы купечества, особенно его верхушки, прекрасно понимая, что поддержка купечества имеет важное значение в деле укрепления Русского государства и в борьбе правительства с феодальной оппозицией. Наведение строгого порядка во взимании пошлин с торгового люда требовало четкого указания в законе размера взимаемых пошлин и определения мест для производства торговли. Постановления ст. ст. 7 и 8 своей строгой регламентацией количества уплачиваемых купцами пошлин гарантировали в какой-то мере охрану их интересов. Так, например, купец (ватаман торговой ладьи), уплативший торговый сбор на Волоке, более пошлин не платил. Статья 8 устанавливает привилегированное положение торговцев из числа белозерских городских людей. Появление этой нормы было данью прежней самостоятельности Белозерского княжества. Помимо Белоозера, ст. 8 упоминает еще об одном торговом центре — волости Углы. Следует отметить, что Белозерская таможенная грамота 1497 года воспроизводит ст. 7 в сокращенном виде, а ст. 8 — повторяет целиком.

Волочек Словенский — территория к юго-востоку от Белого озера, у озера Словенского и истоков реки Словенки — притока Шексны (см. А. Копанев, История землевладения Белозерского края XIV—XV вв., Издательство Академии наук СССР, 1951, стр. 13).

Волости Углы — волость Углы была расположена по реке Шексне и впадающей в нее реке Углы. Шексна соединяла Углы с севером (Белое озеро) и с югом (Волга). На торгу в волости Углы часто бывали татарские купцы (ср. ст. 3 Двинской уставной грамоты, ст. ст. 1, 3, 7, 38 Судебника 1497 года).

Ст. 9. Статья определяет размер пошлин, идущих наместнику и должностным лицам его аппарата во время судебного процесса.

В случае производства судебного поединка сторона, потерпевшая в поединке поражение, выплачивала искомую

сумму истцу и равную ей сумму — наместнику с его аппаратом. Однако этим не ограничивается значение данной нормы. Текст статьи позволяет сделать вывод, что при разработке этой нормы правительство впервые пыталось покончить с одним из весьма живучих правовых архаизмов, а именно с «полем». «Поле» (суд божий) — судебный поединок, существовавший еще в раннефеодальный период, не отвечал потребностям развитого феодального государства, поскольку предоставлял формальное право любому свободному члену общества бросать вызов другому свободному независимо от его социального положения. Стремление ликвидировать «поле» как средство разрешения судебных споров пронизывает все последующее законодательство Русского централизованного государства.

В данной статье желание воспрепятствовать проведению судебного поединка выражено в установлении минимального размера пошлины при мирном урегулировании судебного спора. Это поощрение государственной властью мирного решения спора, которое делалось с целью предотвращения случаев «поля», сочеталось с суровыми предписаниями церковных властей, запрещавших священникам причащать «польщиков» и хоронить убитых на судебном поединке (см. послание митрополита Фотия к новгородскому духовенству в 1410 году; ААЭ, т. I, № 369).

Ст. 10. Статья открывает цикл постановлений Белозерской уставной грамоты, посвященных вопросам уголовного права. Статья 10 говорит о наиболее тяжких и опасных для господствующего класса преступных действиях — татьбе, разбое и душегубстве. Эти преступления в период создания Белозерской уставной грамоты постепенно изымались из юрисдикции феодалов-иммунистов и становились предметом рассмотрения наместничьего суда.

Закон обязывает виновного возместить пострадавшему причиненный ущерб. Мера наказания преступника устанавливается наместником. Белозерская уставная грамота не говорит о конкретной мере уголовной репрессии, но, сопоставляя ст. 9 грамоты с ст. 39 Судебника 1497 года, можно предположить, что разбойник и душегубец чаще всего подвергались смертной казни.

Ст. 11. Усиление Русского централизованного государства требовало укрепления феодальной юстиции. За-

конодатель стремился закрепить в законе определение тех видов судебных доказательств, при помощи которых суд мог беспощадно расправляться с посягательствами на феодальную собственность. Точная регламентация законом понятия «поличное» позволяла легче изобличать виновных в таких тяжких преступлениях против феодального общественно-экономического строя, как татьба и разбой. Статья 11 называет «поличным» то похищенное имущество, которое находилось у потерпевшего под особой охраной. Тем самым Белозерская грамота отделяет понятие «поличное» от понятия «находка». Если «поличное» было похищено в отсутствие хозяина, оно называлось татебным; если оно было захвачено непосредственно у владельца имущества, в его присутствии, то оно называлось разбойным.

В жалованных грамотах конца XV века дела этой категории изымаются из ведения феодалов и подпадают под юрисдикцию государственной власти (АСЭИ, т. I, № 298, 304, 308, 310, 312, 321, 341 и т. д.).

Ст. 12. В этой статье составителем воспроизведены нормы Русской Правды (ср. ст. ст. 35—36 Пространной Правды) и Двинской уставной грамоты (ст. 5) о своде. Вслед за Белозерской уставной грамотой нормы о своде воспроизводит большинство уставных грамот наместничьего управления. Упоминание в тексте о десяти сводах не означало установления законодателем ограничения в проведении свода. Можно лишь предполагать, что практически более десяти сводов для розыска преступника не требовалось.

Ст. 13. Статья запрещает отпуск пойманного с поличным татя и требует его доставки на суд к наместнику или тиуну. Строгое предписание закона, запрещающее всякий самовольный отпуск преступника, объясняется стремлением правительства не оставлять без наказания любой случай посягательства на интересы государства, поскольку охрана феодальной собственности стояла в центре внимания правительства. Приводимая норма является значительным шагом вперед по сравнению с постановлением ст. 6 Двинской уставной грамоты, карающей самовольный отпуск пойманного на волю только в случае получения отпустившим приставом посула от преступника.

Введение определенной пошлины за самосуд, в размерах, строго указанных законом, и формулировка понятия

самосуда означали ограничение самоуправства наместников.

Ст. 14. Правительство Русского централизованного государства было крайне заинтересовано в усилении борьбы с душегубством, поскольку борьба закрепощаемого крестьянства против увеличения феодальной эксплуатации проявлялась иногда в прямом физическом уничтожении угнетателей-феодалов (душегубстве) (ср. жалобу вдовы феодала Федосьи Филипповой митрополиту Фотию: «Мужь мой, господине, Филипп, мертв напрасною смертию, холопи его убили...»; АИ, т. I, № 255).

Статья 14 указывает на обязательность выдачи преступника-душегубца, в случае его обнаружения, представителям государственной власти. Нормы статьи воспроизводят установившуюся ранее в Белозерском княжестве практику рассмотрения дел о душегубстве только представителями государственной власти (ср. грамоту Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, «Вестник археологии и истории», СПб., 1900, вып. XIII, стр. 159—160).

Статья 14 определяет порядок освобождения жителей от ответственности при наступлении смерти от несчастных случаев. Законодателю было очень важно отделить неумышленное убийство и смерть от несчастных случаев от действий, часто отражавших, как указывалось выше, столкновения классово-враждебных сил. Конечно, не все совершавшиеся в Русском государстве правонарушения являлись формой классового протеста эксплуатируемых масс. В самом государственном аппарате было изрядное количество лиц, нарушавших установленный государством правопорядок и подлежавших соответствующей ответственности. Но не их наказание являлось первостепенной задачей великокняжеского правительства. В первую очередь правительство стремилось усилить средства подавления широких народных масс. Постановления о ненаказуемости виновных за неумышленные преступления позволяли устанавливать разграничение ответственности и обрушивать всю тяжесть репрессии феодальной юстиции на неугодные в классовом отношении элементы. Нормы ст. 14 воспроизведены в большинстве уставных грамот наместничьего управления.

Ст. 15. Статья открывает раздел Белозерской уставной грамоты, содержащий административно-финансовые распоряжения. Законодатель указывает те станы, которые непосредственно подчинялись центру бывшего Белозерского княжества.

Ст. 16. Статья устанавливает размер пошлин, взыскивавшихся должностными лицами наместничьего аппарата за вызов и представление в суд истцов, ответчиков и свидетелей. Статья полностью воспроизводит нормы ст. 8 Двинской уставной грамоты. Нормы ст. 16 нашли свое отражение в последующих уставных грамотах наместничьего управления.

Ст. 17. Статья определяет размер пошлин, взимаемых при вступлении в брак. Нормы данной статьи воспроизведены более чем в десяти уставных грамотах наместничьего управления и закрепляют институт обычного права.

Статья различает два вида свадебных пошлин: выводную куницу, которая уплачивалась при выходе замуж за пределы волости, и убрус (по другим грамотам — новоженый убрус), взыскивавшийся при отдаче замуж в пределах города или одной волости. Выход девушки замуж за пределы волости или стана, обычно за пределы владения феодала, означал для него потерю какой-то рабочей силы и поэтому облагался более высоким налогом. Увеличение размера пошлины при выходе замуж «за рубеж», в Московскую землю или Новгородскую, свидетельствует о влиянии на законодательство пережитков феодальной раздробленности, ибо не в интересах правительства централизованного государства было противопоставление Московской земли новым, вошедшим в состав Русского государства землям.

Десятинику владычню — владычный десятинник был светским представителем церковной администрации. В его ведении находился сбор церковных пошлин.

Знамени, знамя — пошлина, сбор, взимавшийся церковью с лиц, вступающих в брак.

Ст. 18. Статья воспроизводит соответствующую норму Двинской уставной грамоты о нарушении границ земельных владений (ст. 4). В отличие от Двинской грамоты Белозерская уставная грамота не устанавливает различные степени наказания в зависимости от того, чьи владения

нарушены, в то время как в изданном спустя десять лет Судебнике 1497 года подобные различия нашли строгую регламентацию (ст. 62).

Ст. 19. Статья содержит весьма важную процессуальную норму об участии «добрых» или «лучших», людей в осуществлении правосудия. Этот процессуальный институт, введенный в период усиления Русского государства, подвергся многочисленным комментариям, дворянско-буржуазных историков права. Большинство из них считало, что участие представителей населения в наместничьем суде являлось «остатком древнего участия в суде целой общины» (М. Ф. Владимирский-Буданов и др.).

Исследование дошедших до нас судных списков (протоколов судебных заседаний) и других историко-правовых документов позволяет оценить появление института «добрых людей» или «судных мужей» как закономерный этап в общем процессе развития и укрепления государственной власти. Стремление правительства к ограничению произвола кормленщиков на местах совпадало с чаяниями основной массы класса феодалов — дворян (средних и мелких землевладельцев).

Заинтересованность этой категории феодалов наряду с верхушкой посада и черносошного крестьянства в улучшении деятельности государственного аппарата выливалась в форму осуществления правосудия совместно с агентами центральной власти на местах (наместниками, волостелями). Это позволяло указанным выше разрядам населения защищать свои интересы от корыстолюбивых притязаний кормленщиков. Правительство, желая всячески укрепить свои позиции на местах, шло навстречу местным землевладельцам, вводя институт их обязательного участия в наместничьем суде.

Буржуазные ученые стремились доказать, что в наместничьем суде принимали участие рядовые члены общины. Во многих дошедших до нас правых грамотах отсутствуют сведения о социальном положении «людей добрых», «судных мужей». Изучение судебной практики Русского централизованного государства показывает, что членом наместничьего суда мог быть лишь мужчина, обязательно местный житель и посторонний по отношению к участ-

никам процесса. Как правило, эти местные жители были детьми боярскими, сотскими, старостами и т. п., то есть представителями местных землевладельцев или верхушки посада и зажиточного черносошного крестьянства.

«Люди добрые», или «судные мужи», не участвовали непосредственно в судоговорении, — они лишь присутствовали на нем, их имена вносились в судный список, и при окончательном разрешении дела вышестоящим судьей («докладе») они опрашивались этим судьей с целью проверки правильности сведений, внесенных в судный список. За редкими исключениями, дела без участия «людей добрых», «судных мужей» не рассматривались.

Ст. 20. Статья запрещает тиунам и другим должностным лицам наместничьего аппарата являться в качестве незваных гостей на пиры местных жителей. Низшие чиновники наместничьей администрации не гнушались подобной формой поборов. Вводя угрозу сурового наказания («от меня, от великого князя, быти в казне»), правительство пыталось покончить с бесчинствами, творимыми низшими представителями администрации.

Нормы этой статьи встречаются и в более ранних новгородских грамотах и в более поздних общерусских актах, в частности в жалованных грамотах (см. АСЭИ, т. I, № 567, 568 и др.).

Ст. 21. Статья развивает предписание ст. 20, запрещая проезжим людям, независимо от их социального положения, требовать у местных жителей средства передвижения, корм и людей.

Несмотря на то, что аналогичные постановления имеются почти во всех уставных грамотах наместничьего управления и во многих жалованных грамотах, местные жители действительно очень страдали от произвола должностных лиц при их переездах. Практически эти нормы защищали лишь интересы дворян, могущих довести до сведения центрального правительства о нарушении его предписаний (см. например, уставную грамоту переяславским рыболовам 1506 года, «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», М., 1909, стр. 6; АСЭИ, т. I, № 498).

Ст. 22. Статья устанавливает правило, согласно которому белозерцы могли являться на великокняжеский суд лишь один раз в году. Указание на определенные сроки явки к великокняжескому суду встречается во многих уставных грамотах (ср., например, Онежскую уставную грамоту 1536 года, «Наместничьи, губные и земские грамоты Московского государства», М., 1909, стр. 18).

Установление подобного правила объяснялось нежеланием отвлекать основную массу населения — крестьян, могущих быть привлеченными к делу или в качестве сторон или в качестве свидетелей, от полевых работ и отдельные группы населения — от их занятий. Подобное правило отвечало в первую очередь интересам духовных и светских землевладельцев, чьи вотчины обрабатывали крестьяне. Установление единого срока также обусловливалось транспортными трудностями и далекими расстояниями от места жительства вызываемых до столицы Русского государства — Москвы.

Одним из способов, при помощи которых правительство стремилось ввести деятельность низшей администрации в определенные, законные рамки, является запрещение приставам брать деньги за поручительство.

Заговение на великое на мясное — великий пост, продолжавшийся в течение семи недель до пасхи.

Зазывную грамоту — зазывная грамота — своеобразная судебная повестка, выдававшаяся дьякам.

Безсудную грамоту — о бессудной грамоте см. стр. 140.

Ст. 23. Статья весьма схематично устанавливает порядок обжалования местными жителями действий наместников, волостелей и должностных лиц их аппарата. По существу статья воспроизводит ст. 13 Двинской уставной грамоты.

Введение в качестве обязанности кормленщика и должностных лиц его аппарата явки на суд в столицу в сроки, устанавливаемые местными жителями-жалобщиками, было вызвано злоупотреблениями местной администрации и ставило своей целью ограничение произвола кормленщиков. Характерно, что в последующих уставных грамотах данная норма почти не встречается.

1497 г. Белозерская таможенная грамота

Введение. Белозерская таможенная грамота 21 мая 1497 г. — первая дошедшая до нас таможенная грамота.

Таможенными грамотами назывались акты государственного управления, регулировавшие таможенно-финансовые отношения. Их содержание отражало развитие ремесла и торговли в Русском государстве.

Появление таможенных грамот связано с периодом образования Русского централизованного государства, когда еще продолжали существовать пережитки феодальной раздробленности, когда сохранялась экономическая обособленность отдельных русских земель.

Говоря о явлениях, характерных даже для периода позднего феодализма, В. И. Ленин указывал, что «...докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничанием, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости*» (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 331).

Развитие товарного производства, рост производительности труда городских ремесленников вовлекают в обмен крестьянские хозяйства, поскольку более развитое городское ремесло постепенно обособляется от земледелия.

В XIV—XV вв. русские города и крупнейшие селения становятся центрами сбыта изделий ремесленников для нужд сельских жителей и сельскохозяйственной продукции для нужд посада. Постепенно налаживались экономические связи между отдельными городами и княжествами.

Русское правительство путем издания таможенных грамот стремилось способствовать усилению экономических связей. Регламентируя взимание пошлин в одном каком-либо определенном пункте отдельной таможенной грамотой, правительство, естественно, не могло ввести сразу на всей государственной территории полного единообразия в характере торговых пошлин и в их размерах. Процесс унификации торговых пошлин и принципов их взимания происходил крайне медленно и закончился только в XVII веке, изданием 25 октября 1653 г. Торгового устава Русского государства.

Таможенные грамоты делятся на две группы: грамоты, определяющие порядок казенного таможенно-финансового управления, и грамоты, регулирующие откупное таможенно-финансовое управление. В первом случае сбор торговых пошлин поручался правительственным должностным лицам — «излюбленным головам», старостам и «целовальникам», обычно избиравшимся из верхушки посада или черносошного крестьянства. Все полученные суммы сборов эти должностные лица сдавали в «государеву казну». Во втором случае сбор пошлин отдавался на откуп откупщикам, вносившим в казну определенную сумму («оклад»), а затем собиравших пошлины с населения.

Во введении грамоты указываются имена откупщиков, установлены сроки откупа и перечислены пошлины, берущиеся на откуп.

Белозерская таможенная грамота 1497 года непосредственно связана с Белозерской уставной грамотой 1488 года. Если Белозерская уставная грамота ограничивала судебно-административную власть кормленщиков, то Белозерская таможенная грамота, изымавшая из рук наместника сбор таможенных пошлин, явилась вторым шагом по пути ограничения власти кормленщиков и началом организации нового порядка местного управления в таможенно-финансовой области.

Белозерская таможенная грамота регламентирует порядок купли-продажи продуктов сельского хозяйства и добывающих промыслов (охоты, рыболовства).

Подобная регламентация отражает характерные экономические черты феодализма, а именно сочетание земледелия, как основной отрасли хозяйства, с различными промыслами, имевшими подсобное значение.

Белозерскую тамгу — тамга, пошлина с цены товара. Тамгу взимали с продавца за проданный или обмененный товар, с покупателя — с суммы денег, затраченных на покупку товара. От уплаты тамги освобождались лица, покупавшие запасы для личного потребления, и купцы, проезжавшие с товаром мимо данного рынка и не останавливавшиеся для торговли на нем.

Ст. 1. Статья устанавливает сроки, в которые откупщики обязываются внести суммы откупа («оклад»).

Часовнику подъячему — подъячий, специальный чиновник, взимавший откупные суммы в доход казны.

На царя Константина и Еленин день — 21 мая по ст. стилю.

Ст. ст. 2—7. Статьи определяют размеры пошлин, взимаемых с различных товаров. Перечисление продукции, обращавшейся на белозерском рынке, свидетельствует о его сельскохозяйственном характере, особенно если сопоставить перечисляемые в этих статьях товары с товарами, продававшимися русскими купцами на внешних рынках, например в Казани («...съезжахуся в Казань изо вся Руския земля богати купцы и многия иноземцы далния и торговаху с Русью великими драгими товары...»; ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, столб. 23).

В то же время данные статьи свидетельствуют о том, что развитие торговли оказывало сильное влияние на феодальную деревню. Феодалы-землевладельцы стремились увеличить производство сельскохозяйственных продуктов в своих хозяйствах, чтобы обратить излишек продукции в деньги для приобретения изделий городского ремесла.

Городцкой человек белозерець и окологородець — пережитком феодальной раздробленности являлось положение о различных размерах торговых пошлин, взимаемых в зависимости от того, кто являлся стороной в сделке купли-продажи: местный житель, иногородец или иноземец. Как правило, иногородцы платили бо́льшие пошлины, чем местные жители. Отсюда особое указание большинства грамот на размер пошлин, взимаемых с местных жителей, в данном случае белозерцев и окологородцев. В более поздних грамотах, наоборот, привилегии получали иноземцы. Эти привилегии русское правительство давало иноземцам в целях развития внешней торговли (см., например, Таможенную откупную грамоту Новгорода 1586 года: «...а с иноземцев, с литвы, и с турчан, с армян и с иноземцев, опречь немец, явки с головы человека имати по два алтына, а с немца явки не имати»; ААЭ, т. I, стр. 332).

Таможником — таможенники, лица, которым откупщики перепоручали непосредственный сбор торговых пошлин. Будучи на службе у откупщиков, они тем не менее являлись агентами государственной власти.

Церковную пошлину — церковная пошлина взималась при купле-продаже сверх всякой другой пошлины, в данном случае ее размер — 1/2—1 деньга. Размер церковной пошлины устанавливался в соответствии с суммами, взимавшимися на московском рынке (ср. ст. 14).

Церковная пошлина была одним из существенных источников доходов православной церкви.

Порядного — порядное (от слова ряд — место торговли на гостином дворе) — пошлина, взимавшаяся с купцов — местных жителей при оптовой покупке ими товаров для своих лавок. Порядное взималось в основном с весчих товаров: меда, воска, соли, рыбы и икры. Иногда порядное взималось с меры — кади, меха, пошева, рагозины и т. д.

Мех соли — мера, вмещавшая 7 пудов.

Рагозину соли — рагозина, рогожа, вмещала от 18 до 24 пудов.

Пошев соли — мера, вмещавшая 15 пудов.

Бочку рыбы — бочка рыбы равна 10 ведрам.

Кадь рыбы — кадь была равна четырем четвертям, или 14 пудам.

Стяг мяса — мера измерения мяса, равная 10 полотям (см. о полотях стр. 184).

Ст. 8. Статья посвящена порядку взимания торговых пошлин со служилых людей. Пошлины с этой категории представителей господствующего класса не взыскивались при обычных поездках. Служилые люди, как правило, проживали в городах и большую часть необходимых им предметов потребления получали от своего хозяйства: посевов, огородов, продуктивного скота. Иногда часть продукции своего хозяйства они обращали в товар. В случае же поездки с торговыми целями и при ведении торговли служилый человек не ставился в привилегированное положение по отношению к купцам. Служилые люди платили те же пошлины, что и купцы, так как государство не было заинтересовано в ущемлении прав купечества и не хотело в лице служилых людей создавать ему конкурентов.

Торговые же привилегии духовных феодалов регламентировались специальными жалованными грамотами.

Ст. 9. Статья определяет порядок взимания пошлин при покупке холопа. Статья указывает на ограничение торговли холопами. Сделки, объектом которых являлся холоп,

могли оформляться лишь с санкции наместника, перед которым холоп «ставился» и которому «докладывалась» сделка.

Приводимая норма служит убедительным свидетельством постепенного ограничения холоповладения. Государство не допускало возможности похолопления без санкции своего представителя.

Ставленого — ставленное, пошлина, взимавшаяся при продаже холопа. Равна 1 алтыну (ср. ст. ст. 17, 18 Судебника 1497 года).

Ст. 10. Коневодство составляло важнейшую отрасль хозяйства Русского государства XV—XVI вв., ибо оно было тесно связано с несением феодалами военной службы. Торговля лошадьми всегда занимала одно из центральных мест на рынке. Таможенная грамота особо оговаривает порядок совершения сделок, объектом которых служили лошади. При купле-продаже лошадей с контрагентов взималась пятенная деньга за клеймение лошадей.

Ст. 11. Статья устанавливает обязанность торговцев предъявлять таможенным властям для обозрения привезенные товары. При этом с продавцов взыскивалась пошлина — «явка». В статье перечисляются основные владения великого князя московского: Московская, Тверская и Новгородская земли.

Протаможья (протамга) — протаможье, штраф за необъявление товара в таможне. Большие размеры протаможья свидетельствуют о стремлении государственной власти при помощи этой меры наказания не допускать нарушения финансовых интересов государства.

Характерно упоминание о том, что помимо таможенника (представителя откупщика) равную сумму получает наместник — непосредственный агент великого князя (ср. ст. 9).

Ст. 12. Статья примыкает к постановлениям о протаможье, определяя размер штрафа, взыскиваемого при незаконной продаже лошадей («ни явя таможником, ни пятня»).

Пропятенья — пропятенье — штраф, взимаемый за сделки по купле-продаже лошадей, совершенные без законной регистрации (ср. ст. ст. 2—7).

Ст. 13. Ряда пошлин местные жители вовсе не платили. Эта привилегия, санкционированная Белозерской таможенной грамотой, объясняется большим влиянием остатков феодальной раздробленности, когда на местных рынках устанавливались преимущества местных жителей перед иногородцами.

Освобождая белозерцев от уплаты тамги при купле-продаже товара для личного потребления, грамота допускает взимание с них этой пошлины лишь при покупке сўдна.

Сўдно — сўдно с товарами.

Ст. 14. Постановления этой статьи знаменуют первые шаги Русского централизованного государства в деле унификации торговых пошлин. Согласно грамоте, жители всех территорий Русского государства, в том числе и жители владений удельных князей, платят на белозерском рынке тамгу единого размера.

Остатком феодальной раздробленности является установление грамоты, по которому тамга с иногородцев превышает тамгу с белозерцев, платящих ее по старине (ср. ст. 2 и др.).

Размеры церковной и гостиной пошлин устанавливаются в соответствии с суммами, взимаемыми на московском рынке (ср. ст. 2).

Гостиное — пошлина, взимавшаяся с купцов за пребывание на гостином дворе, на рынке (см. историко-правовой обзор к ст. 16 Двинской уставной грамоты).

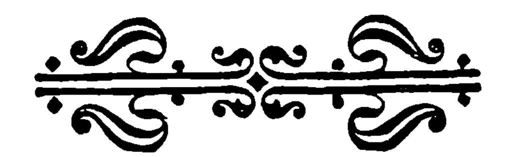
Ст. 15. Статья определяет размер пошлин при купле-продаже судна. Особое внимание, уделяемое Белозерской таможенной грамотой этому объекту купли-продажи, говорит о том, что суда на Белоозере, связанном речными путями с другими районами страны, были частым предметом торговли.

Ст. 16. Статья определяет порядок взыскания и размеры пошлин с иногородцев, привезших товары на белозерский рынок речным путем. Основные постановления этой статьи почти дословно воспроизводят соответствующие нормы Белозерской уставной грамоты (см. ст. ст. 7—8). Характерно добавление о тамге, которую взимают на рынке в Углах в размерах, принятых на Белоозере.

Ст. 17. Статья разрешает белозерцам свободную торговлю не только на белозерском рынке, но и на всей территории уезда. Идя навстречу интересам фиска, не могущего повсеместно содержать налоговый аппарат, грамота поручает «городцким людям белозерцам и посажаном» взимать при совершении купли-продажи причитающиеся торговые пошлины со всего населения уезда: черносошных крестьян, крестьян духовных и светских феодалов, а также со служилых людей, имеющих какие-либо привилегии, закрепленные в жалованных грамотах.

Посажан — посажане, жители белозерского посада.

Грамотники — лица, имеющие привилегии, закрепленные в жалованных грамотах.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Акты Археографической экспедиции, т. I, СПб., 1836.

2. М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, II (разных изданий).

3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, Издательство Академии наук СССР, 1949.

4. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, под ред. А. И. Яковлева, М., 1909.

5. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, под ред. Г. Е. Кочина, Издательство Академии наук СССР, 1935.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Н. П. Загоскин, Уставные грамоты XIV—XVI вв., вып. I, Казань, 1875.

2. М. М. Исаев, Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв., «Труды Научной сессии ВИЮН 1946 г.», Госюриздат, 1948.

3. «История Москвы», т. I, Издательство Академии наук СССР, 1952.

4. П. М. Мрочек-Дроздовский, Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов, «Юридический Вестник», 1884 г. № 5—6.

5. А. Т. Николаева, Отражение в уставных таможенных грамотах XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка, «Исторические записки», кн. 31, Издательство Академии наук СССР, 1950.

6. С. В. Рождественский, Послание Новгородского архиепископа Иоанна на Двину как источник для истории Двинского восстания 1397 года, Доклады Российской Академии Наук, серия «В», апрель — июль 1925 года.

7. С. В. Рождественский, Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв., «Известия Академии наук СССР», VII серия, отделение гуманитарных наук, 1929, № 1.

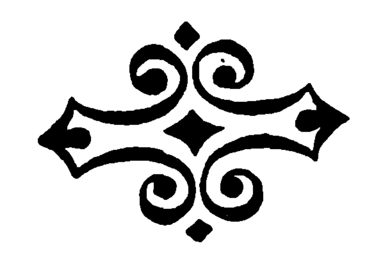
8. М. В. Фехнер, «Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI вв.», Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 12, М.-Л., 1949.

9. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, Издательство Академии наук СССР, 1948; ч. II, 1951.

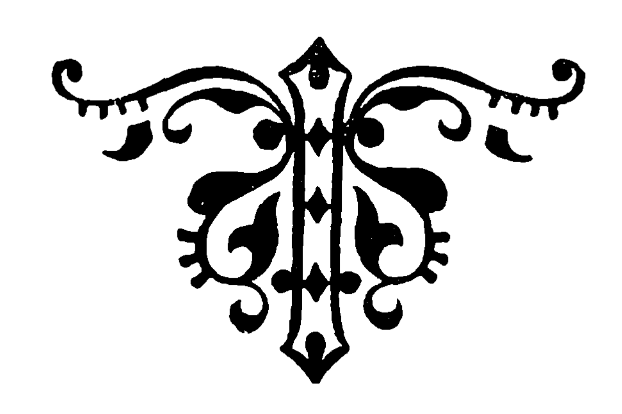
10. С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, Госюриздат, 1950.

11. М. Н. Тихомиров, Древняя Москва, МГУ, 1947.

СУДЕБНЫЕ АКТЫ

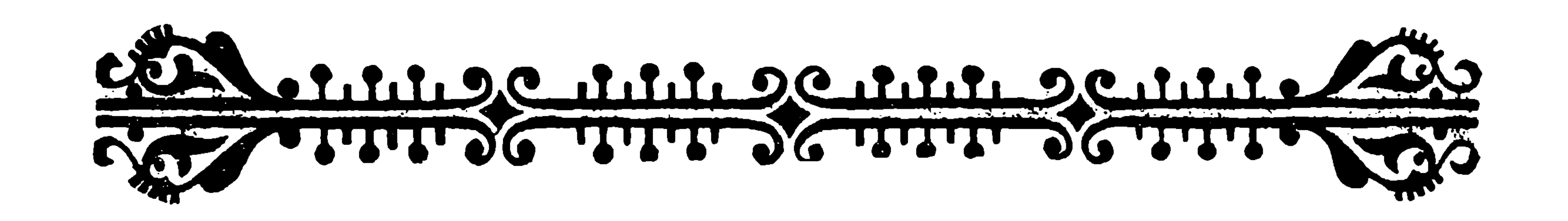
ВВЕДЕНИЕ

Судебные акты XV века (правые грамоты, судные и бессудные списки) — важный источник для изучения истории русского феодального права, судопроизводства и судоустройства. Они отчетливо рисуют суд как один из органов феодального государства, выполняющего задачу держать в узде эксплуатируемое большинство — закрепощаемое крестьянство.

Судебные акты раскрывают характерные черты состязательного процесса, виды судебных доказательств и т. д. Они явились одним из источников Судебника 1497 года. Дошедшие до нас акты датируются, как правило, началом — серединой XV века.

Сохранились судебные акты, в основном в составе документации духовных феодалов (это сказалось на том, что в дошедших до нас актах содержатся решения в пользу монастырей-вотчинников). Большинство сохранившихся актов посвящено вопросам феодального землевладения, поскольку земля представляла особую ценность для феодала. Судебные акты ярко рисуют захват «черных» крестьянских земель духовными феодалами. Вместе с тем они показывают и стремление правительства Ивана III как-то ограничить дальнейший рост церковно-монастырского землевладения в интересах развития землевладения средних и мелких феодалов — основной опоры Русского централизованного государства.

Показывая борьбу за землю в русском феодальном обществе XV века, судебные акты в то же время свидетельствуют о росте внеэкономического принуждения со стороны господствующего класса по отношению к крестьянству.

А) 1462—1470-е гг.

СРОЧНАЯ ГРАМОТА ПО ДЕЛУ ИВАНА ОЗНОБИШИНА И НИКИФОРА СТОЛЬНИЧА О ЗЕМЛЕ НОСКОВСКОЙ

Си [1] срок срек пристав князя великого, в приставне место Васково Пушкина, Фатьян Пятачев Микифорику Столничю с Ывашком с Ознобишиным, а ищет Микифорик на Ивашке того: своей земли Носковские, и о том деле стати им перед великим князем на [По]кров [2]. А хто не станет, тот без суда виноват.

АСЭИ, т. I, № 329

Б) 1455 г., февраля 11

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА О СРОКАХ СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ ДЛЯ ЛЮДЕЙ МИТРОПОЛИЧЬЕГО ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Се яз, князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита Киевскаго и всеа Руси, пожаловал есмь архимандричих его людей Череповецкого, что коли будет архимандричим людем с моими людьми каково дело в моей отчине в Луковси да в Арбужевси, и они

---

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список с срочные.

[2] *В рукописи* кров.

мечют себе сроки вольные промежь собою и в поличном. А ставиться им передо мною, перед великим князем, по сей моей грамоте.

А дана грамота на Москве в лето 6963 месяца февруариа в 11 день.

АФЗ и Х, т. I, № 275

В) 1462—1466 гг.

ЖАЛОВАННАЯ ДВУСРОЧНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ВАССИАНУ НА СЕЛА ШУХОБАЛ, МИКУЛЬСКОЕ, ДЕРГАЕВО, БОГДАНОВСКОЕ И МУКИНО, В СУЗДАЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Се яз, князь велики Иван Васильевич, пожаловал есмь троетцкаго игумена Васьяна з братьею Сергиева монастыря, или хто по нем иныи игумен будет. Что их села монастырьские в Суздалском уезде Шухобал, Микулское, Дергаево, Богданское, Мукино, и хто у них в тех селех имет жыти людеи монастырьских, — и коли по те люди монастырьские приедет пристав мои, великого князя, и он им дает два срока в году: срок на Збор, а другои — на Петров день. А опрочь того не наметывают на них сроков никоторых. А хоти на кого накинет пристав мой срок инои через сю мою грамоту, а хто в чем на них возмет безсудную, ино на них та безсудная не в безсудную.

На обороте Князь великии.

Князь велики Василеи Иванович всеа Руси по сеи грамоте пожаловал Троицкого Сергиева монастыря игумена Серапиона з братьею, или кто по нем иныи игумен будет, сее грамоты у них рушыти не велел никому ничем, лета 7000 четвертого надесять декабря 6. А подписал диак Данило Киприанов.

Князь великий Иван Васильевич всеа Русии по сей грамоте пожаловал Троицкого Сергиева монастыря игумена Иосафа з братьею, или хто по нем иный игумен будет, сей грамоты у них рушити не велел никому ничем, лета 7000 четыредесят втораго февраля 9 день. А подписал диак Афанасеи Курицин.

АСЭИ, т. I, № 316

Г) 1498—1499 гг.

СУДНЫЙ СПИСОК ДОКЛАДНОЙ В. И. ГОЛЕНИНА, ДАННЫЙ С СУДА ВЛ. ЗВЕРЕВА СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ СТАРЦУ АНТОНИЮ НА ЗЕМЛЮ ДЕРЕВНИ РЕТЬКИНСКОЙ (МОСКОВСКОГО УЕЗДА), БЫВШУЮ В СПОРЕ С ФЕДОСКОЙ ИСАКОВЫМ С БАШЛОВЫМ И ЕГО БРАТЬЕЮ

Став судья великого князя Володимер Зверев, на земле на Ретькинской на Симоновской у Медвежья озера. Тягался старец Онтоней в архимаричье место и за всю братью с Федоском, да с Матфейком, да с Останкою с Ысаковыми детьми Башлово.

Тако рек Антоней старец: Жалоба нам, господине, на того Федоска и на его братью на Исаковых детей Башлова. То, господине, земля Пречистые богородицы Симоновского монастыря наша Реткинские деревни, где, господине, ныне стоишь. А пашет тое землю Федос з братьею через розъезжую грамоту через Васильеву великого князя дьяка, силно.

И судья вспросил Федоска Башлова: Отвечай!

И Федоско тако рек: Яз, господине, той земли не арывал и не севал.

И судья вспросил Федоска: Хто, пак, тое землю пахал и сеял да и жал?

И Федоско тако рек: Орал, господине, тое землю да и сеял да и жал Чюбар конюх великого князя.

И судья вспросил старца Антонья: Почему же то земля ваша, Симоновского монастыря?

И старец Антоней тако рек: На ту, господине, землю у нас грамота розъезжая. А се, господине, грамота перед тобою.

И судья, возрев в грамоту, и в грамоте писано:

По великого князя слову Ивана Васильевича се аз дьяк великого князя Василей розъезжал есмь землю великого князя у Медвежья озера, к меншому Реткину, где живет Исак Башлов, от монастырские земли Симоновские от Болшово Реткина, где живет Васюк Трубица. Ино едучи от Аспидниковского болота от первого к озеру к Медвежью, и налеве земля великого князя к Меншому Реткину, и з житом, что был всеял Трубица три осмины ржи на земле на Меншом Реткине, а направе земля монастыря к Болшому Реткину; а от того болота и грань кладена; лесом на дуб на великой, а з дуба на сосну; а з сосны на березу на роз[со]ховатую; а з березы поперек поля межею мимо Большое Реткино возле дорогу; а с межи новою бороздою на пень на старой на дубовой; а со пни дорогою Маковниковскою, а тут грань за перелеском на сосне на сухой; и до большие до зимние дороги до Озерецкие, а тут грань на осине; а тою большою дорогою по перевесье. А что деревня Харина да Ступино, где живут Ивонко да Онофрейко, ино то земля монастыря Симоновского по грамоте великого князя по меновной. А туто были мужи: Пехорской сотцкой Юрьи Калычев, да Тарас десятцкой, Иван Повар, Мартын Маковников, Олфер Ревякинской, Михаиль Жижнеевъской, Перша Исаков, Якуш Бабин, Сысой десятцкой, Бобыня Федко десятцкой Кошелева стану. А подписал Василей дияк своею рукою и запечатал своею печатью.

И судья вспросил Федоска и его братьи: Есть ли у вас грамота противень розъезжей грамоте Васильеве?

И Федоско з братьею тако рекли: Есть, господине, у нас список з грамоты. А грамота, господине, наша лежит в городе у Федора у Викентьева. А се, господине, список з грамоты. А грамоту, господине, положим перед тобою на Москве.

И судья, возрев в список, и в списку писано по тому же, как писано в розъезжей грамоте в Васильеве.

И повели обои истцы по розъезжей грамоте по Васильеве от Аспидниковского болота от первого дорогою Маковниковскою на поляну да поперек овса.

И старец Антоней Симоновской тако рек: А то, господине, дорога и межа сорана. А с поляны на дорогу да на дуб на великой, а дуб лежит; а з дуба на сосну, а на ней грань; а с сосны на березу на розсоховатую, а на ней грань; а с березы поперег поля межею мимо Болшое Реткино возле дорогу, а с межиновою бороздою на пень на старой на дубовой, а со пни дорогою Маковниковскою, а тут грань да перелеском на сосне на сухой, а сосна летела, а грань выгнила; а с сосны дорогою и до большие дороги до Озеретцкие до зимние, а тут грань на осине; а тою большею дорогою по перевесье.

И судья вспросил детей боярских да и людей добрых старожильцев: Скажите божию правду — то ли дорога большая Озеретцкая зимняя, что которая налево пошла, на которой ныне стоим или то дорога болшая поперек Озеретцкие дороги пошла к озеру?

И сказал Петр Никитин сын Денисьева: Яз, господине, помню за шестьдесят лет, что та дорога Озеретцкая зимняя болшая, которая налево пошла, и станы, господине, зимние по ней из старины.

А яз, господине, Иван Семенов, помню, за тридцать лет, то дорога Озеретцкая зимняя большая, что которая налево пошла.

А яз, господине, Арист, помню за пятьдесят лет, что тое дорога Озеретцкая зимняя большая, которая налево пошла. А что, господине, сказывает Федоска Башлов, что то дорога болшая, которая пошла к озеру, а тою, господине, дорогою, ездят крестьяне из деревень к Спасу к церкви да и з большие дороги ездят — переимаютца берегом на ту же на болшую дорогу.

И судья вспросил Федоска: Поведи ж ты своею дорогою.

И повел Федоско поперег дороги болшие Озеретцкие к озеру, что ездят крестьяне к Спасу к церкви. И привел к озеру, да дорогою подле озера ново просечно. А ска-

зывал: на той дороге осину, а на ней грань, и он осины не указал и грани нет. А привел ко пню к гнилому да и к истоку, что идет из озера из Меньшово в Большое озеро.

И судья вспросил Федоска Башлова: Поведи ж ты еще.

И Федоска тако рек: А та, господине, дорога подле озеро, а прийдет на ту ж дорогу на Озерецкую, где еси ты перво был. А придет к болоту к Ревякинскому к перевесью.

А на суде были мужи: Юрьи Лычев сотцкий Пехорский, да Петеля Петров, да Ивашко Уской Трофимов, да Мартьян Кобылинской, да Голоз Ананьин сын.

И о сем судья ялся доложити государя великого князя.

А у подлинного судного дела назади написано:

Перед великого князя писцом перед князем Василием Ивановичем Голениным Володимер Зверев суда своего список положил и обоих истцов поставил.

И князь Василей, выслушав список, спросил обоих истцов: Был ли вам такой суд, как в сем списку писано?

И обои истцы сказали: Таков нам, господине, суд был, как в сем списку писано.

И князь Василей Иванович старца Антонья в архимандриче место Фегнастово оправил, а Матфейка и Останку и Федоска Исаковых детей обвинил по обыску и по разъезжей грамоте диака Василья.

И князь Василей Иванович Голенин к сему судному списку и печать свою приложил лета 7007.

А у того списка печать черная на склейке назади [1].

ГИМ Сим., 58, лл. 246 об. — 249 об.

---

[1] *В правой грамоте по тому же делу вместо последней фразы:* И по асподина своего слову князя Василья Ивановича Голенина, великого князя писца великого князя судья Володимер Зверев Симоновского старца Антонья в архимандричье место оправил, а Матвейка и Останку, и Федоська Исаковых детей обвинил, землю присудил к Симоновского монастыря деревни к Большому Редькину.

А на суде были мужи: Юрьи Лычев сотцкой Пехорской, да Петеля Петров сын, да Ивашко Уской Трофимов, да Мартын Кобылинской, да Голоз Ананьин сын.

Печать у подлинного судного списка черная.

Д) [Около 1490—1495 гг.]

ПРАВАЯ ГРАМОТА КАРПА ХОВРАЛЕВА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВУ МОНАСТЫРЮ ПО ТЯЖБЕ ТРОИЦКОГО СТАРЦА ЕФРЕМА С ЯКОВОМ ИВАНОВЫМ ШИЛОВЫМ О ЗЕМЛЕ БЕСЕДЫ (В ВОЛОСТИ ВОРЕ МОСКОВСКОГО УЕЗДА)

Си суд судил, став на земле у березы у гранеи, князя великого тивун Карп Ховралев. Тягался Ефремеи старец Троетцкои с Яковом с Ывановым сыном Шилова.

Так рек Ефремеи: То, господине, земля троетцка Беседы, на которои стоим. А купил, господине, ту землю посельскои троецкии Орон у Ивановых детеи у Ондрея да у Михаила. И тот, господине, Яков у нас ту землю межи переорал, и лес посек. А зовет, господине, Яков ту землю Болдинскою землею.

И судья спросил Ефремъя: Сколь жо довно Яков у вас ту землю межи переорал и лес посек?

И Ефремеи так рек: Тому ужо, господине, года со два. Есть, господине, у нас на ту землю грамота купчая.

И судья спросил Якова: Отвечай, чья то земля, на которои стоим?

И Яков так рек: Та, господине, земля Болдинская. А Беседские яз, господине, земли не арывал и лесу не секивал. А дала ми, господине, ту землю в приданые теща моя, Офимья, да шюрья мои Ондреи да Михаило. А пашю яз, господине, ту землю тритцать лет да два. И теща моя, господине, мерътва, а шюрья мои, господине, Ондреи да Михаило во се перед тобою.

И судья спросил Ефремья: Кому ж то у тобя ведомо, что та земля, на которои стоим, троетцкая Беседы?

И Ефремеи так рек: Ведомо то, господине, у меня людем добрым Сенке Кременеву, да Офремку Житнухину, да Микитке Сомоилову. Да и те, господине, во се перед тобою Ондреи да Михаило, у которых есмя ту землю купили. Те, господине, ту землю троетцкую Беседы и розведут з Болдинскою землею.

И судья велел повести троетцким отводщиком Сенке с товарищи да Ондрею и Михаилу.

И повели троетцкие отводщики Сенкя с таварищи да Ондреи и Михаило от березы от гранеи на сосну да на клен на грани; от гранеи на дуб на суховерьхои; от суховерьхого дуба на два дуба; от дву дубов на березу; от березы на дуб; от дуба на сосну, да от сосны привели к Спаскои земле. Да став перед судьею отводщики троетцкие так рькли, Сенко с товарищи да Ондреи и Михаило: То, господине, по коему есмя тобя месту вели, от березы от гранеи до Спаскои земли, — ино, господине, налеве земля троетцкая Беседьская, а направе, господине, земля Болдинская, Яковлева.

И судья спросил Якова: А у тобя, кому то ведомо, что то земля твоя?

И Яков так рек: Тем то, господине, у меня и ведомо шурьи моеи Ондрею да Михаилу, что то земля моя, Болдинская, и тритцать лет и два яз, господине, ту землю пашу.

И судья спросил Ондрея и Михаила: Чья то земля, по коему есте меня месту вели?

Ондреи и Михаило перед судьею так рькли: По коя места есмя, господине, землю розвели, по то места есмя, господине, Якову и дали.

И Карп, поставя обоих исцев передо князем Иваном Васильевичем, и суд свои сказал.

И князь Иван Васильевич, выслушав суд его и спросил обоих исцев: Был ли вам токов суд? И обои исцы так рькли: Был нам, господине, таков суд.

И потому князь Иван Васильевич велел Карпу троицьскаго старца Ефремъя оправити, и землю велел присудить монастырю, и межи покласти, и тесы потесати, и ямы покопати, а Якова Иванова сына Шилова велел обвинити [1], а землю веле у Якова отсудити.

И Карп, князя великого тивун, по княжу Иванову Васильевича слову троицьскаго старца Ефремъя оправил и землю присудил монастырю по старому розъезду, а Якова Иванова сына Шилова обвинил [2] и землю у Якова отсудил.

А коли Карп суд свои сказывал князю Ивану Василье-

---

[1] *В тексте описка* отбвинити.

[2] *В тексте описка* отбвинил.

вичю, тогды были у князя Ивана Васильевича Иван Довыдов да Прокофеи Скурат.

А на суде были у Карпа: Федор Топорков да Тимофеи Сукман да Сенко Племянников да Семенко кузнец.

АСЭИ, т. I, № 557

Е) [1462—1470-е гг.]

БЕССУДНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА III ИВАНУ ОЗНОБИШЕ НА ЗЕМЛЮ НОСКОВСКУЮ У СОЛИ ГАЛИЦКОЙ В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ

Се[1] бил челом великому князю Ивану Васильевию Марко в Ывашково место Ознобишино. А ркучи: Записал, господине, срок пристав твой, великого князя, в Васюково место Пушкина Фатиян Патачев Микифорику Стольничю с Ывашком с Ознобишею, а ищет, господине, Никифорик на Иванке своеи земли Носковские, — стати им, господине, о том перед тобою, перед великим князем, на Покров святей богородицы. А хто, господине, не станет, тот без суда виноват. Аже, господине, Марко, в Ывашково место Ознобишина на срок перед тобою, перед великим князем, отвечавати, а Ивашко, господине, на срок перед тобою, перед великим князем, им стати не стал. А уже, господине, по сроце осмой день, а его так и нет. А се, господине, срочная перед тобою. А пристав, господине, у срока Фатьян не стал же.

И князь велики, возря в срочную, и дал Марку в Ывашково место на Микифорика свою грамоту правую бесудную по сроце осмый день. И оже будет срок их прав и грамота моя в грамоту. А будет срок их неправ, и грамота моя не в грамоту.

А подписал Остафей дияк.

АСЭИ, т. 1, № 293

---

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Список с правые грамоты на Носково.

Ж) [1447—1455 гг.]

МИРОВАЯ ДОКЛАДНАЯ КЕЛАРЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ИЛЛАРИОНА С ИГУМЕНОМ АВРААМЬЕВОЙ ВЕРХНЕЙ ПУСТЫНИ ИВОЙЛОМ О ВАРНИЦЕ У СОЛИ ГАЛИЦКОЙ

Доложа [1] Дмитрея Андреявича Лыкова писца великого князя, се яз, троецкои келарь Сергиева монастыря Ларион, да яз, Александр чернец троецкои же, Соли Галичскои приказщик да яз, игумен Ивоило Верхней пустыни, кончяли есмя межи собя в том деле [2].

Что яз, господине, Ивойло перед тобою, перед Дмитреем Андреевичем писцом у Соли у Галичской искал на Олександре [3] на троецком солеваре трех осмин воды, что у мена вывел из Захарьины варницы, и мне, господине, Александру было перед тобою перед Дмитреем на те три осмины воды положити грамоты жаловалные великих князей. И мы нынечя о том промеж себя помирилися. Яз, келарь Ларивон, и яз, Александро чернец троецкой соловар, ступились есмя игумену Иволу его монастырю Верхней пустыне черньцом трех осмин воды в Захарьине варнице. А в тое место взяли есмя у игумена у Ивола его монастыря осмину воды в Петрокове варнице. И яз, игумен Иволо, три осмины воды в Захарьине варнице у них есми взял своему монастырю Верхней пустыне. А противу тех трех осмин воды ступился есми келарю Лариону и Олександру старцу свою монастырскую осмину воды в Петрокове варнице. А боле того нам в том деле промеж собя не искати никому ни на ком ничего.

А на докладе был у Дмитрея у Андреевичя дворской Чюхломской Микита Валов да заболотцкой староста Левко Вяльцев.

АСЭИ, т. I, № 214

---

[1] *В тексте акту предшествует заголовок:* Докладная на осмину варници.

[2] *В рукописи* доле.

[3] *В рукописи* Олексендре.

Историко-правовой обзор

Грамота «А»

Срочная грамота устанавливала срок явки сторон и свидетелей на суд. До нас дошло очень небольшое количество подобных актов. Характерной особенностью приводимой срочной грамоты является то, что она выдана от имени великокняжеского пристава Василия Пушкина заменяющим его Фатьяном Пятачевым (ср. ст. 31 Судебника 1497 года: «А ездити недельщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников или людей посылати с приставными»).

Грамота «Б»

Настоящая грамота устанавливает для лиц, населявших владения митрополичьего Череповецкого монастыря, в случае возникновения у них судебных дел, как гражданских, так и уголовных («в поличном»), в которых одной из сторон являлись жители великокняжеских вотчин, привилегию определять сроки явки на суд по взаимному соглашению.

В подобных случаях не требовалась выдача великокняжеским приставом срочной грамоты.

Грамота «В»

К числу привилегий духовных и светских феодалов относилось ограничение возможности вызова подвластных им людей на суд. Подобные ограничения имелись и в ряде уставных грамот наместничьего управления (ср. ст. 22 БУГ). Настоящий акт может быть отнесен к судебным документам лишь условно. Согласно приведенной грамоте великокняжеский пристав мог вызывать монастырских людей на суд лишь два раза в год. Подобное ограничение было весьма выгодно феодалам, так как оно не позволяло судебным властям отрывать занятых в хозяйстве крестьян из феодальных владений.

На Збор — Соборное воскресение, воскресение в первую неделю пасхального поста.

Петров день — религиозный праздник, 29 июня по ст. стилю.

Грамота «Г»

Перед нами протокол судебного заседания — судный список. Позднее кописты именовали судным списком и правую грамоту, то есть документ, содержавший судебное решение или приговор.

Данный судный список является докладным. Это протокол судебного разбирательства, где отражен ход дела не только в суде первой инстанции, когда спор разрешал разъездной судья великого князя, но и решение его в суде второй инстанции (на «докладе»), у великокняжеского боярина.

Приведенный ниже судный список, излагающий характерную для XV века тяжбу — спор о земле между духовным феодалом-монастырем и черносошными крестьянами, относится ко времени издания Судебника.

Важность подобного дела подтверждают ст.ст. 62—63 Судебника. Приведенный судный список интересен тем, что он отражает черты судебного процесса в Русском государстве XV—XVI вв. Великокняжеский судья выезжает на место спора и разрешает тяжбу, находясь на спорной земле.

В качестве основных доказательств на суде фигурируют письменные акты — разъезжая грамота великокняжеского дьяка и ее противень (копия, идентичный экземпляр).

Поскольку письменные акты не позволяют окончательно установить истину, то судья идет по границам (межам) земли в сопровождении сторон и старожильцев — «детей боярских да людей добрих» (ср. ст. 10 ПСГ, ст. ст. 9 и 10 НСГ), помогающих суду своими показаниями. Допрос свидетелей производится тут же во время обхода.

Так как объектом иска является земельная собственность, то судья, не удовлетворяясь письменными доказательствами, своим собственным обходом и показаниями свидетелей, выносит дело на «доклад», то есть на окончательное разрешение его судом второй инстанции. В данном случае в качестве подобного высшего судьи выступает великокняжеский писец князь Голенин, который, как и следовало ожидать, удовлетворяет претензии могущественного духовного феодала.

Таким образом, в русском судопроизводстве XV века существовали как сравнительно новые виды доказательств — письменные документы, так и относящееся к глубокой старине доказательство — обход лично судьей спорных угодий.

Однако постепенно основным видом доказательств становится письменная документация. В феодальном обществе с его развитым классовым антагонизмом вера в человека, в достоверность его показаний, зависящих от классовых интересов или личных симпатий, была сильно поколеблена. В то же время феодальная юстиция безоговорочно доверяла формальному документу, официальной бумаге (грамоте), которая, как правило, исходила от государственной власти или представителей господствующего класса. (Ср. правую грамоту по спорному делу между Симоновым монастырем и крестьянами Печорской волости, появление которой относится к 1462—1464 гг.: «А се, господине, прадеда твоего и список с грамоты с меновной, а грамоты, господине, погорели в пожар в суздалской; а се, господине, и грамоты жалованные отца твоего великого князя Василья Васильевича да и твои грамоты жалованныя на погорелыя грамоты, и грамоты купчии, ти что дал к Пречистои в дом, и грамоты продажныя архимаричьи Геронтьевы и архимаричьи Афонасьевы; а се, господине, грамоты все перед тобою. И князь великий возрел во все грамоты и списки...»)

Грамота «Д»

Стороне, выигравшей процесс, обычно выдавались правая грамота, судный список, содержащий решение низшего судьи или же его запись об исполнении решения суда высшей инстанции. Перед нами подобная грамота, выданная великокняжеским тиуном Карпом Ховралевым.

Истец, один из наиболее могущественных на Руси духовных феодалов — Троице-Сергиев монастырь вел тяжбу из-за земельных угодий с представителем дворянства. Представитель интересов истца — старец Ефремий явился на суд во всеоружии, прихватив с собой свидетелей — «людей добрих» и своих же отводчиков, то есть тех лиц, кото-

рые следили за соблюдением границ монастырских владений. Несмотря на то, что на стороне ответчика был давностный срок (32 года), дело было решено великокняжеским судьей не в его пользу.

С целью воспрепятствования возникновения дальнейших споров судебное решение обязывало монастырь соорудить вокруг своих владений изгородь: «межи покласти и тесы потесати и ямы покопати» (ср. ст. 61 Судебника 1497 года).

Однако, стремясь создать условия для дальнейшего расширения своих владений, духовные феодалы не всегда выполняли предписания судебных властей. В этих случаях великокняжеские чиновники получали на руки специальные грамоты, обязывавшие стороны к исполнению судебных решений (см., например, грамоту 1498 года в Сборнике Муханова, № 124).

Грамота «Е»

Приводимый акт — яркий образец бессудной грамоты. Одна из сторон в процессе не явилась на судебное разбирательство в установленный приставом срок. По истечении льготного восьмого дня истец обратился к великому князю с просьбой о разрешении дела. Неявка ответчика обусловливала выигрыш истцом процесса. В приведенном акте мы видим упоминание о судебном представительстве — ищет бессудную грамоту некий Марко, действующий в качестве защитника интересов Ивана Ознобишина.

Характерно окончание грамоты, дающее, повидимому, в необходимых случаях основание для пересмотра дела: «и оже будет срок их прав, и грамота моя в грамоту. А будет срок их неправ и грамота моя не в грамоту...» (ср. ст. 27 Судебника 1497 года).

Грамота «Ж»

Господствующий класс в целях охраны своих интересов требовал от феодального государства максимального

внимания к любому спору, объектом которого являлась феодальная собственность, к любым случаям правонарушений, касающихся феодальной собственности.

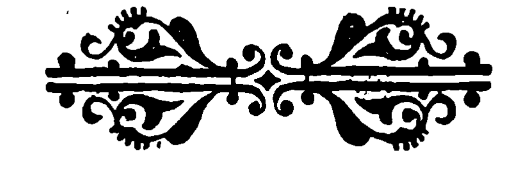
В силу этого судебная практика постепенно вырабатывает правила, нашедшие свое законодательное закрепление в ст. 53 Судебника 1497 года, согласно которому любое мировое соглашение должно быть санкционировано на «докладе» у вышестоящего судьи. Перед нами подобный акт — мировая сделка между представителями двух духовных корпораций — Троице-Сергиевым монастырем и Авраамьевой пустынью. Монастырские старцы, поладившие между собой в споре из-за права эксплуатации отдельных участков соляной варницы, утверждают свое соглашение в присутствии представителей местной верхушки — дворского и сотского — на «докладе» у видного великокняжеского чиновника.

Мировая является свидетельством интенсивной промысловой деятельности древнерусских монастырей.

Церковные феодалы стремились не только господствовать в земледелии, но и овладеть командными высотами в торговле продукцией промыслов (соль и т. п.), без которой не могло обойтись феодальное хозяйство.

Стремление церкви к монополии во всех отраслях хозяйственной жизни, несомненно, тормозило развитие производительных сил феодального общества.

Осмина воды — доля в эксплуатации соляной варницы; *вода* — раствор соли.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, собрал и издал А. Федотов-Чеховской, т. I, Киев, 1860.

2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, под ред. Н. Калачова, т. I, СПб., 1857; т. II, СПб., 1863; т. III, СПб., 1884.

3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., под ред. Л. В. Черепнина, Издательство Академии наук СССР, 1951.

4. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Д. Беляев, О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 г., «Журнал министерства юстиции», 1860, т. III, кн. 2, отдел III.

2. И. Д. Беляев, Списки судные и докладные и грамоты правые и бессудные в Московском государстве, Архив исторических и юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым, кн. 2, пол. I, СПб., 1885.

3. П. И. Беляев, Специальное назначение судей и судебная грамота в древнем русском процессе, «Сборник правоведения», т. VIII, СПб., 1898.

4. В. Демченко, Исторические исследования о показаниях свидетелей, как доказательстве по делам судебным по русскому праву до Петра Великого, Киев, 1859.

5. Ф. М. Дмитриев, История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях, М., 1859.

6. Н. Ланге, Древние русские сместные, или вопчие суды, М., 1882.

7. Н. Ланге, Древнее русское уголовное судопроизводство, М., 1883.

8. С. Никонов, Поручительство в его историческом развитии по русскому праву, СПб., 1895.

9. С. В. Пахман, О судебных доказательствах по древнерусскому праву, М., 1851.

10. Б. И. Сыромятников, Очерк истории суда в древней и новой России, Сборник «Судебная реформа», М., 1915.

11. М. А. Чельцов, Уголовный процесс, Госюриздат, 1950.

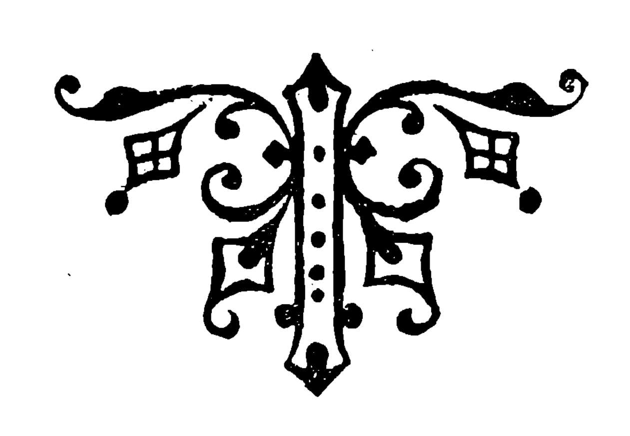
12. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, Издательство Академии наук СССР, 1951.

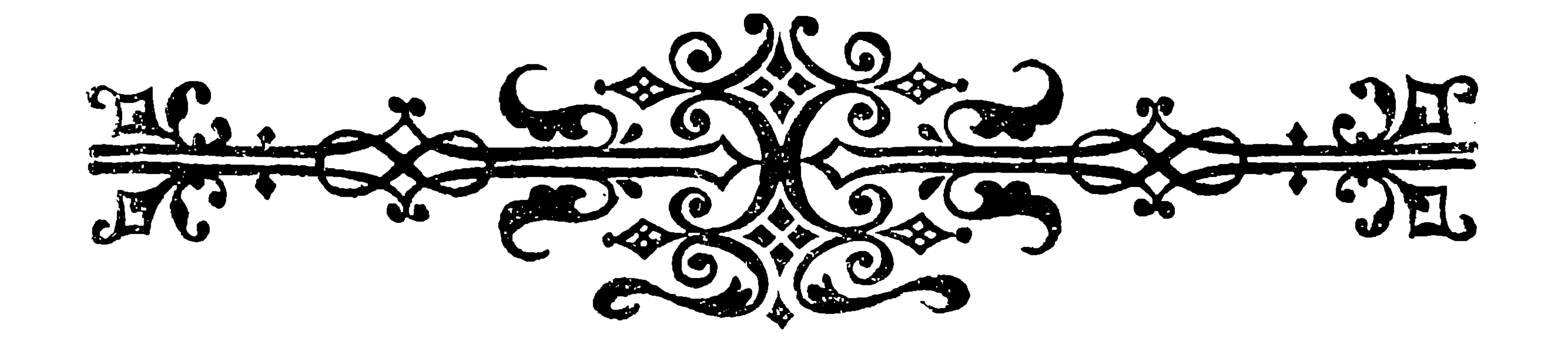
13. С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, Госюриздат, 1950.

ДУХОВНЫЕ
И
ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ
ВЕЛИКИХ
И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

ВВЕДЕНИЕ

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (XIV—XV вв.) являются важным источником для изучения социально-экономических отношений, политического строя и права периода создания Русского централизованного государства. Отражая социально-экономические предпосылки объединения русских земель вокруг Москвы, рост территории Русского государства, эти грамоты прежде всего дают материалы для характеристики политической стороны процесса образования Русского централизованного государства и раскрывают его основные функции как государства феодального. Духовные и договорные грамоты освещают вопрос о политическом строе Руси в XIV—XV вв. и дают представление об организации господствующего класса феодалов, о правовой стороне взаимоотношений между великими и удельными князьями, между князьями и служилым боярством и т. д.

Анализ содержания духовных и договорных грамот помогает изучить процесс выработки общерусских правовых норм в XIV—XV вв.

Духовные грамоты великих князей позволяют обрисовать прерогативы великокняжеской власти, дают материалы для изучения княжеской земельной собственности, показывают, как князья распоряжались своим движимым и недвижимым имуществом, взыскивали по обязательствам, осуществляли право распоряжения зависимыми людьми, право суда, охраняли интересы фиска и т. д.

Одновременно духовные грамоты показывают, как в процессе объединения русских земель удельные князья

теряют свои феодальные привилегии: право распоряжения своими владениями, командования феодальным ополчением, право суда и сбора доходов, — теряют даже внешние признаки былой самостоятельности.

По мере централизации Русского государства и усиления могущества Московских великих князей составление договорных грамот (докончаний) становится одной из форм проведения политики, направленной на объединение русских земель. Постепенно ограничивается власть удельных князей, когда-то самостоятельных в области внешней политики. В договорных грамотах великих и удельных князей встречаются нормы, регулирующие право свободного отъезда «вольных слуг», устанавливающие принцип общего («сместного») суда по пограничным тяжбам и междукняжеским спорам, нормы, регулирующие правила ведения торговли в связи с задачей установления единой таможенной политики.

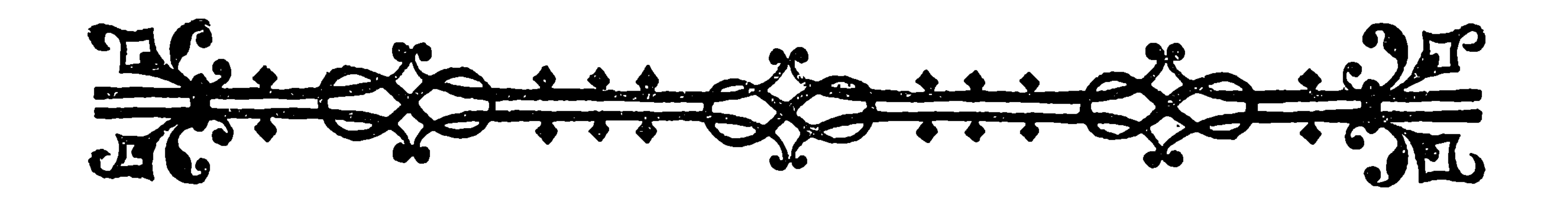
Особое внимание договорные грамоты уделяют вопросу о выдаче беглых крестьян и холопов. В этом ярко проявилась классовая направленность договорных грамот, защищавших интересы феодалов.

Договорные грамоты являлись правовым оформлением междукняжеских отношений XIV—XVI вв., строившихся на началах феодального вассалитета. Они свидетельствуют о постепенном усилении великокняжеской власти и подчинении Москве отдельных феодальных центров Северо-Восточной Руси.

Всего до нас дошло около ста княжеских духовных и договорных грамот, большинство которых сохранилось в составе московского великокняжеского архива, позднее попавшего в архив Посольского приказа.

Ниже помещены важнейшие из дошедших до нас договорных и духовных грамот великих и удельных князей.

[Осень 1327 г.]

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ИВАНА КАЛИТЫ
(второй вариант)

Во имя отця и сына и святаго духа, се яз грешныи худыи раб божии Иван, пишу душевную грамоту, ида в Ворду, никимь не нужен, целымь своимь умомь, в своемь здоровьи. Аже бог что розгадаеть о моемь животе, даю ряд сыном своим и княгини своеи.

Приказываю сыном своим очину свою Москву.

А се есмь им роздел учинил.

Се дал есмь сыну своему болшему Семену: Можаеск со всими волостьми [1], Коломну со всими Коломеньскими волостьми, Городенку, Мезыню, Песочну и Середокоротну [2], Похряне, Усть-Мерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевьское, село на Северьсце в Похряньском уезде, село Орининьское, село Островьское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховьское, село Напрудьское у города.

А при своемь животе дал есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчюги, блюдце золото с женчюгомь с каменьем [3], 2 чума золота болшая. А ис судов ис серебрьных дал есмь ему 3 блюда серьбрьна.

А се даю сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходол, Великую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовьское, Тростну, Негучю. А села: село Рюховьское, село Каменичское, село Рузьское, село Белжиньское, село

---

[1] *В первом варианте (ниже — I) последние три слова отсутствуют.*

[2] I, *последние два слова отсутствуют.*

[3] I, *далее:* А к тому еще дал есмь ему.

Максимовское, село Андреевское, село Вяземьское, село Домонтовское, село в Замошьскои свободе, село Семциньское.

А из золота дал есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, пояс золот болшии с женчюгомь с каменьемь, пояс золот с капторгами, пояс сердоничен золотомь окован, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебрьно ездниньское, 2 блюдци меншии.

А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Наруниж[ское, Серпо]хов, Нивну, Темну, Голичичи, Шитов, Перемышль, Растовец, Тухачев. А се села: село Талежьское, село Серпоховьское, село Колбасиньское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговьское, село Труфоновьское, село Ясиновьское, село Коломнинское, село Ногатиньское.

А из золота дал есмь сыну своему Андрею: 4 чепи золоты, пояс золот фрязьскии с женчюгомь с каменьемь, пояс золот с крюкомь на чьрвьчате шелку, пояс золот царевьскии, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая; а из блюд, — блюдо серебрьно, а два малая.

А се даю княгини своеи с меншими детми Сурожик, Мушк[ов]у гору, Радонежьское, Бели, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновьская, Вохна, Деиково раменье, Данилищова свободка, Машев, Селна, Гуслиця, Раменье, что было за княгинею. А села: село Михаиловьское, село Луциньское, село у озера, село Радонежьское, село Деигуниньское, село Тыловское, Рогожь, село Протасьевское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михаиловское на Яузе, 2 селе Коломеньскии.

А из городских волостии даю княгини своеи осмничее. А тамгою и иными волостми городскими поделяться сынове мои, тако же и мыты, которыи в которого уезде, то тому. А оброкомь городскимь Василцева веданья поделяться сынове мои.

А что моих бортников и оброчников купленых, которыи в которого росписи, то того.

А по моим грехом ци имуть искать татарове которых волостии, а отыимуться вам, сыном моим, и княгини моеи, поделити вы ся опять тыми волостми на то место.

А числьныи люди ведають сынове мои собча, а блюдуть вси с одиного. А что мои люди куплении в великом свертце, а тыми ся поделять сынове мои.

А что золото княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своеи Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковал. А чело и гривну, то есмь дал при собе. А что есмь придобыл золота, что ми дал бог, и коробочку золотую, а то есмь княгини своеи с меншими детми.

А ис порт из моих сыну моему Семену кожух черленыи, женчужныи, шапка золотая. А Ивану, сыну моему, кожух желтая обирь с жьнчугомь, коць великии с бармами. Андрею сыну моему бугаи соболии с наплечки с великимь женчюгомь с каменьем, скорлатное портище с бармами. А что есмь нынеча нарядил 2 кожуха с аламы с женчюгомь, а то есмь дал меншим детем своим, Марьи же Федосьи, ожерельемъ.

А что моих поясов серебрьных, а то роздадять попопьям. А что мое 100 руб. у Ески, а то роздадять по церквам. А что ся остало из моих судов из серебрьных, а тым поделяться сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моих порт, а то роздадять по всим попьям и на Москве. А блюдо великое о 4 кольця, а то даю святеи, Богородици Володимерскои.

А что есмь дал сыну своему Семену стадце, а другое Ивану, а иными стады моими поделятся сынове мои и княгини моя[1].

А прочь Московьских сел, даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское в Новегороде на Улале, другое в Володимери Борисовское.

А что есмь купил село Петровское и Олексиньское, Вседобричь и Павловьское на Масе, половину есмь купил, а половину есмь сменил с митрополитом... [А сел]ця[2] на Масе, что есмь купил у Афинея, то даю сыну своему Ивану.

А что есмь купил село Варварьское и Меловьское у Юрьева, что есмь сменил на Матфеищовьское село, то даю сыну своему Андрею.

А что село Павловское, бабы нашее купля, и Новое селце, что есмь купил, и Олександр святыи, что есмь купил на Костроме, то даю княгини своеи.

А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал

[1] *I, фраза поставлена ниже, после фразы:* А приказываю тобе... печальник.

[2] *Текст попорчен, в этом месте может уместиться около 12 букв.*

есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимь; не иметь ли служити детем моим, село отоимут.

А что есмь прикупил селце на Кержачи у Прокофья у игумна, другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то даю святому Олександру собе в поминанье [1].

А приказываю тобе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по бозе ты им будешь печалник.

А кто сю грамоту порушит, судить ему бог.

А на се послуси: отец мои душевныи Ефрем, отец мои душевныи Федосии, отец мои душевныи поп Давыд [2].

На лицевой стороне грамоты след от прикрепления печати.

Д и ДГ, № 1

[Начало 50-х гг. XIV в.]

ДОКАНЧАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА С КНЯЗЬЯМИ ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ И АНДРЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ

Се я[з, князь великии Семе]н Иванович [всея] Руси, [с св]оею братьею с молодшею, со князем с [Иваном] и с князем [Андреем], целовали есмы межи со[бе] крест у отня гроба.

Быти ны заоди[н до живота. А брата своего стареиш]его имети ны и чтити в отцово место. А брату нашему нас име[ти]... [1*] [А кто буде]ть брату нашему стареишему [недруг, то и н]ам недруг. А кто будеть брат[у нашему ста]реишему [друг, то и] нам друг. А тобе, господине, князь вел[икии, без нас] не доканчивати ни с ким. [А братье твое]и молодше[и без] тобе не доканчивати ни с [ким. А кто и]меть нас сваживати...[2] [исп]рава ны учинити, а нелюбья не держати, [а винов]атого казнити по [исправе]...

---

[1] *I, последние семь фраз отсутствуют.*

[2] *I. далее:* А грамоту писал дьяк князя великого Кострома, А кто сю грамоту порушит, судить ему бог.

[1*] Все ссылки в «Докончании великого князя Семена Ивановича...» см. текстологический комментарий (стр. 335—336) — *Ред.*

...[целовали] есмы по душевои грамоте отця нашего, како ны отець наш роздел [дал, того ти под нами блюс]ти, а не обидети. А что есмы съступилися тобе на стареи[шинство]... [4] пол-тамги, да тобе соколничии путь, и садовници, да конюшнии путь, и кони ставити... [5] ловчии путь, то же и потом на стареишии путь, кто будеть стареишии, [тому] пол-тамги, [а молодшим двум] пол-тамги, а опрочь того все на трое, и боротници и Пере... [6] и Добря[тинская борть].

А сел [князю] великому: Новое село на Купавне, Вишневьское село. А князю Ив[ану и] князю Андрею: Мих[але]вьское село, Ми[кульс]кое село [на Пру]женке, Мики[форо]вьское село, Парфень[евское] село... [7]

[8]...[ко]го из нас бог отъведет, печаловати[ся княгинею его и] детми, как при ж[ивоте, так и по жив]оте, а не [обидети тобе, ни] имати ничего ото княгини и от детии, чим вы [кого благословил отець наш по ро]зделу. [А по животе кто из бо]яр и слуг иметь служити у наших княгинь [и у детии... [9], нелюбья не] держати, [ни посягати] без исправы, но блюсти, как и своих. Или кто [из нас... [10], что примыслил или прику]пил, или кто по семь что кто покупить [или примыслить чужее... [11] сво]им волостем, и того... [12] блюсти, а не обидети. Или что мя благослов[ила которыми волостьми тетка моя], княгини Анна, [Заячковым... [13]], Тешевым... [14] [тиною] свободкою, или что есмь прикупил Забереги... [15] куплю и того... [16] моеи... [17] обидети... [18] кто что нашему... [19] блюсти, а не обидети... [20] а то...[21][тись] с нами...[22]

...а нам в твои удел не слати... [23] московски имут бити челом тобе, князю великому, на наших боляр и слуг московских, аже будешь на Москве, [тобе судити, а мы с тобою в суд шли, господине, опрочь Моск]вы, слати к тво[ему наместнику и к нашим... [24]] ...чинять исправу [московским бо]яром и слугам, а при[ставов ти не слати... [25]] ...тобе, князю великому... [26] на наших бояр... [27] пристава, а нам... [28] к великому князю... [29] пошлые к городу... [30] наших уделех не купити, ни твоим бояром, ни слугам... [31] ни нашим бояром, ни слугам сел в твоем уделе и у численых... [32] двор московскии... [33] [всим].

А которыи люди по нашим во[ло]стем выиманы... [34] [воины] нам к собе [не при]имати. А которы[х] людии отець наш, князь великии, выимал... [35] те так и знають свою службу, в которую кто уряжен, а нам их к собе не приимати.

А во[льны]м слугам воля, кто в кормленьи бывал и в доводе при нашем отци и при нас.

А чим ны благословил отець наш, волостми ли, порты ли, или инымь чимь, а тымь ся есмы поделили, того ны не поминати.

А где ми будет въсести на конь, всести вы со мною. А где ми будеть самому не всести, а будеть ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья. А что ся учинить просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцьского, и от наших наместников, исправа ны учинити, а нелюбья не держати.

А боярам и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тобе, к великому князю, или от тобе к нам, нелюбья ны не [держати]. А что Олексе Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детии, и не надеятися ны его к собе до Олексеева живота, волен в нем князь великии, и в его жене, и в его детех. А тобе, господине, князь великии, к собе его не приимати же в бояре. А мне, князю Ивану, что дал князь великии из Олексеева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни инымь ничимь не подмагати их.

На семь на всемь целовали есмы крест межи [собе у] отня [гроба, по любви, в правду].

[А туто были]: Петр архимандрит московьскии, Фили[мон] архимандрит [переяславскии, Василии... [36] ты]сяцькии, Михаило Олександрович... [37] [Васильев]ич, Василии [Окатьевичь, Ононья околничии], Иван Ми... [38]

На лицевой стороне грамоты привешена желтовосковая, почти совсем разрушившаяся, печать.

Д и ДГ, № 2

[1389 г. апреля 13 — мая 16]

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА (ВТОРАЯ) ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

Во имя отца и сына и святого духа, се яз, грешныи худыи раб божии Дмитрии Иванович, пишю грамоту душевную целым своим умом. Даю ряд сыном своим и своеи княгини.

Приказываю дети свои своеи княгине. А вы, дети мои, жывите заодин, а матери своее слушаите во всем.

А приказываю отчину свою Москву детем своим, князю Василью, князю Юрью, князю Аньдрею, князю Петру. А брат мои, князь Володимер, ведает свою треть, чем его благословил отець его, князь Аньдреи. А сына своего, князя Василья, благословляю на старишии путь в городе и в станех моего удела двою жеребьев половина, а трем сыном моим половина, и в пошлинах в городских половина. А тамга из двою моих жеребьев княгине моеи половина, а сыном моим половина. А восмьничее мои два жеребья княгине моеи. А на старишии путь сыну моему, князю Василью, Василцево сто и Добрятиньская борть с селом з Добрятиньским. А бортъници вь станех в городских, и конюшии путь, и соколничии, и ловчии, тем сынове мои поделятъся ровно. А численых людии моих двою жеребьев сыном моим по частем, а блюдут с одиного.

А се даю сыну своему, князю Василью, Коломну со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости коломеньские: Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева с селцем з Гвоздною и с Иванем, Гжеля, деревня Левичин, Скулнев, Маковець, Канев, Кочема, Комарев з берегом, Городна, Похряне, Усть-Мерьско. А из московъских сел даю сыну своему, князю Василью: Митин починок, Малаховъское, Костятиновъское, Жырошкины деревни, Островъское, Орининьское, Копотеньское, Хвостовъское, у города луг Великии за рекою. А из юрьевъских сел даю сыну своему, князю Василью: своего прикупа Красное село с Елизаровъским, с Проватовым, да село Васильевъское в Ростове.

А се даю сыну своему, князю Юрью, Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости звенигородские: Скирменово з Белми, Тростна, Негуча, Сурожык, Замошъская слобода, Юрьева слобода, Руза городок, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угож, Суходол с-Ыстею, с Истерволю, Вышегород, Плеснь, Дмитриева слободка. А из московъских сел даю сыну своему, князю Юрью: село Михалевъское, да Домантовъское, да луг Ходыньскии. А из юрьевъских сел ему: прикупа моего село Кузмыдемъяньское, да Красного села починок за Везкою придал

есм к Кузмыдемъяньскому, да село Богородицьское в Ростове.

А се даю сыну своему, князю Аньдрею, Можаеск со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами, и с отьездными волостми. А волости можаиские: Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глиньское, Пневичи с Загорьем, Болонеск. А Коржань да Моишин холм придал есмь к Можаиску. А се волости отъездные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репиньское, да Ивановъское Васильевича в Гремичах. А Колуга и Роща сыну же моему, князю Аньдрею. И что вытягал боярин мои Федор Аньдреевич на обчем рете Тов и Медынь у смолнян, а то сыну же моему, князю Аньдрею. А из московъских сел ему: Напрудьское село да Луциньское на Яузе с мелницею, Деуниньское, Хвостовьское в Перемышле, да луг Боровъскии, а другии противу Воскресенья. А из юрьевъских сел ему Олексиньское село на Пекше.

А се даю сыну своему, князю Петру, Дмитров со всеми волостми, и с селы и со всеми пошлинами, и с тамгою, и с мыты, и з бортью. А се дмитровъские волости: Вышегород, Берендеева слобода, Лутосна с отъездъцем, Инобаш. А из московъских волостии князю Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка княжа Иванова, Вори, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна городок. А из московъских сел князю Петру: Новое село, Сулишин погост. А из юрьевских сел ему прикупа моего село Богородицьское на Богоне.

А се даю сыну своему, князю Ивану: Раменце з бортники и что к нему погягло, да Зверковъское село с Сохоньским починком, что отошло ото князя от Володимера. А Сохна сыну же моему, князю Ивану. А в том уделе волен сын мои, князь Иван, которыи брат до него будет добр, тому даст.

А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем.

А сына своего благословляю, князя Юрья, своего дела куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовъское.

А сына своего, князя Аньдрея, благословляю куплею же деда своего Белымозером, со всеми волостми, и Вольским и Шаготью, и Милолюбъскии ез, и с слободками, что были детии моих.

А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Углечим полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою.

А се даю своеи княгине из великого княженья у сына у своего, у князя у Василья, ис Переяславля Юлку, а ис Костромы Иледам с Комелою, а у князя у Юрья из Галича Соль, у князя о Оньдрея из Белаозеря Вольское с Шаготью и Милолюбьскии ез. А из володимерских сел княгине моеи Оньдреевское село, а ис переяславъских сел Доброе село, и что к ним потягло. А из удела сына своего, княжа Васильева: Канев, Песочну, а ис сел Малиньское село, Лысцево. А из княжа удела из Юрьева: Юрьева слобода, Суходол с Ыстею, с-Ыстервою, да село Оньдреевъское, да Каменьское. А изо княжа удела из Оньдреева: Верея, да Числов, да село Луциньское на Яузе с мелницею. А изь княжа удела ис Петрова: Ижво да Сяма. А что есм дал своеи княгине из удела сына своего, княжа Васильева и изо княжа из Юрьева, изо княжа из Оньдреева, изо княжа ис Петрова, волости и села, а что бог розмыслит о моеи княгине, и те волости и села во чьем уделе, то тому и есть.

А се даю своеи княгине: свои примысл Скирменовъскую слободку с Шепковым, Смоляные с Митяевъским починком, и з бортью, с Вышегородскими бортъники, Кропивну з бортн[ики] с Кропивеньскими [и с Исменьскими] и з Гордошевъскими, и с Рудьскими, Железкова слободка з бортью, с-Ывановым селом с Хороброва, Исконьская слободка, Кузовъская слободка, и что княгини моее прикуп, и что к неи потянуло, то моеи княгине. А по которая места слободьские волостели судили те слободы при мне, и княгини моее волостели судят по та же места, как было при мне. А што княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломне мои примысл Самоилецев починок з деревнями, Савельевъскии починок, Микульское село, Бабышево, Ослебятевъское, а то княгини моеи. А что ее село Репеньское и прикуп, то ее и есть. А из московъских сел даю своеи княгине: Семциньское село с Ходыньскою мелницею, да Остафьевъское село, да Илмовьское. А из юрьевъских сел

даю еи: куплю свою Петровъское село, да Фроловъское, да Елох. А Холхол и Заячков, то моеи княгине. А что ми дала княгини Федосья Суду на Белеозере, да Колашну, и Слободку, и что благословила княгиню мою Городком да Волочком, та места ведает княгиня Федосья до своего жывота, а по ее жывоте то княгине моеи. А теми своими примыслы всеми благословляю княгиню свою, а в тех примыслех волна моя княгини, сыну ли которому даст, по души ли даст. А дети мои в то не въступаютъся.

А которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткиньского села княгини моее к Берендееве слободе, а те деревни потянут к Лытъкиньскому селу моее княгини.

А по грехом, которого сына моего бог отъимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутъся.

А даст ми бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у болшие его братьи.

А у которого сына моего убудет отчины, чем есм его благословил, и княгини моя поделит сынов моих из их уделев. А вы, дети мои, матери слушаите.

А по грехом, отъмет бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушаите своее матери, что кому дасть, то тому и есть.

А коли детем моим взяти дань на своеи отчине, чем есм их благословил, и сын мои, князь Василеи, возмет с своего удела с Коломны и со всех коломеньских волостии триста руб. и сорок и два руб., и княгини моя даст ему в то серебро с Песочны 50 руб. без 3-х, а с Канева дватцять руб. и два руб. А князь Юрьи возмет с Звенигорода и со всех с звенигородских волостии двесте руб. и семъдесят руб. и два руб., княгини моя даст ему в то серебро с Юрьевы слободы пятьдесят руб., а с Суходола полпятадесять руб., а с Смоляных 9 руб., а с Скирменовъские слободки 9 руб. А князь Оньдреи возмет с Можаиска и со всех волостии можаиских сто руб. и семъдесят руб. бес трех, а с отъездных мест семъдесят руб. без дву, и княгини моя даст ему в то серебро дватцять руб. и полтретья руб. с Вереи, а с Числова полосма руб., а с Заячкова двадцять руб. и два, с Холъхла десять руб., с Железковы 9 руб.,

с Исконьские слободки полсема руб., с Кропивны полсема руб. А князь Петр возмет с своего удела сто руб. и одиннатцять, и княгини моя даст ему в то серебро с Ижва тритцять руб. А князь Иван даст князю Василью с Сохны пять руб., а с Раменеицях даст князю Петру пять руб. А то возмут в тысячю руб., а будет боле или менши, ино по тому розочту.

А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и которыи сын мои возмет на своем уделе, то тому и есть. А что есм подавал своеи княгине волости и села из уделов детии своих и свои примысл, и слободы, и села, и Холхол, и Заячков, а с тех волостии, и с слобод, и с сел что возмет княгини моя, то еи и есть. А дети мои в то не въступаютъся.

А ис тех волостии, и слобод, и сел, что есм вымал у детии своих из уделов, а подавал княгине своеи, а кому будет жалоба сиротам на волостели, и тем людем учинит исправу княгини моя. А дети мои в то не въступаютъся.

А что есм дал сыну своему, князю Аньдрею, Забeрегу, за то дети мои вси дают оброк святому Спасу пятьднатцять руб. на год на спасов день.

А се благословляю детии своих. Сыну моему старишему, князю Василью: икона Парамшина дела, чепь золота, что ми дала княгини Василиса, пояс золот велики с каменьем без ремени, пояс золот с ременем Макарова дела, бармы, шапка золота.

А сыну моему, князю Юрью: пояс золот новои с каменьем с жомчюгом без ремени, пояс золот Шишкина дела, вотола сажена.

А сыну моему, князю Оньдрею: снаст золота, пояс золот старыи новгородскии.

А сыну моему, князю Петру: пояс золот с каменьем пегии, пояс золот с калитою да с тузлуки, да наплечки, да алам.

А сыну моему, князю Ивану: пояс золот татаур, да два ковша золоты по две гривенки.

А что ся останет золото, или серебро, или иное что но есть, то все моеи княгине.

А что ся останет стад моих, тем моя княгини поделитъся с моими детми по частем.

А хто будет моих казначеев, или хто будет моих дьяков прибыток мои от мене ведал, или посельских, или тиунов, или хто женилъся у тех, те все не надобе моеи княгине и моим детем.

А приказал есм свои дети своеи княгине. А вы, дети мои, слушаите своее матери во всем, из ее воли не выступаитеся ни в чем. А которыи сын мои не имет слушати свое матери, а будет не в ее воли, на том не будет моего благословенья.

А дети мои молодшая, братья кня̂жы Васильевы, чтите и слушаите своего брата старишего, князя Василья, в мое место, своего отця. А сын мои, князь Василии, держыт своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшюю в братьстве, без обиды.

А хто моих бояр имет служыти моеи княгине, тех бояр, дети мои, блюдите с одиного.

А хто сю грамоту мою порушит, судит ему бог, а не будет на нем милости божии, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущии.

А писал есм сю грамоту перед своими отци: перед игуме[ном] перед Сергием, перед игуменом перед Савастьяном.

А туто были бояре наши: Дмитрии Михаилович, Тимофеи Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександр Аньдреевич, Федор Аньдреевич, Федор Аньдреевич, Иван Федорович, Иван Аньдреевич.

А писал Внук.

На лицевой стороне грамоты привешена серебряная позолоченная печать Великого князя Дмитрия Ивановича.

Д и ДГ, № 12

[Сентябрь 1441 — август 1442 гг.]

ДОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА С КНЯЗЕМ ГАЛИЦКИМ ДМИТРИЕМ ЮРЬЕВИЧЕМ

ПЕРВЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

а) ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ЮРЬЕВИЧУ

Божиею милостью и пречистыя его богоматере, и по нашеи любви, на сем на всем, брате молодшы, князь

Дмитрии Юрьевич, целуи ко мне крест, к своему брату стареишему, к великому князю Василью Васильевичю.

Быти ти, брате, со мною с великим князем, везде заодин, и до своего жывота. А мне, великому князю, быти с тобою везде заодин, и до своего жывота. А хто будет, брате, мне, великому князю, друг, то и тебе друг. А хто будет, мне, великому князю, недруг, то и тебе недруг. А с кем, брате, будешь в целовании, и тебе к тому целованье сложыти. А с кем яз буду в докончании, и мне и тобя с тем учинити в докончании. А не канчивати ти, брате, без меня, без великого князя, ни съсылатися ни с кем. Ни мне, брате, не канчивати бес тобя ни с кем. А добра ти мне, великому князю, хотети во всем, везде. А мне, великому князю, тобе хотети везде, во всем добра. А што ти слышев о моем добре или о лисе от християнина или от иноверца, а то ти мне поведати в правду, без примышленья, по крестному целованию.

А держати ти меня, великого князя, в старишынстве, как держал моего отца, великого князя Василья Дмитриевича, твои отець князь Юрьи Дмитриевич. И подо мною ти, под великим князем, все мое вликое княженье держати честно и грозно, без обиты. Чем мя благословил отець мои, князь велики Василеи Дмитриевич, своею отчиною в Москве, и Коломною с волостьми, и Муромом с волостьми, и своими примыслы, и всем великим княженьем, так же што был удел дяди нашего, княж Петров Дмитриевича, Дмитров со всеми волостми, опроче Углеча поля, или што есмь себе примыслил, или што собе примышлю, или што яз, князь велики, взял собе удел брата вашего, княж Васильев Юрьевича, Звенигород с волостми, и с путми, и с селы, и с мыты, и со всеми пошлинами, и со всем, што к нему потягло, чем его благословил отець ваш, князь Юрьи Дмитриевич, по своеи душевнои грамоте, оприсно того села, што еси взял у Семена у Аминева пасынка в Тростне в своем имяни, и то село твое со всем, што к нему потягло, а судом и данью тянет к Звенигороду по старине, а того ти, брате, всего подо мною, под великим князем, блюсти и не обидети, ни въступатися.

А мне, великому князю, тебя держати, как отець мои, князь велики Василии Дмитриевич, держал своего брата молодшего, твоего отца князя Юрья Дмитриевича,

в братстве и во чести, без обиды, по докончалным грамотам, и жаловати ми тебя и печаловати ми ся тобою и твоею отчиною. Чем благословил тобя твои отець, князь Юрьи Дмитриевич, своею отчиною, городы, и волостми, и селы, Галичем и Рузою, и Вышегородом, и с волостми, и с путми, и с селы, так же и тем, чем, брате. яз тобя пожаловал, дал ти есми в удел, в вотчину удел дяди нашего, княж Костянтинов Дмитриевича, Ржеву и Углече, и с волостми, и с селы, и со всем с тем, как было за князем за Костянтином за Дмитриевичем, так же и в Московьском уезде села Зарадылье, Сохна, Ременеицо, Осташевьские деревни, Щукиньское, опроче году московского и пошлин московьскых, так же, брате, и Сурожык, и Шопкова, и Лучиньское, и костромьскых волостеи Корега, по деловым по вашым грамотам, как ся есте поделили с своим братом, со князем с Дмитрием с Меншым, и того ми, брате, под тобою всего блюсти, а не обидети, ни въступатися.

А Москва ти, брате, держати со мною по душевнои грамоте деда нашего, великого князя Дмитрия Ивановича.

А сел ти, брате, в моеи отчине и во всем в моем великом княжении не купити, ни закладнеи ти в Москве, в моеи отчине, ни во всем в моем великом княжении не держати. Ни мне, брате, великому князю, в твоеи отчине сел не купити, ни закладнеи ми в твоеи отчине не держати.

А где всяду сам на конь на своего недруга, и тебе со мною поити. А где тя пошлю с своею братьею молодшею или которого своего брата молодшего с тобою пошлю, и тобе поити без ослушанья. А где пошлю своих воевод, и тебе послати своих воевод с своими людми. А городная осада, где хто жывет, тому туто и сидети, опроче бояр введеных и путников.

А Орда управливати и знати мне, великому князю. А тобе Орды не знати. А у тебя ми имати выход по старым дефтерем, по крестному целованью. А переменит бог Орду, а не дам выхода в Орду и в ординские проторы, и мне и у тобя не взяти. А што, брате, еще в целовании будучи со мною, не додал ми еси в выходы серебра, и в ординские проторы, и што есмь посылал киличеев своих ко царем х Кичи-Махметю и к Сиди-Ахметю, а то ти мне, брате, отдати по розчоту, по сему нашему до-

кончанью. А што есмь, брате, на твоеи отчине на Рузе и на Вышегороде взял дань, и меня тое дани дошло четыреста рублев и дватцать рублев, а то ми тебе, своему брату, завести по розочту, а досталь ти мне отдати.

А полон ти мои, брате, и всего великого княженья, и новогородскои, старои и нынешнеи, сыскав, отпустити доброволно. А мне, великому князю, твои полон старои и нынешнеи, сыскав, отпустити доброволно. А нятцов ти моих отпустити без окупа. А мне, брате, твоих нятцев отпустити без окупа.

А хто будет, брате, в нашем нелюбии твоих людеи на поруце дан, или кабалы на них, или серебро переведено, и мне, брате, с тех поруки свести, и кабалы отдати, и переведеное серебро. Так жо, брате, хто моих людей будет у тобя на поруце, или кабалы на них, или переведеное серебро, и тебе, брате, с тех порука свести, и кабалы отдати, и переведеное серебро.

А што, брате, еще до складные грамоты поиманы мои городы и волости и мои села, и моее матери села, великие княгини, и моих бояр села воиною и грабежем, а на то ти мне дати суд и исправу. А што, брате, будут поимали мои люди в твоеи отчине так жо до складные грамоты, твои волости и села и боярьскые, воиною и грабежем, а тому, брате, так же суд и исправа.

А што, брате, в наше розмирье в нашых отчинах воины или грабежы чинилися, а тому всему дерть по се наше докончание, на обе стороны.

А в Вятку ти ся, брате, не вступати.

А князеи ти с вотчинами не приимати.

А бояром, и детем боярьскым, и слугам межы нас волным воля. А где будет итьти нашым ратем, и где хто жывет в нашых отчинах, и хто кому служыт, тот с своим осподарем и едет. А где яз, князь велики, пошлю своего воеводу которого города, а которые люди тебе служат того города, и тем людем итьти под твоим воеводою, а твоему воеводе итьти с моим воеводою, опрочь бояр введеных и путников. А хто служыт мне, великому князю, а жывет в твоеи отчине, и где пошлем своих воевод, и тем людем итьти под моим воеводою, а твоим воеводам итьти с моими воеводами. А хто служыт мне, великому князю, а жывет в твоеи отчине, и тобе тех блюсти, как и своих. А хто,

брате, служыт тебе, а жывет в моеи отчине, и мне тех блюсти, как и своих.

А даному, положеному, поручному, заемному, кабалному, холопу, робе суд по исправе. А татя, разбоиника, рубежника, беглеца по исправе выдати. А суженого не посужати. А суд нам держати меж своих отчин по старине, в правду, бес перевода. А о чем судьи нашы сопрутся, ини зовутся на третеи, а берут себе третьего из моих бояр, великого князя, дву бояринов, а ис твоих, брате, болшего боярина одиного. А воимянует третьего тот, хто ищег, а тот берет, на ком ищут. А не изберут собе судьи третьего ис тех трех бояринов, ино им третеи яз, князь велики, ини придут перед меня, перед великого князя, и мне им велети брати ис тех жо трех бояринов третьего, на которых ся звали. А не всхочет тот, на ком искали, ис тех трех бояринов третьево, на кого ся звали, и мне, князю великому, того обвинити и велети на том доправити.

А на сем на всем, брате молодшыи, князь Дмитрии Юрьевич, целуи ко мне крест, к своему брату к стареишему, к великомю князю Василью Васильевичю, по любви, в правду, без всякое хитрости.

А се нам докончание правити, и до жывота.

б) ГРАМОТА КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ЮРЬЕВИЧА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ

Божьею милостью, и пречистое его богоматери, и по нашеи любви, на сем на всем, господине и брате стареши, князь великыи Василеи Васильевич, целуи ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Дмитрею Юрьевичю.

Быти ти, господине, со мною, с своим братом молодшим, везде заодин, до своего живота. А мне, господине, быти с тобою, с великым князем, везде заодин, и до своего живота. А кто будет, господине, тобе, великому князю, друг, то и мне друг. А кто будет, господине, тобе, великомю князю, недруг, то и мне недруг. А с кем будешь, господине, князь великы, в докончанье, и тобе и мене с ним учинити в докончанье. А с кем, господине, яз буду в целованье, и мне к нему целованье сложити. А не канчивати ми, господине, князь великы, бес тобе, ни ссылатися ни

с кем. Ни тобе, великому князю, не канчивати без мене ни с кем. А добра ми тобе, великому князю, хотети во всем, везде. А тобе, великому князю, мне добра хотети во всем, везде. А что ми слышев о твоем добре или о лисе от хрестьянина или от иноверца, и то ми тобе поведати в правду, без примышленья, по крестному целованью.

А держати ми, господине, тебе, великого князя, в старишиньстве, как держал твоего отца, великого князя Василья Дмитриевича, мои отець, князь Юрьи Дмитриевич. И под тобою ми, господине, под великим князем, все твое великое княженье держати честно и грозно, без обиды. Чем тобе благословил твои отець, князь великы Василеи Дмитриевич, своею отчиною в Москве, и Коломною с волостьми, и Муромом с волостьми, и своими примыслы, и всем, великым княженьем, так же что был удел дяди нашего, княж Петров Дмитриевича Дмитров со всеми волостьми, опрочь Углечя поля, или что еси собе примыслил, или что ты, князь великы, взял собе удел брата нашего, княж Васильев Юрьевича, Звенигород с волостьми, и с путми, и с селы, и с мыты, и со всеми пошлинами, и со всем, что к нему потягло, чем его благословил нашь отець, князь Юрьи, по душевнои грамоте, оприсно того села, что есмь взял у Семена у Аминева пасынка село в Тростне в своем имяни, и то село мое со всем, что к нему потягло, а судом и данью тянет к Звенигороду по старине, а того ми, господине, всего под тобою, под великым князем, блюсти, а не обидети, ни вступатися.

А тобе, господине, великому князю, мене держати, как отець твои, князь великы Василеи Дмитриевич, держал своего брата молодшего, моего отца, князя Юрья Дмитриевича, в братьстве и во чти, без обиды, по докончалным грамотам, и жаловати ти мене и печаловати ти ся мною и моею вотчиною. Чем мя благословил мои отець, князь Юрьи Дмитриевич, своею отчиною, городы, и волостьми, и селы, Галичем, и Рузою, и Вышегородом, и с волостьми, и с путми, и з селы, так же и ты, господине, князь великы, чем мя еси пожаловал, дал ми еси в вотчину и в вудел дяди нашего княж Костянтинов Дмитриевича, Ржеву и Углече, и с волостьми, и с селы, и со всем с тем, как было за князем за Костянтином за Дмитриевичем, так же и в Московском уезде села Зарадылье, и Сохна, и Раменеицо, и

Осташевскые деревни, и Щукинское, опрочь году московского и пошлин московскых, так же, господине, и Сурожик, и Шепкова, и Лучинское, и Костромъскых волостеи Корега, по деловым по нашем грамотам, как ся есмя поделили с своим братом, со князем Дмитреем с Меншим, и того ти, господине, князь великы, подо мною всего блюсти, а не обидети, ни вступатися.

А Москвы нам, господине, с тобою, с великым князем, держати по душевнои грамоте деда нашего, великого князя Дмитрея Ивановича.

А сел ми, господине, в твоеи вотчине и во всем великом княженье не купити, и закладнеи ми в Москве и во всеи твоеи вотчине, в великом княженье, не держати. Ни тобе, господине, князь великы, в моеи вотчине сел не купити, ни закладнеи ти не держати.

А где, господине, князь великы, всядешь сам на конь, и мне поити с тобою. Или мя, господине, где пошлешь с моею братьею с молодшею, или которого брата моего со мною пошлешь, и мне поити без ослушанья. А где, господине, пошлешь своих воевод, и мне послати своего воеводу с людми. А городная осада, где кто живет, тому туто и седети, опрочь бояр введеных и путников.

А Орда, господине, управливати и знати тобе, великому князю. А мне Орды не знати. А у меня ти имати выход по старым дефтерем и по крестъному целованью. А переменит бог Орду, а не даси выхода в Орду и в ординские проторы, и тобе и у меня не взяти. А что, господине, еще в целованье будучи есми с тобою, не додал ти есми нынича в выходы серебра и в ординские проторы, или что еси посылал ко царем киличеев своих, к Кичи-Магнетю и к Седи-Ахметю, а то ми тобе отдати по росчету, по сему нашему докончанью. А что еси, господине, взял на моеи отчине дань, на Рузе и на Вышегороде, и тобя тое дани дошло четыреста рублев и дватцать рублев, и тобе то мне завести в выход по росчету, а досталь ми тобе отдати.

А полон ти, господине, мои старои и нынешнеи сыскав, отпустити доброволно. А мне, господине, так же твои полон, старои и новои и новогородскои, сыскав, отпустити доброволно же. А нятцев ти, господине, моих отпустити без окупа. А мне твоих отпустити без окупа.

А кто будет дан на поруце, или кабалы на них, или серебро переведено, и тобе, господине, порука, и кабалы, и переводное серебро с них свести. А кто, господине, у меня на поруце твоих людеи, и мне с тех порука свести, и кабалы отдати, и переводное серебро.

А что, господине, еще до складные грамоты поимали будут мои люди в твоих городех, и в волостех, и в селех, и в матери твоеи села, великые княгини, воинюю и грабежом, и бояр твоих села, а на то суд и исправа. А что, господине, будут твои люди имали в моеи отчине, в городех, и в волостех, и в селех, и у бояр моих селех воиною и грабежом, а на то ти, господине, дати суд и исправа.

А что, господине, межи нас в наше размирье в наших вотчинах воины и грабежы чинилися, а тому всему дерть по се наше доканчанье, на обе стороне.

А в Вятку ми ся, господине, не вступати.

А князеи ми с вотчинами не приимати.

А бояром, и детем боярьскым, и слугам межи нас волным воля. А где, господине, ити будет нашим ратем, а где кто живет в наших вотчинах, а кто кому служит, тот с своим осподарем и идет. А где, господине, ты, князь великы, пошлеш своего воеводу которого города, а которые люди того города мне служат, и тем людем ити под моим воеводою, опрочь бояр введеных и путников, а моим воеводам ити с твоим воеводою. А кто служит тебе, великому князю, а живет в моеи отчине, и где пошлем своих воевод, и тем людем ити под твоим воеводою, а моим воеводам ити с твоими воеводами. А кто, господине, служит тебе, великому князю, а живет в моеи отчине, и мне тех людеи блюсти, как и своих. А кто, господине, служит мне, а живет в твоеи отчине, в великом княженье, и тобе, великому князю, тех людеи блюсти, как и своих.

А даному, положеному, заемному, поручному, кабалному, холопу, робе суд по исправе. А татя, разбоиника, рубежника, беглеца по исправе выдати. А суженого не посужати. А суд нам держати межи своих вотчин по старине, в правду, без перевода. А о чем, господине, судьи наши сопрутся, ине зовутся на третеи, а берут собе третьего ис твоих бояр, великого князя, дву бояринов, а из моих бояр болшего боярина. А воименует третьих тот, которои ищет, а тот собе берет, на котором ищут. А не изберут

собе судьи третьего ис тех трех бояринов, ино им третеи яз, князь великы, ине придут перед мене, перед великого князя, и мне им велети собе брати третьего ис тех трех бояринов, на которых ся звали. А не всхочет тот, на ком искали, ис тех трех бояринов третьего, и мне, великому князю, того обвинити и велети на том доправити.

А на сем на всем, господине и брате стареишии, князь великы Василеи Васильевич целуи ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Дмитрею Юрьевичю, по любви в правду, без всякыя хитрости.

А се нам докончанье правити, и до живота.

Д и ДГ, № 38, I

1449 г. августа 31

ДОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА С КОРОЛЕМ ПОЛЬСКИМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ЛИТОВСКИМ КАЗИМИРОМ IV

ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЛИТОВСКОМУ КАЗИМИРУ IV

Лист перемирья вечного великого князя московского Василья Васильевича с королем Казимером.

По божьеи воли и по нашои любви, божьею милостью се яз, князь великии Василеи Васильевич московъскии, и новгородскии, и ростовъскии, и пермъскии, и иных, и братья моя молодшая, князь Иван Анъдреевич, и князь Михаило Анъдреевич, и князь Василеи Ярославич, чынечы знаменито каждому, хто на сю нашу грамоту узрыт или чтучы, услышыть, кому ж то будеть того потребно ведати. Я, князь великии Василеи, и моя братья молодшая дали есмо сесь записъ брату нашому Казимиру, королю полскому и великому князю литовъскому, и рускому, и жомоитскому, и

иных, што есмо с ним взяли братство и любов и вечное доконъчанье.

Жыти нам с ним в любви, по сеи грамоте. А быти нам с ним везде заодин. А добра нам ему хотети и его земли везде, где бы не было. А ему нам добра хотети и нашои земли везде, где бы не было. А хто будеть ему друг, то и мне друг. А хто будеть ему недруг, то и мне недруг. А недруга ти, брате, моего, князя Дмитрея Шемяки, не прыимати. А быти, брате, на него со мною заодин. А так же ты и на всякого моего недруга, быти со мною везде заодин. А мне, брате, твоего недруга, князя Михаилушка, не прыимати. А быти ми, брате, с тобою на него заодин. Так же ми, брате, и на всякого твоего недруга быти ми с тобою везде заодин.

А поидуть, брате, татарове на нашы вкраинъные места, и князем нашым и воеводам нашым, вкраинъным людем сославъся, да боронитесе им обоим с одного.

А в вотъчыну ся, брате, у твою и моеи братьи молодшои, во все у твое великое княженье, ни у Смоленъск, ни во вси смоленские места, што издавна к Смоленъску потягло, ни в Любутеск, ни во Мъценеск, ни во вси у твои вкраинъныи места, что издавна к тым городом потягло, не въступатисе.

А тобе, Казимиру, королю полскому и великому князю литовскому, не въступатисе в мою отчыну, ни во все мое великое княженье, ни в мое братьи молодшое отчыну, и во Ржеву з волостьми, по озеро по Орлинце наполы, по озеро по Плотинцо, по Красныи борок, по Бараньюречку, на верх Белеики, по Белеике на Пониклъ, с Пониклъ на верх Сижки, з березы на мох, со мху на верх Осухи, — тых ти, брате, мест всих подо мною блюсти, а не обидити, а не въступатисе в тые места. А которыи места волостили веда [1] Осугу при великом князи Кестутьи, и твоим волостелем по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не въступатисе. А Серенеск ведати по тому, как было при деде твоем пры Олкгиръде, и пры твоем отцы, короли.

А потом, коли бог даст, аж божья воля прыидеть к тому, дасть ли тобе бог дети, а тебе отыиметь с того света, а я, брате, останужыв, и мне, брате, твоими детьми

[1] *Так в рукописи.*

печаловитесе, как и своими детьми, а отъчызны ми твоее блюсти, а не обидити, а не въступатисе во все у твоее великое княженье. А учынить ли бог так, мене бог возметь з сего света наперед, а ты останеш жыв, а тобе моим сыном, князем Иваном, печаловатисе, как и своими детьми, и моими детьми меншыми, а княженья ты под ними не подыискивати, не вступатисе по сеи по твоеи грамоте.

А суд с земли и о воде о смоленъскои и о всих обидных делех смоленских от того времени, как дядя твои великии князь Витовт князя Глеба на Смоленъску посадил.

А где, брате, тобе будеть моя помоч надобе, на всякого твоего недруга, и на татар, и тобе, брате, ко мъне послати, и мне тебе помоч дати. А таке ж, коли, брате, мне будеть твоя помоч надобе, и мне тебе обослати, и тобе ко мне помоч послати на всякого моего недруга, и на татар. А коли, брате, ко мне прышлешь про помоч, а моеи земли о тот час некоторая будеть налога, неможно ми будеть к тобе послати, ино то тобе от мене не в-ызмену. А таке ж, брате, коли я к тобе пошлю про помоч, а прыидеть в тот час твоеи земли отуга, нелзе ти будеть ко мне помочы послати, ино то, брате, мне от тебе не в-ызмену.

А Орда, брате, мне знати по старыне. А к Орде ми, брате, через твою землю путь чыст, и моим послом.

А князь великии Борыс Алесанъдрович тферскии, и со своею братьею, и з братаничы своими, в твоеи стороне а со мною, з великим князем з Васильем, в любви и в доконъчаньи. А суд о земли и о воде мне с ним держати во всих обидных делех по старыне. А о чем ся судьи нашо[1] сопрут, и они положать на третеи, хто будеть обема сторонам люб.

А з новгородцы великому князю Борысу жыти по старыне, а всим обидным делом давати им межы собою суд и исправа на обе стороне, без[2] перевода. А о чем се судьи их сопруть, и они зложать на митрополита, кто будеть обема нама люб, и митрополит на кого помолвит. Помолвить ли на новгородца, а не исправитца, и ему послати ко мне, к великому князю к Василью, и мне то оправити. А помолвить ли на тферытина, и не исправитъца, и ему послати до

---

[1] *Так в рукописи.*
[2] *В рукописи описка* пез.

тебе, короля и великого князя Казимера, и тобе то оправити.

А которыи князи служат тобе, Казимиру, королю, из своих отчын, и мне, великому князю Василью, и моеи братьи молодшои их блюсти, а не обидити. А которыи князи служать мне, великому князю Василью, и моеи братьи молодшои из своих отчын, и тобе, королю и великому князю, их блюсти, а не обидити. А которыи имет обидети князеи служебных своего брата, и нам о том слати судеи, и они тому вчынять исправу без перевода.

А князь Василеи Иванович торускии, и з братьею, и з братаничы служать мне, великому князю Василью. А тобе, королю и великому князю Казимиру, в них не въступатисе.

А Федора Блудова, а Олексанъдрова Борысова сына Хлепенъского, и князя Романова Фоминского, и их братьи, и братаничюв отчыны, земли и воды, все мое, великого князя, Васильево. Таке ж Юрьева доля Ромеиковича и княжа Федорова места Святославич вся за мною, за великим князем за Васильем. А тобе, брате, всих тых мест блюсти, не обидити, не вступатисе.

Таке жъ и у вотчыну мою в Мещеру не въступатисе, ни прыимати.

Таке жъ в Новгород Великии, и во Пъсков, и во вся Новгородская и во Пъсковская места тобе, королю и великому князю, не вступатисе, а и не обидити их. А имут ти се новгородцы и пъсковичы давати, и тобе их не прыимати, королю. А в чом тобе, королю и великому князю Казимиру, новгородъцы и пъсковичы зъгрубять, и тобе мене, великого князя Василья, обослав, да с нимя ся ведати. А мне, великому князю Василью, не вступатисе, ни помолвити про то за тебе. А в земли и в воды новгородскии и во пъсковские тобе, королю и великому князю Казимиру, не въступатисе.

А с немцы ти, брате, держати вечныи мир, а з новгородцы опрышнии мир, а со псковичы опришни мир. А некоторыми дены[1] имуть воеватисе, и тобе, королю и великому князю, межы ими не въступатисе.

А коли мне, великому князю Василью, новгородцы и псковичы зъгрубять, а усхочу их показнити, и тобе, королю Казимиру, за них не въступатисе.

[1] *Так в рукописи.*

А которыи волости или оброки потягнули новгородские к Литве зъдавна, и мне, князю Василью великому, в то не въступатисе по давному.

А брат мои молодшыи, князь великии Иван Федорович рязанскии, со мною, з великим князем Васильем, в любви. А тобе, королю, его не обидити. А в чом тебе, брату моему королю и великому князю Казимиру, князь великии Иван Федорович разанъскии зъгрубить, и тобе, королю и великому князю, мене обослати о том, и мне его въсчунути и ему ся к тобе справити. А не исправиться к тобе, моему брату, разанскии, и тобе, королю, резаньского показнити. А мне ся в него не въступати. А усхочеть ли брат мои молодшыи, князь великии Иван Федорович, служыти тобе, моему брату, королю и великому князю, и мне, великому князю Василью, про то на него не гневатьсе, ни мстити ему.

А верховъстии князи, што будуть издавна давали в Литву, то им и нинечы давати, а болшы того не примышляти.

А что ся вчынить межы вашыми людми и нашыми, и волостели нашы, зъехався вчынять тому исправу без перевода, а про то нам нелюбъя не держати. И о землях, и о водах, и о всих обидных делех на обе стороны меж нами суд от того веремяни обьчыи, как дяди твоего, великого князя Витовъта, в животе не стало.

А которыи люди с которых мест вышли доброволно, ино тым людем волным воля, где хотять, тут жывуть. А которые люди выведены отколе невольно, или к целованью прыведены, или за паруки подаваны ино их отпустити доброволно з их статъки к их местом, а целованье и паруки с них долов на обе стороны, по се нашо доконъчанье.

А што ся вчынить в нашои любви, а тому всему суд и оправа без перевода. А судьям нашым судити целовал[1] крест. А суженого не посужывати. А суженое, заемное, положеное, поручъное дати. А холопа, робу, должника, паручника, татя, разбоиника, беглеца, рубежъника по исправе выдати.

А послом нашым ездити без опаса. А гостем нашым гостити без рубежа и без пакости.

---

[1] *Так в рукописи.*

А на том на всем я, князь великии Василеи Васильевич московъскии, и новгородскии, и ростовскии, и пермъскии, и иных, и моя братья молодшая, князь Иван Анъдреевич, и князь Михаило Анъдреевич, и князь Василеи Ярославич, целовали есмо крест к своему брату, к Казимиру королю полскому и великому князю литовъскому, и рускому, жомоитскому, и иных, по любви, в правду, без хитрости.

И по сеи нашои грамоте нам правити.

А писан в лето 6950 седмое, инъдик 12, августа в 31 день.

Д и ДГ, № 53

1496 г. августа 19

ДОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РЯЗАНСКОГО ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА С КНЯЗЕМ ФЕДОРОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ

а) ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА КНЯЗЮ ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

[Божиею милостию] и пречистыа его богоматери, и по благословенью отца нашего Семиона, владыки рязанского и муромского, и по нашеи любви, на сем на всем, брате молодшии, князь Феодор Васильевич, целуи ко мне крест, к своему брату старишему, к великому князю Ивану Васильевичю.

[Держати ти меня] себе братом старишим. А мне, великому князю, держати тобя собе братом молодшим. А меня ти, великого князя, и мое великое княженье держати чесно и грозно, без обиды. А мне, великому князю, тебя держати в братстве, и в любви, [и во чти], без обиды. А хотети ти мне, великому князю, добра везде, во всем и до живота. И быти ти со мною, с великим князем, везде заодин, и до живота, на всякого недруга, и твоим детем с моими детми. А мне, великому князю, хотите ти добра, [моему] брату молодшему, везде, во всем, и до живота. И быти ми с тобою везде заодин, и до живота. А кто будет мне, великому князю, друг, и то и тебе друг. А хто будет мне, великому князю, недруг, то и тебе недруг. А что ти слышев [о моем добре или о ли]се от хрестьянина, или

от литвина, или от иноверца, то ти поведати нам в правду, без примышленья. А не канчивати ти, ни ссылатися ни с кем без моего веданья, великого князя. А мне, великому князю, тако жо без тобя не канчи [вати, ни ссылатися ни с кем. А с кем яз, князь] великии, буду в докончаньи, и мне с тем и тобя учинити в докончаньи. А с кем будешь ты в целованьи, и тебе к тому целованье сложити. А хто к тебе учнет присылати на наше лихо, и тебе то нам пове[дати в правду, без хитрости. А того тебе без моего] веданья не отпустити, кого к тебе пришлют. А мне, великому князю, тобя жаловати и печаловати ми ся тобою и твоею отчиною.

А чем тобя благословил отец наш, князь великии Василеи Иванович, да [и яз, князь великии Иван Васильевич], с своею матерью, великою княгинею Анною, отделили есмя тебе в Переаславли Перевитеск и Рязань Старую с волостьми, и с отъеждими месты, и того мне, великому князю, всего под тобою блюсти, и не оби[дети, ни вступатися, ни мо]им детем под твоими детми. А жити ми с тобою в Переславли по тому, как отделил тобя яз, князь великии, и мати наша, великаа княгини. А отчина ми твоа держати под тобою, и блюсти, и не обидети, ни вступатися, ни моим [детем под твоими детьми]. А чем меня благословил отец наш, князь великии Василеи Иванович, Переславлем, и Ростиславлем, и Пронском, и всеми волостьми, и со отъеждими месты, и всем великим княженьем, и тебе подо мною великого княженья не хоте[ти, ни твоим детем] под моими детми, ни обидити, ни вступатися.

А по грехом, отоимет бог меня, великого князя, и тебе под моими детми великого княженья не хотети, ни твоим детем под моими детми, и блюсти, и не обидети, [ни вступати]ся. А не будет у меня детеи, и мне, великому князю, великим княженьем благословити тобя, своего брата.

А отоимет бог тобя, нашего брата молодшаго, и мне, великому князю, в твою отчину не вступатися, ни моим детем под твоими детми. А не будет у тобя детеи, и тебе, моему брату, своеи отчины не отдати никоторою хитростью мимо меня, великого князя.

А что мати наша, великая княгини Анна, взяла у меня, у великого князя, из моего великого княженья четверть во всем, и то мати наша ведает до живота. А по грехом

отоимет бог матерь нашу, и та четверть моа и есть во всем. А тобе в то не вступатися. А что мати наша взяла у тобя, у моего брата, ис твоеи трети четверть, и то мати наша ведает до живота. А [о] тоимет бог матерь нашу, и та четверть твоя и есть со всем. А мне, великому князю, в то не вступатися.

А Орды знати и ведати мне, великому князю, и царевичев ясак Сатылганов, или хто инои царевич будет на том месте. А имати ми у тобя выход и царевичев ясак, с твоеи отчины треть, по старым дефтерем, по крестному целованью. А коли яз, князь великии, в Орду не дам и царевичю ясака, и мне и у тобя не взяти.

А где ми, великому князю, самому всести на конь, и тебе со мною самому поити. А где ми тобя послати, и тебе поити без ослушанья. А где пошлю своих воевод, и тебе послати с моими воеводами своего воеводу с людми. А делати ти велети мое дело в правду, без хитрости. А хто учнет тобя, моего брата, обидети, и мне с тобою стояти заодин, в правду.

А промеж нас роздел земли от Оки реки до Вакиных деревню, да по Голцово, да по Ивачеву деревню, а Вакиных деревня и Голцово в великого князя стороне, а Романовское село и Ивачева деревня во княжи Феодорове стороне, а от Ивачевы деревни...[1] на низ до речки до Мечи, да на низ по Мечи до речки до Пилеса, да Пилесом възверх по лесу по Каринскому к Мосоловскои деревни, а Мосоловская деревня во княжи Феодорове уделе, а от Мосоловскои деревни [вниз по Осетру до устья и по рубежу][2], те деревни, пашни свои, и ухожаи ведают по старине.

А рубеж Переславлю с Рязанью от Оки реки по Лубянои възверх направо к Переславлю, а налево к Рязани, а от верху Лубянои [по перевертам к Исьи, а от Исьи по] Щучеи възверх, а от Щучеи по перевертам к Исьи, да по Исьи на низ до устиа, да на низ по Оке реке до усть Прони, да Пронею възверх до жорновищ, от жорновищ подле лес позад заполья да позад березовои [поляны, до рубежа] до Мещерского, куде наши бояре ехали. А в лесе ходити

[1] *Лист с текстом разорван: в этом месте может уместиться около 15 букв.*

[2] *Лист с текстом разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.*

великого князя людем, и княжим Феодоровым, и владычним, и боярским все свои ухожаи по старине.

А что мое село Переславичи в твоем уделе [1], а сидят в нем мои холопи Шипиловы, и то село з данью, и с судом, и со всеми пошлинами мое, великого князя.

А что есмя, брате, отделили тебе княженеиских дворов в городе, и посад, и мелниц, и поле у города, и луг, и в городскои тамги треть, и мне, великому князю, в то не вступатися, ни моим детем под твоими детми. А города ти Переславля рубити, брате, своею отчиною треть. А что в городе в Переславли мои люди тяглыи, кои послов кормят, и мыта, и иные пошлины, и тебе в то не вступатися, ни твоим детем под моими детми. А что дворы в городе в Переславли, купля матери нашеи, великие княгине, и в тех дворех матери нашои воля.

А мне, великому князю, новых пошлин не замышляти, а тебе, моему [2] брату [3], в своеи отчине новых пошлин не замышляти. А ведати пошлины по старине. А в церковные нам пошлины не вступатися.

А что моя мордва деленая с водчинами во Цне, и в Корабугинском уезде бортники с оброки, и в Пластикове, и в Бовыкине, и в Вороножи, [и Дон], и рыбья ловля в моем великом княженьи, а Романцев весь мои, великого князя, и Братилов весь, и ясеновские бортники, и пронские бортники, и окологородные бортники, и волости мещерьские с оброки и со всеми доходы по старине, а те мои бортники, и мордва деленая со всеми доходы моя и есть, по старине. А что наши люди деленыи ловчане, и они свои места и ухожаи ведают по старине, и городские рыболове, истобники, псари, подвозники меховыи, подвозники кормовыи, и садовники, ястребьи, подвозники медовыи, и гончяры, неводчики, и бобровники, и иные кои мои люди деленыи, а конокормы по рубеж, и в то тебе, моему брату, во все не вступатися, ни подъискивати, ни твоим детем под моими детми.

А что наши села в Мордве на Цне [4] и на Украине, и те села ведати нам по записем.

---

[1] *Далее вачеркнуты слова* моего брата.
[2] *Слово* моему *вачеркнуто.*
[3] *Слово* брату *переправлено* в брате.
[4] *Слова на Цне написаны сверху.*

А что твоа мордва деленая во Цне, и в Корабугинском уезде бортники с оброки [1], и в Бовыкине, и в Воронежи в Верхнем, и Тешев весь, и в Дону реце жеребеи, и перевитские бортники, и рязанские бортники, и мещерские волости со оброки и с доходы по старине, что ся тебе в делу досталo, а что твои люди деленыи ловчане, и они свои места и ухожаи ведают по старине, и рязанские раболове, истобники, псари, подвозники меховые, и подвозники кормовые, и садовники, ястребьи, и подвозники медовые, и гончары, неводчики, бобровники, и иные которые твои люди деленые, а конокормы по рубеж, и мне, великому князю, в то во все не вступатися, ни моим детем под твоими детми.

А что есмя, брате, с тобою делили свою отчину по записем, и те у нас записи на обе стороне. А суд мужству по рубеж. А по судеревным [знаменам суд вопчеи].

[А в городе] в Переславле быти, брате, твоему третчику с моим наместником з болшим в душегубстве, и в розбои, и в татбе с поличным, и на посаде меж моих людеи, и твоих людеи, [и межи чьих людеи ни буди, ино] пристава даст мои наместник, великого князя. А прилучится твоего третчика пристав туто, и он с ним идет и на поруку даст. А не прилучится, и пристав моего наместника [один идет без твоего третчика пристава], и на поруку даст, и поставит перед моим наместником, и мои наместник судит. А твои третчик прилучится туто, и он с ним же судит, а не прилучится [туто, и мои наместник без него судит один], а твои третчик смотрит своего прибытка. Да и в-ыных делех во всяких на гостеи и на черных людеи, опричь кладежных людеи старых [2], кои послов кормят в Переславли, [пристава даст и судит мои] наместник, великого князя. А твои третчик прилучится тут, и он своего пристава даст, да и судит с моим наместником, а не прилучится тут, и мои [3] наместник судит без него, а твои третчик [в прибытке и в пошлинах] наместничих ведает свою треть. А коли приедут твои люди из твоего уделу в Переславль, а прилучится у них в Переславли душегубство, или розбои, и татба с поличным, и над ними суд в душегубстве и в поличном в Пе-

---

[1] *Слова* с оброки *зачеркнуты.*

[2] *Слово* старых *зачеркнуто.*

[3] *Слово* мои *написано сверху.*

реславли моего наместника и твоего третчика. А без моего наместника пристава приставу твоего третчика в душегубстве и в поличном на поруку не дати. А тобе, моему брату, своих людеи в Переславли в душегубстве, и в розбои, и в татбе с поличным самому не судити. А будет каково иное дело меж твоих людеи, которые живут в городе в Переславле и на посаде, опричь душегубства, и розбоя, и поличнаго, ино их судит твои приказщик, и доложит тобя, моего брата. А не будет тобя в Переславли, и ему дождати тобя, как будешь в Переславли. А ис Переславля твоему приказщику в твои удел тех людеи к тебе к докладу не водити.

А хто приедет в Переславль торгом, да протамжится, или твои человек приедет из твоего уделу в Переславль, да протамжится, ино в протаможьи даст на него пристава мои наместник, да и судит его один без твоего третчика. А кого перед ним в протаможьи утяжют, и он велит таможником взяти на нем протаможья два рубля, а ему взяти от суда четыре алтыны, и те четыре алтыны емлет мои наместник один, а твоему третчику ис тех четырех алтын нет ничего. А тобе, моему брату, в Переславли своих людеи в протаможьи не судити, ни твоему третчику.

А мне, великому князю, в душегубстве, и в розбои, и в татбе с поличным, и в протаможьи, и в какове деле ни буди, твоих людеи судити и казнити воля во всем. И на ком урку что яз, князь великии, продажи своему наместнику, и в том уроце твоему третчику треть.

А хто здешнии жилец, переславец, городскои человек, или загородскои, взыщет чего на твоем третчику, или на его тиуне, или на его доводчикех, ино его яз, князь великии, сам сужу, да и его тиуна, и его доводчиков.

А что дом великих мученик Бориса и Глеба, и отца нашего Семиона владыки в нашеи отчине, и волости, и села, и земли бортные, и воды, и мне, великому князю, во владычни волости, и села, и земли бортные, и в воды, не вступатися. А знают владычни люди мою, великого князя, дань, и ям, и город рубят. А суд мои, великого князя, [над владычними людьми в душегубстве], и в розбои, и в татбе. А меж моих людеи и владычних людеи суд и пристав вопчеи. А меж владычных людеи владычень суд.

А что в моеи отчине монастырские села, и земли бортные, и воды, [и мне, великому князю, в то не вступатися].

А меж своих людеи монастыри судят сами, и пристав их за их людми. А ведают своих людеи по старине.

А что великих мучеников Бориса и Глеба, и отца нашего Семиона владыки домовыи волости, и села, и земли бортные, и воды в твоеи отчине, моего брата, и тобе, моему брату, во владычни волости, и села, и земли бортные, и воды не вступатися. А знати владычним людем твоя, моего брата, дань, и ям, и город им рубити. А суд твои, моего брата, надо владычними людми в душегубстве, и в розбои, и в татбе. А меж твоих людеи и владычних людеи суд и пристав вопчеи. А меж владычних людеи владычнь суд.

А что в твоеи отчине монастырские села, и земли бортные, и воды, и тобе, моему брату, в то не вступатися. А меж своих людеи монастыри судят сами, и пристав их за их людми. А ведают свои люди по старине.

А хто имет жити твоих бояр, и детеи боярских, и слуг в моеи отчине, великом княженьи, и мне их блюсти, как и своих. А отчин ми у них и купленых земль не отнимати. А хто имет жити моих бояр, и детеи боярских, и слуг в твоеи отчине, и тобе их блюсти, как и своих. А отчин ти у них и купленых земль не отнимати. А хто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем и ехати, хто которому служит. А огородная осада, где хто живет, тому туто и сести, опрочь бояр введеных и путников. А бояром, и детем боярским, и слугам и хрестьяном меж нас волным воля.

А сел ти в моеи отчине, великом княженьи, не купити, ни закладнеи на держати. А мне, великому князю, в твоеи отчине сел не купити, ни закладнеи не держати.

А которых дел не искали до нашего докончанье, и тем делам на обе стороне суд. А даному, положеному, холопу, робу от века суд. А татя, беглеца по исправе выдати. А заемному, поручному, и всему обидному меж нас суд без перевода. А судьям нашим третеи волнои нашеи земли.

А пошлин с холопа с семьи два алтына, а с одинца алтын.

А на сем на всем, брате молодшии, князь Феодор Васильевич, целуи ко мне крест, к своему брату старишему, к великому князю Ивану Васильевичю, по любви, в правду, без хитрости.

А писана в Переаславле, лета 7004, августа в 19 день.

Помета на обороте листа (почерком XVI в.): Списки з грамот з докончалных с резанских великому князю Ивану з братом его, со князем Феодором, а самые грамоты докончалные с печятми лета . . ..[1] к резанскои к Огрофене с ее человеком с Медведем.

б) ГРАМОТА КНЯЗЯ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

Божиею милостию и перечистыа его богоматери, и по благословенью отца нашего Семиона, владыки рязанского и муромского, и по нашеи любви, на сем на всем, господине, брате старишии, князь велики Иван Васильевич, целуи ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Феодору Васильевичу.

Дръжати ти, господине, меня собе братом молодшим. А мне тебя, своего господина, великого князя, держати себе братом стареишим. А тебя ми, господине, великого князя, и твое великое княженье держати честно и грозно, без обиды. А тебе, великому князю, меня держати в братстве, и в любви, и во чти, без обиды. А хотети ми, господине, тебе, великому князю, добра везде, во всем, и до живота. И быти ми, господине, с тобою, с великим князем, везде заодин, и до живота, на всякого недруга, и моим [детем с тво]ими детми. А тебе, господине, великому князю, хотети ти добра мне, своему брату молодшему, везде, во всем, и до живота. И быти ти, господине, со мною везде заодин, и до живота. А кто, господине, будет тебе, великому князю, друг, то и мне друг. А кто, [господине, будет] тебе, великому князю, недруг, то и мне недруг. А что ми, господине, слышев о твоем добре или о лисе от хрестианина или от литвина, или от иноверца, то ми тебе поведати в правду, без примышленьа. А не канчивати ми [господине], ни съсылатися ни с кем без твоего веданьа, великого князя. А тобе, великому князю, тако ж без меня не канчивати, не съсылатися ни с кем. А с кем, господине, князь великии, будешь ты в докончяньи, и тебе, господине, и меня учинити с тем в докончяньи. А с кем, господине, яз буду в цело[ваньи, и] мне к тому целованье сложити. А кто, господине, учнет ко мне присылати на наше лихо,

[1] *Текст стерт.*

и мне тебе то поведати в правду без хитрости. А того мне без твоего веданьа не отпустити, кого ко мне пришлют. А тебе, господине, князь великии, меня жаловати, и печяловати ти ся мною и моею отчиною.

А чем меня, господине, благословил отец наш, князь велики Василеи Иванович, да и ты, князь велики Иван Васильевич, с нашею матерью, великою княгинею Анною, отделили есте мне в Переславли Пе[ревитеск] и Резань Старую с волостми и с отъеждими месты, и того ти, господине, князь великии, всего подо мною блюсти, и не обидети, ни въступатися, ни твоим детем под моими детми. А жити ми, господине, с тобою, с великим князем, в Переславли по то[му, как отде]лил меня ты, князь великии, и мати наша, великаа княгини. А отчина ти, господине, моа держати подо мною, и блюсти, и не обидети; ни вступатися, ни твоим детем под моими детми. А чем, господине, князь великии, благословил теб[я отец наш], князь велики Василеи Иванович, Переславлем, Ростлиславлем, Пронском, и всеми волостми, и с отъеждими месты, и всем великим княженьем, и мне, господине, князь великии, под тобою великого княженья не хотети, ни моим дет[ем под] твоими детми, и того всего блюсти под тобою великим князем, и под твоими детми моим детем, и не обидети, ни въступатися.

А по грехом, господине, отоимет бог тебя, великого князя, от нас, и мне, господине, под твоими детми великого княжениа не хотети, ни моим детем, и блюсти, и не обидити, ни вступатися. А не будет, господине, у тебя детеи, и тебе, великому князю, великим княжением благословити меня, своего брата.

А отоимет бог меня, и тобе, господине, великому князю, в мою отчину не въступатися, и твоим детем под моими детми. А не будет у меня детеи, и мне, господине, своеи отчины не отдавати никоторою хитростью мимо тебя, великого князя.

[А что мати наша, великая княгиня Анна], взяла у тебя, у великого князя, ис твоего великого княжениа четверть во всем, и то мати наша ведает до живота. [А по грехом, отоимет бог матерь нашу, и та четверть твоа и есть со всем. А мне в то не вступатися. А что мати наша взяла у меня], у твоего брата, из моеи трети четверть, и то мати

наша ведает до живота. [А отоимет бог матерь нашу, и та четверть моа и есть со всем. А тебе, господине, великому князю, в то не вступатися].

[А Орда знати и ведати тобе, великму князю], и ясак царевичев Сатылганов, или инои кто царевич на том месте будет. А имати ти у меня [выход и царевичев ясак, с моеи отчины треть, по старым дефтерем, по крестному целованью. А коли ты, господине, князь велики], в Орду не дашь и царевичю ясака, и тебе и у меня не взяти.

А где тобе, великому князю, самому всести на конь, и мне с тобою самому поити. [А где ты меня послати, и мне поити без ослушанья. А где пошлешь своих воевод, и мне послати] с твоими воеводами своего воеводу с людми. А делати ми велети твое дело в правду, без хитрости. А кто учнет меня обидити, и тебе со мною стояти заодин в правду.

[А промеж нас роздел] земли от Оки реки по [Вакиных деревню, да по Голцово], да по Ивачеву деревню, а Вакиных деревня и Голцово в великого князя стороне, а Романовское село и Ивачева деревня во княже Феодорове стороне. А от Ивачевых деревни по р. . . . . .[1] на низ до речки до Мечи, да на низ по Мечи до речки до Пилеса, да Пилесом въверх по лесу по Каринскому к Мосоловскои деревни, а Мосоловскаа деревня во княже Феодорове уделе, а от Мословскои деревни вниз по Осетру до устья, [и по рубе]жу, те деревни, пашни свои, и ухожаи ведают по старине.

А рубеж Перславлю с Рязанью от Оки реки по Лубянои въверх направо Переславлю, а налево к Рязани, а от верху Лубянои по перевертам к Тысьи, а от Тысьи по Щучеи верх, а от Щучеи по перевертам к Исьи, да по Исьи на низ до устья, да вниз по Оке реке до усть Прони, да Пронею въверх до жерновищ, а от жерновищ подле лес позад заполья, за позад березовои поляны до рубежа до Мещерского, куде наши бояре ехали. А в лесе ходити великого князя людем, и княжим Феодоровым людем, и владычним, и боярским все свои ухожаи по старине.

---

[1] *Лист с текстом разорван: в этом месте может уместиться около 10 букв.*

А что твое село Переславичи, в моем уделе, твоего брата, а седят в нем твои холопи Шипиловы, и то село з данью, и с судом, и со всеми пошлинами твое, великого князя.

А что есте, господине, отделили мне княженеиских дворов в городе, и посад, и мелници, и поле у города, и луг, а в городскои тамге треть, и тобе, великому князю, в то не вступатися, ни твоим детем под моими детми. А города ми, господине, Перславля рубити треть своею отчиною. А что в городе Переславли твои люди тяглыи, которыи послов кормят, и мыта, и иныи пошлины, и мне в то не вступатися, ни моим детем под твоими детми. А что в городе в Переславли дворы, купля матери нашие, великие княгини, и в тех дворех матери нашей воля.

А тебе, великому князю, новых пошлин не замышляти. А мне, господине, в своеи отчине новых пошлин не замышляти. А ведати пошлины по старине. А в церковныи нам пошлины не вступатися.

А что, господине, твоа мордва деленаа с отчинами на Цне и в Карабугинском уезде бортники с оброки, и в Пластикове, и в Вороножи, и Дон, и рыбья ловля в твоем великом княженьи, и Романцев весь твои, великого князя, и Братилов весь, и ясеневскии бортники и пронские бортники, и окологородныи бортники, и волости мещерскии с оброки и со всеми доходы по старине, а те твои бортники и мордва деленаа со всеми доходы твоа и есть, по старине. А что твои люди деленыи ловчяне, и они свои места и ухожаи ведают по старине, и городскии рыболове, истобники, псари, подвозники меховыи, подвозники кормовыи, садовники, ястребьи, подвозники медовыи, гончары, неводщики, бобровники, и иныи кои твои люди деленыи, а конокормы по рубеж, и в том мне, твоему брату, во все не вступатися, ни подъискивати, ни моим детем под твоими детми.

А что наши села в Мордве на Цне и на Украине, и те села ведати нам по записем.

А что моя мордва деленаа во Цне, и в Карабугинском уезде бортники, и в Бовыкине, и в Вороножи в Верхънем, и Тешов весь, и в Дону реце жеребеи, и перевитские бортники, и рязанскии бортники, и мещерские волости с оброки и з доходы по старине, что ся мне в делу достало.

А что мои люди деленыи ловчяне, и они свои места и ухожаи ведают по старине, и рязанскии рыболове, истобники, псари, подвозники меховыи, подвозники кормовыи, садовники, ястребьи, подвозники медовыи, гончяры, неводчики, бобровники, и иныи кои мои люди деленыи, а конокормы по рубеж, и тобе, великому князю, в то во все не въступатися, ни твоим детем под моими детми.

А что есмя, господине, делили с тобою свою отчину по записем, и те записи у нас на обе стороны. А суд мужству по рубеж. А по судеревным знаменам суд вопчеи.

А в городе в Переславли быти, господине, моему третчику с твоим наместником з болшим в душегубстве, и в розбои, и в татбе с поличным, и на посаде меж твоих людеи и моих людеи, твоего брата, и меж чьих людеи ни буди, ино пристава даст твои наместник, великого князя. А прилучится моего третчика пристав туто, и он с ним идет и на поруку даст. А не прилучится моего третчика пристав, и твоего наместника пристав один идет, и на поруку даст, и поставит перед твоим наместником, и твои [наместник] судит. А мои третчик [прилучится туто, и он с ним жо судит], а не прилучится туто и твои наместник без него судит, а мои третчик смотрит своего прибытка. Да и в-ыных делех во всяких на гостеи и на черных людеи, опрочь кладежных людеи, кои послов кормят в Переславли, [пристава даст и судит твои] наместник, великого князя. А мои третчик прилучится туто, и он своего пристава даст, да и судит с твоим наместником, а не прилучится туто, и наместник твои судит без него, а мои третчик [в прибытке и в пошлинах наместничих] ведает свою треть. А коли приедут мои люди из моего уделу в Переславль, а прилучится у них в Переславли душегубство, или разбои, татба с поличным, и над ними суд в душегубстве и в поличном в Переславли твоего наместника и моего третчика. А без твоего наместника пристава приставу моего третчика в душегубстве и в поличном на поруку не дати. А мне, твоему брату, своих людеи в Переславли в душегубстве, и в разбои, и в татбе с поличным самому не судити. А будет каково иное дело меж моих людеи, которые живут в городе в Переславле и на посаде, опрочь душегубства, и разбоя, и поличного, ино их судит мои приказщик и доложит меня. А не будет меня в Переславли, и

ему, дождати меня, как буду в Переславли. А из Переславля моему приказщику в мои удел тех людеи ко мне к докладу не водити.

А кто приедет в Переславль торгом, да протамжится, или мои человек приедет из моего уделу в Переславль, да протамжится, ино в протаможьи дасть на него пристава твои наместник да и судит его один без моего третчика. А кого перед ним в протаможьи утяжут, и он велит на нем взяти таможником протаможья два рубля, а ему от суда взяти четыре алтыны, и те четыре алтыны емлет наместник твои один, а моему третчику из тех четырех алтын нет ничего. А мне, твоему брату, в Переславли своих людеи в протаможьи не судити, ни моему третчику.

А тобе, великому князю, в душегубстве и в разбои, и в татбе с поличным и в протаможьи, и в каковове деле ни буди, моих людеи судити и казнити воля во всем. А на ком что урчешь ты, князь велики, продажи своему наместнику, и в том уроце моему третчику треть.

А хто здешнеи жилец, переславец, городскои человек, или загородскои, взыщет чего на моем третчике, или на его тиуне, или на его доводчикех, ино его ты, князь велики, сам судишь, и его тиуна, и его доводчиков.

А что дом великих мученик Бориса и Глеба, и отца нашего Семиона владыки в твоеи отчине, волости и села, и земли бортныи, и воды, и тобе, великому князю, во владычни волости, и села, и земли бортныи, и в воды не вступатися, а знают владычни люди твою, великого князя, дань, и ям, и город рубят. А суд твои, великого князя, надо владычними людми в душегубстве, и в разбои и в татбе. А меж твоих людеи и владычних людеи суд и пристав вопчеи. А меж владычних людеи владычнь суд.

А что в твоеи отчине монастырскии села, и земли бортныи, и воды, и тобе, великому князю, в то не въступатися. А меж своих людеи монастыри судят сами, и пристав их за их людми. А ведают своих людеи по старине.

А что великих мученик Бориса и Глеба, и отца нашего Семиона владыки домовыи волости, и села, и земли бортныи, и воды в моеи отчине, и мне во владычни волости, и села, и земли бортныи, и в воды не въступатися. А знати владычним людем моя дань и ям и город им

рубити. А суд мои надо владычними людми в душегубстве, и в разбои, и в татбе. А меж моих людеи и владычних людеи суд и пристав вопчеи. А меж владычних людеи владычнь суд.

А что в моеи отчине монастырские села, и земли бортныи, и воды, и мне в то не вступатися. А меж своих людеи монастыри судят сами, и пристав их за их людми. А ведают свои люди по старине.

А хто имет жити моих бояр, и детеи боярских, и слуг в твоеи отчине, в великом княженье, и тебе их блюсти, как и своих. А отчин ти у них и купленых земель на отнимати. А хто имет жити твоих бояр, и детеи боярских, и слуг в моеи отчине, и мне их блюсти, как и своих. А отчин ми у них и купленых земель не отнимати. А хто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем и ехати, которому служит. А городная осада, где хто живет, тому туто и сести, опрочь бояр въвведеных и путников. А бояром, и детем боярским, и слугам, и хрестьяном межи нас волным воля.

А сел ми в твоеи отчине, в великом княженье, не купити, ни закладнеи не держати. А тобе, великому князю, в моеи отчине сел не купити, ни закладнеи не держати ти.

А которых дел не искали до нашего докончанья, и тем делом на обе стороны суд. А даному, положеному, холопу, робе от века суд. А татя и беглеца по исправе выдати. А заменому, и поручному и всему обидному меж нас суд бес перевода. А судьям нашим третеи волнои нашия земли.

А пошлин с холопа с семьи два алтына, а с одинца алтын.

А на сем на всем, господине, брате старииши, князь велики Иван Васильевич, целуи ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Феодору Васильевичю, по любви, в правду, без хитрости.

А писана в Переславли, лета 7004, августа 19.

Внизу подпись: Смиренныи епископ Семион резаньскои и муромскои.

Д и ДГ. № 84

[1504 г. март — июня 16]
ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА

Во имя святыя и жывоначялныя троица, отца и сына и святаго духа, и по благословению отца нашего Симона, митрополита всеа Русии се яз, многогрешныи и худыи раб божии Иван, при своем жывоте, в своем смысле, пишу сию грамоту душевную. Даю ряд своим сыном, сыну своему Василью и меншим своим детем, Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею.

Приказываю детеи своих менших, Юрья з братьею, сыну своему Василью, а их брату стареишему. А вы, дети мои, Юрьи, Дмитреи, Семен, Андреи, дръжыте моего сына Василья, а своего брата стареишаго, в мое место, своего отца, и слушаите его во всем. А ты, сын мои Василеи, дръжы свою братью молодшую, Юрья з братьею, во чти, без обиды.

Благословляю сына своего стареишаго Василья своею отчиною, великими княжствы, чем мя благословил отец мои, и что ми дал бог. А даю ему город Москву с волостьми, и с путми, и з станы, и з селы, и з дворы з городцкими со всеми, и з слободами, и с тамъгою, и с пудом, и с померным, и с торги, и с лавъками, и з дворы з гостиными, и со всеми пошлинами, и з Добрятинским селом, и з бортью, и с Василцовым стом, да числяки и ординцы. А мои дети, Юрьи, Дмитреи, Семен, Андреи, у моего сына у Василья, а у своего брата у стареишаго, в числяки и в ординцы не въступаются ни во что, ни в земли их, ни в воды не въступаются, и не обидят их ничем.

Да ему ж даю селцо Семчинское, и з дворы з городцкими, и з Самъсоновым лугом, да село Воробьево, и с Володимеровским, и з Семеновским, и с Воронцовским, и с Кадашовым, и з деревнями, как было при мне. Да ему ж даю селцо Воронцовское на Яузе, где мои двор, и з дворы з городцкими со всеми по обе стороны Яузы, и с мелницами, как было при мне, да монастырь Лыщыково и з дворы, да Ильинскую слободку, со всем, по тому, как есми выменил у Андронникова монастыря.

А сын мои Василеи дръжыт на Москве большего своего наместника по старине и как было при мне,

а другово своего наместника дръжыт на Москве на княж Володимеровскои трети Андреевича, что была дана братие моеи, Юрью да Андрею.

А что которые мои дворы вънутри города на Москве, и за городом на посадех, и сады мои все, и пустые мои места по посадом, то все сыну моему Василью. А что которые мои дворы внутри города на Москве и за городом за моим бояры, и за князми, и за детми боярскими, и за дворяны за моими, и за дворцовыми людми, и за конюхи, и за мастеры за моими, и те все дворы сыну же моему Василью. А у кого будут у бояр, и у князеи, и у детеи у боярских вънутри города на Москве и за городом на посадех дворы их, отчины и купли, или кому буду дал на Москве вънутри города и за городом по посадом на дворы грамоты свои жаловалные прочные, и сын мои Василеи в те дворы у них не въступается.

Да что были к Дмитрову приданы волости Московские: Рогож, Воря, Корзенево, Шерна городок, Сулишин и с Новым селом, и яз те волости даю к Москве со всем по старине сыну своему Василью. Да ему ж даю волости Сурожык, да Лучинское, да Радонеж с волостми, и з путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да треть Мушкову с мытом с Лопским.

Да даю ему город Коломну с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Кошыру с Заречьем, что за рекою за Окою, Тешилов, и Рославль, и Венев, и Мъстиславлъ, и иные места по Рязанскои рубеж, и с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и сь Елчем, и со всеми Елечскими месты, город Серпохов да Хотунь, и с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Торусу з Городцом, и с-Ысканью, и с Мышегою, и с Колодною, и со княгининскою вотчиною Овдотьиною, город Мченеск с волостьми, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло.

Да ему ж даю город Воротынеск, и с Лагинском, и с Краишиным, и с-ыными месты, со всем с тем, как был за Воротынскими. А что есми променил князю Михаилу Мезетцкому на его жеребеи на Месческ в Стародубе Олексин, и он дръжыт по меновнои грамоте, а суд и дань сына моего Васильево.

А князи новосилские, одоевские, и белевские, и з своими детми, и з своими вотчинами, и что к их вотчинам потягло, сыну же моему Василью к нашему великому княжству.

Да сыну же моему Василью даю город Боровеск с волостьми, и путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з Суходолом, и с-Ыстьею, и с-Ыстервою, и с Красным селом, и с Кременцом, и с Песочною з болшею, и з слободкою со Осны на Шане, что садил Василеи Карамышев, город Ярославец с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем с тем, как был за князем Михаилом Андреевичем, город Медынь, и Радомль, и с Вешками по Угру, да на Шане слобода, что Товарков садил, по Угру ж, и с Песочною с меншею, и з слободами, что садили Андреи Картъмазов, да Митя Загрязскои, да Ивашко Гладкои. А что Филиповых детеи Полтева села и деревни на сеи стороне Угры, и те села и деревни со всем, что к ним потягло, к Медыни сыну же моему Василью.

Да ему ж даю город Можаеск с волостьми, и с путми и з селы, и со всеми пошлинами, и з Чягощъю, и с Турьевым и с Ореховною, и с Могилном, и с Миченками, и с Шатешью, и з Сулидовым, и з Дмитровцом по обе стороны Угры, и с ыными месты, что к ним потягло, город Вязму, и Козлов с волостьми, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем с тем, что к Вязме и х Козлову и ко всем вяземским местом потягло, как было при мне.

Да сыну ж своему Василью даю город Дорогобуж с волостьми, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло, да волости дорогобужские Погорелая, Негомле, Хотомичи, Холм, Бятино, Прость, селцо Заопье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редынь, по реце Уже Устье, Косково, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климова, слободка владычня в Чертъкове, селцо Путятино з деревнями, Игумнова, Мъстиславец, Ощытов, Жулин, Мошкова гора, Лучин городок, Великое поле, Лопатино, Копылеа и Ужыца, Ведрошь и Озерища, Серковы луки, со всем с тем, что к Дорогобужу и к тем волостем и селом потягло, как было при мне.

Да сыну ж своему Василью даю город Переаславль с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з Солью. Да что были к Дмитрову приданы волости

переаславльские Серебож, Рожественое, Бускутово, и яз те волости даю к Переяславлю с всем по старине сыну своему Василью.

Да ему ж даю город Володимерь с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с Муромским селцом, и з Шатуром, и с Колушкою, и с Вышелесом, и с Островом, город Юрьев с волостьми, и с путми, и з селы, и с Великою Солью, и со всеми пошлинами, город Суздаль с волостьми, и с путми, и з селы и со всеми пошлинами, да Солцу Малую обе половины, город Ростов с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з Солью, город Ярославль с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с Ухрою, и з селом с Петровским, и з деревнями, и слободку Охлябининскую и с мытом, и княж Васильевъскую вотчину Щетинина Касть со всем, да Инопаж и з Селцом и сь езом, что на Волзе под Рыбною слободою противу Инопажа и Селца. А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуде. А хто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не въступается, ни у их жон, ни у их детеи. Город Романов городок с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами.

Да сыну же своему Василью даю Усть-Шокъстны по обе стороны погосты и з деревнями княж Васильевъские и княж Семеновские Шохонских, и с езы, и с рыбною ловлею, и со всеми пошлинами, по тому, как было за моею матерью, за великою княгинею, да волости Заволожъские по обе стороны реки Шокстны княж Ивановские Андреевича, и села, и деревни, что были за моею матерью, за великою княгинею, а волости Шохонские, Луковесь, Арбужовесь, Маткома, Веретея Болшаа, городок Княжычи, Песье село, Всесвятцкое, Волское и с Окишовским селом. и с Вонгуем, Патробал, Рунаи, и с Шагатью, и з слободками с Кештомою и с Шелшедамом, Белое село, Шыгораш и с-ыными волостьми, и з селы, и з деревнями, и сь езы, и с рыбною ловлею, и со всеми пошлинами, со всем с тем, как было за моею матерью, за великою княгинею, и с Петровскими Костянтиновича селы и з деревнями, и что были в Шокстне ж волости бабы моее, великие княгини Софьи, Усть-Углы да Веретеика Малая, и те волости и сь езы,

и с рыбною ловлею, и со всеми пошлинами сыну ж моему Василью.

Да сыну же своему Василью даю город Белоозеро с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем с тем, как было при мне, город Вологду с волостьми, и путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да Заозерье, и с Кубеною, и с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Устьюг и с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да Вычегду, и Вымь, и Удору, и Сысолу, и со всеми их месты, да в Заволотцкои земле Ростовщину, Пинега, и Кегрола, и Чякола, Прьмъские, Мезень, Немъюга, Пильи горы, Пинешка, Выя, Тоима, Кирьи горы, Емъскаа гора на Вазе со всем, и Онтонова перевара, Корболскои остров, Шогогора, Керчела, Сура поганаа, Лавела, и с-ыными месты, что к тем волостем потягло, да Югру и Печеру со всем, да Пермь Великую со всем, да город Кострому, и с Плесом, и с Нерехтою, и с-Ыледамом, и с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Галич с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з Солью, и с Унжею, и с Чюхломою, и со всем, что к Галичю, и к Унже, и к Чюхломе из старины потягло, да Новгород Нижнеи с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Новугороду потягло. А которые села и деревни в Новегороде в Нижнем за моими князми, и за бояры, и за детми за боярскими за кем ни буди, и то все сыну же моему Василью.

Да ему же даю город Муром с волостьми и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами и с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло, да Мещера с волостьми, и з селы, и со всем, что к неи потягло, и с Кошковым, да князи мордовские все, и з своими отчинами, сыну же моему Василью. Да сыну же своему Василью даю Вятцкую землю всю, городы и волости, и со всем, что к неи потягло, и с арскими князми, как было при мне.

А что есми пожаловал князя Феодора Ивановича Белского, дал есми ему в вотчину город Лух с волостьми, да волости Вичюгу, да Кинешму, да Чихачев, и князь Феодор и его дети служат сыну моему Василью, а ту свою вотчину дръжат по тому, как было при мне. А отъедет князь Феодор или его дети от моего сына от Василья к моим

детем к меншим, или х кому ни буди, и та его вотчина Лух и с теми волостьми сыну моему Василью.

Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, великим княжеством Тферским, даю ему город Тферь и Городен с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами по тому, по каа места писал ко Тфери писец наш князь Феодор Алабыш, город Клин с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, по тому, по каа места писал писец наш Петр Лобан Заболотцкои, опричь того, что есми променил своим братаничем, Борисовым детем Феодору да Ивану, от Тферские земли, Буигород, да Колпь, и в то сын мои Василеи не въступается. А которые князи служебные в Московскои земле и во Тферскои земле, и те князи все служат сыну моему Василью, а вотчины свои дръжат по тому, как было при мне. А кто тех князеи служебных от моего сына от Василья отъедет к моим детем к меншим, или х кому ни буди, и тех князеи вотчины сыну моему Василью.

Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, великим княженьем Новогородским, даю ему Великии Новгород со всем, с пятью пятинами, с волостьми, и с погосты, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з городы: Ивангород, Яма город, Копорья город, Орешек город, Ладога город, Деман город, Куръгород, Порхов город, Высокои город, Кошкин город, Руса город. А дал есми ему ты городы все с волостьми, и с погосты, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да город Торжок с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами. Да в Новгородскои ж земле даю ему город Холм, и Велилю, и Буец, и Лопастици, и с-ыными месты, со всем, что к ним потягло, да город Луки Великие с волостьми, и с погосты, и со всеми пошлинами, да Лутцкие ж волости, Пуповичи, Вяз, Чяспла, Коротаи, Дубно, Комша, и с-ыными месты, что к ним потягло, да Ржеву Пустую с волостьми, и с погосты, и со всеми пошлинами, до Корелскую землю всю, Корелскои город с волостьми, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем с тем, что х Корелскои земле потягло, и с Лопью с лешею, и с дикою Лопью. Да сыну же своему Василью даю Заволотцкую землю всю Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велскои погост, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволотцкую землю.

Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, даю ему город Пъсков, и з городы, и с волостьми, и з селы, и всю землю Пъсковскую.

Да сыну же своему Василью даю город Торопец с волостьми, и с погосты, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло, да волости Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберово, Старцева, Нежелскаа, Велижскаа, Плавеетцкаа, Жыжетцкаа, Озерскаа, Казариновскаа. Да ему ж даю город Острее с волостми и со всем, что к нему потягло, а волости Березаи, Невле, Усваи, Ловцо, Веснеболого со всем с тем, что к Торопцу и к Острею, и к тем волостем потягло, как было при мне.

А что ми дал сестричич мои, князь Феодор Васильевич рязанской, свою отчину на Рязани в городе и на посаде свои жеребеи, и Старую Рязань и Перевитебск, с волостьми, и с путми, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами, по тому, как ся делил с своим братом, со князем с-Ываном, и яз ту его вотчину, жеребеи в городе на Рязани и на посаде, и Старую Рязань и Перевитебск с волостьми, и с путми, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами, по тому, как ся делил с своим братом, со князем с-Ываном, и яз ту вотчину жеребеи в городе на Рязани и на посаде, и Старую Рязань и Перевитебск с волостьми и с путми, и з селы, и з бортью, и з тамгою и со всеми пошлинами, со всем по тому, как было за князем за Феодором, даю сыну своему Василью.

Да благословляю сына своего Василья и детеи своих менших, Юрья, Дмитрея, Семена, Андрея, в Москве годом княж Костянтиновским Дмитреевича, что был дан брату моему Юрью, да годом княжым Петровским Дмитреевича, что был дан брату моему Андрею Меншому, да годом княж Михаиловским Андреевича. А дръжыт сын мои Василеи и мои дети меншие, Юрьи з братьею, на тех годех на Москве своих наместников, переменяя пять лет по годом.

А что был дан брату моему Борису в Москве год княж Ивановскои Андреевича, и тот год приходил брата моего Борисовым детем обема дръжати на Москве своего наместника, на шостои год, и братанич мои Иван ту полгоду дал мне, и яз ту полгоду даю сыну своему Василью, и братанич мои Феодор с сыном с моим с Васильем тот шостои

год дръжат по полгоду, сын мои Василеи дръжыт своего наместника полгоду, а братанич мои Феодор дръжыт своего наместника пол же году.

Да детем своим меншим, Юрью з братьею, даю дворы внутри города у Рожества Христова, Петровскои, да Ивановскои, да Микитинскои Костянтиновичев, да княж Александровскои двор Оболенского, да Васильевъскои двор Сабурова, да княж Васильевъскои двор, да княж Феодоровскои, княж Васильевых детеи Оболенского, да княж Ивановскои двор Стригин, да Ивановскои двор Борисова, да дву Иванов Володимеровых детеи Семенова, да Иванов Михаилова сына Семенова, да Григорьевскои двор Бабин, да Васильевъскои двор Тучков, да где мои портные мастеры живут, Ноздря, да Кузнецов, да Ушак, по Новую улицу, что идет улица от площади к Фроловским воротам, а от площади до каа места колье бито, а дети мои, Юрьи з братьею, те места меж собя поделят поровну.

Да сыну своему Юрьи даю на Москве селцо Сущово з дворы з городцкими с посадными, а по котораа места дал есми ему те дворы городные, и яз ему дал список за своею печатью и за дьяка своего подписью. А из московских сел даю ему село Лыткино з деревнями.

А сыну своему Дмитрею даю на Москве селцо Напрудцкое з дворы з городцкими с посадными, а по котораа места дал есми ему те дворы городные, и яз ему дал список за своею печатью и за дьяка своего подписью. А из московских сел даю ему Озеретцкие села Старое да Новое з деревнями.

А сыну своему Семену даю на Москве селцо Луцинское, и с мелницею, и со псарнею, да слободку княж Васильевъскую Ромодановского, а по котораа места дал есми ему ту слободку и селцо, и яз ему дал список за своею печатью и за дьяка своего подписью. А из московских сел даю ему Розсудовские села за Похрою, Зверево да Бораново, з деревнями, что есми выменил у братних детеи у Борисовых.

А сыну своему Андрею даю на Москве за рекою слободку Колычевскую да монастырь Рожество пречистые на Голутвине, а по котораа места дал есми ему ту слободку и монастырь, и яз ему дал список за своею печатью и за дьяка своего подписью. А из московъских сел даю ему

село Ясенево, да село Сарыево, да Юдино з деревнями.

А из тамги из московские и из всех пошлин сын мои Василеи дает детем моим, а своеи братье молодчеи, Юрью з братьею, на всякои год по сту рублев: Юрью сто рублев, Дмитрею сто рублев, Семену сто рублев, Андрею сто рублев.

А что есми дал детем своим, Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею, в Москве годы, как им своих наместников дръжати, и дворы им внутри города, и что есми им дал селца у Москвы, и дворов городцких, и денег из тамги, и сел в московских станех, и они то ведают, как им в сеи духовнои грамоте писано. А опричь того у моего сына у Василья, а у своего брата у стареишего, на Москве в дворы в городные, и на посадех в дворы, и в тамгу во всю, и в пошлины во все, так же и в станы, и в волости, и в пути, и в села в московские во все не вътупаются ни во что, а ведают то по тому, как им в сеи духовнои грамоте писано.

Да благословляю сына своего Юрья, даю ему город Дмитров с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, опричь переславских волостеи, Серебожа, Рожественого, Бускутова, что есми дал сыну Василью к Переаславлю, и опричь замосковских волостеи, что есми их дал сыну же своему Василью к Москве, и в те волости сын мои Юрьи у моего сына у Василья, а у своего брата у стареишаго, не въступается ничем. А что в Дмитровском уезде, в-Ынобаже, деревни Тешиловские за моим дьяком за Одинцом, и те деревни сыну же моему Юрью к Дмитрову, а сын мои Василеи в те деревни в Тешиловские, в-Ынобаже, у сына моего у Юрья не въступается и не тянет их к Тешилову ничем. Да сыну же своему Юрью даю к Дмитрову ис переаславских волостеи Юлку и з бортным станом, и в те волости сын мои Василеи у моего сына у Юрья не въступается ничем. Да ему же даю город Звенигород с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да волость Шопъкову со всем. Да сыну же своему Юрью даю во Тферскои земле город Кашин с волостьми, с путми, и з селы, и со всеми пошлинами по тому, по каа места писал х Кашину писец наш Василеи Карамышев. А что ми дал братанич мои, князь Иван Борисович,

свою отчину город Рузу с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с теми волостьми, и з станы, что ся делил з братом с своим с Феодором от Волока, опричь Рюховского села з деревнями, что дал братанич мои Иван брату своему Феодору, и яз город Рузу с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с теми волостьми, и з станы, что ся делил з братом с своим с Феодором от Волока, даю сыну своему Юрью, со всем с тем, по тому, как было за моим братаничем за Иваном, опричь Рюховского села з деревнями. Да сыну же своему Юрью даю город Брянеск с волостьми, и с погосты, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к Брянску потягло, да волости Соловьевичи, Прикладни, Пацын, Феодоровскаа, Осовик, Покиничи, Сухарь, Въсеславль, Вороница, Жерын, Батогова, Хвощна, Пиянова, Волконеск. Да ему ж даю город Серпееск с волостми и со всем что к нему потягло, а волости Замошье, Тухачев, Дегна, Фоминичи, Погостище, Ковылна, Ближевичи, Любун, Снопоть, Даниловичи, Шуя, Демена, Ужеперет, Чернятици, Городечна, Мощын, да Гнездилово, что была вотчина князя Александра княж Иванова сына Гнездиловского со всем с тем, что к Брянску, и к Серпеиску, и к тем волостем потягло, как было при мне.

Да благословляю сына своего Дмитрея, даю ему город Углече поле с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с Устюжною, и с Рожаловым, и с Велетовым, и с Кистьмою, и со всем, с тем, что к Углечю и к тем волостем потягло, город Мологу и з Глебовых вотчиною, и с езы на Волзе и на Молозе, со всем, по тому, как было при мне. А что есми торг с Холопья городка на Мологу, и тот торг торгуют на Молозе съезжаяся, как было при мне, а сын мои Дмитреи емлет пошлины, как было при мне, а лишних пошлин не прибавливает ничего, а сын мои Василеи и мои дети того торгу на свои земли не сводят, ни заповеди в своих землях не чинят к тому торгу ездити. Да ему ж даю город Хлепен, и с Рогачевым, и с Негомирем, с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами. Да в Тферскои земле даю ему город Зубцов с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Опоки с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, по тому, по каа места писал к Зуб-

цову и к Опокам писец наш Дмитреи Пешков. А что ми дал братанич мои, князь Иван Борисович, свою отчину половину Ржевы с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, по тому, как ся делил с своим братом с Феодором, и яз половину Ржевы с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами даю сыну же своему Дмитрею со всем по тому, как было за моим братаничем за Иваном. Да сыну же своему Дмитрею даю город Месческ с волостми, и с погосты, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло, как был за мезетцкими князми, город Опаков, со всем, что к нему потягло, да волости Залидов, Недоходово, Лычино, Бышковичи по Угру со всем с тем, что к Опакову и к тем волостем потягло, как было при мне.

Да благословляю сына своего Семена, даю ему город Бежытцкои Верх с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Колугу с волостми, и с путми, и з селы и со всеми пошлинами. Да сыну же своему Семену даю город Козелеск с волостми, и з селы, а волости Козелские: Серенеск, да Людимеск, да Коробки, и Вырки, на Вырке на реке волости Сенища, да Сытичи, да Выино, и с-ыными месты, да Липици, да Възбынов, да Верх-Серена, да Луган, да Местилово, да Къцын, да Хвостовичи, да Порыски, да Борятин, да Орень, да Хостьци, да Жеремин, да Сныхово, да Ивановское Бабина село Незнаново, и с-ыными месты, со всем с тем, что к тем волостем и селом потягло.

Да благословляю сына своего Андрея, даю ему город Верею с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Вышегород с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Олеин, с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с Волконою и с Кониным, и з Гордеевым, и с Нюховою, и со всем с тем, что к тем местом потягло. Да ему же даю город Любутеск с волостми, и со всеми пошлинами, и со всем, что к нему потягло, как было при мне, и с Веприным, что за одоевскими князми. Да сыну же своему Андрею даю у Москвы Гжелю, да Раменеицо со всем, что к ним потягло. Да что были к Дмитрову приданы волости московские Селна, Гуслица, Загарье, Вохна, Кунеи, и яз те волости со всем даю сыну своему Андрею, а сын мои Юрьи в те волости

у него не въступается ничем. А что в Селне деревни деловые бортные Василцова ста Бекренево, Беляницино, Новое Беляницино, Харитоновское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши Лопаково, Исачково, Грибачево, и яз те деревни и пустоши со всем даю сыну же своему Андрею, а сын мои Василеи у него в то не въступается. Да в Тферскои земле даю ему город Старицу с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами по тому, по каа места писал к Старице писец наш Борис Кутузов. Да даю ему Холмъских вотчину, Холм и Новои городок, да волость Олешню, да волость Синюю и иные волости, и пути, и села, со всеми пошлинами по тому, по каа места те отчины, и волости, и пути, и села писал писец наш Андреи Карамышев.

А что есми дал детем своим меньшим, Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею, городов, и волостеи, и сел, и они то и ведают по тому, как им в сеи духовнои грамоте писано, а опричь того у сына у моего у Василья ни во что не въступаются.

А сын мои Юрьи з братьею по своим уделом в Московскои земле и в Тферскои денег делати не велят, а денги велит делати сын мои Василеи на Москве и во Тфери, как было при мне. А откуп ведает сын мои Василеи, а в откуп у него дети мои, Юрьи з братьею, не въступаются.

А что есми подавал детем своим селца у Москвы з дворы з городскими на посадех, и дети мои в тех дворех торгов не дръжат, ни жытом не велят торговати, ни лавок не ставят, ни гостеи с товаром иноземцов, и из Московские земли, и из своих уделов в своих дворех не велят ставити, а ставятся гости с товаром, иноземци, и из Московские земли, и из их уделов, на гостиных дворех, как было при мне. А дети мои у моего сына у Василья в те дворы в гостиные и в те пошлины не въступаются. А кто учнет в детеи моих селцех и в дворех в городных торговати съестным товаром, и сын мои Василеи тех торгов не велит сводити, а пошлину полавочную с них берет сына моего Васильев приказщик, как было при мне.

А что есми дал детем своим Юрью, з братьею, у города у Москвы селца з дворы з городцкими, и учинится в тех селцех и в дворех в городных душегубство или поличное, и то судит наместник болшеи сына моего Васильев.

А что есми дал детем своим, Юрью з братьею, села в станех в московских, и над теми селы суд и дань моих детеи, а душегубством и поличным те села тянут к городу к Москве по старине, опричь того поличного, что будет в тех селех промеж их крестьян, то судят их приказщики, а докладывают наместника московского болшего сына моего Васильева. А грамоты полные и докладные на Москве пишет дьяк ямъскои сына моего Васильев, как было при мне, а опричь того на Москве грамот полных и докладных не пишет нихто. А которые есми городы и волости подавал детем своим, Юрью з братьею, в вуделы, а тянули душегубством к городу к Москве, и те городы и уезды, и волости тех городов тянут душегубством к городу к Москве по старине, а дети мои, Юрьи з братьею, в то не въступаются.

А сын мои Василеи у моих детеи, а у своеи братьи, в их уделех земель не купит, ни дръжыт, ни закладнеи не дръжыт. А мои дети у сына моего у Василья в Москве и в всем его в великом княжстве земель не купят, ни дръжат, ни закладнеи не дръжат. А что есми давал свои села бояром своим, и князем, и детем боярским, и грамоты есми им свои жаловалные подавал на те села прочно им и их детем, или кому буду в куплю дал свои грамоты, и в те села сын мои Василеи и мои дети у них не въступаются.

А дети мои, Юрьи з братьею, дают сыну моему Василью с своих уделов в выходы в ординские, и в Крым, и в Азтарахань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в-ыные цари и во царевичи, которые будут у сына моего у Василья в земле, и в послы в татарские, которые придут к Москве, и ко Тфери, и к Новугороду к Нижнему, и к Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани к Старои, и к Перевитску ко княж Феодоровскому жеребью рязанского, и во все татарские проторы, в тысячю рублев. Сын мои Юрьи дает с своего удела со всего и с Кашина восмьдесят рублев и два рубля без гривны. А сын мои Дмитреи дает с своего удела со всего, и з Зупцова, и с Опок, пятьдесят рублев и восмь рублев с полтиною и семь денег. А сын мои Семен дает с своего удела со всего шестьдесят рублев и пять рублев без десяти денег. А сын мои Андреи дает с своего удела со всего, и з Старицы, и з Холмъских вотчины, с Холму и с Нового городка, и с Олешни, и с Синие, и с-ыных волостеи с Тферских, что ему дано, сорок рублев

с полтиною и полчетверты денги. А сын мои Василеи дает в ту же тысячю рублев с Москвы, и со всего великого княженьа Московские земли, и со Тфери, и со всеи Тферские земли, что ему дано, и с Рязани с Старые, и с Перевитска, семьсот рублев и полосманатцата рубля и полтретьи денги. А Борисов сын братень Феодор дает сыну моему Василью в ту же тысячю рублев с своеи отчины, и с Колпи, и з Буягорода, тритьцать рублев и полосма рубля. А будет того боле или менши татарскои протор, и сын мои Василеи, и мои дети, Юрьи з братьею, и братанич мои Феодор, дают по розочту.

А сын мои Василеи в своем великом княженье държыт ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы на дорогах при мне. А дети мои, Юрьи з братьею, по своим отчинам дръжат ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы по дорогам при мне.

А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московскои земле и в Тферскои земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью, а братьа его у него в тот удел не въступаются. А останутся у него дочери, и сын мои Василеи те его дочери наделив, подает замуж. А что даст своеи княгине волостеи, и сел, и казны, и в то во все сын мои Василеи у нее не въступается ни во что до ее жывота.

А сына своего Василья благословляю крест животворящее древо в раце цареградцкои да крест Петров чюдотворцев. А сына своего Юрья благословляю крест золот Борисоглебъскои. А сына своего Дмитреа благословляю крест золот Парамшина дела. А сына своего Семена благословляю крест золот Михаиловъскои владычень. А сына своего Андрея благословляю икона золота распятье, делана финифтом с каменьем и з жемчюги.

А что есми дал своеи казны своим детем, Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею, и яз что дал сыну своему Юрью своеи казны, и то есми поклал в ларци, а у тех ларцов печати моа да сына моего Юрьева, а ключи тех ларцов у сына у моего у Юрья, а те ларци стоят в моеи казне, у моего казначея у Дмитреа у Володимерова, да у моего печатника у Юрья у Дмитреева сына у Грека, да у моих дьяков, у Данилка у Мамырева да у Тишка у Моклокова. А что есми дал своеи казны сыну своему Дми-

трею, и то есми поклал в ларци, а у тех ларцов печати моа да сына моего Дмитреева, а ключи тех ларцов у сына у моего у Дмитреа, а те ларци стоят в моеи казне у моего казначея у Дмитреа у Володимерова, да у моего печатника у Юрья у Дмитреева сына у Грека, да у моих дьяков, у Данила у Мамырева да у Тишка у Моклокова. А что есми дал своеи казны сыну своему Семену, и то есми поклал в ларци, а у тех ларцов печати моя да сына моего Семенова, а ключи тех ларцов у сына у моего у Семена, а те ларци стоят в моеи казне у моего казначея Дмитреа у Володимерова да у моего печатника у Юрьа у Дмитреева сына Грека, да у моих дьяков, у Данилка у Мамырева да у Тишка у Моклокова. А что есми дал своеи казны сыну своему Андрею, и то есми поклал в ларци, а у тех ларцов печати моа да сына моего Андреева, а ключи тех ларцов у сына у моего у Андрея, а те ларци стоят в моеи казне у моего казначея у Дмитреа Володимерова, да у моего печатника у Юрья у Дмитреева сына у Грека, да у моих дьяков, у Данилка у Мамырева да у Тишка и Моклокова.

А опричь того, что ни есть моеи казны у моего казначея у Дмитреа у Володимерова, и у моих дьяков, и у моего дьяка у Семена у Башенина, лалов, и яхонтов, и иного каменья, и жемчюгу, и саженья всякого, и поясов, и чепеи золотых, и судов золотых, и серебряных, и каменых, и золота, и серебра, и соболеи, и шолковые рухляди, и иные всякие рухляди, что ни есть, так ж и в моеи казне в постелнои что ни есть, икон, и крестов золотых, и золота, и серебра, и платьа, и иные рухляди, и что ни есть у моего дворетцкого у Петра у Васильева у Великого и у дьяков у дворцовых моих судов серебряных, и денег, и иные рухляди, и что ни есть у моего конюшего, и у моих яселничих, и у моих дьяков, и у моих приказщиков, у кого ни буди, моих денег и иные рухляди всякие, так ж что ни есть у моего дворетцкого у тверского, и у дьяков у тферских, и у моих приказщиков и в Новегороде в Великом у моего дворетцкого, и у казначеев, и у дьяков, и у моих приказщиков, у кого ни буди, моих денег и иные рухляди всякие, да и на Белеозере и на Вологде моя казна, и где ни есть моих казен, то въсе сыну моему Василью. А мои дети, Юрьи з братьею, у моего

сына у Василья ни во что не вътупаются, опричь того, что есми им дал своеи казны.

А приказываю свою душу и детеи своих менших, Юрья, Дмитреа, Семена, Андрея, сыну своему Василью. А вы, дети мои меншие, Юрьи з братьею, дръжыте сына моего Василья, а своего брата стареишаго, в мое место, своего отца, и слушаите его во всем. А ты, сын мои Василеи, дръжи свою братью меншую Юрья, Дмитреа, Семена, Андрея, в братстве, и во чти, без обиды.

А которои мои сын не учнет сына моего Василья слушати во всем, или учнет под ним подъискавати великих княжеств или под его детми, или учнет от него отступати, или учнет съсылатися с кем ни буди таино или явно на его лихо, или учнут кого на него подъимати, или с кем учнут на него одиначитися, ино не буди на нем милости божиеи и пречистые богоматери, и святых чюдотворец молитвы, и родитель наших, и нашего благословения и в сии век и в будущии.

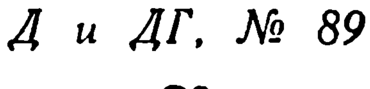
А кто будеть моих казначеев, или кто будет моих дьяков прибытки мои от меня ведали, или тиуни, или поселские, или кто женился у тех, те все не надобе сыну моему Василью и моим детем, Юрью з братьею.

А кто порушит сию мою грамоту, судит ему бог, и не буди на нем моего благословениа.

А у сее моеи душевъные грамоты сидел отец мои духовнои, ондронниковскои архимандрит Митрофан. А туто были бояре мои: князь Василеи Данилович, да князь Данило Васильевич, да Яков Захарьич, да казначеи мои Дмитреи Володимерович.

А сию мою душевную грамоту писал дьяк мои Данилко Мамырев.

Д и ДГ, № 89

Историко-правовой обзор

1327 г. Духовная грамота Ивана Калиты

Древнейшей из великокняжеских духовных является духовная грамота Ивана Калиты 1327 года. 20-е годы XIV века — важный рубеж в истории Руси. При Иване

Калите, как отмечает К. Маркс, была заложена основа могущества Москвы. В результате восстания в Твери (в 1327 году) и в других русских городах сбор ордынской дани («выхода») был передан из рук татарских баскаков в руки русских князей. В системе татаро-монгольского ига была пробита первая серьезная брешь.

Важнейшие моменты роста значения Москвы нашли отражение и в завещании Ивана Калиты. Оно было написано после восстания 1327 года в Твери, непосредственно перед поездкой Калиты в Орду, откуда московский князь привез ярлык на великое княжение. Духовная грамота рисует нам размеры еще небольшого Московского княжества и ту систему феодально-иерархических взаимоотношений между сыновьями Ивана Калиты, которая должна была утвердиться после смерти московского князя.

Завещание Калиты отражает его стремление сохранить целостность Московского княжества. Для обеспечения этого Калита передавал Москву в совместное владение своих трех сыновей. Части территории княжества, поступившие каждому из трех сыновей, по своему размеру были примерно одинаковы. Преобладание старшего сына, которого позднее московские князья обычно наделяли основной территорией княжества, в духовной грамоте еще едва заметно.

Духовная грамота Ивана Калиты сохранилась в двух близких по содержанию вариантах. Один из них, заверенный в Орде тамгою, мы публикуем; разночтения из другого помещаем в примечаниях.

Время составления грамоты определяется указанием на поездку Московского князя в Орду, которой оно предшествовало («ида в Ворду»). Таких поездок Ивана Калиты известно четыре (осенью 1327 года, в 1328, 1336 и 1339 гг.). Дата «1327 год» представляется нам наиболее вероятной по следующим обстоятельствам. В духовной упомянута дочь Московского князя Мария как незамужняя (она в числе меньших детей должна находиться под опекой князя Семена Ивановича и др.). Однако Мария была выдана замуж за князя Константина Ростовского непосредственно перед второй поездкой Ивана Калиты в Орду, в 1328 году. Следовательно, свою духовную Московский князь мог составить только осенью 1327 года, а не в 1328 году и позднее, ибо он говорил в ней о Марии как о своей незамужней дочери. Непосредственной причиной составления завещания была тревожная политическая обстановка, сложившаяся на Руси перед

поездкой Ивана Калиты в Орду: восстание в Твери (август 1327 года) не только давало основания московскому князю, отправлявшемуся в ставку золотоордынского хана, рассчитывать на получение великокняжеского стола (чего и добился Иван Калита), но и заставляло его принять серьезные мероприятия на случай возможных неожиданностей (ведь в 1326 году в Орде был убит брат Калиты — князь Юрий Данилович, а в 1327 году — князь Иван Ярославич Рязанский). Одним из таких мероприятий и было распоряжение о судьбе Московского княжества на случай смерти самого Ивана Калиты, зафиксированное в его духовной грамоте.

Не нужен — не принуждаем.

Розгадаеть — решит.

Ряд — в данном случае распоряжение, завещание.

Отчину свою Москву — Москва передавалась в нераздельное владение всем трем сыновьям Ивана Калиты.

2 чума — две чаши.

Ис судов — из сосудов, из посуды.

С капторгами — с металлическими украшениями на поясе.

Сердоничен — с сердоликовыми украшениями.

2 овкача — два сосуда, чаши (они соответствуют двум чашам князя Семена и двум чарам князя Андрея).

Езднинськое — персидское, из Иезда. Упоминания о восточных шелковых тканях, персидской посуде и др. свидетельствует о торговых связях Московского княжества со странами Востока.

Фрязьскии — итальянский. В XIV веке Москва вела оживленную торговлю с итальянскими колониями в Крыму. Крупную посредническую роль в этой торговле играли купцы-сурожане — высший слой московского купечества.

На чьрвьчате шелку — красного шелка.

Пояс золот царевьскии — золотой пояс из Золотой Орды.

Раменье — угодье, лес на краю пашни.

Осмничее — см. раздел о жалованных грамотах.

В которого уезде — в чьем-либо уделе. Завещание Калиты еще не знает термина «удел».

Числьныи люди — люди, попавшие в «число», перепись; обложенные данью, которая шла для уплаты Орде «выхода»; одна из категорий феодально-зависимых крестьян. Они не подлежали разделу как холопы («мои люди куплении»). Описания русских земель, проведенные татарскими «численниками» в 1327 году и в последующие годы,

сопровождались непомерным усилением поборов, шедших в Орду. Все это вызывало восстания народных масс против татаро-монгольского ига. Одним из таких восстаний было восстание в Твери в 1327 году.

Собча — сообща.

С одиного — как один.

В великом свертце — записанные в какой-то грамоте; ср. выше: бортники «в... росписи».

Княгини моее Оленино — первая жена Ивана Калиты Елена. А. В. Экземплярский, а за ним А. Е. Пресняков и Л. В. Черепнин считают, что, согласно контексту грамоты, княгиня Елена упоминается уже как умершая. Поскольку Елена умерла в 1331 году, постольку они и датируют завещание Калиты более поздней датой, то есть 1336 годом или 1339 годом. Однако в грамоте имя второй жены Калиты (Ульяны) не названо, хотя о «княгине» говорится неоднократно. Если бы Елена ко времени составления духовной умерла и Иван Калита был уже женат вторично, то умолчание об имени второй жены было невозможным, так как оно вызвало бы путаницу при распоряжении об имуществе обеих княгинь.

Ис порт — из одежд.

Кожух — шуба, меховая одежда; ср. Ипатьевскую летопись под 1252 годом.

Обирь — объярь, шелковая иноземная ткань.

Коць — нарядная одежда; ср. Новгородскую первую летопись под 1245 годом.

Бугаи соболеи — верхняя одежда на соболях.

Скорлатное — сделано из скорлата (особого рода французского сукна).

С аламы — алам, воротничок, нагрудье, наплечник у платья; от арабо-татарского слова «алам» — значок.

Село ... дал есмь Бориску Воръкову — яркий пример феодального землевладения, обусловленного службой.

Географические наименования, встречающиеся в завещании Ивана Калиты, могут быть раскрыты следующим образом.

Городенку — Городенка, Коломенская волость, располагалась на правом притоке реки Северки — Городенки, центр ее находился в 20 км от Коломны; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Мезыню — Мезынь, Коломенская волость, располагалась по левому берегу нижнего течения реки Москвы; ср. приток реки Москвы. Мезенку; ср. Д и ДГ, № 4, 20.

Песочну — Песочна, Коломенская волость, находилась в районе реки Тры, впадающей в реку Москву, и ее притока Песочны, в юго-восточной части позднейшего Бронницкого уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Средокоротну — Коломенскую волость, на правом берегу реки Москвы, против Гвоздны; ср. Д и ДГ, № 4.

Похряне — Коломенская волость, на правом берегу нижнего течения реки Москвы, располагалась между Песочной и рекой Северкой, впадающей в реку Москву; ср. Д и ДГ, № 1, 12.

Усть-Мерску — Усть-Мерская, Коломенская волость, по левому берегу нижнего течения реки Москвы к северу от Мезыня, у рек Медведки и Семиславки; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Брошевую — Брашева, Коломенская волость, располагалась на левом берегу реки Нарской и по ее притоку, Сухопле, к северу от Усть-Мерской волости; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Гвоздну — Гвоздна, Коломенская волость, по притоку реки Гжелки, впадающей в реку Москву; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Ивани — Коломенская волость, на правом берегу реки Москвы против реки Гжелки; ср. Д и ДГ № 4, позднее сельцо, ср. там же, № 12, 20.

Маковець — деревня, центр волости, расположенной на правых притоках реки Северки, впадающей в реку Москву; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Левичин — деревня, центр волости, расположенной между рекой Гнилушей (приток Северки) и верховьем реки Огры; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Скулнев — деревня, центр волости, находившийся на верхней Северке и ее правых притоках; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Канев — деревня, центр волости по средней Каширке, находилась южнее Скульнева; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Гжелю — Гжель — деревня, центр волости в верховьях реки Гжелки, притока реки Москвы, находилась в северной части позднейшего Бронницкого уезда; ср. Д и ДГ, № 4.

Горетову — Горетовка, деревня, центр Горетова стана, находившегося по реке Везодке и ее притоку Бредве; ср. Д и ДГ, № 4.

Горки — волость на левом берегу Оки вверх от устья реки Москвы.

Астафьевское — село московское (на реке Клязьме); ср. Д и ДГ, № 3, 12.

Село на Северьсце в Похряньском уезде — см. река Северка в волости Похряны; ср. Д и ДГ, № 4.

Костянтиновьское — село позднейшего Московского уезда, находилось на территории позднейшего Бронницкого уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Орининьское — село позднейшего Московского уезда, находилось на территории позднейшего Подольского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Островьское — село позднейшего Московского уезда; находилось на территории позднейшего Подольского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Коротеньское — село позднейшего Московского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 20.

Микульское — сельцо позднейшего Коломенского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Малаховское — село, находилось на территории позднейшего Бронницкого уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 20.

Напрудьское — село, находилось севернее Москвы, (между Сущевским и Красным); ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Кремчину — Кремчина, Звенигородская волость, на левом берегу реки Москвы в 10 км ниже впадения в нее реки Рузы: ср. погост Кремчина на реке Москве в 19 км от Рузы; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Рузу — в первой половине XIV века, Руза — еще центр волости, позднее село Старая Руза в 5 км от устья реки Рузы. К концу XIV века был основан город Руза, впервые упомянутый в духовной Дмитрия Донского; находился в 8 км выше впадения реки Рузы в Москву.

Фоминьское — волость Звенигородская, к югу от Рузской волости по правому берегу реки Рузы; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Суходол — волость Звенигородская, по правой стороне реки Нары и левой — реки Протвы, к северу от г. Боровска; ср. Д и ДГ № 4, 12.

Великую свободу — Великая (позднее Юрьева) слобода, волость Звенигородская, находилась на левом берегу среднего течения реки Рузы; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Замошьскую свободу — Замошская слобода находилась к северо-западу от реки Рузы по рекам Озерне и Вейне, позднее волость Рузского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Угожь — Звенигородская волость, находилась в верхнем течении реки Нары и ее притока — реки Тарусы, к западу от Суходола; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Ротовци — Звенигородская волость, находилась в позднейшем Рузском уезде по правому берегу реки Рузы и ее притоку, реке Педны, на Можайской границе; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Окатьеву свободку — ср. позднейшее село Акатово в 19 км от Рузы.

Скирминовьское — Скирманово, Звенигородская волость, центр позднейшего Скирмановского стана Рузского уезда, располагавшегося в бассейне реки Озерны, впадающей в Рузу, ее притоков Греда и Розводие; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Тростну — Тростна, Звенигородская волость, располагавшаяся по реке Тростне Тростенского уезда и у реки Озерны, притока Рузы; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Негучю — Негучая, волость Звенигородская, находилась в районе Тростны; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Рюховьское — село, находилось в 9,5 км от Волоколамска; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Белжиньское — село; возможно, позднейшее село Бели Скирманова стана Рузского уезда; ср. Д и ДГ, № 4.

Максимовское — село, позднее деревня Скирманова стана Рузского уезда; ср. Д и ДГ, № 4.

Андреевское — село в 18 км от Звенигорода, в западной части позднейшего Звенигородского уезда; ср. Д и ДГ, № 4.

Вяземьское — село, находилось на реке Москве, ниже устья реки Вяземки; ср. Д и ДГ, № 4.

Домонтовское — московское село, находилось между притоками реки Москвы, Нахабной и Вяземкой; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Семциньское — московское село в Заниглименье, на левобережье реки Москвы в районе позднейшей Остоженки; ср. Д и ДГ, № 4, 12, 57.

Лопастну — волость по реке Москве, левому притоку Оки; ср. позднейшее село Лопасня, в 24 км к северу от Серпухова; ср. Д и ДГ, № 4, 10, 11, 13, 19, 33, 47.

Северьску — волость по верхней Северке; ср. позднейшую деревню Северову в 4 км к юго-западу от Подольска.

Нивну — Серпуховская волость; ср. Д и ДГ, № 17.

Темну — Серпуховская волость, ее центр находился в 21 км к северо-западу от Серпухова, на левом берегу реки Нары, выше Серпухова; ср. Д и ДГ, № 17.

Голичичи — Боровская волость по берегам реки Нары; ср. Д и ДГ, № 17.

Щитов — Боровская волость по верхней Моче; ср. позднейшее село Щитово Подольского уезда, находившееся у истоков реки Мочи, притока реки Пахры; ср. Д и ДГ, № 17.

Перемышль — на реке Моче, притоке Пахры, позднее город Калужской губернии; ср. Д и ДГ, № 11, 13, 17.

Ростовец — ср. Д и ДГ, № 11, 13, 17.

Тухачев — волость по реке Гнилой Северке; ср. Д и ДГ, № 17.

Талежьское — село на реке Лопасне; ср. позднейшее село Талежь в северо-восточной части Серпуховского уезда, в 29 км от Серпухова.

Нарьское — село, центр Серпуховской волости; ср. позднейшее село Нары на реке Наре, в восточной части Верейского уезда; ср. Д и ДГ, № 17.

Битяговьское — село, находилось в 12 км от Подольска на реке Рожае, притоке Пахры; ср. Д и ДГ, № 17, 28.

Труфоновьское — село, находилось в юго-западной части позднейшего Мосальского уезда Калужской губернии, на реке Неруче, притоке Болвы.

Ясиновьское — село, находилось на реке Рузе, в позднейшем Медведском стане Московского уезда; ср. Д и ДГ, № 17, 61, 74, 85, 89, 103.

Коломнинское — село ниже Москвы, позднее село Коломенское на реке Москве, в 10 км от Москвы.

Ногатиньское — село, ср. Д и ДГ, № 17, 28, 61.

Сурожик — волость Звенигородская (позднее Сурожский стан), находилась на реке Истре и на ее притоке Молодильне.

Мушкову гору — позднее Мушковский стан, находился по среднему течению реки Истры, к северу от Сурожика и Горетова стана.

Радонежьское — волость Радонеж находилась у рек Яромы, Верхней Вори и Торгоши.

Бели — волость, граничившая с севера с Радонежем, находилась между Вязью, притоком Учи и Талицею.

Воря — волость к югу от Корзнева, находилась на Средней Воре и Талице, притоке Вори.

Черноголовль на Кержаче — ср. реку Черноголовку, приток Клязьмы; ср. Д и ДГ, № 17.

Вохна — волость с одноименным центром, находившимся в 17 км от позднейшего Богородска в юго-восточной части Богородского уезда.

Деиково раменье... Машев — по М. К. Любавскому, возможно, находилось на территории Загорья, упомянутого в духовной Дмитрия Донского.

Гуслица — находилась у реки Гуслицы (левый приток реки Мерской).

Селна — находилась между Дмитровом и Москвой.

Раменье — волость к юго-западу от Селны.

Луциньское — село московское, на реке Истре, в 19 км от Звенигорода; ср. Д и ДГ, № 4, 12.

Деигуниньское — село московское; ср. Дегунино, в 9 км от Москвы; ср. Д и ДГ, № 12.

Рогожь — волость к юго-востоку от Черноголовля.

Аристовское — село; ср. Аристово, в 18 км от Богородска, в северо-западной части позднейшего Богородского уезда.

Михаиловское — село на реке Яузе, притоке реки Москвы; ср. Д и ДГ, № 2, 12.

Начало 50-х годов XIV в. Докончание великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем

Докончание великого князя Семена Ивановича (1340—1353 гг.) с братьями Иваном и Андреем является древнейшим из числа междукняжеских договоров XIV—XV вв. В нем утверждаются основные черты феодальной иерархии Московского великого княжения. Грамота зафиксировала принцип наследственности княжеских уделов и значительной самостоятельности удельных князей во внутриполитических делах, санкционировав вместе с тем главенство московского великого князя в ведущих вопросах внешней политики. Непосредственной задачей, которую ставили себе договаривавшиеся стороны, являлось восстановление между ними союзнических отношений, нарушенных боярскими интригами. Договор позволяет предположить о решительных шагах, предпринимавшихся московскими великими князьями с целью объединения всех русских земель.

Датируется договор временем между апрелем 1340 года (31 марта умер Иван Калита) и 26 апреля 1353 г. (когда умер Семен Иванович). Докончание написано до 1351 года,

так как в нем не упомянуты дети Семена Ивановича (в 1351 году у него родился сын). Докончание не могло быть составлено и в 1347 году, когда князь Семен Иванович не был в ссоре с боярином Хвостом (о чем упоминает докончание). Скорее всего, его следует отнести к самому концу 40 — началу 50-х годов XIV века: в нем упомянуты архимандрит Московский Петр и архимандрит Переяславский Филимон, являвшиеся свидетелями при составлении духовной грамоты князя Семена Ивановича (Д и ДГ, № 3).

Кстати, в завещании князь Семен прямо ссылается на договор с братьями: «тако имете блюсти по нашему докончанию, како тогды мы целовали крест у отня гроба».

Это древнейший, дошедший до нас акт, написанный на бумаге. Последняя публикация его — Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (Д и ДГ) — не передает некоторых частей текста, которые реконструированы в первом томе Собрания государственных грамот и договоров, и поэтому мы в археографическом комментарии дополняем публикацию Д и ДГ по указанному изданию.

Князь великии Семен Иванович всея Руси — титул показывает, что Семен Иванович рассматривался в середине XIV века как глава всех русских князей. Так он фигурирует и в ярлыке ханши Тайдулы 26 сентября 1347 г. (см. приложение): «А вы, русские князи, Семеном почен». Титула «великий князь» в завещании Ивана Калиты нет, быть может, еще и потому, что Калита составлял свою духовную грамоту до поездки в Орду в 1327 году, откуда он вернулся великим князем.

У отня гроба — как указывает Л. В. Черепнин, эти слова нельзя понимать в прямом смысле («у свежей могилы»); они говорят лишь о торжественной форме составления акта, о желании составителей следовать политике Ивана Калиты.

Кого из нас бог отъведет — кто-либо умрет из князей.

Како ны отець наш роздел дал — имеется в виду распоряжение Ивана Калиты в его духовной грамоте о разделе территории княжества между его сыновьями.

На стареишинство — ради старшинства. Братья Иван и Андрей Ивановичи вынуждены уступить («ступилися») старшему брату своему Семену большую часть таможен-

ных доходов в Московском княжестве, что свидетельствует о росте великокняжеской власти.

Нас сваживати — нас ссорить.

Сокольничии путь... конюшии путь... и ловчии путь — сокольничий, конюший и ловчий — важнейшие чины дворцово-вотчинной администрации. Пути — это кормления, выдававшиеся лицам из состава дворцового ведомства. Лицо, получавшее тот или иной «путь», обладало правом сбора в свою пользу доходов с определенной территории, а также правом суда и управления в отношении ее населения. Ср. выражение: «тех волостей пути и пошлины» (Д и ДГ, № 16); и еще: «благословляю... Москвы, и с путми... Коломною с волостными с путми» (Д и ДГ, № 22). Сходно с понятием «путь» татарское «даруга» (дорога). Обладавшие «путми» бояре именовались «путными» (Д и ДГ, № 11).

В кормленьи — кормленье, система местного управления в период создания и укрепления Русского централизованного государства (ликвидирована в основном в 1555—1556 гг.). Кормленщики, назначавшиеся, как правило, из числа крупных феодалов, получали право сбора доходов («корма») и суда на определенный срок и на определенной территории.

В доводе — довод, вызов на суд сторон и свидетелей.

Доводчики — судебно-административные агенты, ведавшие доводом.

Просторожа — сторожа, передовой отряд, охрана. Просторожа — неудачная военная операция.

Олексе Петрович вшел в коромолу — имеется в виду какая-то неизвестная другим источникам ссора великого князя Семена Ивановича с боярином А. П. Хвостом, который во время княжения Ивана Ивановича (1353—1359 гг.) добился звания тысяцкого, но в 1357 году был убит «всех бояр общею думою». В убийстве его, очевидно, принимал участие сын тысяцкого Василия Протасьевича, Василий Васильевич, бежавший в Рязань, но возвратившийся ко двору великого князя Ивана Ивановича в 1348 году.

Василии... тысяцькии — очевидно, имеется в виду Василий Протасьевич Взольмень, отец тысяцкого Василия Васильевича, позднее выступавшего против Алексея Хвоста.

Должность тысяцкого, ведавшего в судебном и финансовом отношении городским населением, передавалась в Москве по наследству потомкам Протасия, приехавшего туда вместе с князем Даниилом Александровичем. Боярин Хвост пытался захватить эту должность, за что и поплатился жизнью. Должность тысяцкого, являвшаяся пережитком феодальной раздробленности в управлении Москвой, была ликвидирована Дмитрием Донским после смерти тысяцкого Василия Васильевича (в 1373 году).

Васильевич — возможно, имелся в виду будущий тысяцкий Василий Васильевич.

В Володимери Борисовское — возможно, село в 17 км от г. Владимира, в северо-восточной части позднейшего Владимирского уезда.

Петровское — Юрьевское село; ср. Д и ДГ, № 12.

Олексиньское — Юрьевское село; ср. Д и ДГ, № 12.

Варварьское — село позднейшего Юрьев-Подольского уезда; ср. Д и ДГ, № 1, 61.

Матфеищовское — село позднейшего Юрьев-Подольского уезда; ср. Д и ДГ, № 61.

Павловское — село, очевидно, на Костроме; ср. Д и ДГ, № 4, 8.

Богородицское — село в Ростове; ср. Д и ДГ, № 12.

Сельцо на Кержачи — очевидно, Романовское; ср. Д и ДГ, № 3.

Шараповское — возможно, село Московского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 8, 61 и др.

Добрятинская борть — бортные угодья в Добрятине; ср. Д и ДГ, № 12.

Новое село на Купавне — московское село; ср. Д и ДГ, № 12.

Микульское — село на Прижемке.

Заячковым — село позднейшего Малоярославского уезда; ср. Д и ДГ, № 3, 7, 12.

Тешевым — ср. Тешев в Переяславле Рязанского уезда и Тешилов в Московском и Дмитровском уездах; ср. Д и ДГ, № 84.

Заберегы — Заберега, село, куплено князем Семеном Ивановичем у Семена Новосильского; позднее, в XVI веке, — стан в Верее; ср. Д и ДГ, № 3, 12, 103.

1389 г. Духовная грамота Дмитрия Донского

Завещание Дмитрия Донского (1389 г.) отразило напряженную борьбу Москвы — основы и инициатора создания на Руси централизованного государства — за объединение русских земель. Завещание является свидетельством успешной централизаторской политики Москвы в конце XIV века. В этом документе впервые великое княжение

рассматривается как «вотчина» московских князей, то есть за Москвою окончательно закрепляется главенство над русскими княжествами. Этот успех Москвы, подготовленный ее социально-экономическим развитием, был обеспечен победой русских войск под руководством выдающегося русского полководца Дмитрия Донского над татаро-монгольскими полчищами Мамая на Куликовом поле (1380 г).

Грамота датируется 13 апреля 1389 г. (когда из Москвы уехал митрополит Пимен, ибо упоминание о нем отсутствует в грамоте) и 16 мая того же года (когда родился сын Дмитрия Донского Константин, о котором грамота еще не упоминает). Завещание 1389 года — вторая из числа духовных грамот Дмитрия Донского. Первая сохранилась лишь в отрывке. Датировать ее следует 1371—1374 гг. (после рождения Василия I, 30 декабря 1371 года, и до рождения, в ноябре 1374 года, Юрия: первый упомянут в завещании, а второй нет), — скорее всего 1374 годом.

Ряд — распоряжение; этот термин также употреблялся в значении соглашения, договора.

Свою треть — см. духовную Ивана Калиты, оставившего Москву в совместное управление своим трем сыновьям, в том числе Андрею Ивановичу.

На старишии путь — характерное стремление Дмитрия Донского обеспечить преобладающее положение своего старшего сына.

Моего удела двою жеребьев — половина двух третей, перешедших по наследству к Дмитрию Донскому (трети князей Семена и Ивана Ивановичей). Таким образом, Василию I Дмитрий Донской передавал треть доходов Москвы; ср. Д и ДГ, № 20.

Своею отчиною, великим княжением — впервые в завещании московского князя великое княжение рассматривается как «отчина» завещателя. Дмитрий Донской устанавливает порядок, когда наследником великого княжения является его старший сын.

Княгини Федосья — дочь Ивана Калиты, жена князя Романчука Белоозерского.

А по грехом отъиметь бог сына моего, князя Василья — если сын Дмитрия Василий умрет, то великим князем становится следующий сын Дмитрия Донского («хто будет

под тем сын мои»). На основании этого установления Юрий Дмитриевич после смерти Василия I предъявил свои претензии на великокняжеский стол. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с неточностью формулировки: Дмитрий Донской отмечал возможный случай смерти своего сына Василия без сыновей. Вряд ли Дмитрий Донской стремился утвердить самый принцип перехода великого княжения по боковой линии (то есть распространить его на случай, если бы у Василия I были дети мужского пола).

Бармы — драгоценное великокняжеское оплечье.

Вотола — простая верхняя одежда.

Своего деда куплею — «купли» Ивана Калиты (Галич, Белоозеро и Угличе-поле) — это приобретения, сделанные московским князем в результате династических связей с ростовскими князьями (дочь Ивана Калиты Мария была замужем за Константином Ростовским, Федосья — за Романчуком Белоозерским, см. А. И. Копанев, «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.», Издательство Академии наук СССР, 1951).

Географические наименования, встречающиеся в духовной грамоте, расшифровываются следующим образом.

Василцево сто — ср. «Васильцево ведение» в духовной Ивана Калиты, «Василцев стан» в духовной Ивана Ивановича 1358—1359 гг. (Д и ДГ, № 4); ср. также духовные Василия I, Василия II, Ивана III (Д и ДГ, № 20—22, 61, 89); ср. в завещании Ивана III: «в селце деревни деловые бортные Василцова ста». Очевидно, Васильцево сто — территориально-административное объединение великокняжеских бортников.

Добрятиньская борть — см. докончание князя Семена Ивановича с братьями. В завещании Василия II упомянуто Добрятиньское село с бортью.

Мещерка — Коломенская волость, у Коломны, находилась на реке Цне, притоке Оки; ср. Д и ДГ, № 4, 20.

Раменка — Коломенская волость, у Коломны, находилась у Нижней Цны; ср. Д и ДГ, № 20.

Кочема — Коломенская волость, ср. позднейшее село Кочема Егорьевского уезда на левом берегу Нижней Каширки и к западу от Мещерки; ср. Д и ДГ, № 20.

Комарев з берегом — Коломенская волость, находилась по реке Оке у Нижней Каширки, граничила с Каневым и Малинскою волостью; ср. Д и ДГ, № 20.

Митин починок — московское село (Починок); ср. Д и ДГ, № 20—22.

Жырошкины деревни — возможно, находились в западной части

позднейшего Бронницкого уезда, в 12 км от Бронниц; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Хвостовъское — село в Заречьи (Замоскворечьи); ср. Д и ДГ, № 20—22.

Луг Великии — находился в Заречьи, на берегу Москвы-реки, против Кремля и позднейшего Китай-города; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Красное село с Елезаровъским с Проватовым — юрьевские села; Красное находилось в 5 км от Переяславля, Елезаровское — в 25 км от Переяславля; ср. Д и ДГ, № 21, 22.

Васильевъское — село в Ростове; возможно, позднейшее село Васильево в северной части Ростовского уезда, на реке Устье, в 15 км от Ростова; ср. Д и ДГ, № 21—22.

Скирменово в Белми — см. Скирминовьское в духовной Ивана Калиты.

Юрьева слобода — см. Великая (Юрьева) слобода в духовной Ивана Калиты.

Плеснь — волость Звенигородская на реке Плесе, притоке Нары; см. Д и ДГ, № 7, 8, 17, 29.

Дмитриева слободка — волость Звенигородская, находилась в верховьях Нары, Пахры и Десны с притоками; ср. Д и ДГ, № 8, 29.

Ходыньскии луг — ср. позднейшее Ходынское поле под Москвой.

Кузьмыдемъяньское — село на реке Коломне, в 2 км от Юрьева-Польского.

Красного села починок за Везкою — о Красном селе см. выше.

Числов — Можайская волость; позднее, в XVI веке, стан Верейского уезда; ср. Д и ДГ, № 103.

Боянь — Можайская волость, находилась у реки Педни, притока Рузы; ср. Д и ДГ, № 96.

Берестов — Можайская волость; ср. позднейшее село Берестово на реке Ислоне, в северо-западной части Рузского уезда, в 12 км от Рузы.

Поротва — Можайская волость, на реке Протве.

Колоча — Можайская волость; ср. позднейшее село Колочу на реке Колоче, в 20 км от г. Гжатска.

Тушков — Можайская волость; ср. позднейшее село Тушково в западной части Можайского уезда, на Москве-реке, в 25 км от Можайска.

Глиньское — Можайская волость, позднее, в XVI веке Глинеск — стан Верейского уезда (ср. Д и ДГ, № 103), находилась, возможно, у реки Глиненки, притока Москвы, в позднейшем Гжатском уезде.

Верея — волость отъездная; ср. позднейший город Верею.

Рудь — волость отъездная; позднее, в XVI веке, — стан Рудницкой.

Гордошевичи — Верейского уезда; ср. Д и ДГ, № 7, 103; волость отъездная; ср. Д и ДГ, № 3, 7.

Гремичи — волость отъездная; ср. позднейшее село Гремячево в восточной части Боровского уезда, в 33 км от Боровска; ср. Д и ДГ, № 7.

Сушов — волость отъездная; ср. позднейшее село Сущево Боровского уезда, в 15 км от Боровска; ср. Д и ДГ, № 7.

Репиньское — село; ср. позднейшее село Репниково на реке Репинке, в юго-западной части Можайского уезда, в 28 км от Можайска; ср. Д и ДГ, № 21, 22 и др.

Ивановъское Васильевича — село в Гремичах.

Роща — ср. позднейшее село Роща на реке Протве близ Боровска; ср. Д и ДГ, № 31, 32.

Тов — ср. волость Тов у рек Товы и Уломы.

Олексиньское село — Юрьевское село на реке Пекше (приток Клязьмы), находилось в 20 км от Юрьева, в юго-западной части Юрьевского уезда; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Вышегород — Дмитровская волость, находилась в верховье реки Яхромы.

Берендеева слобода — Дмитровская волость, позднее стан; находилась на реке Истре, к северу от Мушковой горы; ср. Д и ДГ, № 29 и др.

Лутосна — Дмитровская волость на реке Лутосне (притоке реки Сестры), позднее стан Дмитровского уезда, при соединении Сестры и Лутосны на Клинско-Дмитровском рубеже; ср. Д и ДГ, № 29, 120 и др.

Инобаш — Дмитровская волость, позднее Инобожский стан Дмитровского уезда, находилась в верховьях рек Яхромы, Вели, Прюши, примыкая к Вышгороду и Радонежу; ср. Д и ДГ, № 29, 95 и др.

Ижво — Дмитровская волость, позднее Ижевский стан у рек Малогощи и Нудаля, к северу от Мушкова.

Раменка — Дмитровская волость, позднее Раменский стан Дмитровского уезда, находилась между Ижевским и Берендеевским станами; ср. Д и ДГ, № 29, 102.

Корвенево — Дмитровская волость; ср. Д и ДГ, № 29.

Рогож — Дмитровская волость; ср. Д и ДГ, № 29.

Загарье — Дмитровская волость; ср. Д и ДГ, № 29.

Шерна городок — Дмитровская волость, у реки Шерны, притока верхней Клязьмы, на северо-западе примыкала к Корзневу; ср. Д и ДГ, № 29.

Раменице — село Московского уезда на реке Раменке, в 12 км от Москвы; ср. Д и ДГ, № 38 и др.

Зверковъское село с сохоньским починком — возможно, находилось в Дмитровском уезде.

Сохна — село Московского уезда, находилось у реки Сохны, притоке Пахры, в восточной части позднейшего Верейского уезда; ср. Д и ДГ, № 38 и др.

Вольским с Шаготью — погосты Шохонские: Вольское находилось на реке Шексне, в северной части позднейшего Рыбинского уезда.

Милолюбъскии ез — находился в Белозерском уезде.

Углечим полем — городом Угличем.

Тошною — волость, находилась у реки Тошны, в западной части позднейшего Вологодского уезда; ср. Д и ДГ, № 16, 17, 20 и др.

Сямою — волость, находилась у Кубенского озера близ реки Крутца, в позднейшем Вологодском уезде; ср. Д и ДГ, № 61, 74.

Юлку — волость, находилась в Переяславле, у рек Вьюлки, Пашмы, Нерли и др., в южной части позднейшего Калязинского уезда; ср. Д и ДГ, № 61, 74.

Иледам — находилось в Костроме; ср. позднейшее село Ильданово Любимского уезда Ярославской губернии; ср. Д и ДГ, № 29, 61.

С Комелою — волость у рек Комелы, Лежи, Курмы, Грязовицы в позднейшем Грязовецком уезде; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Оньдреевьское село — Владимирское село; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Доброе — село Переяславское; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Малиньское село — на Коломне; Малинская волость находилась на левом берегу реки Каширки, гранича с Каневским, Скульневским и Маковским станами; ср. Д и ДГ № 9, 20—22, Мелынское Переяславского уезда; ср. Д и ДГ, № 4, 57, 61.

Скирменовъскую слободку с Шепковым — ср. позднейшее село Шепково в 39 км от Рузы, в северной части Рузского уезда; ср. Д и ДГ, № 29, 30, 135 и др.

Смоляные с Митяевъским починком... с Вышегородскими бортники — ср. позднейшее Смоленское у реки Смолинки.

Кропивну — находилось в позднейшем Тарусском уезде.

Исконьская слободка — ср. реку Искону на Рузско-Можайском рубеже; ср. Д и ДГ, № 96.

Бабышево — На Коломне; ср. Д и ДГ, № 57.

Ослебятевъское — на Коломне; ср. Д и ДГ, № 57.

Репеньское село — на Коломне; ср. Д и ДГ, № 21, 22, 57.

Илмовьское — село московское (на Клязьме); ср. Д и ДГ, № 3, 4.

Петровъское — село юрьевское; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Фроловъское — село юрьевское; ср. Д и ДГ, № 20—22.

Елох — село Юрьевское, на реке Коломне, рядом с Юрьевом; ср. Д и ДГ, № 21, 22.

Холхол — ср. волость Холохолню Старицкого уезда в XVI веке; ср. Д и ДГ, № 102.

Суду — на Белозере, на реке Суде, притоке Шексны.

Колашну — ср. Колошенский погост на реке Колошне, притоке Суды, на Белозере.

Слободку — волость на Белозере.

Городком — волость Федосии, городок на Белозере.

Волочком — волость Волочек Словенский на Белозере.

От Лыткиньского села — Лыткино, село позднейшего Дмитровского уезда; ср. Д и ДГ, № 102.

Около 1441—1442 гг. Докончание великого князя Василия Васильевича с князем Галицким Дмитрием Юрьевичем Шемякой

Приводимая договорная грамота составлена в разгар феодальной войны второй четверти XV века, когда московского великого князя Василия II в его борьбе за объединение Руси, против сторонников старых порядков

феодальной раздробленности, явно поддерживало население большинства русских земель.

Договор относится к тому времени после смерти князя Юрия Галицкого и его сына Дмитрия Красного (сентябрь 1441 года), когда главой коалиции удельных князей стал другой сын князя Юрия — Дмитрий Шемяка. Последнего поддерживало реакционное новгородское боярство и ряд удельных князей.

На этом этапе феодальной войны, после очередного «розмирья», Дмитрий Шемяка был вынужден временно признать верховенство великого князя московского.

Грамота датируется упоминанием в летописях о перемирии между Василием II и Дмитрием Шемякой (ПСРЛ, т. VI, стр. 170; ср. т. XII, стр. 42). Князь Дмитрий Красный умер 22 сентября 1441 г.

Настоящий договор, как и все докончальные грамоты, составлен в двух экземплярах (противнях). Договаривавшиеся стороны обменивались экземплярами докончания, причем каждая из сторон оставляла у другой стороны экземпляр, исходивший от ее имени.

В данном случае сохранилось два экземпляра, каждый из которых содержал две грамоты (одну от имени Василия II, другую от имени Дмитрия Шемяки) и был скреплен печатями обеих договаривающихся сторон.

Договор устанавливает подчинение Дмитрия Шемяки, как «брата молодшего», великому князю, как «брату стареишему», требуя от обоих сторон полного единства действий. Договор запрещает удельному князю вести самостоятельные внешнеполитические сношения, запрещает ему брать на себя какие-либо обязательства, требуя расторжения имевшихся ранее докончаний, обязывает участвовать в военных мероприятиях великого князя.

Чрезвычайно интересна формула докончания, обязывавшая Дмитрия Шемяку «под великим князем, все мое великое княжение держати честно и грозно, без обиды» (честно — блюсти честь, держать в почете; грозно — боясь кары).

Эта формула, впервые появившаяся в докончаниях Дмитрия Донского с удельными князьями, знаменовала усиление могущества Русского государства и означала уве-

личение степени подчинения и зависимости удельных князей от великого князя.

Несколько позднее, когда Василий II попал в плен к татарам, Дмитрий Шемяка захватил великокняжеский престол (1445—1446 гг.) и заключил докончание с суздальскими князьями (Д и ДГ, № 119), не включив в него формулу о честном и грозном держании. Отсутствие этой формулы в докончании Дмитрия Шемяки, которого в тот период суздальские князья признавали великим князем, показывает, что носители и защитники порядков феодальной раздробленности, не ставили своей целью отстаивать права великого князя как главы централизованного государства.

Договор Василия II с Дмитрием Шемякой закрепляет раздел владений Василия Косого и одновременно санкционирует незыблемость границ феодальных владений Дмитрия Шемяки и его брата.

В докончании также содержится множество правил, относящихся к взаимоотношениям между князьями и мелкими и средними феодалами («вольными слугами»), касающихся форм отправления правосудия, подведения итогов прежних военных столкновений, обмена пленными и т. п.

...Брате молодшы... целуи ко мне крест, к своему брату стареишему, к великому князю — обычно начало докончаний великого князя с удельными, свидетельствующее о признании удельным князем верховенства великокняжеской власти.

А што ти слышев о моем добре или о лисе от християнина или от иноверца, а ти мне поведати в правду — формула договора, требующая от удельного князя немедленно информировать великокняжеский двор о всех получаемых сведениях, затрагивающих интересы двора. В других грамотах круг лиц, от которых можно получить сведения, дополняется «литвином» (ср. договор рязанских князей Ивана Васильевича и Федора Васильевича). Это показывает, что речь шла о получении внешнеполитической информации.

О лисе — о недоброжелательности, ср. ст. 106 Пространной Правды: «аче и вси сынове еи будуть лиси...»

А Москва, ти, брате, держати со мною по душевнои грамоте деда нашего, великого князя Дмитрия Ивано-

вича — духовная Дмитрия Донского была весьма авторитетна для договаривающихся сторон. В ней Дмитрий Донской дал своему сыну Василию Дмитриевичу «стариши путь в городе», закрепив тем самым его главенствующее положение. Докончание закрепляет «стариши путь» за Василием II, то есть подтверждает его верховенство в государстве. Эта формула сохранилась в докончаниях великих князей с удельными и после завершения феодальной войны. В ее основе лежало стремление московских великих князей к объединению, централизации русских земель.

А городная осада, где хто жывет, тому туто и сидети, опроче бояр введеных и путников — договор устанавливает правило, согласно которому местные феодалы участвовали в обороне против нашествия врага по местонахождению своих вотчин, независимо от того, на территории какого княжества они были расположены. Лишь придворные чины и должностные лица государственного аппарата обязаны были в случае возникновения военной угрозы являться в резиденцию своего сюзерена. Эта норма договора является одним из пережитков феодальной раздробленности.

А Орда управливати и знати мне, великому князю. А тобе Орды не знати — запрещая удельному князю вести самостоятельные сношения с татарами, великий князь тем самым лишает удельного князя даже внешнего признака самостоятельности во внешнеполитических вопросах (ср. договор Ивана III с князем Андреем Васильевичем: «а Орды брате, ведати и знати, нам, великим князем»; Д и ДГ, № 82).

По старым дефтерем — по старым татарским грамотам (ср. договор Василия II с Иваном Андреевичем Можайским: «...грамоты докончалные, и ярлыки и дефтери, и иные которые грамоты надобные...»; Д и ДГ, № 48).

А князи ти с вотчинами не приимати. А бояром, и детем боярьскым, и слугам межы нас волным воля — докончание отражает эволюцию одного из основных институтов раннего феодализма — права свободного отъезда «вольных слуг». Эта эволюция тесно связана с процессом образования Русского централизованного государства, с процессом усиления великокняжеской власти. Докончание формально

приравнивает служилых князей к «слугам поддворским», о которых в грамотах издавна указывалось, что бы их «в службу не принимати».

Ограничение права отъезда служилых князей появляется ранее, нежели ограничение права отъезда рядовых служилых людей, ибо князья, будучи более самостоятельными и обладая рядом феодальных привилегий, чаще других пользовались правом отъезда. Для центрального правительства важно было в первую очередь пресечь их своеволие. Лишение князей их вотчин в случае ухода на службу к удельному князю являлось серьезной преградой для стремлений воспользоваться правом отъезда.

А даному, положеному, поручному, заемному, кабалному, холопу, робе суд по исправе — докончание уделяет много внимания разрешению судебных споров. Судебные споры о дарованном князем имуществе (данное), о поклаже (положенное), залоге (поручное), займе и кабальных сделках, иски о холопах не подлежали ограничению давностным сроком. Докончание распространяло юрисдикцию договаривающихся сторон на дела, возникавшие на территории великого и удельного княжений.

А татя, разбоиника, рубежника, беглеца по исправе выдати — докончание устанавливает перечень лиц, которые подлежали после рассмотрения их дел обязательной выдаче властям того княжения, где они совершили преступление. Помимо беглых феодально-зависимых людей и лиц, посягавших на жизнь феодала, в этот перечень включается «рубежник». Термин «рубежник» различно толкуется исследователями. Так, например, Б. Н. Чичерин определял «рубеж» как насильственное завладение имуществом, за что виновные выдавались по розыску. В. Даль считал, что «рубежником» именовался нарушитель рубежа, границы. Если сопоставить данное докончание и договор Василия II с польским королем Казимиром, где «рубежник» упоминается сразу же после беглеца, то можно присоединиться к точке зрения В. Даля. Позднейшие докончания включают в перечень поручителя и должника.

А суженого не посужати — в Русском государстве XV века были весьма сильны тенденции к стабильности

судебного решения. Докончание устанавливает правило, согласно которому ни одна из договаривавшихся сторон не имела права пересматривать судебное решение, вынесенное другой стороной. Если данная формула внешне говорит о полном равноправии удельного и великого князя, то помещаемое ниже в докончании правило о третейском суде официально закрепляет верховенство великокняжеской юрисдикции.

А суд нам держати меж своих отчин по старине, в правду, бес перевода — докончание устанавливает обязанности сторон рассматривать судебные споры между князьями по старым установлениям. Докончание закрепляет порядок третейского суда, в случае если спорное дело, затрагивающее интересы жителей территории, подвластной договаривающимся сторонам, не может быть решено из-за отсутствия согласованного мнения судей — представителей великого и удельного князя. В этом случае стороны избирают третейского судью. Последний избирался из числа двух великокняжеских бояр и одного большого боярина удельного князя. Три кандидатуры судей выдвигал истец, а выбирал из них судью ответчик. При разногласиях судей и в этом вопросе третейского судью из числа выдвинутых бояр назначал великий князь. Но если и в этом случае ответчик не соглашался на данного третейского судью, то он подлежал обвинению со стороны великого князя. Таким образом, формуляр докончания обеспечивает сохранение полноты судебной власти в руках великого князя, фактически сосредоточивая рассмотрение судебных споров в пределах Московского великого княжества. Вся процедура, установленная в докончании, была направлена на усиление руководящей роли великокняжеского судьи, который путем отвода неугодной ему кандидатуры третейского судьи и предоставления решения вопроса о судье великому князю направлял весь судебный процесс по воле своего государя.

А нятцов ти господине мои отпустити без окупа — нятец — пленный, пленник. Речь идет об обмене военнопленными, доставшимися обеим сторонам во время междоусобной войны.

...переведенное серебро — по И. И. Срезневскому, речь идет о «серебре», подлежавшем передаче при обмене воен-

нопленными. Повидимому, сторона, захватившая военнопленных или задержавшая подданных другой стороны, обязывалась возвратить этих людей вместе с изъятыми у них деньгами.

...тому всему дерть по се наше докончание — формула грамоты, определяющая забвение всех конфликтов, бывших между договаривающимися сторонами до заключения настоящего докончания.

1449 г. августа 31. Договор Василия II с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV

Договор Василия II Темного с Казимиром IV рисует взаимоотношения Русского государства и великого княжества Литовского на последнем этапе феодальной войны второй четверти XV века. Василию II удалось в 1449 году заключить мир с Казимиром IV и предотвратить союз великого княжества Литовского с Дмитрием Шемякой, что способствовало разгрому войск галицкого князя в январе 1450 года. В 1449 году с Казимиром IV заключил докончание и союзник Москвы — великий князь тверской Борис Александрович (Д и ДГ, № 54).

Договор рисует характерные черты взаимоотношений Руси с великим княжеством Литовским в середине XV века. Сохранился он в копии, помещенной в Литовской метрике (литовском государственном архиве).

Казимером — Казимир Ягайлович, великий князь литовский в 1440—1492 гг. (с 1447 года — король польский).

Князь Иван Анъдреевич, и князь Михаило Анъдреевич, и князь Василеи Ярославич — вассалы Василия II: князь Иван Андреевич — Можайский, Михаил Андреевич — Верейско-Белозерский, Василий Ярославич — Серпуховско-Боровский.

Недруга ти, брата моего князя Дмитрея Шемяки — летом 1449 года (после 13 апреля, но, очевидно, до июля) Василий заключил перемирие с Дмитрием Шемякой. Договор с Казимиром IV свидетельствует о том, что московский великий князь продолжал считать Шемяку своим «недругом» и готовился к борьбе с ним. Пункт соглашения

о Дмитрии Шемяке выполнен не был: уже вскоре в Литве дали прибежище сыну Шемяки Ивану.

Князя Михаилуша — Михаила Сигизмундовича, внука Кейстута, врага Казимира IV.

Во Ржеву — о Ржеве см. завещание Великого князя Василия II и договор Казимира IV с Тверью (Д и ДГ, № 57).

Верх Сижки — до верховьев реки Осуги, притока Вазузы, правого притока верхней Волги.

Верх Осухи — до верховьев правого притока верхней Волги.

Кестутьи — Кейстут, брат Ольгерда.

Олкгиръде — Ольгерд, великий князь литовский в 1345—1377 гг.

Витовт — великий князь литовский в 1392—1430 гг.

Иван Феодорович Разанъский — вассал Казимира IV, умер в 1456 году. Ср. его договор с Витовтом 1427 года (Д и ДГ, № 25).

В договоре 1449 года, заключенном в условиях незакончившейся феодальной войны, Василию II еще не удалось обеспечить свой сюзеренитет над Рязанью. Московский великий князь был вынужден признать за рязанским князем Иваном Федоровичем право «служить» Казимиру IV.

Без опаса — без охранной грамоты.

1496 г. августа 19. Докончание великого князя Рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем

Договорная грамота великого князя рязанского Ивана Васильевича и его брата Федора Васильевича, датированная 1496 годом, представляет значительный интерес для исследования.

В конце XV века Рязанское княжество являлось самостоятельным лишь номинально, — фактически вся его государственная жизнь направлялась Москвой. Отец обоих рязанских князей — Василий Иванович с детства воспитывался при московском дворе, осуществлявшем во время его малолетства управление Рязанью. В этот период москов-

ские наместники действовали в Рязани согласно общерусским установлениям, нашедшим свое отражение в рязанской юридической практике. Влияние Москвы отразилось и на форме рязанского договора.

Договор рязанских князей отвечает на вопрос о том, в чем же выражалась судебная деятельность великих князей и каким конкретным путем осуществлялась взаимосвязь великокняжеского наместника с третчиком удельного князя.

В договоре подробно говорится о порядке судопроизводства в стольном городе Рязанского княжества — Переяславле Рязанском.

Исходя из существовавшего в Рязанском княжестве, как и в Москве, положения о совместном владении стольным городом («...А чим благословил тобя отец твои князь Андреи, в городе Москве и в станех треть, и пошлин всех треть, уделом, чем тя благословил отец твои...»; договор Дмитрия Донского с князем Серпуховским, Владимиром Андреевичем; Д и ДГ, № 11), докончание определяет дела, подлежащие совместному рассмотрению, и порядок судопроизводства.

Вся полнота судебной власти находилась в руках наместника великого князя. Наиболее тяжкие преступления — душегубство, разбой, татьбу с поличным — рассматривал только наместник великого князя (ср. ст. 3 Записи о душегубстве), который посылал своего пристава за обвиняемым и разрешал дело по существу.

Наместник великого князя не отстраняет от участия в суде представителя удельного князя — третчика, но имеет полное право в случае отсутствия третчика рассматривать дело самостоятельно, сохраняя лишь за представителем удела его долю в финансовых сборах. Великокняжеский наместник разрешает также все споры между купечеством (гостями) и жителями посада, за исключением тех посадских, на которых возложено обслуживание послов. И здесь третчик отодвинут на второй план. Его присутствие на суде необязательно, он лишь «в прибытках и пошлинах наместничьих ведает свою треть» (ср. ст. 3 Записи о душегубстве: «... судья за ним идет своего прибытка смотрить»).

В руках великокняжеского наместника сосредоточены все полномочия по рассмотрению тяжких преступлений,

даже в том случае, если их совершат в Переяславле люди удельного князя, причем приставу третчика запрещалось отдавать обвиняемых на поруки. Договор предписывает удельному князю: «а тобе, моему брату, своих людеи в Переяславли в душегубстве, и в разбое и в татбе с поличным самому не судити». Таким образом, удельный князь ограничивался в праве рассмотрения тяжких преступлений своих подданных (ср. ст. 6 Записи о душегубстве: «...в московские суды не вступатись никоторому князю»).

Договор разрешает приказчику удельного князя рассматривать в Переяславле другие преступления жителей удела, но запрещает «докладывать» об этих делах вне Переяславля, требуя дожидаться приезда удельного князя в столицу (ср. ст. 9 Записи о душегубстве: «...а не будет на Москве его князь, и ему доложить великого князя или болшаго наместника, а по иным городом их не водить к докладу»).

Все таможенные дела были сосредоточены в руках великокняжеского наместника, заинтересованного в максимальном увеличении своих доходов и стремившегося не допускать ограничений своей власти.

Раздел договора, посвященный суду, заканчивается провозглашением принципа сосредоточения всей полноты судебной власти в руках великого князя: «А мне, великому князю, в душегубстве и в розбои, и в татбе с поличным, и в протаможьи, и в какове деле ни буди твоих людеи судити и казнити — воля во всем».

Провозглашение этого принципа, выражавшего идею полновластия великого князя, порождало стремления жителей удельных княжеств обращаться к помощи великокняжеской власти как к единственной «представительнице порядка в беспорядке» (Энгельс).

Положения договора рязанских князей о полноте судебной власти великокняжеского наместника зиждятся на московском памятнике середины XV века — Записи о душегубстве — и совпадают почти целиком с положениями духовной Ивана III о полном сосредоточении судебных функций в пределах Москвы и волостей, тянущихся к ней, в руках великокняжеского наместника (Д и ДГ, № 89).

Сходство норм рязанского договора с установленным в Москве порядком отправления правосудия сви-

детельствует о большом значении Москвы в выработке общерусского права.

А где ми, великому князю, самому всести на конь и тебе со мною самому поити — докончание требует от удельного князя полного подчинения во внешнеполитических вопросах, в том числе беспрекословного повиновения в военном деле.

При возникновении угрозы войны удельный князь был обязан со своими отрядами войти в состав великокняжеского войска (ср. выше договор Василия II с Дмитрием Шемякой).

А мне, великому князю, новых пошлин не замышляти. А тебе, моему брату, в своеи отчине новых пошлин не замышляти — практика государственного управления требовала упорядочения налоговой системы, тяжким бременем лежавшей на населении русских земель. Запрещение в договоре «замышляти новые пошлины» явилось отражением ожесточенной классовой борьбы.

А что моя мордва деленая... — договор перечисляет различные категории феодально-зависимых людей и виды промыслов, находившихся в распоряжении великого князя. Среди феодально-зависимых людей мы видим представителей народностей, населявших Рязанское княжество, а также лиц, работавших в отдельных отраслях княжеского хозяйства (бортники — пчеловоды, ловчане — егеря, охотники, рыбаки, истобники — истопники, псари, подвозники — возницы, гребцы и т. д.).

А суд мужству по рубеж — договор определяет подсудность: великий князь в своем домене и удельный князь — на своей территории провозглашаются полновластными судьями. Пределы подсудности определяются границами владений. Однако далее из грамоты следует, что на территории, формально совместно подвластной обоим князьям (стольный город и прилегающие к нему волости), полнота судебной власти принадлежит великокняжескому наместнику.

А по судеревным знаменам суд вопчеи — в случае возникновения судебного спора из-за смежных (судеревных) отличительных знаков на бортных угодьях (знаменах) назначается общий («сместный») суд, с участием представителя великого князя и судьи удельного князя.

А меж твоих людеи и владычних людеи суд и пристав вопчеи. А меж владычних людей владычнь суд — данный пункт договора свидетельствует о тщательной охране церковью неприкосновенности своей юрисдикции (ср. ст. 59 Судебника 1497 года).

1504 г. Духовная грамота Ивана III

Завещание Ивана III 1504 года отражает завершение процесса объединения основных русских земель вокруг Москвы. Этот памятник содержит ценнейшие материалы для изучения русского права периода создания первого общерусского Судебника.

Духовная Ивана III свидетельствует об укреплении великокняжеской власти. Подавляющее число городов (66) передается по духовной старшему сыну — Василию III, тогда как уделы его четырех братьев по своим размерам незначительны и включают 30 городов. При этом завещатель специально отмечает, что в случае выморочности эти уделы переходят к Василию III. Развитие централизации в условиях роста товарно-денежных отношений приводит к централизации и в таможенной политике («тамга» отныне находится в ведении великого князя); удельные князья лишаются также права чеканить монету.

Грамота написана не ранее марта и не позднее 16 июня 1504 года (когда она упоминается в докончании детей Ивана III — Василия и Юрия; Д и ДГ, № 90).

Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею — младшие сыновья Ивана III; Юрий Иванович — Дмитровско-Рузский князь (умер в 1536 году), Дмитрий Иванович — Углицкий (умер в1521 году), Семен Иванович — Калужский (умер в 1518 году), Андрей Иванович — Старицкий (умер в 1537 году).

Великыми княжествы — если ранее московские князья передавали своим сыновьям великое княжение (см. духовную Василия II 1462 года; Д и ДГ, № 61), то Иван III передает уже великие княжества (Московское и присоединенное к нему в 1485 году Тверское). Новая формула свидетельствует об успехах объединительной политики великокняжеской власти.

Ординцы — великокняжеские холопы, отвозившие в Орду и в Крым «дань» и «поминки»; ср. в крымских посольских делах 1515 года: «ординцы, великого князя холопи, казну привезли» (Сб. РИО, т. XXV, стр. 124, 380, 697). Ордынцы принимали участие в торговле с Крымом.

С Самъсоновым лугом — находился под Москвой, в районе Девичьего поля; ср. Д и ДГ, № 21.

Воробьево — московским сельцом (позднее Воробьевы горы); ср. Д и ДГ, № 57.

Семеновским — селом Московского уезда; ср. Д и ДГ, № 57.

Княж Володимеровской трети Андреевича — имеется в виду треть князя Владимира Андреевича Серпуховского, которою до 1457 года владел его внук Василий Ярославич, а затем дети Василия II — князья Юрий и Андрей Васильевичи. См. Запись о душегубстве и завещание Ивана Калиты.

Князи новосилские, одоевские и белевские — речь идет о перешедших в ходе русско-литовской войны 1500—1503 гг. на сторону Москвы северских князьях.

А бояром и детем боярским Ярославским ...не отъехати никому никуда — запрещение феодального права «отъезда» вассалов на службу к другим сюзеренам появляется в результате успехов централизаторской политики русского правительства.

Дръжыт на Москве большего своего наместника по старине — управление Москвой передавалось Василию III («даю ему город Москву») и сосредоточивалось в руках великокняжеских наместников. Сохранялись только некоторые пережитки старого, третного управления (о нем см. духовную Ивана Калиты).

Иван III передавал своему старшему сыну Василию III две трети Москвы: половину двух третей Москвы, которой владел еще Василий I, и третью треть Москвы, то есть треть князя Владимира Серпуховского (о ней см. выше). Вторая половина двух третей управлялась по «годам»: каждый из пяти братьев держал в ней наместников один год в пять лет в так называемых «годах» детей Дмитрия Донского: а) в «годе» князя Петра Дмитриевича, б) в «годе» князя Константина Дмитриевича, а также в «годе» князя Михаила Андреевича Верейского; последний из четырех годов, составлявших половину двух третей Москвы, был когда-то за братом Верейского князя Иваном Андреевичем Можайским, а позднее за Борисом Васильевичем

Волоцким. Одна половина этого «года» была передана младшим сыном Волоцкого князя Иваном Борисовичем Рузским Ивану III, а второй владел старший сын Волоцкого князя Федор Борисович. Отныне «год» князя Ивана Андреевича считался шестым (пять образовали перечисленные выше прежние три «года» детей Дмитрия Донского) и им управляли совместно Василий III и князь Федор Борисович Волоцкий.

Следовательно, две трети столицы управлялись наместниками Василия III.

Только в одной трети Москвы удельные князья имели право управления «по годам» (меняясь каждые шесть лет), причем Василий III также имел свой «год» и половину в другом «годе» для управления этой частью столицы (см. также историко-правовой обзор к Записи о душегубстве).

Дети мои в тех дворех торгов не дръжат — запрещение торговли «гостей» в подмосковных селах с «белыми» городскими дворами отвечало интересам растущего московского посада, поддержку которого использовала великокняжеская власть.

У города у Москвы селца з дворы з городцкими... судит наместник болшеи — судебные функции великокняжеского наместника в делах о разбое, душегубстве и татьбе с поличным распространялись и на подмосковные села удельных князей, тянувших к городу. В других селах и деревнях Московского уезда сохранялся суд удельно-княжеских приказчиков, однако устанавливалось обязательное правило «доклада» великокняжескому наместнику. Это постановление отражало успехи в деле централизации суда; см. также Запись о душегубстве.

Грамоты полные и докладные на Москве пишет дьяк ямъскои сына моего Васильева — усложнение составления документации на холопов свидетельствовало о постепенном изживании холопства на Руси. Вместе с тем устанавливался контроль дворцового аппарата Василия III при оформлении актов на холопов; см. записи о докладных и полных грамотах, оформлявшихся ямскими дьяками, в «Записной книге» дьяка Д. Алябьева (РИБ, т. XVII).

В выходы в ординские — традиционные «дары» («поминки»), подарки, посылавшиеся татарским ханам Астрахани, Казани и Крыма. В грамоте подтверждается верховное право великого князя на сношения с татарскими ханствами; вместе с тем устанавливается и регламентируется размер «выхода» с удельно-княжеских земель.

Углече поле... с Устюжною и Рожаловом и с Велетовым и с Кистьмою — Углич перешел к Москве после разгрома Дмитрия Шемяки. Рожалово находилось в бассейне верхней Сити (ср. Д и ДГ, № 16, 17).

Кистьма — приток реки Мологи и одновременно волость в этом районе (ср. Д и ДГ, № 21).

Серебожа — волость в Переяславле по среднему течению Дубны и Нижней Вели.

Рождественного — село в Переяславле; позднее центр стана на левом берегу реки Дубны.

Бускутова — волость в Переяславле, южнее Серебожа, между Дубною и Велью.

С Муромским сельцем и с Шатуром — села на Муроме, находились на верхнем притоке реки Клязьмы-Поле и соседних озерах.

У моего казначея ... да у моего печатника — казначей ведал «казной» (государственной канцелярией и архивом). В его ведении находились и финансы и частично — внешнеполитические дела.

Печатник — лицо, в распоряжении которого находилась государственная печать, ближайший помощник казначея. В духовной Ивана III упоминается казначей боярин Д. В. Ховрин и печатник Ю. Д. Траханиот, оба по происхождению греки.

Князь Василеи Данилович — В. Д. Холмский, женатый в 1500 году на дочери Ивана III. В 1508 году он «пойман» и умер в заключении (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 198).

Князь Данило Васильевич — боярин Д. В. Щеня, один из потомков литовского князя Гедимина.

Яков Захарьичь — Я. З. Кошкин (умер в 1510 году), представитель старомосковского боярства.

ДОКОНЧАНИЕ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА

Текстологический комментарий

[1] *Здесь и ниже лист разорван. Далее может уместиться около 10 букв. Возможно, стояло* своею *(СГГ и Д).*

[2] *Далее может уместиться около 12 букв. СГГ и Д далее* наш... *Возможно, стояло* наш недруг.

[3] *Далее может уместиться около 14 букв.*

[4] *Далее может уместиться около 18 букв. СГГ и Д далее* тобе пол-тамги.

[5] *Далее может уместиться около 8 букв. СГГ и Д далее* х, и.

[6] *Далее может уместиться около 6 букв. СГГ и Д далее* перев... ах. *Возможно, стояло* перев[ес]ах.

[7] *Далее может уместиться около 7 букв.*

[8] *Далее может уместиться около 7 букв.*

[9] *Далее может уместиться около 10 букв.*

[10] *Далее может уместиться около 12 букв. СГГ и Д далее* брате...

[11] *Далее может уместиться около 8 букв.*

[12] *Далее может уместиться около 5 букв.*

[13] *Далее может уместиться около 26 букв.*

[14] *Далее может уместиться около 9 букв. СГГ и Д далее* ...тиною.

[15] *Далее может уместиться около 12 букв.*

[16] *Далее может уместиться около 6 букв.*

[17] *Далее может уместиться около 7 букв.*

[18] *Далее может уместиться около 20 букв.*

[19] *Далее может уместиться около 12 букв.*

[20] *Далее может уместиться около 10 букв.*

[21] *Далее может уместиться около 6 букв. СГГ и Д далее* ...тись.

[22] *Далее может уместиться около 6 букв.*

[23] *Далее может уместиться около 12 букв.*

[24] *Далее может уместиться около 15 букв.*

[25] *Далее может уместиться около 9 букв. СГГ и Д далее* ...удари ...м.

[26] *Далее может уместиться около 5 букв. СГГ и Д далее* из вели...

[27] *Далее может уместиться около 5 букв. СГГ и Д далее* ...господине.

[28] *Далее может уместиться около 5 букв. СГГ и Д далее* ...им послат ...и к тобе.

[29] *Далее может уместиться около 15 букв.*

[30] *Далее может уместиться около 15 букв. СГГ и Д далее* ...пр. ...емь отцу из ...х волостий и из н... *Возможно, стояло* при твоемь отци из твоих волостий и из наших.

[31] *Далее может уместиться около 6 букв. СГГ и Д и далее* ...без...

[32] *Далее может уместиться около 12 букв. СГГ и Д далее* ...имети ...всим ...отци ...не держати.

[33] *Далее может уместиться около 10 букв. СГГ и Д далее* ...всим...

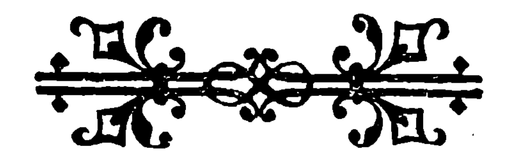
[34] *Далее может уместиться около 6 букв. СГГ и Д далее* нын... войны...

[35] *Далее может уместиться около 16 букв. СГГ и Д далее* из... в службу.

[36] *Далее может уместиться около 7 букв.*

[37] *Далее может уместиться около 4 букв.*

[38] *СГГ и Д* Михайловичь.

РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, кн. VIII.

2. Ф. Энгельс, О разложении феодализма, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I.

3. В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29.

4. И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2.

5. И. В. Сталин, Доклад на X съезде РКП(б), Соч., т. 5.

6. И. В. Сталин, Письмо т.т. Цветкову и Алыпову, Соч., т. 9.

7. Приветствие И. В. Сталина (к 800-летию Москвы), «Правда» 7 сентября 1947 г.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Издательство Академии наук СССР, 1950.

2. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных, под ред. С. В. Бахрушина, М., 1909.

3. Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, М., 1813.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. К. В. Базилевич, Имущество московских князей в XIV—XVI вв., Труды ГИМ, вып. III, 1926.

2. С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, М., 1954.

3. В. Н. Дебольский, Духовные и договорные грамоты Московских князей как исторический источник, вып. 1—2, СПб., 1901—1902.

4. «История Москвы», т. I, Издательство Академии наук СССР, 1952.

5. М. К. Любавский — Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929.

6. В. В. Мавродин, Образование единого Русского государства, Издательство Государственного Ленинградского университета, 1950.

7. Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910.

8. А. Е. Пресняков, Образование Великорусского государства, Птгр., 1918.

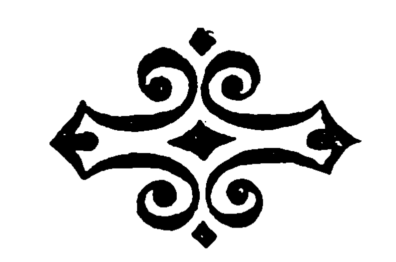
9. М. Н. Тихомиров, Древняя Москва, Издательство Московского Государственного университета, 1947.

10. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, Издательство Академии наук СССР, 1948.

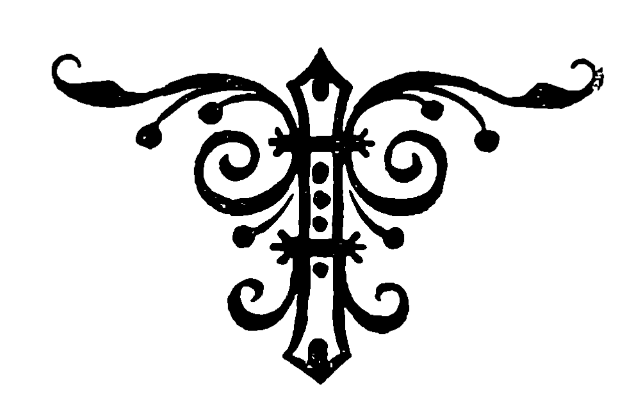
11. Б. Н. Чичерин, Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, Опыты по истории русского права, М., 1858.

12. А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, тт. I—II, СПб., 1889—1893.

СУДЕБНИК 1497 г.

ВВЕДЕНИЕ

Судебник 1497 года — первый кодекс Русского централизованного государства.

Образование централизованного феодального государства, обусловленное развитием производительных сил, усилением экономических связей внутри страны и ускоренное потребностями самообороны, требовало создания единого свода правовых норм, выгодных и угодных господствующему классу феодалов, требовало создания кодекса, регламентирующего основные вопросы укрепления феодального правопорядка.

Судебник охраняет феодальную собственность на землю, являвшуюся основой феодализма, охватывает вопросы управления, судопроизводства, разрешает главнейшую проблему, волновавшую дворянство, а именно порядок закрепления крестьян.

Постановления ст. 57 Судебника, согласно которым крестьяне получали право «отказа» лишь один раз в году, в «Юрьев день осенний», явились одним из завершающих этапов постепенного процесса законодательного ограничения права свободного перехода крестьян, длившегося на всем протяжении XV века. Тем самым Судебник удовлетворил насущные потребности господствующего класса.

Серьезные сдвиги в социально-экономическом развитии Руси в исследуемый период, вызывавшие расширение барщинного хозяйства и усиление феодальной эксплуатации, влекли за собой обострение классовой борьбы, выражавшейся в стихийных выступлениях крестьян против своих владельцев: покушениях на собственность феодалов

и прямом физическом уничтожении наиболее ненавистных представителей господствующего класса.

Защищая интересы феодалов, Судебник вводит усиленную репрессию за нарушение феодального правопорядка. «Ведомые лихие люди», под которыми закон подразумевал лиц, выступающих против феодального гнета, карались смертной казнью.

Судебник 1497 года явился итогом всей предыдущей законодательной деятельности Русского государства. В Судебнике имеются статьи, заимствованные составителями из других правовых памятников Русского государства и переработанные ими.

Проведя детальное исследование текста памятника, С. В. Юшков высказал мнение, что не более двадцати семи статей восходят к известным нам юридическим памятникам или являются закреплением норм обычного права. Так, С. В. Юшков, насчитывает двенадцать заимствований из уставных грамот, одиннадцать из Псковской судной грамоты, две статьи из Русской Правды и две нормы, перешедшие из обычного права. Все же остальное содержание Судебника, по мнению С. В. Юшкова, не стоит ни в какой связи с дошедшими до нас памятниками права.

Л. В. Черепнин полагает, что часть статей Судебника представляет собой переработку более ранних правовых актов, в том числе и не дошедших до нас актов Московского правительства (так называемый «Указ наместником о суде городским» и т. д.). Некоторые постановления Судебника, по мнению Л. В. Черепнина, не имели прецедента в русском законодательстве XV века или, во всяком случае, сведения о существовании подобных норм до появления Судебника до нас не дошли (см., например, ст. 56).

Кодификация норм русского права, приведшая к созданию Судебника 1497 года, была прогрессивным явлением, поскольку она содействовала укреплению Русского государства.

Последовательно отражая политику централизации суда и управления, Судебник способствовал законодательной борьбе с феодальным своеволием, подрывавшим устои нового политического строя. Вместе с тем Судебник являлся

новым средством в руках господствующего класса для подавления эксплуатируемых масс.

Созданием Судебника русская правовая мысль опередила западноевропейскую. Западная Европа в конце XV века не знала сводов уголовных законов. Существовавшие в Англии многочисленные статуты, принятые в различное время, не были кодифицированы. Во Франции только в 1533 году была осуществлена попытка создания единого законодательного акта, да и то он носил исключительно процессуальный характер (Ordonnanse criminelle). Первый общегерманский свод законов («Каролина») появился лишь в 1532 году, то есть спустя 35 лет после принятия на Руси Судебника 1497 года. Не исключена возможность, что опыт кодификации русского права был учтен в процессе кодификации германского права, поскольку первым лицом, сообщившим Западу о существовании Судебника 1497 года, был посол германского императора Сигизмунд Герберштейн. Кодификационные работы германских юристов приобрели особый размах вскоре после возвращения Герберштейна из Москвы и опубликования им перевода части Судебника на латинский язык.

В силу недостаточной исследованности материала нельзя говорить о прямом влиянии Судебника на кодификацию германского права, но можно утвердительно говорить о значительных успехах русской юридической мысли, опередившей западноевропейскую даже в условиях феодального общества.

В исторической и историко-правовой науке издавна считалось, что составителем Судебника 1497 года был «сын боярский» Владимир Елизарович Гусев, казненный вскоре после принятия Судебника за участие в антиправительственном заговоре.

Я. С. Лурье и Л. В. Черепнин отрицают роль В. Е. Гусева в составлении Судебника 1497 года. Исследуя текст Типографской летописи за 1497 год, гласящий: «того же лета князь великый Иван Васильевич, а уложил суд судити по Судебнику Володимера Гусева писати», — они высказали предположение, что слова «Володимера Гусева писати» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213) не относятся к предыдущей фразе о Судебнике, а являются началом новой фразы, по-видимому, трактовавшей о заговоре Владимира Гусева.

Отсюда, казалось бы, вытекает вывод о непричастности В. Е. Гусева к выработке текста Судебника. Однако это предположение требует еще дополнительных доказательств. Возможно, что пометой было только слово «писати», а в таком случае текст летописи следует читать следующим образом: «...уложил суд судити по Судебнику Володимера Гусева...»

Л. В. Черепнин высказал предположение, что основными участниками составления Судебника были бояре-князья Патрикеевы. Если согласиться с этой точкой зрения, то получается, что Судебник 1497 года, в какой-то мере ограничивавший произвол и привилегии боярской аристократии, был создан крупнейшими представителями феодальной знати, а основным противником его создания явился значительно менее родовитый «сын боярский» Владимир Гусев.

Кто же все-таки был создателем Судебника 1497 года?

У нас нет точных данных о непосредственном процессе выработки текста Судебника. Краткие летописные сведения не содержат яркой и исчерпывающей картины создания этого крупнейшего памятника русского права. Трудно утвердительно ответить на вопрос, являлся ли В. Е. Гусев действительно составителем проекта Судебника 1497 года. Однако нет пока еще достаточных оснований отходить от взгляда на В. Е. Гусева как на составителя Судебника 1497 года. Можно лишь полагать, как утверждают С. В. Юшков и С. Б. Веселовский, что работу над проектом Судебника осуществлял не один Гусев, а целая правительственная комиссия. Заголовок Судебника, гласящий о принятии этого акта Иваном III совместно со своими детьми и боярами, позволяет думать, что проект Судебника обсуждался на заседаниях Боярской думы при участии Ивана III и его детей.

Судебник 1497 года дошел до нас в одном списке начала XV века, хранящемся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов. Этот список не имеет деления на статьи. Впервые подобное деление дал М. Ф. Владимирский-Буданов, разбивший Судебник на шестьдесят восемь статей. Деление Владимирского-Буданова не встретило возражений в исторической науке.

Л. В. Черепнин, основываясь на знакомстве с рукописью Судебника, которую не видел Владимирский-Буданов, выступил с новым делением Судебника 1497 года, на девяносто четыре статьи, в соответствии с имеющимися в тексте памятника киноварными инициалами. Л. В. Черепнин предполагает, что Судебник состоял, подобно последующим законодательным актам Русского государства, из ста статей (Стоглав, Судебник 1550 года), но в 1504 году некоторые статьи, имевшиеся в оригинале, были опущены.

В настоящем издании мы сохраняем общепринятое деление на 68 статей.

ЛЕТА 7006-го МЕСЯЦА СЕПТЕМВРИА УЛОЖИЛ КНЯЗЬ ВЕЛИКИИ[1] ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕЯ РУСИ С ДЕТМИ СВОИМИ И С БОЯРЫ О СУДЕ, КАК СУДИТИ БОЯРОМ И ОКОЛНИЧИМ

1 Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком. А[2] посулов бояром, и околничим, и диаком[2] от суда и от печалованиа не имати; также и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, не дружити никому.

2 А каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь, которымь пригоже. А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати.

3 А имати боярину и диаку в суде от рублеваго дела на виноватом, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег. А будеть дело выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету.

4 **О полевых пошлинах.** А досудятся до поля, а у поля не стояв, помиряться, и боярину и диаку по тому расчету боярину с рубля два алтына, а диаку осмь денег; а околничему, и диаку, и неделщиком пошлин полевых нет.

5 А у поля стояв помирятся, и боярину и диаку имати по тому ж росчету пошлины свои; а околничему четверть и[3] диаку четыре алтыны, з денгою, а неделщику четверть[3], да неделщику ж вясчего два алтына.

---

[1] *В рукописи* велий.
[2–2] *Приписано сверху листа другим почерком.*
[3–3] *Приписано внизу листа другим почерком.*

6 А побиются на поли в заемном деле или в бою, и боярину с диакомь взяти на убитом противень противу исцева; а околничему полтина, а диаку четверть, а неделщику полтина да неделщику ж вясчего 4 алтыны.

7 А побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, ино на убитом исцево доправити; да околничему на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны. А сам убитой в казни и в продажи боярину и диаку.

8 **О татбе.** А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити изь его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе. А противень и продажа боярину и диаку делити: боярину два алтына, а диаку осмь денег. А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гыбели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да двóрскому.

9 А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью.

10 **О татех.** А которого татя поимают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные татбы и головные, а в ыной татбе и прежней довода на него не будет, ино его казнити торговою казнию, бити кнутием да исцево на нем доправя, да судие его продати. А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажю, а судье не имати ничего на нем.

11 А поимают татя вьдругые с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с ысцеву гыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

12 А на кого взмолвят детей боярскых человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человек пять-шесть добрых христиан

целовалников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцеву гыбель бес суда.

13 **О поличном.** А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на него человекь пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнити смертною казнию, а исцево заплатити из его статка.

14 **О татиных речех.** А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет[1] прирочной[1] человек з доводом[1], ино его пытати в татбе; а не будет на[2] него[2] прирока з доводом в какове деле в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку до[3] обыску[3].

15 **О правой грамоте.** А от правые грамоты имати от печати с рубля по девяти денег, а диаку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет правую, имати с рубля по три денги.

16 **О докладном списке.** А докладной список боярину печатати своею печатью, а диаку подписывати. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а диаку от подписи[4] с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет, с рубля по две денги.

17 **О холопией о правой грамоте.** А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные боярину имати от печати с головы по девяти денег, а диаку от подписи по алтыну с головы, а подьячему, которой грамоту правую напишет или отпустную, с головы по три денги.

18 **О отпустной грамоте.** А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачей подписи, или з городов без наместнича докладу, за которым боярином кормление с судом боярским, ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную.

19 **О неправом суде.** А которого обинит боярин не по суду и грамоту правую на него сь диаком дасть, ино та грамота не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головы.

1–1 *В рукописи* прочной человекь з домом.

2–2 *Приписано на полях другим почерком.*

3–3 *Приписано над строкой другим почерком.*

4 *В рукописи* пописи.

20 **О наместниче указе.** А наместником и волостелем, которые держат кормлениа без боярьского суда, холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу, и отпустные холопу и робе не дати.

21 **О великом князи.** А с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как и с боярского суда, с рубля по два алтына, кому князь велики велит.

22 **О правой грамоте.** От правыя грамоты имать от печати печатнику великого князя и детей великого князя печатнику с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту правую напишет, с рубля по три денги.

23 А с холопа и с робы печатнику имати от правые грамоты с головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи с головы по алтыну, а подьячему [1], которой грамоту, напишет, имать с головы по три денги.

24 **О докладном списке.** А докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя докладу печатати великого князя печатнику и детей великого князя печатнику; от печати имати от списка с рубля по девяти денег; а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет, имать с рубля по две денги.

25 **О безсудном списке.** А от безсудныя грамоты имати печатнику с рубля по алтыну, а дьяку от подписи по алтыну же с рубля, а подьячему имать с рубля по две денги.

26 **О срочных.** А от срочных от подписи дьяку имать от срочные по две денги. А от отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги. А подьячим имати от писма с рубля по две денги. А коли ищея или ответчик оба вместе хотят срок отписати, и они платят оба по половинам от подписи и от писма, а неделщику хожоное. А которой ищея или ответчик к сроку не поедет, а пошлет срока отписывать, и тому все платить одному от срочных от обеих да и хоженое. А срочные дьяком держати у себя.

---

[1] *В рукописи было* подьяче, *слог* му *вачеркнут.*

27 **О безсудных.** А как давати безсудныя, дияком снести срочныя самим вместо, да розобрав срочные самим дияком, да велети им подьячим бессудные давати и сроки отписывати. А подьячим срочных не давати. А безсудные давати с осмаго дня.

28 **О приставных.** А от приставных имати печатнику у неделщиков по езду; с которые приставные рубль неделщику, и дияку от подписи взяти алтын у неделщика с рубля, а печатнику от печати у неделщика взяти алтын же. А будет езду болши рубля или менши до которого[1] города, и дияку и печатнику имать по тому же росчету. А будет в приставной иск менши езду, и дияку тех приставных не подписывати; а без неделщиков дияком приставных не подписывати же. А колко вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один до того города, в которой город приставная писана.

29 А хоженого на Москве площеднаа неделщику десеть денег, а на правду вдвое; и от поруки поминков не имати им. А езд неделщик емлет до которого города, а на правду им имати вдвое езд.

30 **Указ о езду.** А езду от[2] Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни десеть алтын, до Серпухова полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ерославца полтина, до Вереи полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина[3], до Кременска 20 алтын[4], до Можайска полтина, до Медыни пол-30 алтын, до Вязма пол-2 рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынска 40 алтын, до Одоева 40 алтын, до Козельска рубль с четвертию, до Белева тож, до Мезецка 40 алтын, до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, до Переславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ерославля рубль с четвертью, до Вологды пол-3 рубля, до Белаозера пол-3 рубля, до Устюга пять рублев, до Вычегды 7 рублев, до Двины и до Колмогор 8 рублев московскаа, до Володимеря рубль с четвертью, до Костромы пол-2 рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертию, до Га-

[1] *В рукописи* котого.
[2] *Переделано из* до.
[3] *Приписано под строкой киноварью* а (? 1).
[4] *Далее приписано под строкой киноварью* в (? 2).

лича пол-3 рубля, до Мурома пол-2 рубля, до Стародубскых князей отчины пол-2 рубля, до[1] Мещеры два рубля,[1] до Новагорода Нижнего пол-3 рубля, до Углеча рубль, до Бежицского Верху полтора рубля, до Романова рубль с четвертию, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зупцева и до Опок рубль, до Хлепни 40 алтын, до Ржевы рубль с четвертью, до Новагорода до Великаго пол-3 рубля московскаа.

31 А ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников и людей посылати с приставными. А урочников им не посылати с приставными. А от поруки им с приставными ездячи не имати ничего. **О неделщиках указ.** А в котором городе живеть неделщик, ино ему с приставными в том городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место ни в какове деле.

32 А кто[2] по[2] кого пошлет пристава в чем, и что ему в том убытка станет в волоките, или что даст от срочные и от правые грамоты или от бессудные, и правому то все взяти на виноватомь.

33 А неделщиком на суде на боярина, и на околничих[3], и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от порукы посулов не имати.

34 А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что[4] възговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя дасть, а клепати ему татю не велети никого. А пошлют которого неделщика по татей, и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому. А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти; а опришних ему людей не имати.

35 А у которого неделщика седят тати, и ему татей на поруку без докладу не дати и не продавати ему татей.

36 А которого татя дадут на поруку в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити, а ставити их перед судиами. А срочные их христианом отписывать и бессудные давати не волокитно, а от безсудных им у

[1–1] *Приписано сверху листа другим почерком.*
[2–2] *Приписано сверху над строкой.*
[3] *Исправлено из* олничих.
[4] *После слова* что *зачеркнуто киноварью слово* тать.

христиан не имати ничего. А коли срок отпишут обема истцемь вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего. А в езду своем дати на поруку до обыску, доколе дело скончается и ему взяти езд на виноватом. А кто ищеа или ответчик сам не поедет ко ответу [1], а пришлет в свое место срока отписывати, и недельщиком хоженое взяти на том на одном, кто поедет вь его место срока отписывати.

37 **Указ наместником о суде городскым.** А в которой город или в волость [2] в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику или волостелю, или их тиуном. А будут оба исца того города или волости судимыя, и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны.

38 А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити; а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити. А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будеть где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищея своего, а будет виноват ищея, и ему имати на ищеи с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищеи по тому ж росчету. А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте. А досудятся до поля да помирятся, и ему имати по грамоте. А побиются на поли, и ему имати вина и противень по грамоте. А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень вполы исцева, то ему и с тиуном. А побиются на поли в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева. А побиются на поле в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном.

---

[1] *В рукописи* оттвету.
[2] *В рукописи* вость.

39 **О татех указ.** А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубьство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то наместнику и его тиуну имати себе. А не будет у которого у лихого статка, чем исцево заплатить, и ему того лихого исцю вь его гибели не выдати, велети его казнити смертною казнью.

40 **О правой грамоте.** А от правой грамоты имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленья с судом с боярьским, с рубля по полутретья алтына от печати, то ему и с тиуном; а дьяку, которой грамоту правую напишеть, от писма с рубля имати по три денги. А тиун дасть грамоту правую, и он емлеть от печяти с рубля по полутретья алтына на государя своего и на себя, а дьяк его емлеть с рубля по три денги. А с холопа и с робы от правые грамоты от отпустные имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленье с судом з боярским, от печяти з головы по полутретья алтына. А дьяк его от писма з головы по три денги.

41 А тиуну его на корьмление холопу правые грамоты без доклада государя и отпустныя грамоты не дати.

42 **О отпустной грамоте.** А положит кто отпустную грамоту без боярьского докладу и без дьячьей подписи, или з городов без наместничя докладу, за которым кормление за сыном боярьским с судом с боярским, и та отпустная грамота не во отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишеть, и та отпустнаа грамота во отпустную.

43 Наместником и волостелем, которые дрьжать кормление без боярьского суда, и тиуном великого князя и боярьскым тиуном, за которыми кормлениа с судом з боярьским, холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати; а татя и душегубца не пустити и всякого лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити.

44 **О приставех.** А приставом наместничим по городом имати хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое имати в городе по четыре денги, а езд на версту по дензе, а на правду в городе и в волости вдвое.

45 Аще кто пошлет пристава по наместника, и по волостеля, по боярина и по сына боярскаго, и по их

тиунов, и по великого князя тиунов, и наместнику и волостелю, и их тиуном, и великого князя тиуном, и довотчиком к сроку отвечивати ехати; а не поедет к сроку сам, и ему к сроку в свое место к ответу послати.

46 **О торговцех.** А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо и поимаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались и целованиа ему нет.

47 А кто купит на чюжей земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей два[1] или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поималися, и целованиа ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати.

48 **О послушестве.** А кого послух послушествует в бою или в грабежю или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут, хощет на поле с послухомь лезет, или став у поля, у креста положит, на нем ищут, и истецъ бес целованиа свое возмет, и ответчикь и полевые пошлины заплатит, а вины ему убитые нет. А не стояв у поля, у креста положит, и он судиамь пошлину по списку заплатит, а полевых ему пошлинь нет.

49 А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет. А что правому учинитъся убытка или его послуху, ино те убытки на виноватом.

50 А послух не пойдет перед судью, ест ли за ним речи, нет ли, ино на том послусе исцово и убыткы и все пошлины взяти. А с праветчиком о сроце тому послуху суд.

51 А послух не говорит перед судиями в ысцевы речи, и истецъ тем и виноват.

52 А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или цернец, или черница, или кто от тех в послушестве будет кому, ино наймита наняти волно. А исцем или послуху целовати, а наймитом битися; а противу тех наймитов исцу или ответчику наймит же; а восхочет, и он сам биется на поли.

---

[1] *В рукописи далее* и два.

53 А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложа судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженого.

54 А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.

55 О **займах.** А которой купець, идучи в торъговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печатию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным какым безумием погубит товар свой без напраздньства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу.

56 А холопа полонит рать татарскаа, а выбежит ис полону, и он слободен, а старому государю не холоп.

57 О **христианском отказе.** А христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он весь двор платит.

58 О **чюжоземцех.** А которой чюжоземец на чюжеземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет.

59 А попа, и диакона, и черньца, и черницу, и строя, и вдову, которые питаются от церкви божиа, то судить святитель или его судия. А будет простой человек с церковным, ино суд вопчей. А котораа вдова не от церкви божии питается, а живет своим домом, то суд не святительской.

60 А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода.

61 О **изгородах.** А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится

потрава, ино тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от сел или от деревень, ино поженному государю не городитися, городит тот всю огороду, чьа земля оранаа пашня к пожни.

62 **О межах.** А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и манастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити кнутием, да исцу взяти на нем рубль. А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за боран по два алтына и за рану присудят, посмотря по человеку и по ране и по рассужению.

63 **О землях суд.** А взыщет боярин на боярине или монастырь на монастыре, или боярской на монастыре, или монастырской на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помесчике, или помесчик на черном и на сельском, ино судити потому ж за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судить. А которые земли за приставом в суде, и те земли досужывати.

64 А пересудчиком пересуд имати на виноватом две гривны, а менши рубля пересуда нет. А с списка с суднаго и с холопа и с земли пересуда нет. А с поля со всякого пересуд. А список оболживит кто да пошлется на правду, ино в том пересуд. А подвойскым праваго десятка 4 денги, а имати на виноватом же.

65 А на котором городе[1] будут два наместника или на волости два волостеля, и им имати пошлины по сему списку обе за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам.

66 **О полной грамоте.** По полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жити, то

---

[1] *В рукописи* годе.

не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп.

§ 67 О посулех и о послушестве. Да велети проклікать[1] по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новогородцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом не видев не послушествовати, а видевши сказати правду. А послушествует послух лживо не видев, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы.

§ 68 О полевых пошлинах. А к полю приедет околничей и диак, и околничему и диаку въспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручникы, и кого скажут за собою стряпчих и поручников, и им тем велети и стояти, а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати. А которые имуть опришние у поля стояти, и околничему и диаку тех отслати прочь. А не поидут опришнии люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на пороку да поставити перед великым князем.

Судебники XV—XVI вв. фототипия, лл. 1—12 об.

ПЕРЕВОД

В 1497 году, в сентябре месяце, уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и боярами о суде, как судить боярам и окольничим.

§ 1 Судить суд боярам и окольничим. А на суде быть у бояр и у окольничих дьякам. А частных вознаграждений (взяток) боярам, и окольничим, и дьякам от суда и от содействия (в разрешении дела) не брать; также и любому судье частного вознаграждения (взятки) от суда не брать никому. А судом не мстить, ни дружить никому.

§ 2 А кто придет к боярину с жалобой, и ему жалующихся от себя не отсылать, а давать всем приходящим с жалобами управу во всем, кому надлежит. А кого из жалующихся боярину самому нельзя управить (удовлетворить

[1] *В рукописи* проклинать.

его просьбу), и то (дело) сказать великому князю или к тому его (жалующегося) послать, которому которых людей приказано ведать.

3 А взимать боярину и дьяку (пошлины) в суде от иска в размере рубля на виноватом; (независимо от того) кто будет признан виновным, истец или ответчик, боярину на виноватом (взять) два алтына, а дьяку восемь денег. Если же цена иска будет выше рубля или (наоборот), ниже, то боярину взимать исходя из того же расчета.

4 **О полевых пошлинах** (пошлинах при судебном поединке). Если (тяжущиеся) доведут по суду дело до поединка, но не стояв на месте поединка, помирятся, то боярину и дьяку (взять судебные пошлины) по тому (вышеуказанному) расчету, боярину с (каждого) рубля (исковой суммы) два алтына, а дьяку восемь денег; но (в этом случае) окольничему, и дьяку, и приставам (исполняющим свои обязанности понедельно) полевых пошлин не причитается.

5 Если (тяжущиеся), стояв на месте поединка, помирятся, то боярину и дьяку взять по тому же расчету пошлины свои; а окольничему (пошлин) четверть (рубля) и дьяку четыре алтына с деньгою, а приставу четверть (рубля), да приставу же пошлины за организацию поединка два алтына.

6 Если (тяжущиеся) решат поединком дело о займе или о побоях, то боярину с дьяком взять на побежденном пошлину в соответствии с суммой иска, а окольничему (пошлины), полтина, а дьяку четверть (рубля), а приставу полтина, да приставу же пошлины за организацию поединка 4 алтына.

7 Если (тяжущиеся) решат поединком дело о поджоге, или об убийстве, или о разбое, или о воровстве, то на побежденном взыскать сумму иска, да окольничему на побежденном (взять полтину, да вооружение, в котором он вышел на поединок), а дьяку (пошлина) четверть (рубля), а приставу (пошлины) полтина, да приставу же пошлины за организацию поединка 4 алтына. А сам побежденный (на поединке) в наказании (подведомственен) боярину и дьяку.

8 **О воровстве.** Если приведут на кого-либо улики (доказательства) в воровстве, или разбое, или убийстве,

или злостной клевете с целью вымогательства, или в ином каком-либо преступлении, и окажется (что тот, на кого приведены улики, действительно заведомый) преступник, то боярину велеть его казнить смертной казнью, а сумму иска велеть взыскать из его имущества, а что останется из имущества, то боярину и дьяку взять себе. А пошлину (с судопроизводства) и уголовный штраф боярину и дьяку разделить (между собой): боярину два алтына, а дьяку восемь денег. А если у какого-либо преступника не будет имущества, чем заплатить сумму иска, то боярину преступника истцу в его убытке не выдать, а велеть его казнить смертною казнью тиуну великого князя московского и дворскому.

9 А убийцу господина (крестьянина, убившего своего владельца) и заговорщика, святотатца, и вора, совершившего убийство, и разглашателя секретных сведений, и поджигателя города с целью выдачи его врагу — заведомого преступника (из числа перечисленных) лишить жизни, казнить его смертною казнью.

10 **О ворах.** Если какого-либо вора задержат в каком-либо воровстве в первый раз (кроме кражи в церкви и кражи, сопровождающейся убийством), а в иной краже в прежней (совершенной ранее) улики (доказательства) на него не будет, то его казнить торговою казнью, бить кнутом, да взыскав на нем сумму иска, и судье его наказать продажей (штрафом). Если же не окажется у того татя имущества, чем (можно было бы) заплатить сумму иска, то бив его кнутом, да выдать головою истцу в его (истца) убытке для продажи в рабство, а судье ничего на нем (воре) не взыскивать.

11 Если задержат вора вторично в краже, то казнить его смертною казнью, а сумму иска заплатить из его имущества, а остаток его имущества (отдать) судье. А не окажется у того вора имущества, равного убытку истца, то его истцу в убытке (последнего) не выдавать (для продажи в рабство), казнить его смертною казнью.

12 Если на кого-либо возведут обвинение человек пять или шесть детей боярских добрых, по великого князя крестному целованью (присяге), или человек пять-шесть добрых черных крестьян целовальников (скажут), что он вор, а улики (доказательства) на него в прежнем деле не

будет, у кого крал или кому за украденное платил, то на том (оговоренном, несмотря на отсутствие прямых улик) взыскать истцов убыток без суда.

13 **О поличном.** Если с поличным его (вора) приведут в первый раз, а возведут на него обвинение человек пять или шесть по великого князя по крестному целованью (присяге), что он заведомый вор и прежде того неоднократно совершал кражу, то того (вора) казнить смертною казнью, а сумму иска заплатить из его имущества.

14 **О речах (показаниях) вора.** Если вор на кого-либо возведет обвинение, то про того (оговоренного) расследовать: если (он) окажется человеком (и в прошлом подвергавшимся) оговору с уликой (доказательством), то его подвергнуть пытке по обвинению в воровстве; если же на него не окажется оговора с уликой (доказательством) в каком-либо прежнем деле, то (одним) словам вора не верить, отдать его (оговоренного) на поруку до производства расследования.

15 **О правой грамоте** (приговоре суда). А от (оформления) правой грамоты взыскивать от (приложения) печати с (каждого) рубля (исковой суммы) по девяти денег, а дьяку от подписи (грамоты) с (каждого) рубля по алтыну, а подьячему, который напишет правую (грамоту), взыскивать с (каждого) рубля по три деньги.

16 **О докладном (судном) списке** (протоколе судебного разбирательства, поступавшем на доклад к боярину). А докладной (судный) список боярину печатать своею печатью, а дьяку подписывать, а взыскивать боярину от списка с (каждого) рубля по алтыну, а дьяку от подписи (списка) с (каждого) рубля по четыре деньги, а подьячему, который на списке напишет (решение), с (каждого) рубля по две деньги.

17 **О холопьей о правой грамоте** (приговоре суда по делам о холопстве). А от (оформления) правой грамоты и отпускной (на холопа и рабу) боярину взыскивать от печати с холопа и с рабы, с (каждой) головы (человека несвободного состояния) по девяти денег, а дьяку от подписи — по алтыну с головы, а подьячему, который грамоту правую напишет или отпускную, — с головы по три деньги.

18 **Об отпускной грамоте.** Если кто-либо предъявит отпускную (в центре) без доклада боярину и без подписи

дьяка, или из городов без доклада тому наместнику, за которым боярином (наместником) (находится) кормление с правом боярского суда, то подобная отпускная не признается отпускной, за исключением (только) такой отпускной, которую владелец (холопа или рабы) напишет собственноручно; в этом случае отпускная грамота признается имеющею силу (и без доклада).

§19 О неправильном суде. Если боярин обвинит кого-либо (в деле о холопстве) не по суду и даст с дьяком на него правую грамоту (обвинительный приговор суда), то такая грамота не признается имеющей силы; а взятое (на основании грамоты) — вернуть назад, а боярин и дьяк за это не несут ответственности; но тяжущимся (дать) суд по делу о холопстве.

§20 Об указе наместникам. А наместникам и волостелям, которые держат кормленья без права боярского суда, холопа и рабы без доклада (в центр, их владельцам) не выдавать, ни грамоты о возвращении владельцу его беглых людей не давать, также и холопу и рабе правой грамоты на их владельца (об освобождении из холопства) не давать без доклада, и отпускной холопу и рабе не давать.

§21 О великом князе. А с суда великого князя и с суда детей великого княза взыскивать (пошлины) на виноватом по тому же (расчету), как и с боярского суда, с (каждого) рубля (суммы иска) по два алтына, кому князь великий велит.

§22 О правой грамоте (приговоре суда). От (оформления) правой грамоты взыскивать от (приложения) печати печатнику великого князя и детей великого князя печатнику с (каждого) рубля (суммы иска) по девяти денег, а дьяку от подписи (грамоты) с (каждого) рубля по алтыну, а подьячему, который грамоту правую напишет — с рубля по три деньги.

§23 А с холопа и с рабы печатнику взыскивать от (оформления) правой грамоты с (каждой) головы по девяти денег, а дьяку взыскивать от подписи (грамоты) с (каждой) головы по алтыну, а подьячему, который грамоту напишет, взыскивать с (каждой) головы по три деньги.

§24 О докладном (судном) списке (протоколе судебного разбирательства, поступавшем на доклад к великому князю). А докладной (судный) список, с великого князя

доклада и детей великого князя доклада, печатать великого князя печатнику и детей великого князя печатнику; а от (приложения) печати взыскивать от списка с (каждого) рубля (суммы иска) по девяти денег, а дьяку от подписи (на списке) с (каждого) рубля по алтыну, а подьячему, который на списке напишет (решение), взыскивать с (каждого) рубля по две деньги.

25 О бессудном списке (обвинительном приговоре ответчику без судебного разбирательства дела, вследствие неявки его к сроку в суд). А от (оформления) бессудной грамоты (обвинительного приговора ответчику без судебного разбирательства дела, вследствие его неявки к сроку в суд) взыскивать печатнику с (каждого) рубля (суммы иска) по алтыну, а дьяку от подписи (на грамоте) — по алтыну же с (каждого) рубля, а подьячему взыскивать с (каждого) рубля по две деньги.

26 О срочных (грамотах, устанавливающих сроки явки сторон в суд). А от подписи грамот, устанавливающих сроки явки сторон в суд, дьяку взыскивать по две деньги от (каждой) срочной.

А от подписи грамот, изменяющих сроки явки сторон в суд, дьяку взыскивать с (каждого) рубля (суммы иска) по три деньги. А подьячим взыскивать от написания (грамот) с (каждого) рубля по две деньги.

А если истец или ответчик, оба вместе, захотят перенести срок (явки в суд), то (пусть) они заплатят оба пополам (пошлину) от переноса срока и от написания (отписной грамоты), а недельщику (приставу дадут) вознаграждение (за выполнение поручения по суду в пределах данного города). Если какой-либо истец или ответчик к сроку (в суд) не поедет, а пошлет перенести срок (явки), то тому все платить одному от обеих срочных (и за себя и за другого тяжущегося), да и вознаграждение приставу. А грамоты, устанавливающие сроки явки в суд, дьякам держать у себя.

27 О бессудных грамотах (обвинительных приговорах без судебного разбирательства дела, вследствие неявки одной из сторон в суд). А дьякам (в то время) как выдавать бессудные (грамоты), самим собрать вместе срочные (грамоты, устанавливающие время явки сторон в суд), да разобрав самим дьякам срочные (грамоты), велеть им

подьячим бессудные (грамоты) выдавать и сроки переносить. А подьячим срочных (грамот) не выдавать. А бессудные (грамоты) выдавать (считая) с восьмого дня (после срока, указанного в срочной грамоте и не соблюденного одной из сторон).

28 **О приставных грамотах** (выданных приставам, посланным с поручениями суда). А от приставных (грамот) взыскивать печатнику у недельщиков (пошлины) в зависимости от (суммы полученного ими) вознаграждения за поездку (по поручению суда): (если) с какой-либо приставной (грамоты) недельщику (приставу) (следует) рубль, то дьяку от подписи грамоты взять алтын у недельщика (пристава) с рубля, а печатнику от печати у недельщика (пристава) взять алтын же. А если будет вознаграждение (приставу) за поездку до какого-либо города больше рубля или (наоборот) меньше, то дьяку и печатнику взыскивать (пошлины) исходя из того же расчета. А если в приставной (грамоте) сумма иска (будет указана) меньше вознаграждения (приставу) за поездку (по поручению суда), то дьяку таких приставных (грамот) не подписывать; а без недельщиков (приставов) дьякам приставных (грамот) не подписывать же. А (независимо от того) сколько (будет указано) в приставной (грамоте) истцов в качестве участников (по долям) в оплате недельщика (пристава), (все равно) недельщику (приставу) вознаграждение (идет) в одной сумме, до того города, в который город написана приставная (грамота).

29 А вознаграждения, площадного, недельщику (приставу), отправляемому пешком в Москве (для вызова в суд тяжущихся) — десять денег, а для расследования обстоятельств дела на месте — вдвое больше (двадцать денег); а от дачи (тяжущихся) на поруку подарков (вознаграждения) не брать им (приставам). А вознаграждение за поездку (для вызова в суд тяжущихся) недельщик (пристав) получает из расчета (до того города), куда он послан, а (за поездку) для расследования обстоятельств дела на месте брать двойное вознаграждение.

30 **Указ о вознаграждении (приставу) за поездку (по поручению суда).** А вознаграждения за поездку от Москвы до Коломны — полтина, до Каширы — полтина, до Хотуни — десять алтын, до Серпухова — полтина, до

Тарусы — 20 алтын, до Алексина — двадцать пять алтын, до Калуги — рубль, до Ярославца — полтина, до Вереи — полтина, до Боровска — полтина, до Вышгорода — полтина, до Кременска — 20 алтын, до Можайска — полтина, до Медыни — 25 алтын, до Вязьмы — полтора рубля, до Звенигорода — 2 гривны, до Воротынска — 40 алтын, до Одоева — 40 алтын, до Козельска — рубль с четвертью, до Белева — тоже, до Мезецка — 40 алтын, до Оболенска — полтина, до Дмитрова — 10 алтын, до Радонежа — четверть, до Переяславля — 20 алтын, до Ростова — рубль, до Ярославля — рубль с четвертью, до Вологды — 2 рубля с полтиной, до Белаозера — 2 рубля с полтиной, до Устюга — пять рублей, до Вычегды — 7 рублей, до Двины и до Колмогор — 8 рублей московских, до Владимира — рубль с четвертью, до Костромы — полтора рубля, до Юрьева — рубль, до Суздаля — рубль с четвертью, до Галича — два рубля с полтиной, до Мурома — полтора рубля, до Стародубских князей отчины — полтора рубля, до Мещеры — два рубля, до Новгорода Нижнего — два рубля с полтиной, до Углича — рубль, до Бежецкого Верха — полтора рубля, до Романова — рубль с четвертью, до Клина — полтина, до Кашина — рубль, до Твери — рубль, до Зубцова и до Опок — рубль, до Хлепни — 40 алтын, до Ржева — рубль с четвертью, до Новгорода до Великого — два рубля с полтиной московских.

31 А ездить недельщикам (приставам) и на пopyку (ответчиков) давать самим с приставными (грамотами) или своих родственников и людей (холопов) посылать с приставными (грамотами). А людей, нанятых на срок, им не посылать с приставными (грамотами). А от (дачи на) поруку им (приставам) с приставными (грамотами) ездя, не брать ничего (никакого частного вознаграждения).

О недельщиках (приставах) указ. Если недельщик (пристав) живет в каком-либо городе, то ему в этом городе с приставными (грамотами) не ездить, не посылать ему (кого-либо) с приставными (грамотами) вместо себя ни по какому делу.

32 Если кто-либо (истец) пошлет по кого-нибудь (ответчика) пристава в каком-либо деле, и (если) ему (истцу) в том (деле) будет убыток от затяжки дела или

если он (истец) даст какую-либо сумму от (оформления) срочной (грамоты) и от правой грамоты или от бессудной, то признанному по суду правым все эти расходы взыскать на виноватом.

33 А недельщикам (приставам) на суде (у тяжущихся) в пользу боярина и окольничих, и дьяков вознаграждения (взятки) не просить и не брать, а самим от (дачи) на поруку вознаграждений (взяток) не брать.

34 Если кому-либо (из недельщиков-приставов) дадут вора (для содержания его под арестом) и велят его пытать, то ему (приставу) пытать вора без всякого предвзятого намерения, а если вор на кого-либо возведет какое-нибудь обвинение, то ему (приставу) сказать об этом великому князю или судье, который ему вора передаст, а клеветать ему (приставу) вору не велеть ни на кого. Если пошлют кого-либо из недельщиков (приставов) по воров (для задержания воров), и ему (приставу) воров задерживать без всякого предвзятого намерения, а не потакать ему (приставу) никому. А задержав ему (приставу) вора, не отпускать, ни взятки (у вора) не взять; а не причастных (к воровству) людей ему (приставу) не задерживать.

35 Если у какого-либо недельщика (пристава) сидят (под арестом) воры, то ему (приставу) воров на поруку без доклада не отдавать и не продавать ему воров (истцам в рабство).

36 Если какого-либо вора (приставы) дадут на поруку в каком бы то ни было деле, то им (приставам) истцов и ответчиков не задерживать (проволочкой судопроизводства по их делу), а ставить их перед судьями (передавать их дело в суд). А грамоты о сроке явки в суд им (приставам) крестьянам переписывать (переносить сроки) и бессудные (грамоты) выдавать без проволочки, а от бессудных (грамот) им (приставам) у крестьян не брать ничего (никаких взяток).

А если перенесут срок явки в суд обоим истцам вместе, и ему (приставу) взять за командировку пешком по поручению суда вознаграждение в ординарной сумме с обеих сторон пополам, а кроме этого вознаграждения, больше ему не брать ничего. А в уплате (приставу) вознаграждения за его поездку по поручению суда отдать ему (тяжущихся) на поруку до производства расследования, а как

дело закончится, и ему (приставу) взыскать вознаграждение за поездку с виноватого. Если кто-либо (из тяжущихся) истец или ответчик сам не поедет к ответу, а пришлет вместо себя (другое лицо) перенести срок явки в суд, то недельщикам (приставам) взять вознаграждение за командировку пешком по поручению суда (лишь) на одном том лице, которое приедет вместо тяжущегося переносить срок явки в суд.

37 **Указ городским наместникам о суде.** Если в какой-либо город или в какую-либо волость приедет недельщик (пристав) или его человек (холоп) с приставною грамотою, то ему приставную (грамоту) предъявить наместнику или волостелю, или их тиунам. Если оба тяжущихся будут подсудны данному городу или (данной) волости, то ему (приставу) обоих тяжущихся поставить перед наместником или перед волостелем или перед их тиунами.

38 А боярам или детям боярским, за которыми (значатся) кормления с правом боярского суда, производить суд, а на суде у них быть (присутствовать) дворскому и старосте, и лучшим людям. А без дворского и без старосты, и без лучших людей суда наместникам и волостелям не судить; а частного вознаграждения (взяток) им от суда не брать, и их тиунам, и их людям (холопам) частного вознаграждения (взятки) от суда не брать же ни на (имя) господина своего, ни на (имя) тиуна и пошлинникам от суда частных вознаграждений (взяток) не просить. А взять ему (наместнику) с суда, если истец выиграет свой иск, и ему взять на виноватом пошлину по (уставным) грамотам (наместничьего управления), то ему с тиуном, а не будет где грамоты, и ему (наместнику) взыскать (пошлину) в соответствии с суммой иска. Если не выиграет истец своего иска, а окажется виноватым истец, то ему (наместнику) взять (пошлины) с истца с (каждого) рубля (исковой суммы) по два алтына, а тиуну его (наместника) с (каждого) рубля по восьми денег. Если же цена иска будет выше рубля, или (наоборот) ниже, то взимать (пошлину) наместнику с истца, исходя из того же расчета. А доводчику (приставу, посланному для расследования обстоятельств дела), командированному пешком, и за поездку по поручению суда, и за производство дознания (взять пошлину) по (уставной) грамоте. Если (тяжущиеся) доведут по суду

дело до поединка и помирятся, то ему (наместнику) взять (судебные пошлины) по (уставной) грамоте. Если (тяжущиеся) решат дело судебным поединком, то ему (наместнику) взять пошлину с судопроизводства и с организации поединка по (уставной) грамоте. Если где нет (уставной) грамоты, а (тяжущиеся) (доведя дело до поединка) помирятся, то ему (наместнику) взять пошлину в сумме, равной половине иска; то ему и с тиуном. Если (тяжущиеся) решат поединком дело о займе или о побоях, то ему (наместнику) взять пошлину в соответствии с суммой иска. Если (тяжущиеся) решат поединком дело о поджоге, или об убийстве, или о разбое, или о воровстве, то с побежденного взыскать сумму иска, а сам побежденный в наказании и в уголовном штрафе (подведомственен) наместнику, то ему (наместнику) и с тиуном.

ст. 39 О ворах указ. Если приведут на кого-либо улики в воровстве, или разбое, или убийстве, или злостной клевете с целью вымогательства, или в ином каком-либо уголовном преступлении, и окажется (что тот, на кого приведены улики, действительно) заведомый преступник, то ему (наместнику) этого (преступника) велеть казнить смертною казнью, а сумму иска взыскать из его имущества, а что останется из имущества, то наместнику и его тиуну взять себе. А если у какого-либо преступника не будет имущества, чем заплатить сумму иска, то ему (наместнику) преступника истцу в его убытке не выдать, велеть его казнить смертною казнью.

ст. 40 О правой грамоте (приговоре суда). А от (оформления) правой грамоты взыскивать боярину или сыну боярскому, за которым кормление с правом боярского суда, с (каждого) рубля (суммы иска) по два с половиной алтына от (приложения) печати; то ему (наместнику) и с тиуном; а дьяку, который грамоту правую напишет, от письма с (каждого) рубля взыскивать по три деньги. Если тиун выдаст правую грамоту, то он (пусть) взыскивает от (приложения) печати с (каждого) рубля (суммы иска) по два с половиной алтына на господина своего (наместника) и на себя, а дьяк его взыскивает с (каждого) рубля (суммы иска) по три деньги. А от (оформления) правой грамоты и отпускной (на холопа и рабу) боярину или сыну боярскому, за которым кормление с правом боярского суда,

взыскивать от печати с холопа и с рабы с (каждой) головы (человека несвободного состояния) по два с половиной алтына. А дьяк его (наместника) от письма (правой или отпускной грамот на холопа и на рабу пусть взыскивает) с (каждой) головы по три деньги.

§ 41 А тиуну его (наместника) на кормление холопу правой грамоты без доклада господина (наместника) и отпускной грамоты не выдавать.

§ 42 **Об отпускной грамоте.** Если кто-либо предъявит отпускную грамоту без доклада боярину и без подписи дьяка, или из городов без доклада тому наместнику, за которым сыном боярским кормление с правом боярского суда, то подобная отпускная не признается отпускной, за исключением (только) такой отпускной, которую владелец (холопа или рабы) напишет собственноручно; в этом случае отпускная грамота признается имеющей силу (и без доклада).

§ 43 Наместникам и волостелям, которые держат кормления без права боярского суда, и тиунам великого князя, и тиунам бояр, за которыми (значатся) кормления с правом боярского суда, холопа и рабы без доклада не выдавать и отпускной (грамоты им) не давать, а вора и убийцу не отпускать, и всякого преступника без доклада не продавать (в холопство), ни казнить, ни отпускать.

§ 44 **О приставах.** А приставам наместничьим по городам брать вознаграждение за посылки пешком и за поездки по поручению суда на основании (уставной) грамоты, а где нет грамоты, и ему (приставу) брать плату за посылку пешком в пределах города по четыре деньги, за поездку по поручению суда (за город) из расчета по деньге на (каждую) версту, а за командировку для расследования обстоятельств дела в городе и в волости (брать) двойную сумму.

§ 45 Если кто-либо пошлет пристава по (обвинению) наместника или волостеля, боярина или же сына боярского, или по их тиунов, или по великого князя тиунов, то наместнику и волостелю и их тиунам, и великого князя тиунам, и доводчикам (приставам, собирающим улики по делу), ехать отвечать к сроку, если же (виновный) не поедет сам к (указанному) сроку, то ему в срок вместо себя к ответу послать (другое лицо).

46 **О торговцах.** Если кто-нибудь купит на торгу какой-либо новый товар за исключением лошади, не зная того (лица), у кого приобретет вещь, причем двум или трем добрым людям будет известно (что покупка действительно имела место) и если в дальнейшем (к покупателю) предъявит иск (обвиняя его в краже), а названные добрые люди скажут по правде, что (обвиняемый) перед ними совершил покупку в торгу, то тот (к кому предъявлен иск), признается правым и не должен приносить присягу.

47 Если кто-либо купит что-нибудь в пределах чужой земли, а к нему (затем) предъявят иск (о краже), и если только у него найдутся свидетели в количестве двух или трех добрых людей, которые скажут по правде, что (обвиняемый) в их присутствии купил товар на торгу, то тот, к кому предъявлен иск, признается правым и не должен приносить присягу; а если не окажется у него (обвиняемого) свидетелей, то привести его к присяге.

48 **О послушестве.** Если послух выступает по чьему-либо делу о побоях, или о грабеже, или о займах (на стороне истца), то дело решать по воле того, к кому предъявлен иск, (если ответчик хочет) пусть идет на поединок с послухом (истца) или же став на месте поединка, положит у креста сумму иска, а истец без присяги возьмет свое, а ответчик и полевые пошлины (пошлины с привода на поединок) заплатит, пошлин же в качестве побежденного на поединке (в этом случае ему) не надлежит (платить). Если (ответчик), не стояв на месте поединка, у креста положит (сумму иска), то (пусть) он судьям пошлину (с судопроизводства) по списку заплатит, а полевых ему пошлин (пошлин с привода на поединок) (в этом случае) не надлежит (платить).

49 А (для участия в поединке) против послуха, (если) ответчик будет стар или малолетен, или увечен, или (если ответчиком будет) поп, или монах, или монахиня, или (вообще) лицо женского пола, то (ответчику) против послуха разрешается нанять наемного бойца, а послуху (выставлять на поединок) наемного бойца нельзя. А если (во время суда тяжущемуся, являющемуся) правым или его послуху будет причинен какой-либо убыток, то этот убыток (взыскать) на виноватом.

50 Если послух (по вызову) не явится перед судьею (независимо от того) может ли он дать показания или же нет, то на том послухе взыскать сумму иска и убытки, и все пошлины. А с приставом, производящим взыскание по приговору суда, такому послуху судиться о сроке (уплаты суммы иска, судебных убытков и пошлин).

51 Если послух не дает показаний перед судьями согласно со словами истца, то истец тем самым признается виновным.

52 Если к кому-либо предъявит иск женщина, или малолетний, или какой-нибудь старик, или (человек) немощный, или пораженный каким-нибудь увечьем, или поп, или монах, или монахиня, или же от (перечисленных выше лиц) кто-нибудь будет послухом по чьему-либо делу, то (в таком случае истцам или их послухам) можно нанять наемных бойцов (для участия в поединке). А истцам или послуху целовать (крест), а наемным бойцам биться (на поединке); а против тех наемных бойцов (встречному) истцу или ответчику (разрешается выставить) наемного же бойца; а не захочет (встречный истец или ответчик нанять бойца) и (пусть) он сам бьется на поединке.

53 Если кто-нибудь задержит кого-либо через пристава по обвинению в побоях или в оскорблении словом, или по делу о займе, и они (тяжущиеся) не захотят итти в суд, то (пусть) они, доложив судье, помирятся, а судье штрафа на них (брать) не надлежит, кроме вознаграждения приставу за его поездку и исполнение поручения (по задержании ответчика) пешком.

54 Если человек, нанявшийся на работу, не дослужит до условного срока, а уйдет (ранее срока) прочь, то он лишается платы за работу.

55 **О займах.** Если какой-либо купец, отправляясь в торг, возмет у кого-нибудь (для торговых оборотов) деньги или товар, а в дороге товар у него погибнет без всякого злого умысла с его стороны: утонет или сгорит, или его захватит войско, — то боярин, произведя расследование, пусть велит дьяку великого князя дать тому (купцу) грамоту с печатью великого князя об уплате истцу в рассрочку основного капитала без процентов.

56 Если холопа возьмет в плен татарское войско, а он убежит из плена, то он получает свободу и не (является больше) холопом прежнему господину.

57 **О крестьянском отказе.** А крестьянам отказываться из волости (в волость), из села в село в один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и в течение недели после Юрьева дня осеннего (26 ноября). Пожилое за дворы (крестьяне пусть) платят в полях из расчета рубль за двор, а в лесах полтина (за двор). Если какой-либо крестьянин поживет за кем-нибудь год и уйдет прочь, то (пусть) он заплатит (пожилое за) четверть двора; если поживет два года и пойдет прочь, то (пусть) он заплатит (пожилое за) полдвора; если поживет три года и пойдет прочь, то (пусть) он заплатит (пожилое за) три четверти двора; если поживет четыре года, то (пусть) он заплатит (пожилое) за весь двор.

58 **Об иноземцах.** Если какой-либо иноземец предъявит иск к иноземцу, то воля того, к кому предъявлен иск (дело решается по его выбору): (если) хочет, (пусть) поцелует крест, что не виноват в том (в чем его обвиняют); или (пусть) положит у креста сумму иска, а истец, поцеловав крест, возьмет (эту сумму себе).

59 А попа и дьякона, и монаха, и монахиню, и (церковного) сторожа, и вдову, которые питаются от церкви божьей, тех судит святитель или его судья. Если простой (мирской) человек будет (в споре) с церковным, то (в таком случае организуется) общий (сместный) суд. Если какая-либо вдова питается не от церкви божией, а живет своим домом, то (в отношении нее действует) суд не святительский.

60 Если какой-либо человек умрет без духовной грамоты (завещания) и у него не останется сыновей, то все (его) движимое имущество и земли (переходят) дочери, если не будет у него дочери, то взять (движимое и недвижимое имущество) ближайшему родственнику.

61 **Об изгородях.** А между сел и деревень (владельцам смежных владений) городить изгороди пополам; а через чью изгородь будет совершена потрава (поля), тому (владельцу) чья изгородь и платить (штраф за потраву). А где (имеются) луга, удаленные от сел или от деревень, там владельцу лугов не городить (изгородей), всю (же)

изгородь (пусть) городит тот, чья пахотная земля (смежна с чужими) лугами.

62 **О межах.** Если перепашет межу или перерубит грани кто-либо из владений великого князя у владений боярина и монастыря или (из владений) боярина и монастыря у владений великого князя, или (из владений) боярина или монастыря у боярина, или (из владений) боярина у монастыря, и того, кто перепахал межу или перерубил грани, бить кнутом, а истцу взыскать на нем рубль (штрафа). Если крестьяне между собой в одной волости или в (одном) селе перепашут или перекосят один у другого межу, то волостелям или посельскому взыскать на том (кто виноват), за барана по два алтына, а за рану (пусть) присудят, смотря по человеку и по ране, и по рассуждению.

63 **О землях суд.** Если предъявит иск (о земле) боярин к боярину или монастырь к монастырю, или боярин к монастырю, или монастырь к боярину, то принимать к суду (дела о завладении землей) за три года (до возбуждения иска), а (дела о завладении землей) более, чем за три года (до возбуждения иска) к суду не принимать. Если предъявит иск (о земле) черный (крестьянин) к черному (крестьянину) или помещик к помещику, за которым земли великого князя, или черный или сельский (частновладельческий) крестьянин к помещику, или помещик к черному и к сельскому (частновладельческому) крестьянину, то также принимать к суду (дела о завладении землей) за три года (до возбуждения иска), а (дела о завладении землей) более, чем за три года (до возбуждения иска) к суду не принимать. Если предъявит иск к боярину или к монастырю о великокняжеской земле, то принимать к суду (дела о завладении землей) за шесть лет (до возбуждения иска), а (дела о завладении землей) более, чем за шесть лет (до возбуждения иска) к суду не принимать. О тех землях, которые (как спорные) отданы судом под охрану пристава (во избежание незаконных наездов на них до суда со стороны тяжущихся), суд доводит до конца. А судьям, пересматривающим дело, взыскивать с виновного пошлину (за пересмотр) в сумме двух гривен (с рубля), а с исков на сумму меньшую рубля пошлины за пересмотр дела не полагается.

64 А с судного списка (протокола суда), как по делам о холопстве, так и по делам о земле (передаваемого

на доклад), пошлина за пересмотр дела не полагается. Со всякого дела, решаемого полем (при докладе), взыскивается пошлина, как при пересмотре. Если кто-либо (из тяжущихся) объявит (во время доклада) судный список (протокол суда, предъявленный к докладу) лживым (составленным неправильно) и потребует нового расследования, то (в этом случае взыскивается) пошлина за пересмотр дела. А приставам (дать) пошлину (за расследование обстоятельств дела), а взять на виноватом же.

65 Если в каком-либо городе будут два наместника или в (какой-либо) волости два волостеля, то им взимать пошлины по этому списку обоим за одного наместника (в сумме, равной той, которая предназначена для одного наместника), а тиуном их за одного тиуна, и они пусть между собой делят пополам.

66 **О полной грамоте.** По полной грамоте (грамоте о самопродаже в холопство) (человек становится) холопом. По тиунству и по ключу посельскому (по должности сельского тиуна и ключника) (человек становится) холопом (независимо от того — оформлена ли грамота о холопстве) с докладом или без доклада (боярину и наместнику с правом боярского суда), с женою и с (теми) детьми, которые его (холопа) дети (будут жить) у одного господина; а те его (холопа) дети, которые будут жить у другого (господина) или сами по себе, те не холопы. А по городскому ключу (должности городского ключника) (человек не становится) холопом. По холопке (на которой человек женится, он становится) холопом, по холопу (за которого женщина выйдет замуж, она становится) холопкой; по грамоте о выдаче приданого (человек считается) холопом, по духовной (грамоте, завещанию) (человек считается) холопом.

67 **О взятках и о послушестве.** Да велеть объявить по торгам в Москве и во всех городах Московской земли, и Новгородской земли, и по всем волостям приказать, чтобы истец и ответчик судьям и приставам взятки не обещали в суде, а послухам, если они не видели (обстоятельств дела) не давать показаний, а если видели, сказать правду. А если послух послушествует ложно, не видев (обстоятельств дела), а впоследствии это откроется, то на том послухе (будут взысканы) все истцовы потери и с (судебными) издержками.

68 **О полевых пошлинах** (пошлинах с поединка). Если к месту поединка приедут окольничий и дьяк, то окольничему и дьяку спросить тяжущихся, истца и ответчиков, кто у них стряпчий (судья поединка) и поручитель, и кого они (тяжущиеся) укажут в качестве своих (стряпчих и поручителей), и им (окольничему и дьяку) тем стряпчим и поручителям велеть и стоять (на месте поединка); а оружия и дубин, и ослопов стряпчим и поручителям при себе не держать. А кто из посторонних людей будет стоять на месте поединка, и окольничему и дьяку тех (посторонних людей) отослать прочь. А если посторонние люди не пойдут прочь, то окольничему и дьяку на тех (посторонних людях) велеть взыскать сумму иска и с (судебными) пошлинами да велеть их дать на поруку да поставить перед великим князем.

Историко-правовой обзор

Введение. Судебник начинается с сообщения о принятии его в сентябре 1497 года Иваном III совместно со своими детьми и боярами. Поскольку всем статьям Судебника или нескольким из них, объединенным единой мыслью, в тексте предпосланы заголовки, то можно предполагать, что Владимирский-Буданов, впервые издавший Судебник с делением его на статьи, допустил ошибку, вставив в текст введения выражение: «как судити бояром и околничим». Эта фраза по логике построения Судебника, как правильно считает Л. В. Черепнин, должна явиться заголовком к ст. ст. 1—3 Судебника. Введение же к закону гласило: «лета 7006 месяца септемвриа, уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде».

Л. В. Черепнин полагает, что текст Судебника был окончательно выработан к февралю 1498 года, когда Иван III венчал на совместное великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича. Свое предположение Л. В. Черепнин обосновывает тем, что в речах митрополита Симона и Ивана III, произнесенных во время обряда венчания, затрагивались вопросы правосудия и что последующий кодекс

Русского государства — Судебник 1550 года — появился в связи с актом венчания на царство Ивана IV. Таким образом, процесс выработки Судебника происходил с 1 сентября 1497 г. (дата, упоминаемая в начале Судебника) до февраля 1498 года.

Ст. 1. Заголовок «как судити бояром и околничим» открывает ряд постановлений Судебника, являющихся серьезной вехой в истории развития русского законодательства.

Первые статьи Судебника формулируют принципы управления, характерные для развивающегося централизованного государства. Судебник впервые устанавливает различие между судебной деятельностью главы государства — великого князя и судебной деятельностью бояр.

Статья определяет порядок деятельности боярского суда. Суд осуществляют бояре или окольничие в присутствии государственного чиновника — дьяка. Появление дьяка на боярском суде означало ограничение боярских привилегий в области отправления правосудия.

Еще до издания Судебника 1497 года князья направляли совместно с боярами дьяков для разрешения важнейших судебных вопросов. Так, например, князь Андрей Васильевич, брат Ивана III, послал для рассмотрения на месте земельного спора бежецкого наместника Семена Борисовича Легнева и дьяка Александра Карамышева и принял решение «по слову» наместника и дьяка (А. А. Федотов-Чеховской, Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I, Киев, 1860, № 9).

Позднейшие источники прямо указывают на полное доверие великокняжеской власти дьякам, являвшимся ее надежной опорой. Именно поэтому наиболее откровенный представитель феодальной оппозиции, ставший на путь прямой измены Русскому государству, князь Курбский с неприкрытой ненавистью вспоминает «о писарях русских»: «...им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов, или от простаго всенародства, а что ненавидячи творит вельмож своих» (РИБ, т. XXXI, стб. 221).

Чрезвычайно характерно провозглашение Судебником запрещения посулов (о посулах см. историко-правовой обзор к ст. 6 ДУГ, к ст. 4 Записи о душегубстве). О массовом распространении и вреде их вынуждены были говорить

во всеуслышание даже представители высшего духовенства (см. послание Кирилла Белозерского можайскому князю Андрею Дмитриевичу: «не оправдиши нечестивого мзды ради», АИ, т. I, № 16). Правительство дало в законе указание о запрещении посулов (ср. ст. ст. 33, 38, 67).

Однако распространение посулов было настолько велико, что составители Судебника не решились, кроме общего запрещения, указать на конкретные санкции за совершение этого преступного действия. Понадобилось свыше пятидесяти лет, чтобы в законе появилось упоминание о наказании за это преступление (см. ст. ст. 3, 4, 5 Судебника 1550 года).

Упоминание о «нелицеприятном», справедливом суде («а судом не мстити, не дружити никому») основывается на соответствующем постановлении ст. 3 Псковской судной грамоты («А судом не мститися ни на кого ж, а судом не обчитись...») и является законодательным запрещением использовать суд в личных интересах судьи.

Боярином — термин «боярин» определял высшего сановника, близкого к князю. В обиходном смысле под «боярином» подразумевали привилегированного землевладельца. В середине XV века под «боярином», помимо общепринятого наименования представителей верхушки феодального общества, подразумевают так называемых «введенных бояр», то есть придворных лиц, получающих этот чин за выдающиеся заслуги перед великим князем. Судебник, упоминая о боярах, говорит о введенных боярах, высших чинах служилой иерархии Русского государства.

Окольничим — окольничий, высший после боярина чин в государственном управлении, в данном случае великокняжеский судья. Количество окольничих было невелико. На их обязанности лежали разнообразнейшие функции по государственному управлению. Впервые окольничие упоминаются в середине XV века (см. Д и ДГ, стр. 13).

Дьяком — Со второй половины XV века с усилением и развитием Русского централизованного государства дьяки приобретают большое значение в деятельности государственного аппарата. В своем большинстве дьяки были люди «худородные», происходили из различных разрядов служилых людей, посадских, духовенства. Дьяки положили начало той правительственной бюрократии, которая, по

словам В. И. Ленина, de facto правила государством российским (см. Соч., т. I, стр. 272).

От печалования — печалование, забота, ходатайство. В данном случае подразумевается запрет посулов за удовлетворение ходатайства челобитчика.

Ст. 2. Статья впервые в русском законодательстве выражает попытку регламентировать деятельность лиц, возглавлявших какую-либо отрасль центрального управления. Боярин, ведавший ею, ограничивает круг подсудных ему дел или лиц той отраслью управления, которой он занимается. Судебник отразил в данной статье процесс зарождения приказной системы. Согласно ст. 2 судья (боярин, окольничий) мог разрешать те категории дел, для решения которых он имел указания в законе или судебной практике. В противном случае судья должен был доложить великому князю о возникающих недоразумениях. Все эти вопросы разрешались судьей лишь по отношению к подсудным ему лицам («которые ему приказано ведати»). Отсюда вытекало установленное Судебником правило о невмешательстве судьи в чужой присуд.

Давати всем жалобником управа во всем, которым пригоже — предоставлять всем обращающимся в суд возможность разрешения их дела. Фактически подобное постановление предоставляло широкие возможности для защиты судом интересов феодалов, поскольку давало им право при посредстве суда захватывать обрабатываемые «черными» крестьянами земли, на владение которыми у крестьян, как правило, не было соответствующей документации.

Так, в одном споре между Симоновым монастырем и черносошным крестьянином из-за земельных угодий свидетельские показания в своем большинстве склонялись на сторону истца — черносошного крестьянина. Тогда монастырь предъявил на суде жалованную грамоту Ивана III на все владения Симонова монастыря, выданную взамен сгоревших во время пожара жалованных грамот. И хотя в предъявленной грамоте ничего не говорилось о спорной земле, дело было разрешено в пользу монастыря. Судья воспользовался наличием документа и дал «управу» духовному феодалу (См. ГИМ, Сим., кн. 58, Моск. уезд, № 10). Обычно поводом отказа крестьянам в иске служило то, что они своевременно «управы» не искали (АФЗ и Х, № 306).

Которого жалобника а не пригоже управити — невозможно разрешить дело жалобщика.

Ст. 3. Статья определяет сумму пошлин, взыскиваемых за судебное рассмотрение дела. Установление строгой таксы взимаемых пошлин имело большое значение, ибо препятствовало корыстолюбивым притязаниям различных представителей государственного аппарата. Подобная же регламентация пошлин имелась и в уставных грамотах (см. ст. 9 БУГ) и в Судебнике 1550 года (ст. 9).

Ст. ст. 4—7. Эти статьи объединены общим заголовком «О полевых пошлинах» и формально посвящены определению размера судебных пошлин и порядка их взимания в казну. По существу же постановления ст. ст. 4—7 Судебника являются выражением последовательно проводимой правительством политики, стремившейся к полной ликвидации вооруженных состязаний перед лицом суда — «поля» (ср. историко-правовой обзор к ст. 9 БУГ). О «поле» говорят и последующие статьи Судебника (ст. ст. 48—54).

«Поле» являлось одним из пережитков старых форм судопроизводства. Разрешение судебных споров при помощи поединка устраняло возможность влияния на ход судебного процесса со стороны суда как органа государственной власти и могло привести к нежелательным для господствующего класса результатам.

Дошедшие до нас судные списки конца XV — начала XVI вв. показывают, что правительственные судьи стремились, несмотря на желание сторон, помешать судебному поединку и разрешить дело при помощи иных доказательств. Так, например, при тяжбе Ферапонтова монастыря с крестьянами соседней Есюнинской волости о нарушении ими границ монастырских земельных владений ответчики — волостные крестьяне и выставленные ими свидетели, не обладая какими-либо письменными доказательствами своей правоты, предъявляют требования о судебном поединке: «... лезем с ними на поле битися». Однако судья, защищавший интересы феодалов, обосновал свое решение на письменном доказательстве — грамоте на спорные земли, которая хранилась у монастыря. Дело было решено в пользу монастыря (АЮ, № 207).

Устанавливая строгие правила проведения «поля», законодатель в случае разрешения судебного спора поединком

вводит определенную градацию судебных пошлин в сторону их увеличения. При проведении «поля» законодатель увеличивает количество судебных агентов, которым причитается уплата судебных пошлин. Все это, понятно, не способствовало распространению судебного поединка как решающего вида судебных доказательств.

Дошедшие до нас литературные памятники, равно как и статьи обоих Судебников (см. ст. ст. 10—11 Судебника 1550 года), рисуют следующую картину проведения «поля». Судебный поединок происходил в присутствии специально назначенных должностных лиц: окольничьего, дьяка и недельщика. Они наблюдали за порядком при «спущении поля». Место поединка обносилось специальной изгородью (веревкой), за что недельщик получал свое «вязчее». На его обязанности лежало также воспрепятствование участию в «поле» лицам, сопровождавшим стороны. Поражение на «поле» являлось бесспорным доказательством вины; в случае примирения до начала поединка судебные пошлины резко уменьшались.

«Поле» применялось как вид доказательства и при разрешении гражданских споров («в заемном деле или в бою») и при рассмотрении уголовных дел («в пожеге, или в душегубстве, или в разбое, или в татьбе»). Поражение в первом случае влекло для проигравшей стороны обязательство дать материальное удовлетворение победителю и уплатить соответствующие пошлины. Во втором же случае побежденный подлежал «казни и продажи боярину и диаку», что означало право судьи выносить приговор о применении соответствующих мер наказания к побежденному и конфискации его имущества, с удовлетворением в первую очередь имущественных притязаний победителя.

Недельщиком — недельщик, судебный пристав (см. ст. 28).

В бою — в драке, повлекшей за собой причинение телесных повреждений.

Противень — в данном случае пошлина в пользу суда с лица, признанного виновным.

Убитый — потерпевший поражение на судебном поединке («поле»).

Исцево — цена иска.

Ст. 8. Статья открывает цикл постановлений Судебника, посвященных борьбе с наиболее тяжкими преступлениями. Нормы ст. 8 основываются на предыдущих русских правовых актах, в частности на ст. 10 БУГ, начало которой текстуально совпадает с началом данной статьи. Задачи подавления эксплуатируемых масс стояли и перед составителями Судебника, когда они вырабатывали уголовно-правовые разделы русского кодекса.

Закон перечисляет наиболее тяжкие преступления: татьба, разбой, душегубство (убийство), ябедничество (ложный донос, злостная клевета), — и с целью предоставления неограниченных возможностей расправы со всеми непокорными и неповинующимися предусматривает в качестве преступного действия «иное какое лихое дело», не раскрывая содержания этого состава преступления. При помощи подобной расплывчатой формулы правительство могло проводить беспощадную политику классового террора, не связывая себя ограничениями закона.

Упоминание в конце статьи об осуществлении наказания над «ведомым лихим человеком» представителями великокняжеской администрации свидетельствует о возросшей роли феодального государства, не желающего кому-либо передоверять свои судебные функции.

Доведуть — расследуют преступление, донесут на преступника, сообщат о преступлении.

Ведомой лихой — к этой категории фактически могли быть отнесены все лица, выступавшие против господствующего класса. Объявление «добрыми людьми» (представителями дворянства, зажиточной верхушки посада и черносошного крестьянства) кого-либо «ведомым лихим человеком» по существу ставило его вне закона и служило актом классовой расправы (ср. ст. 13).

Статок — имущество, наследство (ср. ст. ст. 10, 11, 13).

Ст. 9. К числу особо тяжких посягательств на феодальный правопорядок, бесспорно караемых смертной казнью, закон относит убийство господина (ср. ст. 18 — государь, господин холопа), крамолу, поджог, церковную и головную татьбу, подмет. Статья 9 Судебника восходит к ст. 7 Псковской судной грамоты, значительно дополняя и расширяя ее.

В первую очередь закон реагирует на одно из наиболее ярких проявлений классовой борьбы — на убийство гос-

подина. Покушение на жизнь представителя господствующего класса каралось смертной казнью. В то же время закон не упоминает ни слова о наказании господина за убийство холопа. Вводя физическое уничтожение убийцы своего господина, законодатель сочетал принцип возмездия с принципом устрашения.

Под крамолой закон подразумевал измену родине, причем в состав этого преступления включалось не только действие, но и обнаружение умысла, направленного против личности или власти монарха. Крамольниками законодатель именовал представителей тех кругов населения Русского государства, которые боролись с правительственной политикой и пытались посягнуть на безопасность государства.

Герберштейн переводил слово «коромольник» как предатель крепости. Это далеко не точный перевод, однако он свидетельствует, что понятие «крамола» включало в себя и измену со стороны представителей господствующего класса, ибо они возглавляли вооружённые силы, командовали гарнизонами крепостей и в своекорыстных интересах могли совершать акты предательства.

Несомненно, что расправа Ивана III в 1499 году со своими вельможными противниками — боярами Патрикеевыми и боярином Ряполовским происходила в форме борьбы с крамолой. Крамола инкриминировалась и всем тем представителям «низов» феодального общества, которые вступали в открытую борьбу против господствующего класса.

Не менее тяжким преступлением в глазах законодателя являлось покушение на церковное имущество. Церковь требовала от феодального государства беспощадной расправы с любыми посягательствами на ее добро.

В число особо опасных преступлений закон включал так называемую «головную татьбу». Обычно исследователи под этим термином закона понимают кражу холопов и обманную их продажу.

Появление этого постановления может быть объяснено потребностями экономического развития Русского государства, ощущавшего в XV веке большую нужду в свободных рабочих руках.

Заинтересованный в повышении доходности своих владений, феодал стремился посадить на свою землю как

можно больше феодально-зависимых людей, в том числе холопов. Пребывание холопов на господской пашне освобождало землевладельца от обязанности содержать их и в то же время резко увеличивало доходность землевладения. Поэтому землевладельцы не пренебрегали никакими способами для увеличения числа своих зависимых людей.

Помимо переманивания и привлечения на свои земли рабочей силы, землевладельцы могли прибегать и к таким методам, как кража холопов. Взяв на себя в ст. 57 Судебника решение вопроса об удержании за феодалами рабочих рук, государство не могло допустить ни малейшего покушения на свои прерогативы, не могло поколебать уверенности феодалов в незыблемости их прав на подневольный труд. В силу этого государство обрушивает тяжесть репрессии на тех, кто подрывал в данном случае установленный правопорядок.

Однако дошедшие до нас документы показывают, что санкция закона в подобных случаях не имела определенной силы. Так, в 1541 году слушалось дело по обвинению приказчиков боярина Волынского — Щетины и Барыти и его повара Никиты в том, что они похитили двух холопок — Чернявку и Селянку со двора их владельца Колупаева, укрыв их на дворе боярина Волынского. Проведенное следствие подтвердило виновность Никиты-повара, ставшего мужем одной из холопок, в организации хищения, и приговором суда Никита, являвшийся свободным человеком, был отдан Колупаеву в полную собственность на основании ст. 66 Судебника («по робе холоп») (АЮ, № 21). Повидимому, здесь в отступлении от буквы закона сыграла существенную роль потребность землевладельцев в рабочих руках.

Существует иная точка зрения на понятие «головчая татьба». Л. В. Черепнин, ссылаясь на ст. 98 ПСГ, считает, что понятие «головная татьба» происходит от термина «головщина» — убийство, обвинение в убийстве. Отсюда вытекает вывод автора, что ст. 9 Судебника понимает под головной татьбой воровство, сопровождавшееся убийством. Следует, однако, помнить, что в XV веке под разбоем также подразумевали хищения, сопровождавшиеся насилиями и убийством. Таким образом, вполне вероятно, что законо-

датель XV века выдвигал для обозначения одного и того же состава преступления два термина.

Не менее тяжким преступлением закон считает подмет, то есть подбрасывание кому-либо похищенного имущества с целью обвинения его в разбое или татьбе. Подмет, могущий ввести в заблуждение государственную власть, являлся в глазах законодателя настолько серьезным преступным деянием, что в качестве меры наказания назначалась смертная казнь.

Л. В. Черепнин полагает, что в данном случае речь идет о шпионаже, разглашении секретных сведений.

Перечень особо опасных преступлений замыкает поджог, являвшийся в отдельных случаях актом классовой мести. Л. В. Черепнин высказал предположение, что ст. 9 имеет в виду лиц, поджигавших города, и сослался на то, что этот вопрос приобрел большое значение в связи с пожарами 1547 года в Москве. Герберштейн в своем переводе трактует слово «зажигальники» как «те, кто поджигает людей». Подобная фраза не требует особо распространительных толкований, и ясно, что в законе речь идет о любом поджоге. На практике же часто вместо смертной казни, если поджог не был актом классовой борьбы, применялись иные наказания.

Так, например, в 1503 году слушалось дело по обвинению крестьянина Михалка Жука в поджоге им деревни Ильинской, принадлежавшей Суздальскому Ефимиевскому монастырю. В качестве поджигателя выступает бывший монастырский крестьянин, год назад покинувший монастырскую землю и оставивший в руках монастыря свое небольшое имущество. Обвиняемый признался в совершении поджога и показал, что осуществлял его совместно с другим крестьянином, скрывшимся от суда. Если бы суд строго следовал предписаниям ст. 9 Судебника, то Михалко Жук подлежал осуждению к смертной казни. Однако судья только постановил взыскать с Михалка Жука причиненный им ущерб и, поскольку Михалко был объявлен несостоятельным, отдал его монастырю до «искупа» (АЮ, № 10).

При сопоставлении постановлений Судебника с данным конкретным случаем возникает вопрос, можно ли причислить Жука к «ведомым лихим людем». Из обстоятельств дела видно, что обвиняемый совершил поджог, «риясь»

(досадуя, сердясь) на монастырь. Судебник как раз и ставил своей целью карать тех представителей эксплуатируемых, которые выражали свой протест против угнетавшего их строя. Поджог являлся одной из форм активного сопротивления закрепощаемого крестьянства. Отсюда видно, что не может быть сомнения в причислении Михалка Жука к «ведомым лихим людем». Суд, однако, не счел нужным применить к осужденному предусмотренную законом санкцию. В решении суда, несомненно, основную роль сыграла потребность феодала, в данном случае монастыря, в свободных рабочих руках.

Помимо лиц, совершивших конкретные преступные деяния, ст. 9 предусматривает наказание «ведомого лихого человека». Введение смертной казни вне зависимости от состава преступления, а в зависимости лишь от личности преступника, явилось ярким отражением усиления классового террора в период создания Судебника.

Средством обнаружения «ведомого лихого человека» был повальный обыск. Уже в период издания Судебника «облихование» по повальному обыску играло существенную роль (ср. ст. 12). В случае совершения в какой-либо местности тяжкого уголовного преступления правительство направляло туда недельщиков, на которых лежала обязанность организации розыска преступников. Розыскные действия недельщиков сводились к допросу местных жителей о лицах, могущих быть заподозренными в совершении «лихого дела». Позднейшие документы показывают, что в каждом уезде допрашивались «добрые люди» — местные землевладельцы, духовенство, наиболее зажиточные крестьяне. «Облихование» ими кого-либо влекло арест «облихованных», если к ним даже и не были предъявлены конкретные обвинения. «Облихованные» по повальному обыску подвергались пытке, которой они не могли избегнуть даже при полном признании своей вины. Если же обвиняемый ни в чем не сознавался, то все равно после пытки он подвергался смертной казни.

Повальный обыск явился зародышем розыскного (инквизиционного, следственного) процесса в России.

Ст. ст. 10—11. Закон относит к числу отягчающих признаков преступного деяния рецидив. Первичное совершение татьбы влекло за собой так называемую торговую

казнь (битье кнутом) в тех случаях, если обвиняемый не был церковным или головным татем, и соответствующее денежное взыскание (возмещение ущерба истцу и продажу судье). В случае несостоятельности преступника в первую очередь удовлетворялись интересы потерпевшего (истца), что свидетельствует о максимальном стремлении государства к защите интересов феодальных собственников.

Статья 11 определяет порядок наказания за рецидив. При повторном совершении преступления рецидивист карался смертной казнью.

Довода — привода на суд, обвинения (см. ст. 12).

Истцу его выдать в его гибели головою на продажу — отдать истцу обвиняемого в холопы в порядке возмещения ущерба.

А поимают татя ... с татьбою — на месте преступления.

Ст. ст. 12—13. Статьи посвящены изобличению преступников. В этих постановлениях нашло свое наиболее полное отражение стремление Судебника к последовательному проведению основанных на устрашении принципов феодальной юстиции.

Показания пяти-шести детей боярских или целовальников давали возможность судьям даже в случае отсутствия доказательств в виновности взыскивать с «облихованного» человека «истцову гибель бес суда». При поимке преступника с поличным показания тех же пяти-шести людей, скрепленные крестным целованием, о том, что данный обвиняемый слывет как «тать ведомый», служили достаточным основанием для вынесения смертного приговора.

Постановления ст. ст. 12—13 являются новыми нормами, разработанными составителями Судебника и отражающими принципы развитого феодального права.

Взмолвят — оговорят (ср. ст. 13, 14).

Детей боярскых — дети боярские, низший по сравнению с боярами разряд свободных служилых людей. Дети боярские занимали низшие и средние должности в армии и в системе управления. За свою службу они, как и другие представители класса феодалов, получали земельные пожалования. Впоследствии термин «дети боярские» поглощается термином «дворяне».

Черных человек — черносошные, волостные крестьяне, сидевшие на черных тяглых землях и находившиеся под

управлением общей администрации. Поскольку «черные» люди подчинялись непосредственно великокняжеским чиновникам и платили налог (тягло) в государственную казну, они именовали себя «государевыми людьми» (ср. АЮ, № 183). Правительство считалось с зажиточной верхушкой «черных» людей, привлекая их в качестве судных мужей в наместничьем суде (ср. ст. 19 БУГ, ст. 38 Судебника 1497 года). Впоследствии «черные» люди получили наименование «казенных крестьян».

Целовальников — обычно посадские люди или черносошные крестьяне, избиравшиеся населением (целовавшие крест) для выполнения различных должностей в органах местного управления.

Ст. 14. Если показания представителей господствующего класса приобретали в глазах законодателя безусловную доказательственную силу, то к показаниям обвиненных в преступлении закон относился с крайней настороженностью и подозрительностью. Постановление ст. 14, воспроизводя смысл ст. 60 Псковской судной грамоты, требует тщательно проверить оговор кого-либо татем. В случае, если оговоренный имел «прирок с доводом», то есть ранее обвинялся в совершении преступных действий, при наличии доказательств к этому, он подвергался пытке, являвшейся, по мысли составителя Судебника, лучшим способом проверки любых показаний. Если же оговоренный ранее ни в чем не был изобличен, его отдавали на поруки до проверки всех обстоятельств путем повального обыска.

Некоторыми исследователями (например, Л. В. Черепниным) высказано мнение, что ст. ст. 10—14 представляют собой краткий кодекс уголовно-процессуального характера, вставленный в основной текст Судебника его составителями между постановлениями о центральном и местном суде. Однако составители Судебника 1497 года, не вставляли какой-то новый кодекс в ранее подготовленный текст, а, давая в первых разделах закона все основные предписания, относящиеся к высшему суду в государстве, указывали и на конкретные уголовно-процессуальные нормы, направленные на усиление репрессии в отношении тягчайших посягательств на феодальный общественный строй.

Прирок с доводом — оговор, подтвержденный расследованием.

Ст. 15. Эта статья открывает цикл постановлений, определяющих размеры пошлин, взыскиваемых за выдачу

судебных актов. Постановления Судебника отражают огромную документацию, которая сопровождала разрешение каждого дела. Указание Судебника на обязательность скрепления важнейших письменных документов, в частности судебного решения, подписью дьяка и печатью великого князя свидетельствует о том важном значении, которое законодатель придавал этой стороне процесса.

Правая грамота, то есть приговор суда, выдавалась по требованию сторон, в первую очередь истца. Выдача судебных документов требовала уплаты пошлин всем должностным лицам судебного аппарата.

Ст. 16. Судебное дело как правило, не заканчивалось рассмотрением в суде первой инстанции. В ряде судебных актов встречается формула: «...судья ялъся доложити осподаря великого князя, и поставя обоих истцов перед великим князем, и списки суда своего положил» (см. Правая докладная грамота 1470 года, ГИМ, Сим., кн. 58, Моск. уезда № 60). Докладным списком именовался протокол судебного заседания (судный список), передававшийся судьей первой инстанции на рассмотрение (доклад) высшему — боярскому или княжескому суду и содержавший запись о докладе. Указания, данные высшим судьей, обычно великим князем или его боярином, при «докладе» являлись по существу приговорами, и на обязанности нижестоящих судей оставалось их исполнение.

Решение суда второй инстанции писалось на обороте судного (докладного) списка, и на основании этого решения судья первой инстанции выдавал выигравшей стороне правую грамоту.

Институт «доклада» в Русском государстве XV—XVI вв. являлся своеобразной формой контроля над осуществлением правильности отправления правосудия, сосредоточивавшегося в руках великих князей или уполномоченных ими лиц. Впервые с институтом «доклада» в русском процессе мы встречаемся в Новгородской судной грамоте (ст. ст. 6, 20, 26, 28, 42).

При «докладе» вышестоящему судье происходил фактически пересмотр всех материалов дела, то есть те действия, которые лежат в основе апелляционного производства. Поэтому следует считать, что институт доклада явился зародышем апелляционного производства в России.

Ст. ст. 17—18. Статьи посвящены порядку взимания пошлин с холоповладельцев за выдачу на холопа или холопку судебных актов, а также при выдаче холопам отпускной грамоты. Охраняя интересы крепостников, закон устанавливает правило, согласно которому действительна только та отпускная, которая написана собственноручно господином холопа или оформлена боярином, ведающим какой-либо центральной отраслью управления или же наместником с правом боярского суда (ср. ст. 20). Строгие правила закона об оформлении отпуска холопов на волю указывают, что данное явление наблюдалось повседневно и требовало четкой законодательной регламентации.

Кормление с судом боярским — право управления и вынесения окончательного решения по ряду важнейших дел (см. о суде боярском ст. ст. 20, 38, 43).

Ст. 19. Статья устанавливает порядок отмены неправильного решения суда. Законодатель не различал неправосудие и судебную ошибку и в силу этого не устанавливал ответственности для боярина за вынесение им неправильного приговора. Гарантируя сторонам отмену неправосудного решения, закон поднимал авторитет суда и тем самым боролся за укрепление государственной власти.

Суд с головы — выражение, определяющее право истца на повторное рассмотрение его дела.

Ст. 20. С целью строгой регламентации деятельности органов наместничьего управления Судебник различает наместников «с боярским судом» и «без боярского суда» (ср. ст. ст. 18, 38, 40, 42, 43). Политика русского правительства была пронизана идеей консолидации и укрепления государственного аппарата.

Кормленщик «с боярским судом» отличался от кормленщика «без боярского суда» тем, что первый обладал правом вынесения окончательного решения по ряду важнейших дел, в том числе по делам о холопстве и наиболее тяжких преступлениях, в то время как второй обязан был выносить свое решение по этим делам на «доклад» боярам в Москву.

Вводя понятия кормления с «боярским судом» или без него законодатель ограничивал компетенцию основной массы местных органов государственного управления, способствовал налаживанию контроля за их деятельностью, идя тем

самым навстречу требованиям дворянства, искавшего защиту от произвола должностных лиц наместничьего управления.

Полномочия кормленщика с «боярским судом» получали лица, занимавшие привилегированное положение в системе аппарата управления Русского феодального государства, а также наместники наиболее отдаленных от центра областей (ср. ст. 12 Двинской уставной грамоты, ст. 77 Судебника 1550 года).

Статья 20 говорит о полномочиях наместника без боярского суда и должна быть отнесена к группе постановлений о местном суде. Помещение ее среди постановлений о суде центральном объясняется тем, что составитель Судебника, следуя обычному для того времени казуальному изложению закона, то есть формулированию юридической нормы в зависимости от конкретного дела, решил на примере, содержащемся в ст. 20, иллюстрировать положения ст. 19 «О неправом суде». Наместник без права боярского суда не мог давать холопьи отпускные, и в случае совершения им этого действия его решение отменялось. Таким образом, ст. 20 иллюстрировала нормы ст. 19.

Грамоты беглые — беглая грамота, документ о возвращении беглеца-холопа его владельцу.

Ст. ст. 21—24. В жалованных грамотах XV века еще встречаются указания на привилегии вотчинников судиться непосредственно у великого князя. Правила разрешения судебных споров, великим князем не отличались от рассмотрения дел в органах центрального управления или у отдельного боярина — судьи. Статьи 21—24 определяют порядок взыскания пошлин в великокняжеском суде.

Печатник — лицо, хранившее великокняжескую печать, важный чин в дворцовом управлении.

Ст. 25. Примыкая к постановлениям о великокняжеском суде, эта статья регламентирует правила оформления судебных актов, в данном случае бессудной грамоты (см. выше, стр. 140). Упоминание о пошлинах печатнику великого князя при выдаче бессудной грамоты позволяет утверждать, что решение вопроса о возможности удовлетворить иск без предварительного судебного разбирательства входило исключительно в компетенцию великокняжеской власти.

Ст. 26. Уделяя основное внимание размеру взимания пошлины, постановления ст. 26 разрабатывают детали ведения судопроизводства.

При принятии иска к производству выписывалась срочная грамота, то есть предписание ответчику явиться в установленный срок на суд (см. выше, стр. 242). Срочные грамоты — своеобразные повестки о явке на суд — обычно хранились у дьяков.

Отписная срочная — повторная срочная грамота, продлевающая срок явки на суд, обычно по соглашению сторон.

Ст. 27. Нормы ст. 27 регламентируют правила выдачи бессудных грамот. С целью недопущения злоупотреблений бессудная грамота выдавалась после сличения всех срочных грамот соответствующими дьяками. Закон предусматривает также восьмидневный льготный срок после истечения времени, предписанного срочной грамотой. Запрещая подьячим выдавать срочные грамоты и возлагая эти действия на дьяков, закон тем самым поднимает их роль, способствует усилению значения центрального суда. Для вызова в суд населения отдельных феодальных владений существовали специально установленные сроки (ср. ст. 22 БУГ).

Ст. 28. Если цена иска превосходила затраты, необходимые для посылки пристава за ответчиком, то дьяк подписывал приставную грамоту — документ, разрешавший приставу брать поручительство за явку ответчика в суд, производить обыски или выполнять иные действия по предписанию судебных органов. Закон запрещает приставам выезжать на места в случае, если сумма иска будет меньше, чем вознаграждение, причитающееся за поездку. Тем самым малоимущее население, чаще всего обращавшееся в суд с исками небольших размеров, фактически лишалось возможности прибегнуть к помощи пристава.

В то же время с целью пресечения злоупотреблений во всех звеньях судебного аппарата закон предупреждает, что, если пристава посылают несколько человек по одной приставной, пристав получает лишь одно вознаграждение.

Выть — доля, часть (ср. ст. 23 Судебника 1550 г.)

Ст. ст. 29—30. Нормы ст. ст. 29—30 определяют суммы, уплачиваемые недельщикам за выполнение ими своих обязанностей.

Некоторые исследователи (С. В. Юшков, Л. В. Черепнин) полагают, что вошедший в Судебник в качестве ст. 30 «Указ о езду» был принят правительством до издания Судебника и при выработке общерусского кодекса вошел без изменений в его состав.

Площадная — плата недельщику за выполнение им своих обязанностей в пределах Москвы. Следует полагать, что местонахождением этих приставов была Ивановская площадь в Кремле.

А на правду вдвое — двойное вознаграждение за расследование приставом обстоятельств преступления. Обычное вознаграждение недельщик получал лишь за доставку ответчика.

Поминков — поминки, в данном случае пошлина, шедшая недельщику.

Ст. 31. Как и ст. ст. 29—30, ст. ст. 31—36 содержат ранее изданные правительством Ивана III указы «О езду» и «О недельщиках». В них дается пространное изложение порядка деятельности недельщика.

Статья 31 говорит о порядке выполнения недельщиками своих обязанностей. Недельщики могли исполнять свои функции непосредственно или же перепоручать их своим родичам и холопам. Данное положение закона является отражением пережитков феодальной раздробленности, когда общим принципом устройства государственного аппарата было выполнение должностных функций феодала-правителя его родственниками или холопами. В то же время Судебник запрещает выполнение обязанностей недельщика его урочникам, то есть лицам, работающим у него по найму, за действия которых, по мнению закона, недельщик не может нести полной ответственности.

Определяя порядок деятельности недельщика и круг лиц, при помощи которых он несет свои обязанности, Судебник показывает нам классовое лицо пристава-недельщика. Это представитель мелких или средних землевладельцев, не рассчитывающий на особо высокие должности в государственном аппарате, но обладающий кое-каким достатком и определенным количеством зависимых людей (холопов).

С целью воспрепятствования злоупотреблениям недельщиков закон запрещает им исполнять свои обязанности по месту жительства.

Ст. 32. Статья определяет порядок возмещения убытков в случае волокиты со стороны пристава (ср. ст. 65 ПСГ). Законодатель здесь обходит вопрос об ответственности агента центральной власти. Все убытки платит проигравшая сторона.

Ст. 33. Закон осторожно упоминает об одном из наиболее распространенных должностных преступлений, запрещая недельщикам брать или просить в пользу судей и свою посулы. Государство ограничивается пока лишь общим запрещением подобных действий. Санкции за эти преступления были введены лишь Судебником 1550 года.

На суде — можно полагать, что в дошедшем до нас тексте Судебника описка: следует читать — «на судей».

Ст. ст. 34—35. Статьи посвящены полицейско-следственным обязанностям недельщиков. Закон предписывает вести допрос преступника, «бесхитростно» сообщая о показаниях обвиняемого великому князю или судье и не допуская оговора со стороны допрашиваемого. При розыске преступника закон обязывает недельщика действовать «бесхитростно», запрещая за взятку отпускать найденного и злоупотреблять своими правами путем ареста «опришных» (невинных) людей.

Находящихся под стражей преступников недельщику запрещается отдавать на поруки или же отдавать их головою («продавати татей») без разрешения высшего судьи.

Клепати — оговаривать, клеветать.

Ст. 36. Статья завершает цикл постановлений о действиях недельщиков, отражая стремление правительства к наведению порядка среди должностных лиц аппарата государственного управления. Статья говорит о порядке взыскания приставом причитающихся ему пошлин. Запрещая волокиту и попытки получить двойное вознаграждение за одно и то же действие, законодатель не доводит, однако, дело до конца, ибо не устанавливает конкретных санкций за нарушение предписаний закона. На практике подобные нарушения карались чаще всего отстранением от должности.

Ст. 37. Вызывая истца и ответчика с мест на суд, недельщик был обязан в случае их принадлежности к одному и тому же наместничеству поставить вызываемых перед наместником или его чиновниками. Самостоятельно действо-

вать на территории наместничества без санкции наместника недельщик не имел права.

Постановления Судебника о действиях недельщиков при выезде на места связывают статьи о центральном суде с нормами о суде местном. Подобное размещение постановлений свидетельствует о стремлении составителей к логической последовательности в изложении закона.

Статья 37 носит наименование «Указа наместником о суде городском», что свидетельствует, по мнению С. В. Юшкова, о включении законодателем готового текста ранее изданного указа в состав Судебника. К этой точке зрения присоединился Л. В. Черепнин, датирующий данный указ временем до 1485 года. Свой вывод Л. В. Черепнин обосновывает тем, что в ст. 67, по его мнению, также входившей в состав самостоятельного памятника, в котором разбирались вопросы наместничьего суда, нет упоминания о Тверской земле. Поскольку Тверь вошла в состав Русского государства после 1485 года и в позднейших правовых актах о Тверской земле всегда упоминается, то Л. В. Черепнин полагает, что самостоятельный закон о наместничьем суде был создан до 1485 года и впоследствии включен составителями в текст Судебника. Точка зрения С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина весьма интересна, однако следует заметить, что мы не имеем ни одного факта, свидетельствующего о практике издания в этот период отдельных законов в общерусском масштабе. Таким образом, гипотеза С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина требует дополнительных исследований для своего подтверждения.

Ст. 38. Статья содержит целый ряд постановлений, относящихся к порядку осуществления наместниками своих обязанностей в области местного управления и судопроизводства. Основываясь на сходстве норм ст. 38 с нормами ст. ст. 1—7 Судебника, Л. В. Черепнин пришел к выводу, что составителями Судебника ранее был подготовлен раздел о наместничьем суде, который и послужил источником первых постановлений Судебника о центральном суде и центральном управлении. Подобное дублирование, по мнению Черепнина, носит механический характер. Однако состав Судебника, его структура и относительная последовательность содержащихся в нем постановлений позволяют сделать вывод, что при проведении кодификационной работы

составители Судебника стремились к упорядочению деятельности всех органов государственного управления и поэтому не могли избежать повторений при регламентации деятельности отдельных звеньев управления.

Весь текст и план построения Судебника свидетельствуют о выдержанной системе. Составители, разработав вопросы, относящиеся к центральному суду, перенесли принятые ими положения на местный суд. Распространение норм, относящихся к центральному суду, на суд местный — факт большого, принципиального значения, свидетельствующий о продуманной и планомерной политике великокняжеского правительства, направленной на максимальное ограничение власти крупных феодалов. Источниками же отдельных постановлений о наместничьем суде был не сводный указ «Наместником о суде городском», как это полагают некоторые исследователи, а отдельные уставные грамоты наместничьего управления, из которых составители Судебника черпали необходимые им нормы.

Чрезвычайно важным мероприятием, закрепленным в ст. 38, было участие в деятельности наместников дворского, старост и «лучших людей» (ср. ст. 19 Белозерской уставной грамоты). Участие дворского — приказчика дворцовой волости или дворцовой вотчины, как правило принадлежавшего к детям боярским, а также старост и «лучших людей», представлявших интересы верхушки черносошного крестьянства, позволяло правительству ограничивать произвол наместников.

Таким образом, выражая политику правительства Ивана III, стремившегося к укреплению позиций дворянства и ограничению своеволия боярства, Судебник берет под контроль деятельность органов наместничьего управления.

Противень по грамотам — очевидно, имеются в виду грамоты наместничьего управления (ср. «где нет грамоты»). Данная норма является дополнительным подтверждением той мысли, что в основе постановлений Судебника о наместничьем суде лежит не особый указ, а отдельные нормы уставных грамот наместничьего управления.

Ст. 39. Постановление ст. 39 полностью воспроизводит нормы ст. 8, опуская лишь упоминание о противне, взыскиваемом боярином и дьяком в свою пользу, и заменяя боярина и дьяка наместником и тиуном (ср. ст. 8).

Ст. 40. Определяя порядок взыскания и размер взыскиваемых органами наместничьего управления пошлин за выдачу правых грамот, ст. 40 в первой части воспроизводит частично нормы ст. 15, трактующей тот же вопрос по отношению к органам центрального управления. Ст. 40 устанавливает правило, согласно которому тиун наместника взыскивает пошлину «на государя своего». Это подчеркивало личную зависимость тиуна от кормленщика. Тиун, как правило, был холопом наместника. Статья 45 в отличие от ст. 15 не упоминает о подписи дьяка на правой грамоте. Отсюда, однако, не следует, что подобная подпись не требовалась.

Ст. 41. Устанавливаемое законом правило, согласно которому тиун не имел права без санкции кормленщика выдавать правую и отпускную грамоты на холопа, подчеркивает зависимость тиуна от кормленщика. Законодатель вынужден был несколько раз подчеркивать ограниченность прав тиуна — основного должностного лица наместничьего управления, фактически подменявшего своего господина и творившего суд и расправу над местным населением.

Ст. 42. Воспроизводит ст. 18, упоминая, однако, не о боярине «с судом боярским», а о сыне боярском «со судом с боярским».

Ст. 43. По сравнению с ст. 20 данная статья в перечне должностных лиц добавляет тиуна великого князя и боярского тиуна, за которым закрепляется кормление «с судом боярским».

Постановления ст. 43 уравнивают в правах кормленщика «без боярского суда» с тиуном великого князя и тиуном боярина, у которого кормление «с судом с боярским».

Кормленщики без боярского суда, а также тиуны великого князя принадлежали к одной социальной группе, а именно к дворянам и детям боярским.

Необходимость поддержания суровой политики по отношению к классово-враждебным элементам и осуществление строгого контроля за правосудием отражается в ст. 43, содержащей запрещение упомянутым выше должностным лицам наместничьего управления отпускать на свободу «татя и душегубца» и принимать «без доклада» какие-либо решения в отношении «лихих людей».

Ст. 44. Статья определяет размеры пошлин, взыскиваемых приставами наместника. Как правило, эти пошлины фиксировались в уставных грамотах наместничьего управления (ср. ст. 22 Белозерской уставной грамоты), о чем специально и говорит Судебник («имати хоженое и езд по грамоте»). Однако законодатель предусмотрел возможность назначения наместника без составления специального документа, регламентирующего деятельность его аппарата.

Ст. 45. (ср. ст. 75 Судебника 1550 года). Нормы Судебника весьма определенно отражают тенденции правительства к установлению дисциплины в аппарате государственной власти. Настоящая статья является первым шагом к отмене кормлений. Местные представители государственной власти обязаны были являться в центральные судебные органы в случае посылки за ними пристава. В отличие от ст. 23 Белозерской уставной грамоты наместники и другие должностные лица местного управления имели право присылать на суд в качестве ответчиков своих представителей.

В законе не указано, кто имел право предъявлять иск к наместникам и другим должностным лицам, но по аналогии с ст. 23 Белозерской уставной грамоты следует полагать, что это были, как правило, местные дворяне, наиболее зажиточные представители черносошных крестьян и духовенство.

Ст. ст. 46—47. Статьи регулируют вопрос об ответственности добросовестного приобретателя. Статья 46 говорит о покупке «на торгу», а ст. 47 — на «чужои земли».

Закон не ставил своей целью полностью урегулировать отношения, связанные с куплей-продажей, а лишь определял порядок доказывания покупателем правомерности владения и распоряжения купленной вещью.

Обе статьи заимствованы из Псковской судной грамоты (ср. ст. ст. 47, 56 ПСГ). В отличие от ст. 56 ПСГ ст. 46 Судебника ограничивает торговые сделки («что ново, опроче лошади»). Судебник не устанавливает особых правил купли-продажи лошадей, но, исходя из данной оговорки закона, следует полагать, что подобные правила существовали. Свое законодательное оформление правила купли-продажи лошадей нашли в ст. 94 Судебника 1550 года.

Если псковский закон (ст. 56 ПСГ) требовал наличия четырех-пяти свидетелей в целях подтверждения действительности сделки, то общерусское законодательство удовлетворяется показаниями меньшего количества «людей добрых» (два-три человека).

Статья 56 ПСГ явилась основным источником обеих указанных статей Судебника. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что основная часть ст. 56 ПСГ вошла в ст. 46, а концовка — в ст. 47 («а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати»). Термин «свидетели», впервые введенный в русский юридический лексикон ст. 56 ПСГ, также перенесен составителями Судебника в ст. 47.

Источником ст. 47 Судебника также является ст. 47 ПСГ. Однако и здесь наблюдается редакционная работа составителей. Исчезло выражение «или на городе», что было характерно для псковского закона, являвшегося кодексом крупного торгового города. С этой точки зрения также характерно отсутствие в ст. 47 Судебника упоминания о суде на торгу, ибо в Москве, в отличие от торгового города Пскова, рынок не являлся основным жизненным центром. Судебник более выдержан в отношении своего правового содержания, и в силу этого составители удалили из текста закона упоминание о находке («или найдеть где»), как не относящееся к сделке купли-продажи. Являясь связывающим звеном с последующим разделом Судебника «О послушестве», ст. 47 специально указывает, что к присяге в качестве доказательства следует прибегать лишь в крайнем случае, при отсутствии свидетельских показаний.

Судебник стоит на позиции ограничения применения присяги, что объясняется недоверием к этому виду доказательств представителей господствующего класса (ср. челобитную Ивана Пересветова: «крест целуют на виновате обои исцы и ответчики: один, приложив (ко кресту) ищет в своей обиде, а другои все обиды запрется, в и том обои в гресех погибают, и в великую ересь впадают и на бога хулу кладут, не крепко крестное целование держат». Ржига, И. С. Пересветов — публицист XV века, М., 1908, стр. 361—362).

Ограничение применения присяги неуклонно проводилось судебной практикой. Так, например, если ответчик

не имел свидетелей или письменных доказательств для подтверждения своего права, суд отказывал в применении «целованиа» в качестве доказательства даже в том случае, если обе стороны были согласны на приведение подобного доказательства (ср. АЮ, № 18).

Ст. 48. Статья открывает целый раздел Судебника (ст. ст. 48—52), посвященный свидетельским показаниям. В основе этих постановлений лежат соответствующие нормы Псковской судной грамоты (ст. ст. 20—22, 36 ПСГ), переработанные составителем. По делам об оскорблениях действием («бой»), тяжких преступлениях (грабеж) и нарушении договорных обязательств по займу (займ), если вину ответчика подтверждал послух, то ему предоставлялся выбор: доказывать свою правоту путем судебного поединка с послухом или же положить искомое у креста на месте судебного поединка. В последнем случае ответчик освобождался от штрафа в пользу наместника (ср. ст. 20 ПСГ).

Восходя к ст. 20 ПСГ, ст. 48 во многом от нее отличается.

Составители Судебника стремились, разрабатывая законоположения, отбрасывать все то, что не относилось к содержанию данной нормы. Отсюда исключение из ст. 48 описания процедуры розыска, составлявшей первую часть ст. 20 ПСГ. В то же время составители распространяют действие норм ст. 48 не только на преступления («бой», грабеж), но и на те действия, которые являлись гражданскими правонарушениями (займ).

Чрезвычайно характерным для общерусского законодательства является введение в ст. 48 упоминания о пошлинах, ибо осуществление правосудия и содержание судебного аппарата требовали значительных расходов, возмещение которых шло частично путем взыскания судебных пошлин. Статья 48 свидетельствует о том, что, повидимому, процедура принесения присяги в Москве отличалась от псковской (в ст. 48 добавлено, что ответчик «став у поля у креста положит». В ПСГ же прямо указывается, что ответчик «послуху у креста положит»).

Вины ему убитые нет — вина убитая, штраф в пользу наместника, равный цене иска и выплачивавшийся побежденной в судебном поединке стороной. Возможно и другое толкование этого термина. Поскольку ответчик платил по-

левые пошлины, шедшие представителям государственного аппарата, в том числе и наместнику, то под «виной убитой» можно подразумевать определенную денежную компенсацию, шедшую от ответчика истцу (ср. ст. 16 Судебника 1550 года: «Вины в том ответчику ... нет»).

Ст. 49. (ср. ст. 21 ПСГ). Значительный круг лиц — женщины, увечные, старики и дети, представители духовенства — в случае предъявления к ним иска и необходимости опровержения послухов противной стороны или подтверждения своих показаний получал привилегию выставлять наймитов для участия в «поле» (в отличие от данной статьи ст. 21 ПСГ это не оговаривает).

Статья ставит своей целью в первую очередь защиту интересов церкви, разрешая ее представителям (поп, чернец, черница) выставлять для своей судебной защиты наймита. Судебник развивает положение ст. 21 ПСГ, дополняя перечень лиц, имевших право выставлять вместо себя наемного бойца, женщиной («женка»). По Псковской судной грамоте в случае спора между женщинами им разрешался судебный поединок. В общерусском законодательстве эта норма отменяется.

Ст. 50. Мероприятия правительства, направленные на упорядочение государственного аппарата, требовали введения норм, максимально обеспечивающих авторитет вынесенных судом решений.

Одним из доказательств при рассмотрении дела были свидетельские показания лиц, непосредственно присутствовавших при совершении действий, послуживших предметом судебного разбирательства. Государство не могло допустить отсутствия послуха на судебном заседании и в силу этого ослабления авторитетности судебного решения. Статья 50 устанавливает материальные меры воздействия на неявившегося послуха, предоставляя одновременно ему право оспаривать перед судом правильность срока явки, определенного ему судебным приставом (ср. ст. 22 ПСГ).

С праветчиком — праведчики, судебные исполнители.

Ст. 51. С целью усиления авторитета суда Судебник в отличие от предыдущих законодательных актов (ср. ст. 22 Новгородской судной грамоты) формально не ставит

каких-либо препон к послушеству в силу социального положения послуха.

Фактически же социальное положение послуха обусловливало доверие суда к его показаниям. Так, Герберштейн указывал: «Свидетельство одного знатного мужа имеет более силы, чем свидетельство многих людей низкого звания» (Герберштейн, Записки о Московитских делах, СПб., 1908, стр. 86). В то же время Судебник устанавливает жесткое правило беспрекословного доверия показаниям свидетеля, выдвинутого стороной в обоснование своего иска или возражения по иску. Это правило заимствовано составителем из Псковской судной грамоты (ср. ст. 22). Судебная практика знала случаи отвода послухов ввиду их заинтересованности в разрешении тяжбы. Так, по одному делу свидетели были отведены противной стороной, потому что с одним из послухов ответчик был в неприязненных отношениях и судился, а два других являлись родственниками истца (АЮБ., т. I, № 52, V). Судебник не ограничивает количество послухов и тем самым допускает возможность разноречивых показаний свидетелей одной и той же стороны. Впоследствии Судебник 1550 года (ст. 15) установил в подобных случаях назначение «поля» между послухами.

Истец — в данном случае сторона в процессе. Вообще же Судебник, в отличие от ПСГ, различает ответчика и истца.

Ст. 52 (ср. ст. 36 ПСГ). Воспроизводя в данной норме почти текстуально ст. 36 ПСГ, составители допустили внешнее противоречие с постановлениями ст. 49 Судебника. Запретив там послуху выставлять на «поле» вместо себя наемного бойца, здесь законодатель разрешает это послуху. Подобное противоречие следует объяснить тем, что в ст. 49 речь шла о неполноценных с точки зрения феодального общества участниках процесса (выступавших в данном случае в роли ответчиков), против которых послух истца не мог выставить наемника, а здесь закон говорит о наемниках этих же участников процесса в случае предъявления ими иска. Против их наемных бойцов в подобных случаях могли выставить своих наемников ответчик и его послухи.

Как и другие статьи Судебника, ст. 52, основанная на псковском законе, подверглась определенной редакционной обработке. Так, здесь опущено упоминание о специфических псковских закладных актах (досках), добавлен по аналогии с ст. 49 Судебника и ст. 21 ПСГ в перечне лиц, имеющих право выставлять наемников, поп и указано, что помимо стороны в процессе приносит присягу послух (в ПСГ — «исцом целовати», здесь же — «истцем или послуху целовати»). Составитель Судебника не удовлетворился псковским пониманием слова истец (сторона) и добавил в тексте статьи (или ответчику), что характерно для стремления законодателя к уточнению юридической терминологии.

Ст. 53. Статья основывается на нормах ст. 3 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг. и ст. ст. 37, 80 Псковской судной грамоты. Судебник допускает возможность примирения сторон до начала судебного разбирательства. Однако и здесь государственная власть стремится не упустить возможности контроля за примирением. При заключении мировой стороны платили судебному приставу только «езд» и «хоженое», но не могли оформить мировую без доклада судье. Лишь после его санкции мировое соглашение считалось утвержденным.

Ст. 54. Статья исходит из постановлений ПСГ (ст. ст. 40 и 41) о дворном наймите. В условиях развития товарного производства, городов, когда у верхов феодального общества растет потребность в умелых ремесленниках, получает распространение договор личного найма. Составитель Судебника учитывал, что многие представители русского феодального общества предпочитали труд наемных людей труду холопов, и ввел четкую регламентацию отношений личного найма. И в этом случае Судебник ставил своей целью защиту интересов «государя».

Учитывая, что по другим постановлениям Судебника (ср. ст. 66) почти все случаи личного найма вели к холопству, следует думать, что ст. 54 предусматривает договор личного найма, совершенный в городе («по городскому ключю не холоп»).

Судебник изменяет псковскую норму. В отличие от ст. 40 ПСГ, по которой ушедший самовольно наймит все

же получал причитавшуюся ему плату, Судебник устанавливает за самовольное нарушение наймитом договора личного найма наказание: лишение заработанного вознаграждения.

Постановления Судебника о договоре личного найма являются выражением дальнейшего развития гражданско-правовых понятий в русском феодальном праве.

Ст. 55. При выработке ст. 55 составитель Судебника, несомненно, использовал текст Русской Правды (см. ст. 54 Пространной Правды). Судебная практика XV века во многих случаях пользовалась Русской Правдой, свидетельством чему служат многочисленные списки и даже редакции этого памятника, возникшие в исследуемое время.

Взяв за основу норму древнерусского права о порядке взысканий с должника, составитель детально разъясняет эту норму и определяет четкий порядок осуществления взысканий. С целью пресечения возможных злоупотреблений и охраны интересов кредитора закон обусловливает выдачу полетной грамоты расследованием, проведенным боярином. Лишь после такого расследования, в процессе которого было доказано, что несостоятельность возникла в силу не зависящих от займополучателя причин, дьяком великого князя выдавалась полетная грамота. Полетная грамота скреплялась великокняжеской печатью. Такой порядок гарантировал защиту интересов займодавцев, в первую очередь купцов и духовных феодалов, являвшихся основными кредиторами. В случае возникновения несостоятельности по вине должника он выдавался кредитору «головою» до окончательного погашения долга.

Статья 55 может служить ярким примером творческой работы составителей Судебника над созданием новых правовых норм, обусловленной экономическим развитием Руси. Рост товарно-денежных отношений требовал четкого определения прав и обязанностей купца, использующего в своих торговых оборотах не только чужие деньги, но и чужие товары. Взяв за основу ст. 54 Пространной Правды, составители в первую очередь опустили устаревшие термины, как, например, «куны», упростили изложение, сделав его более доступным, и внесли в него значительные уточнения.

Так, вместо купца, шедшего «где любо», ныне речь идет о купце, «идущем в торговлю», добавлено, что он может взять не только чужие деньги, но и чужой товар.

Характерным показателем усиления государственного аппарата является введение правила о расследовании боярином причин возникшей несостоятельности, в то время как в древнерусском праве просто констатировалось, что виновному «...от лета платити». Этими же причинами объясняется исключение содержавшегося в Русской Правде положения: «ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля», — и замены его категорическим предписанием: «выдати головою на продажу».

Весьма важным показателем развития русской правовой мысли является то, что составители Судебника опустили имевшееся в Русской Правде религиозное обоснование несостоятельности («за не же пагуба от бога есть»).

Истина — стоимость товара или сумма денег, взыскиваемая истцом с несостоятельного должника.

Рост — проценты.

Без напрасньства — без обстоятельств, не зависящих от воли человека.

Ст. 56. Статья устанавливает правило, согласно которому холоп, бежавший из татарского плена, становится свободным человеком. Эта статья тесно связана с потребностями развивающихся городов. Беглец из татарского плена стремился найти применение своему труду в городе. Со своей стороны правительство поощряет тягу подобных холопов в город, обеспечивая им безопасность от притязаний бывшего господина. Подчеркивая, что холоп, бежавший из татарского плена, «старому государю не холоп», правительство указывало, что оно вовсе не освобождало холопа от пут феодальной эксплуатации. Статья отражает намерение государственной власти создать из подобных холопов резерв для пополнения контингента великокняжеских тяглых людей. В то же время признание свободным холопа, бежавшего из плена, могло рассматриваться как награда за услугу в борьбе с татарами.

Ст. 57 (ср. ст. 42 ПСГ). Статья 57 является основным постановлением Судебника, характеризующим его как крепостнический кодекс.

Развитие феодального хозяйства шло путем улучшения сельскохозяйственной техники и усиления эксплуатации крестьян, населявших владение феодала. Заинтересованность в рабочей силе влекла за собой установление отношений зависимости непосредственного производителя — крестьянина от феодала-землевладельца. Феодалы стремились всячески обезопасить себя от возможности потери рабочей силы. Существовавшее право перехода крестьян ослабляло хозяйство землевладельца.

В центре внимания господствующего класса становится вопрос об установлении порядка, при котором экономическая власть феодалов сочеталась бы с ростом внеэкономического принуждения, санкционированного государственной властью. Государственная власть, выражая волю господствующего класса, при помощи правовых норм, изданных в целях укрепления внеэкономического принуждения, усиливает экономическую власть феодалов.

Правительство Ивана III, юридически оформляя закрепление крестьян за землевладельцами, не создавало новой нормы, а обобщило уже имевшуюся на местах законодательную практику (ср. грамоту белозерского князя Михаила Андреевича Ферапонтову монастырю, согласно которой крестьянам разрешался переход лишь в Юрьев день; ААЭ, т. I № 48/1).

В условиях, когда господствующий класс требовал от государственной власти обеспечения ему полной возможности эксплуатации крестьян и создания уверенности в сохранении постоянного контингента рабочей силы, правительство лишь искало форму, в которую можно было бы облечь это требование. Дошедшие до нас грамоты Михаила Андреевича показывают, что практика обрела искомое. Несомненно, что было немалое количество грамот, подобных грамоте Михаила Андреевича.

Правительство Ивана III, основываясь на уже существующей практике, внесло в создаваемый общерусский кодекс норму «О христианском отказе». Статья является характерным отражением основной черты феодального общества, а именно неполной собственности феодала на непосредственного производителя — крестьянина.

Вводя строгие правила перехода крестьян, Судебник все же сохраняет для основной массы возможность перемены владельца. Формальное сохранение остатков крестьянских вольностей объясняется боязнью русского правительства потерять поддержку крестьянства в деле образования Русского централизованного государства. На практике встречались отдельные предписания великокняжеской власти, запрещающие отпуск крестьян из владений феодала («которого их крестьянина из того села и из деревень, кто к себе откажет, а их старожильца, и яз князь велики тех крестьян из присек и из деревень не велел выпущати ни к кому»; Жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю, АИ, т. I, № 59). Однако правительство еще не решалось закрепить эти отдельные пожалования в виде общей нормы.

За неделю до Юрьева дня осеннего — Юрьев день, 26 ноября (ср. ст. 42 ПСГ «о Филипове заговение», то есть 14 ноября). Этот день, выпадавший на позднюю осень или раннюю зиму, был крайне неудобным временем для крестьянских переходов и удобен для феодала (конец сельскохозяйственных работ). В случае перехода крестьянин терял озимые посевы, что служило весьма серьезным препятствием к его уходу от своего владельца.

Пожилое — плата, вносившаяся крестьянином землевладельцу за пользование двором в случае ухода из его владений. Введение Судебником уплаты пожилого являлось одним из мероприятий, направленных на максимальное воспрепятствование свободному переходу крестьян. Академик Б. Д. Греков считал, что вторая половина ст. 57 особо оговаривает положение крестьян-новопорядчиков (новопоселенцев), поскольку эта часть населения была более подвижна и приостановить ее передвижение, закрепив за данным владельцем, было одной из целей закона. Устанавливая максимальный размер пожилого, Судебник варьирует его в зависимости от срока проживания крестьянина в данном владении. При бедности крестьян, особенно новопорядчиков, обязанность уплаты пожилого фактически ложилась на вывозящего их феодала.

Таким образом, крестьянин и при желании не мог в Юрьев день покинуть своего хозяина. Он искал землевладельца, могущего внести за него сумму пожилого.

Подобными землевладельцами могли быть, как правило, только крупные феодалы (бояре и монастыри). Тем самым закон на практике ставил их в более привилегированное положение.

Ст. 58. Судебник обусловливает особый порядок рассмотрения споров между иностранцами. Рост значения Русского централизованного государства, укрепление его международных, политических и торговых связей вызвали приток на Русь иноземных купцов. Составитель Судебника, видя необходимость установления особых норм, регулирующих взаимоотношения между иностранцами, взял за основу ст. 105 ПСГ. Однако, если в псковском законе говорилось лишь об обвинении в уголовных преступлениях, теперь чужеземцу предоставляется право предъявлять иск по любому делу. Это объясняется тем, что в Новгороде и Пскове городские власти не вмешивались в управление иноземными факториями, оставляя за собой право рассмотрения лишь уголовных дел. Русское же государство не могло в интересах своей безопасности и укрепления суверенитета допускать какую-либо автономию иноземцев. Поэтому Судебник определяет порядок рассмотрения всех возникающих между иностранцами споров, причем, учитывая своеобразие правовых и религиозных воззрений иностранцев, вводит в качестве основного доказательства крестное целование.

Ст. 59 (ср. ст. 109 ПСГ). Церковь, являвшаяся одной из деятельных помощниц правительственной власти в процессе создания Русского централизованного государства, не собиралась поступаться имевшимися у нее привилегиями. Составитель Судебника, проводивший политику централизации государственного управления и суда и ни слова не говоривший об иммунитетных привилегиях феодалов, вынужден был закрепить судебные привилегии церкви. Правительство не решалось еще на последовательное проведение политики ущемления церковных привилегий.

Закон устанавливает, что гражданские дела духовенства и патронируемых церковью людей («которые питаются от церкви божиа») рассматривает церковный суд. При предъявлении иска церковным человеком к светскому или наоборот назначается «вопчей суд». Однако, несмотря на

закрепление за церковью феодальных привилегий, государственная власть не может допустить полной автономии церкви при рассмотрении всех категорий дел. Дела по обвинению представителей духовенства в уголовных преступлениях сосредоточиваются в руках судебных органов государства; ср. свидетельство Герберштейна о том, что если священника обвинят в краже, пьянстве и тому подобных преступлениях, то он подлежит мирскому суду («Записки о Московитских делах», СПб., 1908, стр. 43).

Построенная в своей основе на ст. 109 Псковской судной грамоты, ст. 59, в отличие от псковского закона указывает, что церковный суд осуществляет святитель (митрополит, епископ) или его судья, а не наместник владычный. Подобное изменение в тексте вполне понятно, ибо в Пскове церковную власть представлял наместник новгородского архиепископа (владыки), в то время как Москва была резиденцией митрополитов.

Кроме того, в текст статьи Судебника добавлены два казуса о старой вдове, что, повидимому, вызывалось московской практикой.

Если вдова не обладала никаким имуществом и жила за счет церковных подаяний, то она подлежала митрополичьему суду. Вдова, обладавшая известной имущественной самостоятельностью, подпадала под общую юрисдикцию.

Ст. 60. Статья определяет порядок наследования. Это особенно интересовало представителей господствующего класса. В отличие от Русской Правды (ср. ст. ст. 91—93 Пространной Правды), которая в случае отсутствия у наследодателя детей признает его имущество выморочным, Судебник призывает к наследованию «ближнего от его рода», расширяя, таким образом, круг наследников (ср. ст. ст. 15, 90 ПСГ). Предметом наследования по Судебнику может служить не только движимое имущество, но и недвижимое — земля.

Упоминание о земле как о предмете наследования весьма характерно для развитых феодальных отношений, при которых земля лежит в основе всей экономической жизни.

Ни ст. 91 Пространной Правды, ни ст. ст. 14—15 Псковской судной грамоты, трактующие о порядке

наследования, не упоминают о земельной собственности.

Ст. 61. Феодальная собственность на землю требовала тщательной правовой регламентации, и в силу этого в законе появляются ст. ст. 61—63, посвященные земельным вопросам.

Статья 61 основывается на обычном праве и предусматривает случай потравы скотом посева. Закон устанавливает, что между граничившими землями необходимо воздвигать изгородь, причем закон обязывает обоих владельцев смежных владений совместно городить изгородь.

В случае потравы отвечал тот, чья половина изгороди оказывалась неисправной и из-за этого скот проник на посевы. Закон не предусматривает ответственность владельца скота.

При наличии пастбищ, граничащих со вспаханными землями, обязанность ставить изгородь лежала на владельце пашни. Владелец вспаханной земли должен был своевременно ее огородить; в противном случае потрава возникала по его небрежности и никто не нес ответственности за ущерб, причиненный скотом.

Статья 61, устанавливая обязанность огораживания пашен и покосов, отражает борьбу феодалов с пережитками общинных сервитутов.

Отхожие пашни — луга, пастбища.

Оранная пашня — вспаханное поле.

Ст. 62 (ср. ст. ст. 72—73 Пр. Пр., ст. 4 ДУГ, ст. 18 БУГ). Статья отразила всю сложную обстановку, создавшуюся в поземельных отношениях русского феодального общества. Беря в качестве основного принципа запрет нарушения межевых знаков и покушения на чужую собственность, составитель Судебника проводит четкое различие между феодальными владениями и крестьянскими землями. Нарушение границ земель великого князя, духовного или светского феодала карается значительно строже, нежели нарушение границ крестьянских земель. Нарушение границ феодальных владений квалифицируется законом как преступление и влечет за собой для виновного телесное наказание и денежное взыскание в пользу истца. Государ-

ство утверждало незыблемость феодального владения и всеми мерами охраняло ее.

Ярким отражением феодального права — права-привилегии является установление взыскания за нарушение границ крестьянских земель и возникшую при этом драку «смотря по человеку». А. А. Зимин считает, что, начиная со слов «и рану присудят», мы имеем другую статью, механически присоединенную к ст. 62. Этот вывод основывается на отсутствии данного казуса в Судебнике 1550 года. Источниками же этой нормы являются ст. ст. «О муже кроваве» и «О безчестии» из позднейших редакций Русской Правды (см. Памятники русского права, вып. I, стр. 210—211).

Посельский — в данном случае управляющий дворцовым селом.

Ст. 63. Одним из важнейших вопросов при рассмотрении поземельных споров являлось установление срока давности, дававшего основу для закрепления права на земельные угодья. Вопрос об источниках этого постановления Судебника служил предметом оживленного спора в исторической и историко-правовой литературе и до сих пор не разрешен.

Судебник устанавливает трехлетний срок давности (ср. ст. 20 Правосудия митрополичьего: «А что ся деял за 3 годы, того не искати судом...») при спорах между отдельными лицами и шестилетний — при спорах, возникавших из-за захвата великокняжеских земель, то есть государственных земель.

В то же время дошедшие до нас акты говорят о пятнадцатилетнем сроке давности (ср. жалованную грамоту 1483 года, данную Иваном III на митрополичью слободу Караш, АФЗ и Х, № 1) и пятилетнем сроке давности (ср. АЮ, № 7, ст. 9 ПСГ).

По С. В. Юшкову, постановление Судебника о сроках давности было нововведением, основанным на практике митрополичьего суда (см. Правосудье митрополичье) и обусловленным желанием правительства ликвидировать многочисленные поземельные споры в присоединенных к Москве землях, где существовали различные сроки давности.

Трехлетний срок давности был обусловлен тем, что срок севооборота составлял как раз три года. Установление двойного срока давности (шесть лет) для исков об изъятии от неправомочного владельца великокняжеской земли было вызвано стремлением государства сосредоточить в своих руках все основные позиции по распоряжению земельной собственностью. Государство расплачивалось со своим военным и чиновным аппаратом земельными пожалованиями, и оно не могло допустить возможности захвата земли, ослабляющего силу и значение княжеских пожалований.

Ст. 64 (ср. ст. 3 НСГ, ст. 5 проекта договора 1470—1471 гг. Казимира IV с Новгородом). Перед составителем Судебника стояла задача обеспечения интересов тех представителей господствующего класса, которые обращались в суд за разрешением возникающих у них имущественных споров.

Стороны должны были быть уверены, что установленный порядок осуществления правосудия не нарушит их интересы и что в случае неверных или неправосудных действий судьи верховная власть придет им на помощь. С этой целью законодатель, закрепляя в Судебнике порядок разрешения сложнейших дел путем «доклада» (ср. ст. 16), вводит в необходимых случаях «пересуд», то есть пересмотр дела по жалобе стороны. Нельзя считать «пересуд» только судебной пошлиной, как это полагают некоторые исследователи.

Пересмотр дела назначался лишь в случаях, когда одна из сторон подвергала сомнению представленный на «доклад» судный список (протокол судебного заседания), и при делах, разрешаемых судебным поединком. По малозначительным делам (ценою иска до одного рубля), а равно по делам, где объектом спора являлась феодальная собственность, «пересуд» не назначался.

Подвойские — приставы, вызывавшие ответчика в суд (ср. ст. 9 ДУГ).

Правого десятого — в Судебнике 1550 года «правого десятка» (ст. 51) — пошлина, взыскивавшаяся в пользу подвойских, если суд высшей инстанции пересматривал дело по просьбе одной из спорящих сторон.

Ст. 65. Статья закрепляет порядок осуществления функций управления двумя наместниками или двумя во-

лостелями. М. Ф. Владимирский-Буданов объясняет подобный порядок тем, что правительство желало дать кормления максимальному числу служилых людей, а также затрудненностью одному лицу управлять большим уездом. Надо иметь в виду также, что в статье отразились остатки периода феодальной раздробленности, когда в одном городе действовали наместник великого князя и третчик удельного князя (ср. ст. 4 Записи о душегубстве). Судебник идет дальше постановлений Записи о душегубстве. Допуская сосуществование двух полномочных представителей власти, Судебник не разрешает увеличивать в этом случае взимаемые пошлины. Наличие в законе данной нормы напоминало местным управителям о необходимости ограничивать свое корыстолюбие при отправлении возложенных на них обязанностей.

Ст. 66 (ср. ст. 110 Пространной Правды). Русское феодальное государство стремилось к ограничению холопства, невыгодного для феодалов из-за малой заинтересованности холопов в увеличении рентабельности феодального хозяйства. Холопство было также невыгодно и для государственной власти, поскольку холоп не подлежал обложению государственным налогом (тяглом).

Статья 66, регламентирующая источники холопства, ставила некоторые препятствия распространению института холопства.

Здесь законодатель четко определил все основные источники холопства (по полной грамоте, по тиунству, по сельскому ключу, по женитьбе или замужеству, по завещанию, по приданому, за исключением несостоятельности должника; ср. ст. 55) и указал те случаи, когда лицо не становилось холопом. Так, например, согласно ст. 110 Пространной Правды, любой «ключ без ряду» делал человека холопом. Судебник же устанавливает правило, что отправление службы «по городскому ключю» не влечет за собой холопства. По Б. Д. Грекову, термин «ключ» в понимании Судебника означал работу по какой-либо специальности в хозяйстве феодала.

В условиях русского города XV века ремесленники, посадские люди часто поступали на службу к крупным и мелким феодалам, верхушке купечества и духовенства (ср. свидетельство Сильвестра об использовании им всякого

рода наемных мастеров для работы на дому, А. С. Орлов, Домострой, Чтения ОИДР, 1908, кн. 2, стр. 63). Городские ремесленники, поступая в услужение или договариваясь о выполнении определенной работы, хотели обезопасить себя от угрозы лишения свободы.

Правительство, заинтересованное в поддержке нарождающегося городского сословия, вводит норму, гарантирующую наймиту — горожанину охрану от угрозы похолопления. Правительство стремится опереться на горожан, будущих союзников в разгроме боярства. Введение запрещения похолопления «по городскому ключю» было первым шагом к установлению льгот по отношению к городскому населению.

Судебник ограничивал также возможность похолопления детей. Отделенные от родителей дети холопами не становились.

О полной грамоте — полная грамота — документ, оформлявший поступление в полное холопство.

Ст. 67. Ст. ст. 67 и 68 представляют чисто процессуальные постановления. Это дало основание С. В. Юшкову считать, что данные статьи были дополнительно присоединены к составленному В. Е. Гусевым проекту Судебника.

Содержащееся в статье упоминание о порядке провозглашения законов и доведения их до всеобщего сведения («прокликать по торгам на Москве и во всех городах Московские земли и Новгородские земли, и по всем волостям») подкрепляет выдвинутую С. В. Юшковым гипотезу. Законодатель особо упомянул о порядке объявления закона ввиду дополнительного издания данной нормы.

Статья 67 как бы обобщает отношение законодателя к институту послушества. Требуя, чтобы послух был очевидцем расследуемого судом факта, закон тем самым устраняет противоположность между послухом — свидетелем доброй славы и видоком — очевидцем, которая была в древнерусском процессе. Закон вновь декларирует запрещение взяточничества (ср. ст. 1) и лжесвидетельства.

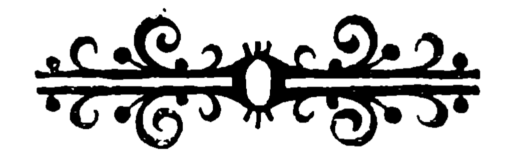
Ст. 68. Статья, в отличие от постановлений Судебника, трактующих о судебном поединке и уплачиваемых

пошлинах (ср. ст. ст. 4—7), содержит своеобразный устав о судебных поединках, определяя порядок их проведения. Статья особо говорит о стряпчих и поручниках, сопровождавших спорящие стороны для участия в поединке. Закон запрещает стряпчим и поручникам иметь при себе оружие. Однако фактически все эти сторонники борющихся сторон находились на «поле» с оружием в руках и часто вмешивались в поединок, выливавшийся в общую потасовку (см. Герберштейн, Записки о Московитских делах, СПб., 1908, стр. 85).

Доспех — военное снаряжение.

Ослоп — жердь, длинная дубина.

Стряпчеи — пособники, защитники, лица, сопровождающие участников поединка («поля»).

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами», изд. К. Калайдовичем и П. Строевым, М., 1819.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, № 105, СПб., 1841.

3. М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. II (разные издания).

4. Судебники Русского государства, изд. Горьковским пединститутом, 1939.

5. Судебники XV—XVI вв., Издательство Академии наук СССР, 1952.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Е. Андриевский, История русского права, период II, СПб., 1878, изд. литогр.

2. И. Д. Беляев, О суде наместничьем на Руси в старину, «Юридический журнал» 1861 г. № 8.

3. П. И. Беляев, Договор найма в древнерусском праве, Русский исторический журнал, кн. V, 1918.

4. П. И. Беляев, Источники древнерусских законодательных памятников, «Журнал Министерства юстиции», 1889, ноябрь.

5. П. В. Верховский, История русского права, Варшава, 1912.

6. С. Б. Веселовский, Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 года, «Исторические записки», т. V, Издательство Академии наук СССР, 1939.

7. М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, Киев, 1915.

8. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. II, Издательство Академии наук СССР, 1954.

9. Г. Н. Грибовский, Древнерусское право, вып. II, Птгр., 1917.

10. Г. Демченко, К вопросу об участии земских добрых людей в древнерусских судах, Сборник статей по истории русского права, посвященных памяти М. Ф. Владимирского-Буданова, Киев, 1904.

11. Ф. М. Дмитриев, История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях, М., 1859.

12. Н. Добротвор, О судебниках 1497, 1550 гг., Судебники Русского государства, изд. Горьковского пединститута, 1939.

13. Н. Дювернуа, Источники права и суда древней России, М., 1869.

14. Н. П. Загоскин, История права Московского государства, Казань, 1877.

15. А. А. Зимин, Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XVI вв.», ч. II, «Советская книга» № 4, 1952 г.

16. Н. Ланге, Древнее русское уголовное судопроизводство, М., 1883.

17. В. Н. Латкин, Лекции по внешней истории русского права, СПб., 1888.

18. Ф. И. Леонтович, О судебниках, Годичный акт Варшавского университета, 30 августа 1892 г., Варшава, 1892.

19. Я. С. Лурье, Из истории политической борьбы при Иване III, «Ученые записки ЛГУ», Серия исторических наук, вып. X (80), 1940.

20. Д. М. Мейчик, Судные дела XV века и их значение для Судебника Ивана III, «Юридический вестник» 1883 г. № 2.

21. П. Н. Мрочек-Дроздовский, Судебники, литогр. изд., М., 1892.

22. С. В. Пахман, История кодификации гражданского права, СПб., 1877.

23. Н. Рождественский, Обозрение внешней истории русского законодательства, СПб., 1848.

24. В. И. Сергеевич, История русского права, период II, СПб., 1866.

25. В. И. Сергеевич, Русские юридические древности, т. I, СПб., 1902; т. II, СПб., 1908.

26. И. И. Смирнов, Судебник 1550 года, «Исторические записки», т. 24, Издательство Академии наук СССР, 1947.

27. А. А. Сухов, Историческая характеристика древнерусского уголовного права до XVII века, «Юридический вестник», 1874, май—июнь.

28. Б. И. Сыромятников, Очерк истории суда в древней и новой России, Сборник «Судебная реформа», под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, М., 1915.

29. К. Троцина, История судебных учреждений в России, СПб., 1851.

30. А. Н. Филиппов, Учебник истории русского права, ч. I, Юрьев, 1914.

31. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, Издательство Академии наук СССР, 1951.

32. Л. В. Черепнин, Судебник 1497 года, в книге Судебники XV—XVI вв., Издательство Академии наук СССР, 1952.

33. Г. Ф. Шершеневич, История кодификации гражданского права в России, Казань, 1898.

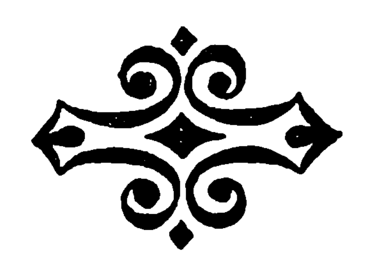
34. С. М. Шпилевский, Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I, «Ученые записки Казанского университета», вып. II, 1862.

35. С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, Госюриздат, 1950.

36. С. В. Юшков, К древнейшей истории института давности по русскому праву, «Ученые записки ВИЮН», вып. V, Госюриздат, 1947.

37. С. В. Юшков, Судебник 1497 года (к внешней истории памятника), «Ученые записки Саратовского Государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. V, вып. III, Саратов, 1926.

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

В XIV—XV вв. русская православная церковь выступает в качестве одного из звеньев феодального аппарата власти.

Сосредоточившие в своих руках огромные земельные владения, церкви и монастыри являлись крупнейшими феодалами и стремились обеспечить безопасность своих владений и закрепить полное повиновение зависимого населения.

Духовные феодалы поддерживали сильную центральную власть, рассчитывая при ее помощи не только обеспечить беспрекословное подчинение сотен тысяч зависимых людей, трудившихся в церковных владениях, но и добиться разгрома «ересей» как формы протеста против официальной церкви.

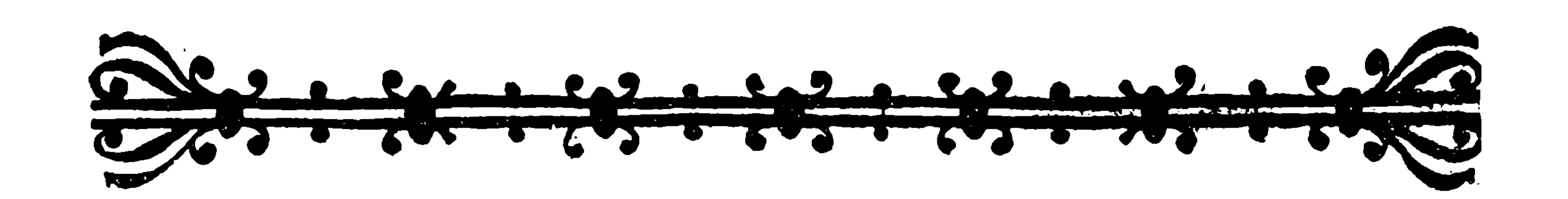
К середине XV века церковная организация на Руси сложилась в национальную русскую церковь, полностью отбросив всякие формы зависимости от Византийской патриархии. Авторитет самостоятельной церкви мог быть поддержан лишь сильным суверенным государством. В свою очередь уже в конце XV века русская церковь, являясь санкцией и обобщением феодального строя, энергично содействовала укреплению великокняжеской власти. Русская православная церковь поддерживала борьбу великокняжеской власти за централизацию Русского государства.

Ниже публикуется ряд актов, рисующих хозяйственную сторону деятельности церкви как феодального вотчинника, взаимоотношения церкви с государственной властью и правовые нормы, которыми руководствовалась церковная администрация при разрешении подведомственных ей дел.

Особенно интересным памятником является «Правосудие митрополичье», отражающее влияние норм общерусского права на церковную юрисдикцию.

Кроме публикуемых документов, в XIV—XV вв. среди памятников церковной юрисдикции большое место занимали уставы князей Владимира и Ярослава (см. «Памятники русского права», вып. I). Ко времени создания Русского централизованного государства относятся новые редакции этих уставов, отразившие изменения, которые произошли в положении церкви к XIV—XV вв.

1404 г. июня 28

УСТАВНАЯ ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДИМИТРИЕВИЧА И МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА ДОКОНЧАЛЬНАЯ ГРАМОТА КНЯЗЮ ВЕЛИКОМУ С МИТРОПОЛИТОМ О ЛЮДЕХ И О ВОЛОСТЕХ ЦЕРКОВНЫХ

Се яз, князь великии имя рек, сед с своим отцем имя рек митрополитом Киевьским и всея Руси, управили есмь о домех о церковных, и о волостех, и о землях, и о водах, и о всех пошлинах о церковных.

1 Судити митрополиту Луховца с волостелем или з доводщиком, а судье моему великого князя не быти. А бояром и слугам князя великого и митрополичим земль Луховских не купити; а которыи и будут покупили, а тем лести вон, а серебро свое взяти. А имати мне, князю великому, дани с Луху в выход по своеи грамоте по оброчнои; а лише того оброка не имати; а белки, ни резанки, не имати [1*] князю великому, но [2] митрополиту. А что луховци ставливали хоромы на князя великого дворе Вьлодимере, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлине, и нынеча ненадобе луховцем ставити хоромов на князя великого дворе.

2 А Сенег его [3] по тому, как обыскано и управлено по старине [4]: кое князя великого, то князя великого; а кое церковное митрополиче, а то митрополиче. А дань имати с Сенгу в выход [5] по моеи [6] грамоте князя великого по оброчнои, а лише того оброка не имати.

3 А что села отца нашего [7] митрополичи церковныи [8], которыи [8] даваны издавна и до Олексеа митрополита,

[1*] Все сноски в данной грамоте см. текстологический комментарий (стр. 458) — *Ред.*

и[9] те села потянут к митрополиту, как[10] и[9] при Олексеи митрополите тягли; а на тех селех данщику и белщику моему князя великого не быти, а дань имати с тех сел в выход по оброку по моеи[11] грамоте[12] князя великого по оброчнои, а лише того оброка не имати; а ям по старине с шестыи[13] день, а коли мои села князя великого дадут, тогды и митрополичи дадут.

4 А что люди митрополичи живут в городе, а тянут к дворцу, а тех описав да положить на них оброк, как и на моих[14] князя великого дворчян.

5 А Костянтиновскии манастырь извечныи митрополич и с селы; также и Борисоглебьски манастырь и с селы, как тягли издавна и[15] при Олексеи митрополите, потому ж и нынеча потянут.

6 А что села пошлые манастырьскии, в те села мне князю великому[16] не всылати, ни судити: ведают их и судят игумени; а будет суд сместнои, ино прибыток наполы.

7 А которыи человек мои князя великого ударит челом на игумена, или на попа, или на черньца, ино суд вопчои; а не пригодится[17] митрополита[18] в великом княжении, коли куде отъедет в свою митрополию дале, а ударит кто челом мне, князю великому, на митрополича[19], и мне, князю великому, судити; а будет суд смеснои, ино прибыток наполы; а будет митрополич суд, ино судить митрополич наместник. А также будет кто ударит челом мне, князю великому, на митрополича наместника[19], или на десятинника или на волостеля, и мне, князю великому, судить самому.

8 А митрополичим людем церковным тамги не давати[20] как было[21] и[22] при Алексеи митрополите: кто продаст свое домашнее, тот тамги не даст; а которыи имет прикупом которым торговати[23], а тот тамгу даст.

9 А коли дань дати в Татары, тогды и оброк дати церковным людем: а коли дани не дати в Татары, тогды и оброк не дати церковным людем; а с Луху по тому же отца нашего митрополита Киевскаго и всеа Руси[24].

10 А про воину, коли яз сам князь великии сяду на конь, тогды и митрополичим[25] бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом моим великого

князя; а кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те поидут под моим воеводою великого князя, где которыи живеть, ин под тем воеводою и есть.

¶11 А зборного митрополиту имати с церкви шесть алтын, а заезда три денги, а больши того не надобе ничто; а десятиннику на десятину насед имати за възъездное, и за Рожественое, и за Петровское, пошлины шесть алтын, а боле того не надобе ничто; а имати зборное о Рожестве Христове, а десятиннику[26] имати своя пошлина о Петрове дни; а которые съборные церкви по городом не давывали зборнаго при Фегносте митрополите и при Алексеи митрополите, тем и нынеча не давати.

¶12 А слуг моих, князя великого, и моих данных людеи в диаконы и в попы митрополиту на ставити. А которыи попович хотя будет писан в мою службу, а въсхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А попович, которыи живет у отца, а хлеб есть отцов, ино тои митрополич. А которыи попович отделен и живет оприч отца, а хлеб ест свои, а то мои, князя великого.

А писана грамота на Москве, месяца июня в 28 день, индикта в 12, в лето 6900[27].

ГИМ Синод. № 562. лл. 28. об. — 31

1391 г. октября 21

УСТАВНАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА КОНСТАНТИНОВСКОМУ МОНАСТЫРЮ

КИПРЕЯНА МИТРОПОЛИТА[1*]

Се яз, Кипреян, митрополит всея Руси, дал есми сю грамоту монастырю своему[2] Костянтину[3] игумену. Что им били челом сироты мои[4] маностырьскыи на игумена на Ефрема, так ркучи: «наряжаеть нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменех не бывало, пошлины[5] у нас емлеть, чего иные игумены не имали».

[1*] Все сноски в данной грамоте см. текстологический комментарий (стр. 458—459). — *Ред.*

И игумен митрополиту тако рек: «яз, господине, хожу по старои пошлине, как было при первых игуменех; а здеся, господине, на Москве игумен Царько, тот игуменил у царя [6] Костянтина наперед мене, того, господине, и въспроси».

И митрополит послал Окинфа к Царько игумену, занежа тогды [Царко] [7] не здоровел [8], и велел выпросити [9], какова пошлина в святем Костянтине и как люди [10] маностырьскыи [11] дело делають? [12]

И Царько игумен так отвечал Окинфу: «при моем игуменьстве так бы[ло] [13] в святем Костянтине: большим людем из маностырьских сел церковь наряжати, маностырь и двор тынити, хоромы ставити, игуменов жеребеи весь рол[ьи] орать възгоном, сеяти, пожати [14] и свести, сено косити десятинами и в двор въвести, и [4] ез бити вешнеи и зимнеи, сады опрятат [15] на невод ходити, пруды прудити, на бобры им в осенине поити, а исток им забивати Селятин и Вычахорьской [16], а на Велик день и [17] на Петров день приходять к игумену, что у кого в ручках [18]; а пешеходцем из сел к празнику, рожь молотить, и хлебы печи, солод молоть, пиво варить, и [4] на семя рожь молотить; а лен дасть игумен в села, и они сежи прядуть, и дели [19] неводныя наряжають; а дають ис сел [20] вси люди яловицу [21] на праздник, но [22] одинова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, треми боранами [23], и яз их пожаловал за яловицу, занеже ми было ненадобе яловица, а по пошлине по старои яловица ходить всегды на праздник; а в которое село игумен приедеть вь братщину, и сыпцы дають по зобне овса конем игуменовым».

И Окинф те речи игумновы Царьковы сказал все митрополиту.

И потом Царько игумен омоглъся и пришед самому митрополиту те речи все сказал, что приказал с [О]кинфом [24] к митрополиту.

И потому яз, Кипреян, митрополит всея Руси, въспросил есмь в Володимери [25] своих бояр, того монастыря пошлин и о яловице о празничнои, Михаила Биреева, Юрья Протопопина, Ивана, своего повара; и они ми те речи сказали [3], о озерех и о истоцех и о бобровои ловли.

И яз [26], Кипреян, митрополит всея Руси, тако рек игумену и християном маностырьским; ходите же [вси по

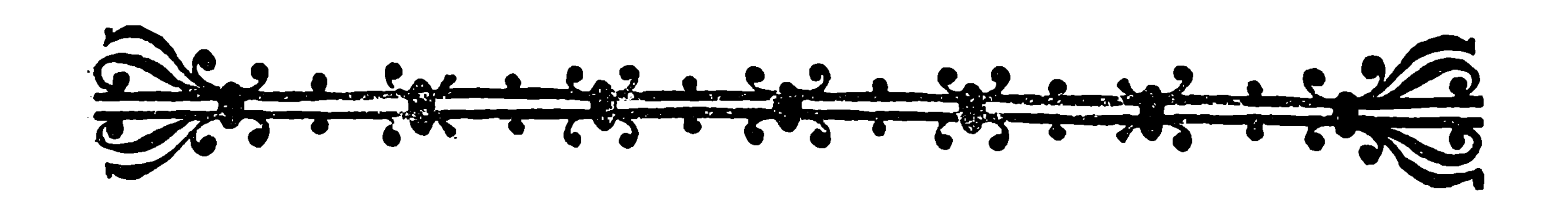
моеи грамоте, игумен сироты держи, а сироты игумена слушаите, а дело монастырское делаите; а хотя хто будеть иныи игумен по сем игумене, и тот ходит][27] по сеи моеи грамоте. А сю грамоту велел [есмь][28] блюсти[29] вь церкви прежних деля управлен маностырьских[30] [игумену и людем, а никоторыи игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет; аще ли вынесет, не буди на нем милости божиа и моего благословениа. А дана грамота на Москве в лето 6900 месяца октября в 21 день, индикта 15.

Назади подпись: сее грамоты князь великйи рушити не велел, а пожаловал игумена по сеи грамоте, что в неи писано. А подписал великого князя диак Иван. Рыболове мои великого князя не вьежжают в монастырские озера.

Сее грамоты Иона митрополит всеа Руси не рушил. А велел и велел игуменом и христианом по старине и по сеи грамоте ходити о всем. А подписал, по митрополичю слову, митрополич дьяк Карло][27].

ГИМ Уварова № 512, лл. 298 об.—300

А СЕ ЕСТЬ ПРАВОСУДИЕ МИТРОПОЛИЧИЕ[1]

1 Князю великому за безчестье главу снять, а меншему князю, ли сельскому, ли тысячником, ли околичником, ли боарину, ли слузе, ли игумену, ли попу, ли дьакону по житью, по службе безчестье судят.

2 Тивуну княжю безчестье гривна злата, так и наместнику.

3 Аще ли кому судят злато за бесчестье, противу того судьи несть злата за злато, но деляться судьи присудом.

4 А се вина мужа с женою разлучить: 1 вина — застанет мужь жену свою с чюжим мужем[2], а учинит исправу на нее, разлучити их; 2 вина — аще подумает жена на мужа зельем; 3 — опричь мужа своего спати; 4 — с чюжими людми ходит на пир; 5 — ходит на игрище опричь мужа своего; 6 — велит мужа своего красти; 7 — имет кто мыслити на мужа ея, она ведает, а не скажет. Того ради разлучить их по исправе.

5 За голубь 9 кун, за утку 30 кун, за гусь 30 кун, за лебедь 30 кун, за жеравь 30 кун, за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу 60 кун, за вол 3 гривны, за корову 40 кун, за третьак 30 кун, за лонщину полгривны, за теля 5 кун, за боран ногата[3], за порося ногота, за овцу 5 кун, за жеребца гривна, за жеребя[4] 6 ногот.

6 Передни идет, а заднии что наидет — не делиться с предним, а предни делиться з задним.

---

[1] *Деление текста памятника на статьи несколько отличается от разбивки, проведенной С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым. См. таблицу нумерации статей «Правосудия митрополичьего» в настоящем издании и изданиях указанных исследователей.*

[2] *В рукописи* мужен.

[3] *В рукописи ногота.*

[4] *В рукописи* жере.

7 Аще кто насилит девку, ли умчит [1], а будет дщи боярская ли жена — за срам еи 5 гривен злата, а меньших бояр дчи — гривн злата, а добрых 30 гривен сребра [2], а нарочитых ли 3 рубли. А умытцех епископу гривна, а князь казнит.

8 Аще ли [3] на жене [3] будет лих недужь, ли слепа, ли длъгая болезнь — про то отпустити ея, также и мужа.

9 Аще кто кому пострижет браду ли главу — 12 гривен, а князь казнит.

10 Ты же, судья, суди слова, а не сердца: то есть суд, что идет у человека из уст.

11 Око человеку судиться за пол века — 40 гривны.

12 А душегубца велит казнити градскым законом: осечи его да продати; как стечет, а дом его на грабеж.

13 А татя без поличного ни [4] вязати, ни казнити, ни повесити.

14 В корьчме человека убьют, за безчестее ногата.

15 Наезда — 100 гривен.

16 А самосуда — 2 рубли.

17 А вина властелину противу поличного, а исцю тако же.

18 А будет послух прирочен, а скажет свои прирок судьи — послух есть.

19 А грамот дати [5] на себе держати, а людем на аборонь не довати.

20 А судьи стати за епископом своим самому, а с суду [6] списка не слати.

21 А холопа своего ли татя, с поличным изнимав в чюжи отчине, вести его ко своему судьи да судити.

22 А что ся деял за 3 годы, того не искати судом, ли что деялся при ином князи ли властелине, того не искати.

23 На манастырское строение чернець игумну послух, а на иное — не послух.

---

[1] *В рукописи* умучит.
[2] *В рукописи* серебр.
[3] *В рукописи описка* на тен.
[4] *В рукописи* на.
[5] *В рукописи* тат.
[6] *В рукописи* куду.

24 Аще кто собаку убьет ли кошку — вины гривна, а собаку в собаки место, а кошка в кошки место.

25 Аще ли кто на кого хвалиться, ту его и утягати, то ему есть суд.

26 А тать у пристава убежит, а не осужен — приставу в том несть вины; а осужен — вина; убежит — приставу вина, а исцева дати.

27 Дети отцю не послуси, а на отца послуси.

28 Поп, игумен, дьякон никому не послуси, развее на духовное дело своему брату: игумну, попу, дьякону.

29 А се стоит в суде челядин-наймит, не похочет быти[1] у осподаря[1] — несть ему вины, но дати ему въдвое задаток; а побежит от осподаря — выдати его осподарю в полницу.

30 Аще ли убьеть осподарь челядина полнаго, несть ему душегубьства, но вина есть ему от бога. А закупнаго ли наимита, то есть душегубство.

31 Тат[2] ли во прирочнем человеце сутяжаи есть, а послух нет.

32 Аще ли муж ожениться иною, а старою не распустився, мужь в вине, а младую жену в дом взяти, а старою жити.

33 Аще ли кто зблудит скотиною 12 гривен; а свекор снохою 100 гривен; а деверь с ятровью 30 гривны; а сестровею 30 гривен; а с мачехою 40 гривен. А два брата — с единою женою 100 гривен, а женка в дом. А опитемьи по закону.

34 Аще ли кто две жены держит — 40 гривен, а которая подлегла, та в дом церковныя, с первою жити по закону. А будет лих до нея, того достоит казнити.

35 Аще ли жена мужа бьет — 3 гривны.

36 А две жены бьются — на виноватои гривна.

37 Аще чернець ли черница растрижется, епископ их в что обрядит.

38 Что ся дееть в монастырех ли в монастырскых людех, да не вступаеться князь ли властелин: то ведает их епископ.

ГИМ, Синод, № 326(687), лл. 141—143 об.

[1–1] *В рукописи* а осподар.

Позднее (XVII в.?) исправлено дати.

ПЕРЕВОД

А ВОТ ПРАВОСУДИЕ МИТРОПОЛИЧЬЕ

1 За оскорбление великого князя [виноватому] отрубить голову, а [за оскорбление] меньшего князя, сельского, тысячника, околичника, боярина, слуги, игумена, попа, дьякона — взимается штраф [в зависимости] от состояния и служебного положения оскорбленного.

2 За оскорбление княжеского тиуна взимается штраф в размере гривны золота. Так же поступать и при оскорблении наместника.

3 Если кого-либо присуждают к уплате штрафа золотом за нанесение оскорбления, то судьи не получают части от этого штрафа. Они делятся [полученным с ответчика] присудом.

4 А вот поводы для развода мужа с женой: 1-я вина — муж застает жену с чужим мужчиной, если он докажет ее вину — разлучить их; 2-я вина — жена замышляет отравить своего мужа; 3-я вина — жена спит отдельно от мужа; 4-я — жена ходит с чужими людьми на пир; 5-я — жена ходит на игрище без своего мужа; 6-я — жена подговаривает [воров] обокрасть своего мужа; 7-я — жена не сообщает мужу об известном ей чьем-либо замысле против мужа. При подтверждении этого, их разлучить.

5 За голубя [платить] 9 кун, за утку — 30 кун, за гуся — 30 кун, за лебедя — 30 кун, за журавля — 30 кун, за кошку — 3 гривны, за собаку — 3 гривны, за кобылу — 60 кун, за вола 3 гривны, за корову — 40 кун, за трехлетнее животное — 30 кун, за двухлетнее животное — пол гривны, за теленка — 5 кун, за барана — ногата, за поросенка — ногата, за овцу — 5 кун, за жеребца — гривна, за жеребенка — 6 ногат.

6 Человек, идущий [по дороге] сзади другого человека и нашедший что-либо, не делится находкой с первым человеком. Если же находку сделал идущий впереди, то он делится с идущим сзади.

7 Если кто-нибудь совершит насилие над девушкой или ее похитит, а она явится боярской дочерью или женой, то виновный уплачивает ей за посрамление 5 гривен золота, если она дочь меньших бояр — 1 гривну золота, дочери

добрых [людей] — 30 гривен серебра, нарочитых людей — 3 рубля. Сообщники похищения платят гривну епископу, а наказывает князь.

8 Если жена будет сильно больна или слепа, или ее болезнь будет длительной, то это явится поводом для развода. Те же основания действуют и в отношении мужа.

9 Если кому-нибудь остригут бороду или волосы на голове, то виновный подвергается штрафу в 12 гривен, а князь наказывает.

10 [При судебном разбирательстве дела] судья должен руководствоваться устными показаниями сторон, а не следовать личным побуждениям; основой для решения суда должны быть словесные доказательства.

11 За повреждение глаза присуждается платить половину штрафа, установленного за убийство человека — 40 гривен.

12 Убийцу следует наказать по городскому закону: отсечь ему часть тела и взыскать с него продажу; если он убежит, то дом его отдать на разграбление.

13 Вора без поличного ни вязать, ни наказать, ни повесить.

14 Если в корчме убьют человека, то [хозяину корчмы] за нанесенное оскорбление следует заплатить ногату.

15 За совершенный наезд следует платить 100 гривен.

16 За совершение самосуда платить — 2 рубля.

17 Властелину штраф за совершенное преступление уплачивается только при наличии поличного; то же самое и в отношении истца.

18 Если послух будет оговорен и докажет судье лживость оговора, то он может быть послухом.

19 [Правые] грамоты [их владельцы] должны держать для использования лишь в своих интересах и не давать другим людям для судебной защиты.

20 Судья должен пользоваться судебными правами своего епископа и не посылать [к нему на утверждение судных] списков.

21 Бежавший холоп, схваченный в другой земле, возвращается к своему хозяину; вор, пойманный в чужой земле с поличным, направляется для суда к своему судье.

22 То что делалось 3 года назад, того не искать судом; также не искать судом того, что делалось при ином князе или властелине.

23 Чернец может быть послухом со стороны игумена только по делам своего монастыря. В других случаях выступать послухом он не может.

24 Если кто-нибудь убьет собаку или кошку, то он должен уплатить [в пользу суда] гривну, а убитую собаку заменить другой собакой, а кошку — кошкой.

25 Если кто-нибудь угрожает другому, то его следует привлечь к ответственности и судить.

26 Если у пристава убежит не осужденный вор, то пристав не возмещает стоимости украденного вором, если же вор был осужден, то пристав возмещает истцу убыток.

27 Дети не могут быть послухами со стороны отца, а послушествовать против отца они могут.

28 Поп, игумен, дьякон никому не послухи, за исключением духовных дел в пользу своей братии: игумена, попа, дьякона.

29 А вот стоит на суде челядин-наймит: если он не захочет быть у господина, в этом нет его вины, но он должен вернуть [господину] двойной задаток; а если он побежит от господина, [не уплатив двойного задатка], то его следует выдать господину в полное холопство.

30 Если господин убьет полного челядина, то это не является преступлением, но господин виновен перед богом. А [если он убьет] закупного наймита — то это преступление.

31 Оговоренный в воровстве человек может участвовать в суде в качестве одной из сторон, но не как послух.

32 Если мужчина женится вторично, не разошедшись со старой женой, то он повинен уплатить штраф и жить со старой женой; а молодую жену — следует поместить в монастырь.

33 За скотоложство — 12 гривен, за сожительство свекра со снохой — 100 гривен, деверя с ятровью — 30 гривен, [брата] с сестрой — 30 гривен, [пасынка] с мачехой 40 гривен. Если два брата сожительствуют с одной женщиной — 100 гривен, а женщину [направить] в монастырь. Епитимья [за эти преступления] накладывается по закону.

34 Если кто-нибудь держит двух жен — штраф 40 гривен, а незаконную жену [отправить] в монастырь, а с первой женой жить по закону. Если муж будет с ней плохо обращаться, то его следует наказать.

35 Если жена бьет мужа — платить 3 гривны.

36 Если две женщины дерутся, то платит гривну виновница.

37 Если чернец или черница расстригутся, то меру наказания определяет епископ.

38 В то, что делается в монастырях и как поступают монастырские люди, не вступается князь или властелин: это дело их епископа.

Историко-правовой обзор

1404 г. июня 28. Уставная договорная грамота Василия I и митрополита Киприана

Уставная договорная грамота Василия I и митрополита Киприана 1404 года определяет взаимоотношения великокняжеской власти и митрополичьей кафедры в период образования Русского централизованного государства.

Договорная грамота, помещенная в сборнике образцов митрополичьих грамот (формулярнике), и сама на протяжении всего XV века являлась образцом (формуляром) документа, в котором проведено разграничение сеньоральных прав московского великого князя и митрополита.

Уставная договорная грамота фиксирует судебный и неполный податной иммунитет митрополичьего дома, разграничивает сферу церковного и великокняжеского патроната и, наконец, ярко рисует организацию управления церковными землями этой крупной феодальной вотчины.

Введение. Составлено в виде формуляра с пропуском имен договаривающихся сторон, которыми, судя по дате, были Василий I и митрополит Киприан.

Грамота публикуется нами по митрополичьему сборнику образцов (формулярнику) начала XVI века (ГИМ Синод., № 562), в котором она помещена. В формулярнике помечены послания и грамоты обычно с пропуском имен

(заменой их безличными «имя рек»), как образцы документов, которыми следовало руководствоваться в повседневной административной и прочей деятельности церковным властям.

Ст. 1. Статья фиксирует иммунитетные права митрополита в Луховецкой волости (селение Луховец находилось во Владимирском уезде, в 18 км от г. Владимира). В статье утверждается неподсудность населения этой волости великокняжескому судье, запрещается взимание податей (за исключением «выхода») и отправление повинностей («ставити хоромов») в пользу великого князя. Запрещение покупки луховецких земель, адресованное к великокняжеским и митрополичьим боярам и слугам, свидетельствует о стремлении митрополита прекратить переход «домовных» вотчин в собственность светских феодалов.

Довощиком — доводщик, судебный агент. О нем см. выше.

Боярам и слугам ... митрополичьим — двор митрополитов — крупнейших духовных феодалов обслуживался многочисленными боярами, слугами, дворянами. Эти слуги ведали судебными, финансовыми и административно-хозяйственными делами митрополичьего дома и обеспечивались кормлениями, а также условным землевладением «до живота», то есть до смерти. Некоторые из актов условного землевладения см. в разделе «Жалованные и указные грамоты».

В выход — имеется в виду ордынский «выход», плативщийся в ханскую казну; см. духовную грамоту Дмитрия Донского; ср. ст. 9.

Белки ... резанки — подати. Белка, очевидно, платилась княжескому писцу (ср. термин «писчая белка» в актовых материалах XV века; АФЗ и Х, стр. 86, 114, 172 и др.; ср. ниже выражение «белщик»). О резанке см. выше.

Ставити хоромов — имеется в виду обычная повинность, заключавшаяся в постройке дворов великого князя или его наместников.

Ст. 2. Митрополичья Сенежская волость находилась в юго-западной части Владимирского уезда и представляла собой земли, изобилующие озерами и болотами. В сенежских рыбных ловлях был заинтересован не только митрополит, но и великий князь, который, судя по ст. 2, к началу

XV века обладал в волости известными административно-хозяйственными привилегиями.

Ст. 3. Статья утверждает неприкосновенность митрополичьего землевладения и судебный иммунитет в монастырских селах.

Данщику — сборщику великокняжеской дани; ср. АФЗ и X, № 1, 92 и др. Ср. докончание Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем 60-х годов XIV века: «А в твои ми удел данщиков своих и приставов не всылати» (Д и ДГ, № 5).

Белщику — сборщику белок, податей (см. ст. 1).

Ст. 4. Митрополичьи люди, жившие в Москве, находились в подчинении дворецкого и платили оброки вместе с другими дворовыми людьми.

К дворцу — во главе дворца, великокняжеского хозяйства, стоял дворский (дворецкий).

Дворчан — ср. «люди под дворским», люди, подведомственные дворецкому; ср. в духовной грамоте Ивана III 1504 года: «которые мои дворы внутри города на Москве... за дворяны за моими, и за дворцовыми людми и за конюхи и за мастеры» (Д и ДГ, № 89); ср. в докончании Василия II с Василием Ярославичем Серпуховским 1433 года: «которые слуги потягли к дворьскому... а тех вам и мне не принимати» (Д и ДГ, № 27).

Ст. 5. Статья санкционирует отношения вассалитета Константиновского и Борисоглебского монастырей к Московскому митрополичьему дому.

Костянтиновьскии монастырь — Елено-Константиновский монастырь во Владимире; см. уставную грамоту митрополита Киприана 1392 года.

Борисоглебьскии монастырь — находился в Переяславле-Залесском.

Олексеи — митрополит Алексей (1354—1378 гг.).

Ст. 6. Статья санкционирует судебный иммунитет в монастырских селах (ср. ст. 3).

Ст. 7. По тяжбам с монахами или священниками устанавливается совместный суд митрополита и великого князя. Претензии к митрополичьему наместнику, волостелю и десятнику разбирает сам великий князь.

Десятинника — десятинник, лицо митрополичьей администрации, ведавшее сбором пошлины (десятины); ср. ст. 11.

Ст. 8. В статье санкционируется освобождение населения митрополичьей вотчины от уплаты тамги.

Прикупом — купленным. В жалованной грамоте Василия II на слободку Караш, восходящей к грамоте Василия I, говорится о «домашнем» и «перекупном» товаре (АФЗ и Х, № 1).

Ст. 9. Статья близка к нормам междукняжеских докончаний, посвященным вопросам платежа «выхода» в Орду. Ср. в докончании 1433 года Василия III с Василием Ярославичем Серпуховским: «давати ми, господине, тебе, великому князю, с своеи отчины по тому розводу, как наперед сего давали в выход и в ям. А ци переменит бог Орду, не имем давати к Орде, и тобе, господине, имати с своей отчины, с великого княженья, дань себе, а мне с своего удела собе дань имати» (Д и ДГ, № 27).

С Луху — см. ст. 1.

Ст. 10. Вассалы митрополита были обязаны нести военную службу в случае начала военных действий. Статья ярко рисует тот период, когда «местные бояре ходили на войну со своими полками» (В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 137). Обязанность удельных князей выступать в поход со своими боярами по призыву великих князей зафиксирована в междукняжеских докончаниях; ср. договор Василия II с Дмитрием Шемякой: «А где всяду на конь, и вам со мною поити... А где пошълю своих воевод, и вам послати своих воевод с ними» (Д и ДГ, № 34).

Ст. 11. Статья регламентирует пошлины в пользу митрополита и его слуг.

Сборное — церковная пошлина; ср. АФЗ и Х, стр. 126, 128, 129, 171, 173, 181.

Заезда — пошлина, платившаяся при приезде митрополита или его слуги.

На десятину насед — вступит в исполнение обязанностей.

Въездное — пошлина, платившаяся десятиннику при вступлении его в должность.

Рожественое — пошлина («дар»), платившаяся в день так называемого «Рождества Христова» (25 декабря).

Петровское — пошлина («дар»), платившаяся в день Петра и Павла (29 июня).

Ст. 12. Первая часть статьи запрещает поставление в попы и священники зависимых от князя людей («данных людей», холопов и слуг). Во второй части статьи из митрополичьего патроната исключаются дети священников, не живущие в одном хозяйстве со своими отцами.

А хлеб есть отцов — ср. «попове един хлеб ядсти и во едином дому живущие у кого брат или сын» — в третьем ханском ярлыке 1267 года.

В лето 6900 — явная описка: на 6900 г. падает 15 индикт. 12 индикт приходится на 6912 (1404) год, когда и был составлен договор. Буквенная цифирь «12» при обозначении года исчезла, возможно, из-за повторения ее в цифре индикта.

1391 г. октября 21. Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю

Уставная грамота митрополита Киприана 1391 года — важнейший памятник, характеризующий систему господства и подчинения в феодальной деревне, формы эксплуатации крестьян в крупной вотчине духовного феодала в условиях конца XIV века. Ее материалами пользовался В. И. Ленин для исследования соединения крестьянских промыслов с земледелием.

Уставная грамота вскрывает характерные черты натурального хозяйства монастыря-вотчинника, обслуживавшегося трудом крестьян («сирот»). Грамота позволяет наглядно представить, как патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с домашними промыслами (то есть с обработкой сырья для своего потребления) и с барщинной работой на землевладельца (см. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 329.)

Попытки крупных феодалов увеличить размеры крестьянских повинностей, как показывает Уставная грамота митрополита Киприана 1391 года, сопровождались усилением борьбы эксплуатируемого крестьянства против растущего феодального гнета.

Грамота митрополита Киприана сохранилась в двух списках первой половины XVI века: в Уваровском, который положен в основу настоящего издания (ГИМ Уварова,

№ 512, лл. 298, об. 300), и Синодальном (ГИМ Синод, № 276, лл. 241—242)[1]. О взаимоотношениях великокняжеской власти с митрополичьим домом см. договоры Василия I с митрополитом Киприаном 11 ноября 1403 г. (приложение к Уставу князя Ярослава, «Памятники русского права», вып. I) и 26 июня 1404 г. (ААЭ, I, № 9). Памятником, сходным с уставной грамотой митрополита Киприана, рисующим борьбу крестьян против усиливающегося феодального гнета, является жалованная грамота «сиротам» Терпилова погоста, около 1423 года (см. «Памятники русского права», вып. II).

Святому Костянтину — Константинов (Константина и Елены) монастырь на Клязьме был основан митрополитом Алексеем в третьей четверти XIV века и им же обеспечен селами и доходами (ПСРЛ, XI, стр. 32). Ему принадлежали два села у Владимира (Суровна и Доброе). Монастырь входил в состав «домовных» (митрополичьих) и непосредственно подчинялся власти московского митрополита.

Сироты — наименование крестьян в Северо-Восточной Руси в XIV веке. Ниже они названы «люди монастырские».

Наряжает — назначает, устанавливает (от слова «ряд»).

По пошлине — по обычаю, по старине.

Большим людям — зажиточным крестьянам, имевшим рабочий скот (в отличие от пешеходцев). Грамота уже знает имущественную диференциацию крестьян.

Двор тынити — двор огораживать тыном.

Жеребеи весь рольи — участок пашни (ср. «ролейный закуп» в Пространной Правде). Митрополичья запашка в конце XIV века была сравнительно небольшого размера.

Орать възгоном — пахать сообща, всем крестьянам.

Ез бити — ловить рыбу в рыбных угодьях («езах»).

Сежи — снасти неводные.

В осенине — осенью.

Велик день — пасха.

Пешеходцем — пешеходцы, бедные крестьяне, не имевшие лошадей.

Яловицу — яловица, нетелившаяся корова.

Вь братщину — на пир, устраивавшийся в складчину.

[1] *В текстологическом комментарии Уваровский список условно обозначается буквой «У», Синодальный — «С».*

Сыпцы — участники пирушки; во время братчин участники пирушки «ссыпали» хлеб для приготовления пива, которое и получило название «ссыпного», в отличие от угощений, выставляемых отдельными участниками братчины.

По зобне — зобница, мера сыпучих тел, в Пскове до середины XV века равнялась $9^{1}/_{3}$ позднейших пудов, а после реформы 1458—1459 гг. — 14 пудам. Возможно, зобница соответствовала старинной кади.

В лето 6900 месяца октября в 21 день, индикта 15 — дата дана по сентябрьскому летоисчислению (в полном соответствии с индиктом).

Правосудие митрополичье

Правосудие митрополичье — памятник русского феодального права, возникший в кругах новгородского духовенства и отражавший практику и традиции суда крупного духовного феодала («владычня наместника»).

В исторической и историко-правовой литературе существуют различные точки зрения по вопросу о датировке Правосудия митрополичьего. С. В. Юшков относит время его составления к XIII—XIV вв., Б. Д. Греков — к XIII веку, М. Н. Тихомиров усматривает в его терминологии близость «к московским памятникам вроде судебников». Наконец, Л. В. Черепнин датирует Правосудие митрополичье концом XIV века, связывая его появление с деятельностью митрополита Киприана и рядом документов того периода.

По нашему мнению, время составления памятника определяется периодом между 1497 годом и палеографически установленным временем написания списка памятника — началом XVI века.

Источниками Правосудия митрополичьего были: Русская Правда Пространной редакции, Церковный устав Ярослава, Закон судный людем, новгородское и общерусское право XV—XVI вв., отраженное в Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг., Белозерской уставной грамоте 1488 года, Новгородской судной грамоте, договорах Великого Новгорода с князьями, и, возможно, Судебник 1497 года.

Целью составления памятника следует считать попытку заменить основные положения Судебника 1497 года нор-

мами устаревшего новгородского права. Это находит свое подтверждение в мнении, высказанном Б. Д. Грековым, что Судебник 1497 года был неприемлемым «для сторонников старых порядков» (Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II, изд. 2, Издательство Академии наук СССР, 1954, стр. 96.) В ряде статей Правосудия митрополичьего отразилось стремление власти «внести единый принцип в среду, где в каждом месте еще совсем недавно был свой собственный закон, где каждый богатый вотчинник готов был считать себя в своих владениях законодателем» (там же).

Вынужденный считаться с реальной действительностью, составитель Правосудия митрополичьего внес в текст памятника некоторые положения, свидетельствующие об усилении власти московского великого князя в Новгороде. Вследствие этого в памятнике зафиксирован ряд норм общерусского и местного новгородского права, подвергшихся в ряде случаев умышленной архаизации. Значительное место здесь занимают и нормы явно древние, давно уже забытые судебной практикой к концу XV века и появившиеся в составе памятника в результате общего для этого периода усиленного интереса к памятникам новгородской старины, а также большого внимания к вопросам кодификации права (в связи с подготовкой к созданию и появлением единого общерусского свода законов — Судебника 1497 года).

Почти во всех случаях составитель отмечал киноварным инициалом каждую структурную часть памятника, выделяя разные разделы памятника, взятые из различных источников.

Центральная часть памятника (ст. ст. 13—21) испытала на себе заметное влияние структуры Судебника 1497 года. Влияние Судебника 1497 года сказалось здесь и на правовой тематике и на содержании статей Правосудия митрополичьего (см. приложение).

Памятник дошел до нас в единственном списке, в составе рукописного сборника «Цветник», который включает в себя еще отрывки из Краткого летописца и Киево-Печерского патерика, Сказание об отреченных книгах в редакции конца XV века, целый комплекс статей канонического содержания, извлеченных, в основном, из памятников новгородского происхождения, и другие материалы. Наличие

в составе сборника оригинальной редакции Церковного устава Ярослава, сходной по обработке с Правосудием митрополичьим, позволяет предположить, что не только редактором Устава, но и составителем Правосудия митрополичьего был сам составитель сборника «Цветник».

Заголовок. Заголовок памятника явно не соответствует его содержанию: ни в одной из статей документа о митрополите и его суде ничего не сообщается. В тех статьях, которые заимствованы из Церковного устава Ярослава, упоминание о митрополите вовсе опущено либо заменено упоминанием о епископе (ст. ст. 7, 32—38). Название памятника представляет собой приписку, сделанную внизу листа, под текстом документа, после того как основной текст всего сборника был уже написан.

Название это могло появиться по аналогии с заголовком ко второй части оригинальной редакции Устава князя Ярослава, помещенного в «Цветнике»: «А се митрополичьи суди» (л. 42).

Неправильный и не раскрывающий основного содержания памятника заголовок мог быть составлен в целях придания большего авторитета его во многом устаревшим нормам.

Ст. ст. 1—2 [1]. Начальные статьи Правосудия митрополичьего посвящены установлению наказания за оскорбление (бесчестие). Ср. с ст. 14.

О бесчестии см. также приложения к Пространной Правде (статья «А се бещестие»), ст. 2 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг. («а наместницы судят ему по его отечеству безщестие»), ст. 26 Судебника 1550 года, в которой взыскиваемые за бесчестие штрафы определяются в зависимости от социального (служебного) положения оскорбленного, как и в ст. 1 Правосудия митрополичьего: «по житью, по службе безсчестие судят». Ср. со ст. 62 Судебника 1497 года («посмотря по человеку»).

Князю великому ...меншому князю — Великий Новгород в XV веке обычно признавал власть тех князей, кото-

---

[1] Оглавление «Цветника», составленное позже текста сборника, коротко излагает начало ст. 1 в несколько иной формулировке: «О правосудии митрополичьем. Великого князя бесчестье виноватому главу снять».

рые становились на Руси великими князьями. С присоединением Новгорода к Москве город превратился в «вотчину» великого князя московского. «Меньшие князья» могли являться наместниками великого князя в Новгороде («так и наместнику»), занимать новгородские административные должности (см. летописи под 1471—1478 гг.). Выражение «по службе» указывает на установившийся порядок служебной иерархии сложившегося единого централизованного государства. Ср. с позднейшим термином XVI века «князи служилые». Ср. со ст. 7 («бояре» и «меншие бояре»), с приложением к Пространной Правде («великих боляр или менших боляр» в статье «О муже кроваве»).

Главу снять — высшая степень наказания за оскорбление великого князя, устанавливаемая Правосудием митрополичьим, говорит об утверждении власти московского великого князя в Новгороде. О том значении, которое придавал составитель настоящему постановлению, говорит помещение статьи в начале памятника. Смертная казнь путем отсечения головы не известна в практике суда Великого Новгорода; здесь известно повешение, свержение с моста. Ср. наказание политических преступников московским великим князем Василием II в 1462 году: «повеле... иным главы отсекати»; расправу великого князя Ивана III с изменником Борецким и его сообщниками в 1471 году: «повеле казнити главною казнью новгородских посадников за их измену и за отступление».

Околичник — упоминается в одной из грамот 1448—1469 гг. князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю: «К наместнику и ко всем бояром и детем боярьским и околичником и посельским моим» (ААЭ, т. I, стр. 36). Повидимому, «околичник» близок к окольничему.

Сельский — возможно, посельский. Посельский — лицо административно-судебного персонала у светских и духовных феодалов (см. ст. 62 Судебника 1497 года). Близок к термину «посельский» термин «селецкий»: «И приказал тое землю митрополичю волостелю селецкому ведати» (АЮБ, т. II, стр. 565).

Тысячник — тысяцкий, глава войска. В некоторых списках Пространной Правды употребляется термин «тысячник». Старые «тысяцкие» упоминаются в летописях еще

под 1478 годом. Упоминание в Правосудии митрополичьем тысяцкого — одно из свидетельств сепаратистских тенденций новгородских феодалов.

Наместник — полномочный представитель великокняжеской власти в Новгороде. См. о нем в договорных грамотах Великого Новгорода с князьями за XIV—XV вв. (ГВН и П, № 11, 15, 20): «А суда нам у великих князей наместников не снимати» (Там же, № 27). По НСГ, наместнику принадлежало право пересуда и окончательного утверждения приговора, вынесенного судом посадника. О наместнике см. также Двинскую уставную грамоту 1397—1398 гг. (вступительная часть), Запись о душегубстве, ст. ст. 20, 38, 43, 65 Судебника 1497 года.

Своих наместников назначали и более мелкие феодалы (светские и духовные).

Гривна злата — соотношение между гривнами серебра и золота еще не установлено. Существующие исследования по этому вопросу колеблются в выводах между соотношением золота к серебру как 1 : 16²/₃ и 1 : 12¹/₂.

Ст. 3. Ответчик, помимо штрафа в пользу истца, должен уплатить еще «присуд» — судебную пошлину, которая делилась между судьями и феодалом («А случится суд сместной... а присудом делятся наполы»; АИ, т. I, стр. 165). См. ст. 65 Судебника 1497 года. Ср. «епископу в вине со князем на-полы» — ст. 26 Краткой группы Церковного устава Ярослава Восточно-русской редакции и ст. 112 ПСГ.

Ст. 4. Эта статья, устанавливающая основания для развода, заимствована из Церковного устава Ярослава, куда она попала из какого-то самостоятельного церковного установления. Последнее подтверждает то обстоятельство, что она всегда встречается в списках Пространной группы редакций Устава перед заключением ко всему памятнику, под киноварным заголовком: «А сими винами» (в Правосудии митрополичьем — «А се вина»).

Значительные отличия текста ст. 4 Правосудия митрополичьего от соответствующих мест Устава заставляют предполагать, что составитель Правосудия пользовался оригинальным, не дошедшим до нас вариантом Пространной редакции Устава, очевидно, новгородского происхождения. См. ст. 53 Устава князя Ярослава Владимировича.

Статья 4 целиком опускает такую «вину», как «аще услышить жена от иных людей, что думають на царя или на князя, а того мужю своему не скажеть, а после обличится, разлучити их». Повидимому, редакция этой статьи, помещенная в Правосудии митрополичьем, отражает нормы, существовавшие еще в период Новгородской боярской республики. Отмеченную купюру можно поставить в связь и с реакцией новгородских феодалов на усиление власти Московского великого князя в Новгородской земле и казнями заговорщиков-бояр в конце XV века. Во всяком случае, такая редакция ст. 4 памятника с указанным пропуском явно не соответствует по духу и содержанию ст. 1, которая устанавливала смертную казнь за меньшее преступление, чем заговор, — оскорбление великого князя.

Об «исправе» см. ст. ст. 21 и 22 Пространной Правды в списках XV—XVI вв.: «дати исправа железо»; и ст. 56: «но дати ему исправа». Ср. выражения: «то платити вдвое без суда и без исправы» (АФЗ и Х, стр. 269); «а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбоиника выдати по исправе» (Д и ДГ, стр. 484).

Ст. 5. Статья устанавливает расценки штрафа за кражу скота. Ее первая часть представляет собой извлечение из ст. 81 Пространной Правды. Далее следует новый текст: «за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны», хотя «урок» в пользу потерпевшего в размере этой суммы был известен ст. 81 Пространной Правды за кражу «пса». В отличие от Пространной Правды, ст. 5 умалчивает о «продаже», платившейся князю. Поэтому следует предположить, что указанные суммы, по мысли составителя статьи, должны целиком итти в пользу потерпевшего в качестве «урока». Размеры расценок ст. 5 совпадают с Русской Правдой, только сумма, взыскиваемая за кражу вола, увеличена с одной гривны до трех.

Так же как и ст. 4, эта статья отражает нормы периода независимости Великого Новгорода, когда власть князя в нем не была постоянной и прочной.

Лонщина — корова или лошадь двухлетнего возраста.

Ср. со ст. 24 Правосудия митрополичьего, где говорится об убийстве кошки и собаки.

Ст. 6. Статья, очевидно, отражает судебный казус, известный составителю памятника. Человек, нашедший на

дороге какой-либо ценный предмет (деньги), должен поделиться находкою с идущим сзади спутником. Но если идущий впереди не заметил на дороге этого предмета, то тем самым он лишается прав на него.

Вопрос о находке разбирается в ст. 47 ПСГ и ст. 23 Судебника Казимира 1468 года, по которому найденная вещь не поступала в собственность нашедшего ее.

Ст. **7.** Статья разбирает вопрос о насилии при похищении женщины, дела о котором находились в ведении церковного суда. Положения статьи заимствованы, с некоторыми изменениями, из Церковного устава Ярослава Восточно-русской редакции (ст. 1), в отличие от которого вознаграждается лишь потерпевшая, а епископ получает гривну серебра с участников похищения женщины — «умытцев» (умытчиков).

Вознаграждение дочери «добрых людей» определяется здесь довольно значительной суммой — в 30 гривен серебра (в Краткой группе Устава — 5 гривен, Пространной группе — 2 гривны).

Из ст. 2 Устава («о пошибаньи») заимствованы слова: «А нарочитых ли 3 рубля».

Умчит — в тексте описка — «умучит», но должно быть «умчит» (как в Уставе Ярослава), ибо в противном случае становятся непонятными слова статьи: «а умытцех епископу гривна», где речь идет об участниках похищения женщины.

Бояре меншие — представители высших кругов класса феодалов, не занимавшие ответственных постов в государстве, обедневшие бояре. См. комментарий к ст. ст. 1 и 2.

Нарочитые люди — представители феодальной знати.

Ст. 8. В дополнение к указанным выше основаниям для развода (ст. 4) Правосудие митрополичье устанавливает еще один повод для расторжения брака — сильное, хроническое заболевание жены: «лих недуж», «длъгая болезнь», потеря женой зрения.

Статья заимствована из Церковного устава Ярослава (ст. 8 Краткой группы, ст. 10/7 Пространной группы), но благодаря выпадению отрицания «не» придает установлению совершенно противоположный смысл. В Уставе: «про то ее не пустити»; в Правосудии митрополичьем: «про то отпустити ея».

Так же и мужа — жена может использовать те же поводы для развода.

Ст. 9. Борода считалась признаком мужского достоинства; еще Русская Правда устанавливала «продажу» в размере 12 гривен за вырывание бороды.

Статья 9 Правосудия митрополичьего извлечена из Церковного устава Ярослава (ст. 24 Краткой группы, ст. 29 Пространной группы), но составитель Правосудия митрополичьего опустил упоминание о «продаже» в пользу духовного феодала.

Смысл ст. 9 несколько ближе к трактовке, которую дает Пространная группа Устава, благодаря наличию в тексте местоимения «кому»: «Аще кто кому пострижет» (Краткая группа: «Аще пострижеть»). В первом случае статья защищает личность от оскорбления другого человека (насильственное острижение с целью унизить человека), а в другом случае статья имеет характер защиты религиозной нравственности: острижение собственной бороды считалось грехом.

Ст. 10. Ср. ст. 1 Судебника 1497 года. Оригинальность статьи выдает неофициальное происхождение памятника в целом. Морализирующая нотка, звучащая здесь, вскрывает состязательный характер судебного процесса в древней Руси, при котором основное внимание уделялось судоговорению сторон (устным показаниям, полемике сторон): «то есть суд, что идет у человека из уст».

Суди слова, а не сердца — судья должен оценивать только словесные показания и не должен следовать велению своего сердца (личным симпатиям и антипатиям).

Возможно и иное толкование статьи: судья должен судить в соответствии с поступками (делами) тяжущихся, а не руководствоваться их помыслами (намерениями).

Ст. 11. Древнерусское законодательство устанавливало наказание за повреждение глаза в половинном размере по сравнению с наказанием за убийство.

«Полвека» — *«век»* — по Русской Правде — увечье. Ст. 27 Пространной Правды назначала за повреждение глаза «полувирие» (вира — штраф в пользу князя, взимаемый с убийцы) в размере 20 гривен плюс 10 гривен пострадавшему «за век». В Правосудии митрополичьем век

понимается как жизнь, и, следовательно, «пол века — 40 гривны» должно рассматриваться как штраф, равный половине той суммы, которая взыскивается с убийцы. Двойная вира в размере 80 гривен назначалась Русской Правдой только за убийство огнищанина, княжеских тиуна, подъездного, старого конюха у стада и княжа мужа (см. ст. ст. 19, 22, 23 Краткой Правды; 1, 3, 10, 12 Пространной Правды и комментарии к ним). Вира за убийство простых свободных людей равнялась 40 гривнам.

Исходя из ст. 11 Правосудия митрополичьего, следует предположить, что «век», или жизнь всякого свободного человека, по мысли составителя памятника, оценивалась в 80 гривен.

Общая тенденция памятника — не упоминать о «продаже» князю — выражается и здесь. Следует предположить, что, в отличие от Русской Правды, весь штраф за око идет в пользу потерпевшего.

Ст. 12. В статье рассматривается вопрос о наказании душегубца.

Градской закон — одна из составных частей Кормчей книги — русского перевода византийского судебника IX века. Возможно, Правосудие митрополичье имеет в виду не Кормчую книгу, а общепринятую на Руси законодательную практику, отразившуюся в жалованных несудимых грамотах XV—XVI вв.: «И наместницы наши... и волостели и их тиун тех его людеи не судят ни в чем, оприч душегубства и разбоя с поличным» (АФЗ и Х, стр. 235). Следовательно, по смыслу статьи убийца подлежит наказанию суда великокняжеского наместника (волостеля, тиуна), а не суда местного духовного феодала. Сам термин «градской закон» близок к ст. 37 Судебника 1497 года («Указ наместником о суде городскым»), в которой говорится о судебных полномочиях тех же чиновников.

Казнити — наказать.

Осечи — разрубить, отрубить, отсечь, подвергнуть членовредительному наказанию: «Овьих огньм ижгоша, а других осекоша, иных извешаша» (Новгородская первая летопись 1230 года); «Тамо его усекоша и язы урезаша, яко злодею еретику и руку правую отсекоша и очи ему выноша» (Ипатьевская летопись 1172 года); «Аще татя с поличным

повесити хотять или посещи, ино покаяти его» (РИБ, т. VI, ст. 861).

Продати — взыскать штраф за убитого. Статья 8 Судебника 1497 года, определяя смертную казнь за «душегубство», указывала «а исцево велети доправити из его статка» (ср. ст. 39 Судебника 1497 года). Размер продажи ст. 12 не определяется. ПСГ устанавливала продажу за убийство («головщину») в размере 1 рубля (ст. 96 ПСГ). Ср.: «А тати впервые продати противу поличного, а въдругие уличат продати его не жалуя; а уличат вътретие, ино повесити» (Двинская уставная грамота 1397—1398 гг., ст. 5).

Если преступник «стечет», то есть сбежит, то все оставшееся имущество делится между родственниками убитого: «А дом его на грабеж». Ср. ст. ст. 7 и 83 Пространной Правды.

Статья 12, повидимому, является записью указания, сделанного суду свыше, о чем имеется прямое указание в тексте: «велит».

Ст. 13. Вслед за русским законодательством XV века Правосудие митрополичье различает вора, пойманного с поличным и подозреваемого в воровстве. К последним ст. 13 запрещает принимать меры пресечения («вязать») и наказывать их.

Поличное — см. историко-правовой обзор к ст. 11 Белозерской уставной грамоты (стр. 214). Статья 60 ПСГ предписывала произвести обыск в доме оговоренного в воровстве: «и знайдуть в дому его что полишное, и тот же тать, а не найдут в доме его, и он свободен».

Статья предусматривает смертную казнь за воровство. Ср. ст. 5 Двинской уставной грамоты, ст. 8 ПСГ, ст. ст. 9—11 Судебника 1497 года.

Ст. 14. Статья, повидимому, является отражением судебного казуса, известного составителю Правосудия митрополичьего, и касается лишь вопроса о компенсации в размере «ногаты» хозяину корчмы за оскорбление, возможно, за учиненный беспорядок. Вопрос о наказании убийцы разрешен в ст. 12.

Корчма — питейное заведение (ср. ст. 115 ПСГ). Иногда корчмой назывался напиток. Держать корчмы и

торговать корчемным разрешалось только местным жителям.

Ст. 15. Наезд — самовольный захват чужой земли (или имущества). В условиях феодального землевладения наезд — очень тяжелое преступление. Высокий штраф в размере от 10 до 50 рублей, согласно ст. 10 НСГ, делился между московским великим князем и Новгородом. О наездах и грабежах см. ПСРЛ, т. XXV, стр. 305 и 396 (1476 и 1478 гг.) и др.

Ср. НСГ, ст. ст. 7, 10—12, ГВН и П, № 27.

Автор Правосудия митрополичьего, назначая за наезд штраф в 100 гривен, принял приблизительно среднюю цифру между 10 и 50 рублями.

Ст. 16. В данном случае самосуд — самовольное освобождение кем бы то ни было пойманного преступника за «посул» (взятку).

Такая же сумма (2 рубля) за «самосуд» назначается и ст. 13 Белозерской уставной грамоты 1488 года, вдвое большая сумма по ст. 6 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг. Условие — «самосуда не замышляти» проходит через многие договорные грамоты Новгорода с князьями (ГВН и П, № 6, 9, 10, 14, 15). Судебник 1497 года (ст. 34) также запрещает отпуск задержанного вора или взятие с него «посула» (взятки).

Ст. 17. С преступника взыскивается в пользу властелина штраф — «вина», равный стоимости «поличного» (см. комментарий к ст. 13). Такая же сумма взыскивается в пользу «истца»: «а исцю тако же».

Властелин — «волостель». Ср. ст. ст. 22 и 38 Правосудия митрополичьего со ст. 35 Краткой группы и ст. 54/9 Пространной группы Церковного устава Ярослава Восточнорусской редакции.

Ст. 18. Статья разбирает вопрос о лживом оговоре свидетеля. Смысл статьи заключается в следующем: если свидетель будет одной из сторон «прирочен», то есть оговорен, опорочен, обвинен в чем-либо, то, если он докажет лживость этого «прирока» («скажет свой прирок»), он сможет послушествовать на суде — «послух есть». Ср. ст. 60 ПСГ и ст. 31 Правосудия митрополичьего. Наиболее близкое соответствие: статья «О татиных речах» Судебника 1497 года (ср. 14).

Ст. 19—20. Ст. ст. 19—20 памятника, как и ст. ст. 15—16 Судебника 1497 года, посвящены вопросам, связанным с судебной документацией.

Грамота — очевидно, «правая»; по псковской терминологии — «судница» (ПСГ, ст. 82), то есть документ, выдававшийся на руки стороне, выигравшей дело. Правая грамота имела окончательное значение для данного дела, ее нельзя было предоставлять посторонним лицам для использования в целях защиты по другим вопросам: «а людем на оборонь не довати».

Аборонь, оборонь — помощь, защита.

Список — очевидно, судный. В Судебнике 1497 года — «докладной список» (ст. 16). Как известно, «судный список» являлся протоколом судебного разбирательства в судах низшей инстанции. Для целого ряда категорий дел решение суда низшей инстанции не было окончательным, требовалось еще послать «судный список» на утверждение высшей инстанции.

Статья 20 проводит обратную мысль. Епископский судья уполномочивается правом окончательного решения («стати за епископом своим самому») и не обращается к епископу за его утверждением: «с суду списка [к епископу] не слати».

Можно предположить, что в ст. ст. 19—20 отразилась известная автору памятника практика работы епископского судьи.

Ст. 21. По смыслу статьи бежавший и схваченный «в чюжи отчине» (другой земле) холоп возвращается к его владельцу; вор, пойманный там же с украденным на родине имуществом (с «поличным» — см. ст. ст. 13, 17 и комментарии к ним), возвращается для суда над ним «ко своему судьи». Несмотря на нечеткость формулировки ст. 21, иное понимание ее (холопа и татя направлять на суд) исключено, так как холоп не был субъектом права: «их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни» (ст. 46 Пространной Правды), — и за него нес ответственность его владелец.

Условия о выдаче беглых холопов изложены в договорах Новгорода с Москвой и Тверью (ГВН и П, № 18, 20).

Ст. 22. Статья устанавливает срок судебного преследования, ограничивая его тремя годами или же периодом правления князя, а также его волостеля.

Эта оригинальная и очень важная для истории русского права статья выдает новгородское происхождение памятника: в Новгороде с давних пор не было наследственного княжения, город неоднократно удалял неугодных ему князей. Следовательно, считалось возможным аннулировать и иски, имевшие место в бытность прежнего князя. Ср. «А што ся деяло до твоего княжение и в твое княженье, того ти не поминати» (ГВН и П, № 14).

Общерусское право знало и противоположные нормы «А которых дел не искали при отце моем..., пристав не был, за поруку не дан — тому погреб» (Д и ДГ, стр. 54).

Ближайшее упоминание о сроке давности в русском праве содержится в Судебнике 1497 года, знавшем трехлетний срок давности, но только относительно земельных дел: «а дале трех годов не судити» (ст. 63 Судебника 1497 года).

Ст. 23. Эта статья, как и ст. 28, устанавливает ограниченную правоспособность монахов. Чернец может выступать свидетелем на стороне своего монастыря (игумена) только по делам внутренней монастырской жизни и ни в каком другом случае («а на иное не послух»). Ср. со ст. ст. 28 и 38 Правосудия митрополичьего.

Ст. 24. По всей вероятности, данная статья, трактующая о наказаниях за истребление чужих домашних животных, является записью судебного казуса. За последнее говорит и упоминание о кошке, столь необычное для древнерусских законов. Статья 24 предусматривает возвращение другого животного взамен убитого плюс уплату штрафа в пользу суда («вина») в размере 1 гривны.

По ст. 5 за собаку и кошку назначался «урок» в пользу потерпевшего в сумме 3 гривен. Если учесть, что Правосудие митрополичье устанавливает размер «вины», равный вознаграждению потерпевшему (ст. 17), то налицо расхождение норм в памятнике.

Собаку в собаки место, а кошка в кошки место — ответчик должен отдать истцу такое же животное, какое он убил. Ср.: «О татбе. Аще кто украдет теля или овцю — 5

телят даст в теляти место, а в овца место — 4 овца» (Закон судный людем). Ср. со ст. 110 ПСГ: «У которого человека имутся за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку...». Указ от 9 марта 1558 года предписывал: «в дворовых в чепных собаках суд давати... и цену велел чинити дворному кобелю рубль» (АИ, т. I, № 154/XI).

Ст. 25. Статья рассматривает вопрос об угрозе («хвалиться» — угрожать) и определяет, что угроза является преступлением; уличенный в ней подвергается судебному преследованию и наказанию: «ту его и утягати, то ему есть суд».

Утягати — ср. ст. 7 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг. Ср. с термином «сутяжей» (ст. 31).

Ст. 26. Пристав несет материальную ответственность в случае побега осужденного вора в сумме «вины» и «исцева», полностью возмещая убытки судьи и истца.

Исцево — сумма, которую должен получить истец с вора. Из текста ст. 17 следует, что «исцево» равнялось стоимости «поличного», а также и размеру «вины». Ср. со ст. ст. 1—5, 7 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг.

Побег из-под стражи преступника, в отношении которого нет судебного решения, когда размер «исцева» еще не установлен, не влечет за собой материальной ответственности пристава. Ср. со ст. 35 Судебника 1497 года. См. также комментарий к ст. 16 Правосудия митрополичьего.

Ст. 27. Статья устанавливает, что дети не могут показывать на суде в качестве послухов в пользу отца, но они могут показать против него. Это положение находится в прямом противоречии с установками византийского духовного законодательства, по которому детям запрещалось свидетельствовать против отца.

Автор ст. 27, отражающей, без сомнения, судебную практику, исходил, возможно, из мысли, что показания детей в пользу отца могут быть необъективными. В обратном же случае, если дети выступают против отца, их показания могут быть приняты судом («а на отца послуси»), так как предполагается, что семья знает что-либо существенное по рассматриваемому делу.

Статья отражает состязательный характер судопроизводства, при котором стороны сами искали себе послухов, и обращена к светскому, а не к церковному суду, которому были подведомственны семейные дела. Ср. со ст. ст. 23 и 28.

Ст. 28. Статья является дополнением к ст. 23. Без сомнения, здесь имеется в виду ограниченная правоспособность всех лиц, принадлежавших к духовному сословию, а не только лиц, перечисленных в этой статье (ср. ст. 23).

Духовное дело — дела, связанные с отправлением религиозного культа, нравственностью духовенства и т. д. (ср. «Монастырское строение» в ст. 23).

Ст. ст. 29—30. Эти статьи памятника чаще всего привлекаются историками и юристами для исследований вопросов, связанных с изучением положения зависимого населения Древней Руси.

По мнению академика Б. Д. Грекова, понятие «челядин-наймит» Правосудия митрополичьего равнозначно понятию «закупа» Пространной Правды (о закупах см. «Памятники русского права», вып. I, Госюриздат, 1952, стр. 114—115, 164—166).

«Челядин-наймит», бежавший от «осподаря» (господина), превращается в полного, по терминологии Пространной Правды, «обельного» холопа. См. ст. ст. 56—65 Пространной Правды.

С. В. Юшков полагал, что «закуп» и «челядин-наймит» — разные категории зависимых людей. По его мнению, в основе купы и, следовательно, закупничества «лежит долговое обязательство, для обеспечения погашения коего закуп должен находиться в особых отношениях зависимости от своего господина и работать в его хозяйстве». В меньшей зависимости от господина находится «наймит», который «легко может расторгнуть договор путем уплаты двойного задатка; если же он задатка не получил, то может без дальнейших разговоров уйти от хозяина».

Судебник 1497 года не упоминает о существовании закупничества, но ему известен «наймит»: «А наймит не дослужит своего урока, а поидет прочь, и он найму лишен» (ст. 54). По смыслу этого положения «наймит» не связан уже никакой «купой», и ему не грозит опасность попасть в «обельные» холопы.

Приблизительно так же вырисовывается положение наемного работника — «наймита» и по ПСГ (ст. ст. 39—41).

Таким образом, положение «наймита» XV века отличалось от положения «наймита», или «закупа», времен Пространной Правды. Следы происшедшей эволюции в положении «наймитов» нашли свое отражение в списках Пространной Правды конца XV века, где старый «наймит» начинает заменяться равнозначным ему в древности термином «закуп»; повидимому, это делалось с целью избежать перенесения старого представления о характере зависимости «наймита» («закупа») в обстановку конца XV века. В результате, ст. 61 Пространной Правды приобрела такой вид: «Продаст ли господин закупа обель, то закупу [в старых редакциях — «наймиту»] свобода во всех кунах» (редакция Розенкампфовского вида). То же продолжалось и в XVI веке (редакция Ферапонтовского вида).

Дати ему вдвое задаток — по ст. 111 Пространной Правды, не дослуживший до срока холоп (имеется в виду опять-таки не обельный холоп, а закуп-наймит) обязан был вернуть «милость», то есть задаток, «купу». Статья 29 Правосудия митрополичьего свидетельствует о том, что в таких случаях практиковалось взыскание с «челядина-наймита» двойного задатка.

Составитель памятника, вопреки положениям Судебника 1497 года, ограничивавшим полное холопство, объединил в ст. 29 новое представление о «челядине-наймите» как о лично свободном работнике (первая часть статьи, включая слово «вины») с правовыми нормами времен Пространной Правды в отношении «закупа»: текст о возвращении задатка — «купы» и о выдаче бежавшего «закупа» в полное холопство господину. В этом можно видеть отражение противодействия местных феодалов, направленного против тех новых общественно-экономических отношений, которые законодательно закрепил Судебник 1497 года.

Ст. 30. Статья очень сложна по своей структуре. Ее первая часть (включая слова «несть ему душегубства»), без сомнения, навеяна подобными установлениями XII—XIV вв. См. ст. 89 Пространной Правды («а в холопе и в робе виры нет») и наиболее близкую параллель — ст. 11 Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг.

Таким образом, убийство господином «челядина полного» или «обельного холопа» не является преступлением — «несть ему душегубства».

Вторая часть статьи — «но вина есть ему от бога» — представляет, повидимому, вставку составителя сборника «Цветник». Подобное же добавление сделано и в тексте этого сборника к одной из статей Закона судного людем: «Аще ль господин бьет раба своего, а умрет с того — судом да ся мстит; аще ль пребудет один день ли два — то да не мьстится — свое бо ему». Составитель «Цветника» добавил к этому: «Да судиться с ним пред богом» (л. 79). В другом месте сборника встречается обращение к «осподарем», где последние призываются быть «милостивыми» к своей челяди. Если же вследствие голода и «босоты деля» рабы станут грешить, «о всем о том осподарю дати ответ богу» (лл. 70 об. — 71)

Таким образом, здесь мы встречаемся с одним из декларативных заявлений церкви в пользу эксплуатируемого населения. Однако само Правосудие митрополичье не считает преступлением убийство господином холопа.

Начинающийся с киноварной буквы дальнейший текст ст. 30 представляет собой или извлечение из какого-то неизвестного нам памятника, или авторское добавление, имеющее целью разъяснить, что убийство господином своего «закупного ли наймита» (см. комментарий к ст. 29) является преступлением: «то есть душегубство».

Ст. 31 Статья логически связана со ст. 18 и посвящена вопросу о судебных правах «прирочных людей». Оговоренный (прирочный) в воровстве человек может выступать в суде только в качестве одной из сторон, но не свидетелем («а послух нет»), если он не докажет лживости прирока — оговора, как это явствует из ст. 18.

Статья 31 отображает процесс становления новых норм судопроизводства, который в конце XV века был воплощен в Судебнике 1497 года. Как и последняя часть ст. 30 (см. комментарий к ней) ст. 31 представляет собой самостоятельное постановление, основанное, очевидно, на судебной практике.

Ст. 32. Эта статья, как и все последующие статьи Правосудия митрополичьего, представляет собой заимствование из Церковного устава Ярослава (Восточно-русская редакция). Автор памятника внес лишь некоторые сокращения и изменения в духе всего памятника.

Статья 32 Правосудия митрополичьего повторяет положения ст. 7 Краткой группы Устава и ст. 8/5 Пространной группы, но, в отличие от них умалчивает о том, кому принадлежит право наказания преступника, в то время как Устав об этом говорит ясно: «муж той епископу [митрополиту по Пространной группе] в вине».

Дом — в Уставе Ярослава — «дом церковный».

Ст. 33. Статья объединяет нормы последовательно 11, 16, 17, 19, 20 и 21 статей Восточно-русской редакции Церковного устава Ярослава Краткой группы (соответственно 13, 19, 20, 23—25 Пространной группы). Правосудие митрополичье назначает суммы штрафов, соответствующие суммам Краткой группы, а не Пространной группы. Отклонение наблюдается только в одном случае: «А с сестровею 30 гривен», в то время как по нормам Краткой группы в подобном случае указано 100 гривен, в Пространной группе — 40 гривен.

Ст. 34. Статья заимствована из Церковного устава Ярослава с некоторыми изменениями (ст. 13 Краткой группы). Сумма штрафа в 40 гривен сохранена в Правосудии митрополичьем, но, как и в других случаях (см. ст. 35), здесь не указано, что штраф идет в пользу духовного феодала.

Пространная группа Устава (ст. 15) указывает сумму этого штрафа в 20 гривен (в пользу митрополита) и текстуально незначительно отличается от Краткой группы.

Ст. 35. Подобная статья встречается в Пространной группе Церковного устава Ярослава (ст. 39). Наличие в составе Правосудия митрополичьего норм, то приближающихся к Краткой группе Устава, то имеющих сходство с нормами Пространной группы, подтверждает высказанное предположение о том, что составитель памятника пользовался какой-то оригинальной, не дошедшей до нас редакцией Устава Ярослава.

Ст. 36—37. Подобный случай предусмотрен в Пространной группе Церковного устава Ярослава (ст. 40).

Постановление о монахах-расстригах встречается в Краткой и Пространной группах Церковного устава Ярослава, но ближе к Краткой группе (ст. 34). Епископу, повидимому, предоставляется лишь право наложения духовного наказания — епитемьи.

Ст. 38. Эта последняя статья Правосудия митрополичьего также извлечена из состава Церковного устава Ярослава, где она всегда предшествует заключительному разделу Устава. Однако формулировка ст. 38 в составе Правосудия митрополичьего отличается от формулировки как Краткой группы (ст. 35), так и Пространной группы Устава (ст. 54).

Упоминание о выморочном имуществе монахов — «безъзадщине» в ст. 38 опущено.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦА НУМЕРАЦИИ СТАТЕЙ ПРАВОСУДИЯ МИТРОПОЛИЧЬЕГО В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ И В ИЗДАНИЯХ С. В. ЮШКОВА И М. Н. ТИХОМИРОВА

Настоящее	С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова	Настоящее	С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова
1	1	20	18
2	2	21	19
3	3	22	20
4	4	23	21
5	5	24	22
6	6	25	23
7	7	26	24
8	8	27	25
9	9	28	26
10	10	29	27
11	11	30	28, 29
12	12	31	30
13	13	32	31
14		33	32
15	14	34	33
16		35	34
17	15	36	
18	16	37	35
19	17	38	36

СООТНОШЕНИЕ СТАТЕЙ СУДЕБНИКА 1497 ГОДА И ПРАВОСУДИЯ МИТРОПОЛИЧЬЕГО

Влияние Судебника 1497 года на тематику и структуру Правосудия митрополичьего сказалось различным образом, как это было неоднократно отмечено выше. Но особенно явственно и последовательно его можно проследить на ст. ст. 13—17 Правосудия митрополичьего, где совпадает последовательным образом даже тематика статей обоих памятников.

Судебник 1497 года	Правосудие митрополичье
13. О поличном. А с поличным его приведут впервые...	13. А татя без поличного ни вязати, ни казнити, ни повесити. 17. А вина властелину противополичного, а исцю тако же.
14. О татиных речех. А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом, ино его пытати в татбе, а не будет на него прирока з доводом... ино татиным речем не верити...	18. А будет послух прирочен, а скажет свои прирок судьи — послух есть.
15. О правой грамоте...	19. А грамот [правых] дати на себе держати, а людем на аборонь не довати.
16. О докладном списке...	20. ...А с суду списка не слати [на доклад].
17. О отпускной грамоте [на холопа]...	21. А холопа своего ли татя, с поличным изнимав в чюжи отчине, вести его ко своему судьи да судити.

УСТАВНАЯ ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА ВАСИЛИЯ I И МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА

Текстологический комментарий

[1] *Далее выскоблено* ни.

[2] *Исправлено, ранее стояло* ни.

[3] *Слово — позднейшая вставка под строкой (XVII в. ?).*

[4] *Последние два слова — современная (XVI в.) вставка на нижнем поле.*

[5] *Буква* ы *исправлена позднее из* ь.

[6] *Буква* и *над строкой — быть может, приписка.*

[7] *Последние два слова — современная (XVI в.) приписка между строк.*

[8] *Позднее (XVII в.)* и *исправлено на* а.

[9] *Слово над строкой.*

[10] *Последняя буква* к — *приписка над строкой.*

[11] *Буква* и *над строкой.*

[12] *Далее приписка (XVII ?)* в выход.

[13] *Последние две буквы исправлены* (XVI в.) из ь.

[14] *Слово написано по соскобленному.*

[15] *Приписка над строкой.*

[16] *В тексте* велико, *над строкой* м *выскоблено; далее выскоблено* ни митрополиту.

[17] *После* при *зачеркнуто* лучи.

[18] *В рукописи описка* митрополата.

[19] *Буква* а *приписка (XVII в.) над строкой.*

[20] *Первая буква* а *приписка (XVII в.) над строкой.*

[21] *Буква* о *приписка (XVII в.) над строкой.*

[22] *Приписка (XVII в.) над строкой.*

[23] *Буква* а *приписка (XVII в.) над строкой.*

[24] *Последние семь слов — приписка XVI века на левом поле.*

[25] *Буква и* приписка *(XVII в.) над строкой.*

[26] *В тексте рукописи* десятиннику.

[27] *Цифра* 6900 *написана по середине нижнего поля листа.*

УСТАВНАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА

Текстологический комментарий

[1] *С вместо заголовка* А се грамота митрополитскиа того ж монастыря.

[2] *С далее* святому.

[3] *С далее* и.

[4] *С отсутствует.*

[5] *С далее* господине.

[6] *С* святого.

[7] *Так С. У отсутствует.*

[8] *С* издоровел.

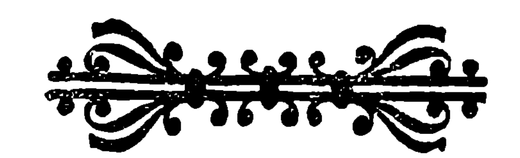
[9] *С* вспросити.

[10] *С* людем.

[11] *С* монастырским.

[12] *С* делати.

13 *Так С. У* бы.
14 *С* пожати.
15 *С* оплетать.
16 *С последние три слова отсутствуют.*
17 *Так С. У* а.
18 *С* руках.
19 *Буква* д *исправлена из* б.
20 *Так С. У описка* цел.
21 *Так С. У* яловцу.
22 *Так С. У* не.
23 *С* бараны.
24 *Так С. У* Кинфом.
25 *Так С. У описка* Лоломери.
26 *С отсутствует.*
27 *Так С. У текст в скобках отсутствует.*
28 *Так С. У отсутствует.*
29 *С* положити.
30 *С последние четыре слова отсутствуют, У дальнейший текст отсутствует.*

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. С. В. Юшков, Правосудие митрополичье, Летопись занятий археографической комиссии, ЛЗАК, т. 35, Л., 1929.

2. М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, изд. Московского Государственного университета, 1953.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. П. А. Аргунов, О закупах Русской Правды, «Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук», Л., 1934.

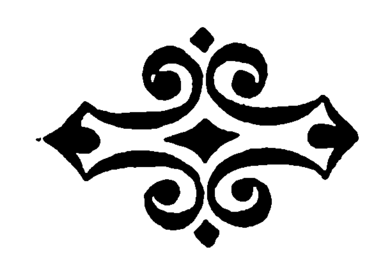
2. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, Издательство Академии наук СССР, кн. II, изд. 2, 1954.

3. М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века, т. I, М., 1940.

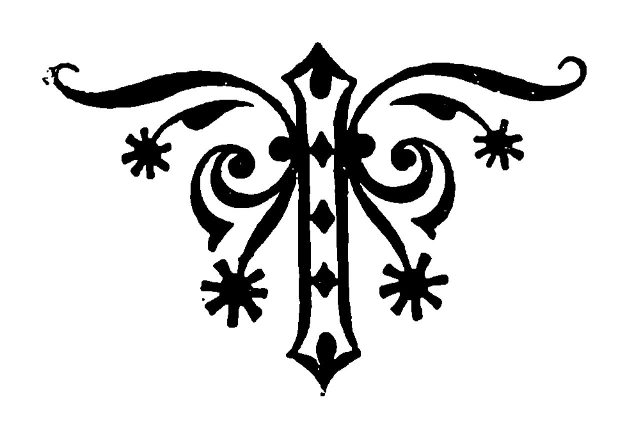
4. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, Издательство Академии наук СССР, 1951.

5. С. В. Юшков, Общественно-политический строй и право Киевского государства, т. I, Госюриздат, 1949.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯРЛЫКИ ТАТАРСКИХ ХАНОВ МОСКОВСКИМ МИТРОПОЛИТАМ
(краткое собрание)

ВВЕДЕНИЕ

Краткое собрание ханских ярлыков является одним из немногих сохранившихся актовых источников, которые рисуют систему татаро-монгольского властвования в Северо-Восточной Руси, ложившуюся тяжелейшим игом на плечи русского народа. Золотоордынские ханы, стремясь обеспечить себе поддержку русской церкви, давали русскому духовенству льготы, которые были строго определены в их льготных иммунитетных грамотах — ярлыках. Ярлыки освобождали духовенство от поборов в пользу ханов и их ставленников.

Дошедшие до нас ярлыки хотя и исходили от татарских ханов, но отразили также нормы русского права, применявшиеся в отношении духовенства. Изучение ярлыков позволяет судить о многообразии правовых норм, имевших применение на Руси. Ярлыки показывают также, что высшие представители русской церковной иерархии стремились использовать покровительство татарских ханов с целью сохранить свои земельные богатства и власть над зависимыми крестьянами.

Ярлыки дают характеристику различных форм недвижимой собственности духовных феодалов.

Для изучения структуры финансовых отношений Русского государства большую ценность имеют сведения о многочисленных налогах, распространенных на территории

Северо-Восточной Руси и нашедших свое отражение в ярлыках.

Часть ханских ярлыков, хранившихся в архиве русских митрополитов, в конце XIV — начале XV вв. была переведена с уйгурского на русский язык и снабжена послесловием. Так появилось краткое собрание ярлыков. Высококачественный перевод документов свидетельствует о развитии практической дипломатики на Руси XIV—XV вв. Дошедшие до нас тринадцать списков собрания ярлыков образуют несколько видов двух изводов. Первый извод — полный — состоит из трех видов: Троицкий I, сохранившийся в одном списке середины XV века (по нему мы печатаем ярлыки); Троицкий II, сохранившийся в двух списках (один список Троицкий II — 70-х годов XV века, другой список — Овчинниковский — 70-х годов XVII века); Львовский (четыре списка).

Текст полного извода по спискам Львовского вида помещен в составе Львовской летописи, куда он попал не позднее середины XVI века. Второй извод — неполный (в нем отсутствует последний ярлык и заключение) — только в некоторых случаях лучше передает протограф собрания, обычно же его чтения — результат творчества позднейших переписчиков. Состоит он из двух видов: Воскресенского (помещен в приложении к летописному сборнику — списки Воскресенский и Архивский I) и Датированного (в нем ярлыки помечены датами). Датированный вид состоит из списков Архивского II, Дубровского, восходящих к летописному сборнику XVI века, а также Синодального и Уваровского списков, восходящих к митрополичьему сборнику XVI века.

В 40-х годах XVI века начало складываться пространное собрание ярлыков, которое представляет собой позднейшую переработку текста краткого собрания с добавлением фальшивого ярлыка хана Узбека митрополиту Петру, составленного по образцу ярлыка хана Менгу-Тимира.

Составители пространного собрания, принадлежавшие к русским церковным властям, преследовали задачу фальсификации исторических документов с целью доказать незыблемость прав духовенства на его недвижимую собственность и на неподсудность духовенства светским властям. Эта коллекция сохранилась также в двух видах:

неполном (без «ярлыка» хана Узбека) и полном (с «ярлыком» хана Узбека). Пространная коллекция в настоящем издании не печатается.

ЯРЛЫКИ[1*] ИЖЕ СУТЬ ДАВАЛИ ЦАРИ ОРДИНЬСКЫЕ МИТРОПОЛИТОМ КИЕВЬСКЫМ И[2] ВСЕЯ РУСИ НА ЦЕРКОВНЫЯ ДОМЫ И НА ЛЮДИ[3]

1. [1379 г.]

ЯРЛЫК ТЮЛЯКА, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ

ПРЪВЫИ ЯРЛЫК ДАЛ ТЮЛЯК ЦАРЬ МИХАИЛУ МИТРОПОЛИТУ[4]

Бесмертного бога силою и величьством из дед[5] и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною[6] мыслию, татарьскым улусным и ратным[7] князем, и волостным самым[8] дорогам, и князем[9], писцем[10], таможником[11] побережником[12] и[13] мимохожим послом и соколником и пардусником[14] и бураложником[15] и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни[16] поидеть многим людем и ко всем.

Пред[17] Чингис[18] царь, а опосле[19] того цари Азиз и[20] Бердебек, и за тех молились молебники[21] и весь чин поповьскыи; ино[22] какова[22] дань ни будеть или коя пошлина, — ино тем того ни[23] видети[24] не надобе, чтобы во упокои бога молили и молитву[25] въздавали. Да не ли иное что, кто ни будеть, вси отведав[26] ярлыки подавали[27]. И нынечя паки пръвых ярлыков не[28] изыначив, одумав[29], и мы по тому же сего Михаила митрополита[30] пожаловали есмы[31]. И[32] как сед[33] в[34] Володимери, богу молиться за нас и за племя[35] наше в род и род и молитву въздаеть. Тако есмы възмолвили:[36] ино никакова[37] дань, ни которая пошлина, ни подвода[38], ни корм, ни питье, ни запрос,

[1] Все ссылки в «Ярлыках» см. текстологический комментарий (стр. 481—489) — *Ред.*

ни даров не дадуть, ни почестья, не въздають [39] никакова. Или что церковныя домы [40], воды [40], земли, огороди [41], винограды [42], мелници, — и в то ся у [43] них не въступаеть [44] никто, ни насильства не творять им никакова. А кто что будеть взял или что [45] вземлеть, [46] и он [47] отдасть назад. А в церковных домех кто ни будеть, чтобы не ставились, ни рушили [48] их. А кто ся иметь в церковных домех [49] ставити [50] или рушити [51] их, — и те люди в гресех [52] будуть да умруть смертию.

А [53] ты, Михаило митрополит, възмолвишь, что тако есми пожалован [54], да тем домом церковным [55] или землям или водам и в огородех [56] и в виноградех или [57] над людми [58] церковными, что чрез [59] пошлину учинишь [60], — ино то [61] на тобе [62]. Или [63] учинить [64] татьбу [64] или ложь или иное [65] кое [66] злое [67] дело, а не имешь того смотрити [68], — ино то и [69] сам ведаешь, каков ответ богу вздаси [70]. А за нас [71] богу молитву вздаваи, занеже ты преже, а мы о том ничего же [72] не млъвим.

Тако рекши, на утвержение с алою тамгою ярлыки [73] дали [74] есмы овечья [75] лета [76] дарыка семьсот [77] осмое летъ [78] сылгата месяца в десятыи [79] нова [80]. На [81] Веколузе [81] на речном [82] орда кочевала. Написано [83].

2. [1347 г. сентября 26]

ЯРЛЫК ТАЙДУЛЫ РУССКИМ КНЯЗЬЯМ

2 [1] ЯРЛЫК ДАЛА ТАИДУЛА [2] ЦАРИЦИ [3] ИОАНУ [4] МИТРОПОЛИТУ [5]

Таидулино [6] слово к таиде [7]. Всь [8] Иоан [9] митрополит за нас молебник молиться от [10] пръвых добрых [11] времен и доселе [12] такоже [13] молебник. Не надобе им мзда, ни какая пошлина [14] ни [15] емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять. И что есмы млъвили, то [16] бы есте [17] вси [18] ведали. Или что [19] в городех какие пошлины или какые [20] дела или [21] сила [22] будеть [23] им, а тобе скажють [24], и ты слово их выслушаи да по истине [25] дело их управи. Или пакы от кого пред самеми [26] на попы [27] и [28] на их [29] люди слово [30] приидеть [30] и ты бы им силы не чинил никакие [31], упокоини [32] бы были, а о нас бы молитву творили.

А вы, русскые[33] князи, Семеном почен[34] всеми митрополиты, как наперед[35] сего кои[36] дела[37] делали, а[38] нынечя[38] также делають.

Молвя о нишенем[39] грамоту дали есмы[40]. Свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха. На Желтои[41] Трости орда кочевала. Написано[42].

3. [1267 г. августа 1]

ЯРЛЫК МЕНГУ-ТЕМИРА

3[1] ЯРЛЫК[2] ДАЛ МЕНГУТЕМИР[3] ЦАРЬ[4]

Вышняго бога силою вышняя троица волею[5] Менгутемерьво[6] слово людьскым[7] баскаком и[8] князем и полъчным[9] князем и к[10] данщиком и к писцем и к[11] мимояздящим[12] послом и к соколником и к пардусником. Чингиз царь потом что[13] будеть дань или корм, ать[14] не заммають[15] их да правым серцем богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас. Тако молвя и последнии цари по тому же пути[16] пожаловали попов и[17] черньцов. Дань ли или иное что ни будеть[18], тамга, поплужное, ям, воина[19] кто чего ни[20] попросить[21] и[22] рькли были[23] дати[24], кто паки того у[25] нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты[26] не изыначили[27]. Тако[28] молвя[29] по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода[30], или корм кто ни будеть[31], да не просять; ям, воина, тамга[32] не дають. Илй что церковное, земля, вода, огороди, винограды[33], мелници, зимовища, летовища — да не заимають[34] их. И[35] яже[36] будуть поимали, — и они да въздадуть назад. А что церковное[37] мастери, соколници[38], пардусници кто ни будеть, да не заимають[39] их[40], ни[41] стерегуть[42] их. Или что в законе их книги или ино[43] что[44] — да не заимають[45], ни[46] емлють[47], ни издеруть, ни погубять их[48]. А кто иметь веру их хулити, — тот человек извиниться и умреть. Попове[49] един хлеб ядуще и[50] во[51] едином дому живуще, у кого брат или[52] сын[53], и тем по тому же пути пожалование[54], ажь будуть[55] от них не выступились[56]. Будет же ли[57], от них выступились[58] дань ли или ино[59] что, — ино им дати. А попове от нас пожаловани[60] по пръвои[61] грамоте, бога молящи и благословляюще[62] нас стоите.

А[63] иже имете[63] не правым сердцем о нас молитесь, — богу[64] тот грех на вас будеть[65]. Так млъвя. Аж[66] кто не[67] поп будеть[68], иные люди[69], иметь[70] к себе приимати, хотя богови молитись, что в том будеть. Так[71] млъвя, сему митрополиту грамоту[72] дали есьмя. Сию грамоту видяще и слышаще[73] от попов и от черньцов[74] ни дани[75] ни иного[76] чего[77] ни[78] хотять[79] ни[80] възмуть баскаци, княжи писци, поплужники[81], таможници, а возмуть[82] ине[83] по велицеи[84] язе[85] извиняться и умруть[86].

Тако млъвя заечего лета осеннего пръваго месяца в четвертыи ветха[87] на Талы[88]. Писано[89].

4. [1351 г. февраля 4]

ЯРЛЫК ТАИДУЛЫ МИТРОПОЛИТУ ФЕОГНОСТУ

4[1]. ЯРЛЫК ЧЕНИБЕКОВА[2] ЦАРИЦИ[3] ДАЛА[4] ФЕГНОСТУ[5] МИТРОПОЛИТУ ТАИДУЛА[6]

По Ченибекову[7] ярлыку Таидулино[8] слово татарьскым услусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и[9] мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем. Из давных[10] из[11] добрых времен и[12] доселе что молятся[13] богомолци и весь поповьскыи чин, и те[14] никаких[15] пошлин не ведають — самому богу моляться за племя наше в род и род и молитву въздають[16]. Тако млъвя[17] Феогноста[18] митрополита царь пожаловал с алою тамгою ярлык дал. И мы первых ярлыков не изыначя[19] млъвя Феогносту[20] митрополиту с нишением[21] грамоту[22] дали[23] есмы. И[24] как[25] в Володимери сед[26] богу молиться за[27] Зденибека[28] и за нас и за наши дети молитву въздаеть[29]. А пошлина[30] ему не надобе, ни подвода[31], ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не[32] въздаст никакова, ни люди его. А земль его, ни вод, ни огородов, ни[33] виноградов[33], ни мелнець кто ни будеть не заимают[34] их, ни силы[35], ни истомы не творять им никакие[36] ни отъимають[37] у них ничего. Или где станут да не емлють у них ничего[38]. Так есмы млъвили. А кто пак беспутно силу учинить[39] какову[40] или пошлину замыслить[41], умреть[42] и поблюдеться. И[43] ты, Фегност[44] митрополит, возмолвишь[45], что так[46] есмь пожалован[47]. А котории к[48] тобе не при-

чястни [49] огороди, виногради, воды, земли, сам нечто не так [50] учинишь, то сам ведаешь. А за нас богу [51] молитву въздаваи. Тако млъвя на утвержение нишеную [52] грамоту дали есмы. Заечия лета арама месяця [53] во осмыи [54] новаго [55] в Сарае [56] орда кочевала. Написано.

А жалобу положил Таоббога [57], Акъхочя [58] мухтар [59] Учюгуи [60] карапчии [61]. Писано [62].

5. [1357 г. ноябрь]

ЯРЛЫК БЕРДИБЕКА, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ

5[1]. ЯРЛЫК БЕРДИБЕК [2] ЦАРЬ ДАЛ [3] АЛЕКСИЮ [4] МИТРОПОЛИТУ [5]

Бесмертнаго бога силою и величьством [6] из [7] дед и [8] прадед Бердебеково [9] слово татарьскым улусным [10] и ратным [11] князем [12] Муалбугиною [13] мыслию [14] волостным самим [15] дорогам [16] и [17] князем, и [18] писцем, и [19] таможником [20], побережником [21] и мимохожим послом и сокольником, и пардусником, и буралозкником, и заставщиком, и лодеищиком [22] или кто на каково [23] дело ни [24] поидеть многим [25] людем и ко всем [26].

Чengизь [27] царь и последнии [28] цари наши [29] отци наши [30] и [31] за тех молилися молебники [32] и весь [33] чин поповьскыи [34]. Какова дань ни буди [35] или пошлина, ино [36] тем не [37] надобе ни видети [37], чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали. Тако млъвя, ярлыки подавали [38]. И кто ни будеть, вси уведав ярлыки подавали [39]. И нынечя [40] мы пръвых цареи ярлыки не изнынaчивая [41], одумав [42], по тому же есмы Алексия [43] митрополита пожаловали. И [44] как сед и Володимери [45] богу молиться за [46] нас и за племя наше [47] молитву творит [48]. Так [49] есмы млъвили — и кая [50] дань ни будеть или [51] пошлина, не емлют у них, ни подвод [52], ни кормов [53], ни пития, ни запросов, ни почестия не [54] въздають. Или что церковнии домове [55], земли и [56] воды, огороди [57], виногради [58], мелници, — и того у них не емлют, ни силы над ними не [59] творять никакые [60]. А кто будеть что взял или кто возметь, — и тот да отдасть назад. А в церковных кто ни будеть чтобы

ся у [61] них не ставили ни рушити их. А кто ся иметь ставити или рушити их, — и тои [62] в гресех будеть да умреть. А ты, Алексеи, [63] митрополит и весь вашь поповьскыи чин възмолвить, что сяк пожаловани есмы [64] да церковным домом, землям, водам, огородом, виноградом или над церковными людми что учинишь чрез [65] пошлину, — ино то [66] на тобе [67]. Или кто [68] разбоем, татбою, лжею [69] лихое дело учинить каковъ [70], а не имешь того смотрити, ино то сам [71] ведаешь, каково о том исправление учинишь [72]. А о нас к богу [73] молитву твори, занеже ты преже, а мы потом [74] не млъвим ничего.

Так рекши, баису да ярлык с алою тамгою дали на утвержение вам тигигуя [75] лета десятаго месяца в семьсот [76] осмое [77] сылгата [78] месяца в десятыи нова [79], а орда кочевала на Каонге. Написано. Мувалбога [80] усяин [81] сараи ягалтаи [82] Кутлубугаи [83]. И те головные [84] князи жалобу клали, сеунчь Темурь мюрь [85] бакшии писал [86].

6. [1354 февраля 11]

ЯРЛЫК ТАИДУЛЫ, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ

А [1] СЕ ШЕСТЫЙ ЯРЛЫК ТОМУ ЖЕ АЛЕКСИЮ МИТРОПОЛИТУ ТАИДУЛА [2] ЦАРИЦИ ДЧЕНЕБЕКОВА, ДАЛА [3], ЧТО ЕМУ ЛУЧИТЬСЯ [4], КОЛИ КО ЦАРЮГРАДУ ПОИТИ

По Дченибекову ярлыку Таидулино [5] слово к темным и к тысящным [6], князем, и сотником [7] и десятником, и волостелем, и городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людем и ко всем.

Всь [8] митрополит Алексии, коли ко Царюграду [9], поидеть, и кто где ни будеть, чтобы его не переимали [10], ни силы бы ему не [11] чинили [12] никакые [13]. Или где ему прилучиться [14] постояти, чтобы его никто не имал, ни людеи бы его ни переимал [15] никто, ни конеи [16] бы у них не имали ни иного [17] ничего — в упокои бы были [18], занеже за Дченебека [19] и за дети и за нас молитву творить. Сяк есмы млъвили. А кто пак силу учинить и он на велицеи [20] пошлине [21] перемолвиться.

Так молвя, нишену [22] грамоту дали есмы еита [23] году арама месяца в вторыи ветха, орда кочевала на Гулистане [24]. Написано [25]. Темир ходчя [26] жалобу положил.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ СБОРНИКА

СУТЬ[1] ЖЕ И[2] ИНИИ МНОЗИ ЯРЛЫЦИ ПРЕДАНИ БЫША К ЦЕРКВИ БОЖИИ[3] И ПРЕЧИСТЫЯ ЕГО МАТЕРЕ ОТ БЕЗБОЖНЫХ ОНЕХ ЦАРЕИ И КРЕПОСТЬ БЫСТЬ МИТРОПОЛИТУ[4] И ВСЕМУ ПРИТЧУ О НЕМ

[Не реку от Саина, иже бе попленил Рускую землю, но паче рещи и всех цареи, еже по нем царствоваша, но — ох, увы — слезы мя постигоша великы. Понеже убо милость получи святая церкви и даже и доныне[5] от неверных и поганых. Вы же, провословнии[6] князи и боляре, потщитеся к святым церквам благотворение показати, да не в судни от онех варвар посрамлении будете. Яко же рече господь в еуангелии[7] царица Южьская встанеть[8] на суд с родом сим[9] и судить[10] их[11] проповедию Иониною[12], зане не покаяшася][13].

Елико же обретохом[14] в святеишии[15] митрополии старых цареи ярлыкы, но иных не възмогохом[16] превести[17], зане неудобь позналаемою речью[18] писани бышя[19], ниже пак именовахом зде. Доволно бо есть нам наказание от саракин, неже правда християньская[20] не разумеющих поистине[21] бога, но ослепленых суетою, еже преобидети святыя церкви и домы их.

ГБЛ Троицк. № 765 лл. 174—180

Историко-правовой обзор

Первый ярлык

Обращенный к различным татарским должностным лицам, ярлык освобождает служителей русской церкви от уплаты всевозможных даней и повинностей в пользу ханской власти. Это освобождение обусловлено тем, что «чин поповский» совершал богослужения за татарских ханов. Вместе с тем ярлык подтверждает нерушимость и иммунитетные права землевладения русских духовных феодалов. В основе ярлыка Туляка (Тулунбека) лежит не дошедший до нас ярлык хана Тохты, выданный митрополиту Петру. Он был датирован «семьсот осмое летѣ сылгата

месяца в десятыи нова», то есть 12 апреля 1308 г. Это было время, когда Петр вступал на митрополичий стол (согласно «Житию митрополита Петра», он умер в декабре 1326 года, сидев на митрополичьем столе «лет 18 и месяц 6»). М. Д. Приселков полагает, что ярлык Тохты был подтвержден его преемником Узбеком в 1313 году (при его восшествии на престол), когда митрополит Петр ездил в Орду (ПСРЛ, т. XXV, стр. 160), и вторично около 1333 года, когда митрополит Феогност также побывал в Орде. Позднее ярлык Тохты был подтвержден ханами Бердибеком и Азисом («опосле того царя Азиз и Бердебек»). Ярлык Бердибека от 1357 года сохранился (см. пятый ярлык), а ярлык Азиса (около 1365 года) не дошел до нас. После этого, наконец, был издан комментируемый ярлык, выданный митрополиту Михаилу. Этот ярлык является самым поздним из числа сохранившихся ханских ярлыков, пожалованных русским митрополитам. Он датирован неопределенно: «овечья лета». В данном случае, в переводе с монгольского летоисчисления, это означает 1379 год. В 1379 году Михаил (Митяй) получил митрополичий стол на Руси.

Несколько замечаний следует сделать о датировках ярлыков, имеющихся в их заголовках (в так называемом Датированном виде). Датированный вид неполного извода появился в результате сопоставления текста ярлыков со сведениями летописей. О летописной редакции этого вида ярлыков свидетельствуют даты, проставленные в их заголовках (списки С, А II). Составитель Датированного вида предположил, что имеет дело с собранием ярлыков, расположенных в хронологическом порядке (согласно летописной манере изложения материала), и попытался установить время их выдачи, руководствуясь данными летописей. Ориентиром ему служили упомянутые в тексте ярлыков митрополиты. В летописи под 6862 годом отмечено: «выиде из Орды князь Иван Иванович и седе на великом княжении в Володимере. Того же лета поставлен бысть митрополитом владыка Алексей и на ту же осень выиде на Русь» (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 121; ср. т. XXV, стр. 179). Судя по контексту, составитель хронологического варианта Краткого собрания ярлыков полагал, что речь идет и о выходе Алексея из Орды, а отсюда появилась дата — 6864 год, как дата выдачи последнего из его коллекции, пятого ярлыка митрополиту Алексею. Под 6850 годом (а может быть, в некоторых списках и под 6851 годом) в летописях говорится: «Тое ж зимы выиде из Орды митрополит Феогност»; [1] отсюда появилась дата — 6851 год — дата выдачи четвертого ярлыка Феогносту.

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 128; ср. т. XXV, стр. 175.

В текстах Датированного вида стоящий перед ним третий ярлык связывается с митрополитом Петром. Составитель коллекции датировал его 6816 годом, то есть первым годом пребывания Петра на русской митрополии. Второй ярлык отнесен в тексте данного вида к митрополиту Иоанну. В летописи митрополит с этим именем упоминается под 6673 годом. Эта же дата могла быть поставлена и перед ярлыком [1].

Первый ярлык коллекции относится к митрополиту Михаилу. Согласно рассуждению составителя датировок, он должен был быть митрополитом ранее Иоанна, и действительно, в летописях под 6642 (1134) годом такой митрополит встречается. Отсюда появилась последняя дата собрания, так же неверная, как и все остальные.

Бесмертнаго бога силою и величеством (пер.) — Вечного неба силою; по изволению Вечного неба.

Из дед и прадед — по заветам дедов и прадедов.

Мыслию (пер.) — во главе с.

Татарском улусным (пер.) — Великого Улуса.

Ратным князем — бекам, военачальникам (ср. полчные князья из третьего ярлыка).

Волостным самым дорогам — даруга — высший начальник над всеми поступлениями в ханскую казну. Ведал также переписью населения, сбором дани и ее доставкой. Волостные даруги — его помощники, посаженные по волостям. В ярлыке Менгли-Гирея (1453 г.) упомянуты даругабеки, в ярлыке Тимур-Кутлуга (1398 г.) — «внутренних селений даруги»; в четвертом ярлыке — «городные», «волостные» и «селные» даруги; в шестом ярлыке — «волостели» и «городные даруги». В XIII—XIV вв. в Орде существовали специальные «дорога московский», «тверской», с которыми сносились князья отдельных княжеств по вопросам уплаты дани.

Князем — бекам (нойонам, эмирам), представителям татаро-монгольской феодальной знати.

Писцем — битикчи (писцы), секретари диванов (канцелярий). Главою их был битикчи при великом диване (ср. диван ботикчи при великой тамге в ярлыке Менгли-Гирея 1453 года, ср. «писцы палат»; в ярлыке Тимур-Кутлуга; ср. «княжи писци» в третьем ярлыке).

---

[1] Впрочем, дата 6670 (1162) поставлена в сохранившихся списках, но, очевидно, последняя буква — цифра «г» могла быть просто опущена.

Таможником — очевидно, сборщики тамги, торговой пошлины, ср. «таможенных» ярлыка Тимур-Кутлуга и «тамговщиков» ярлыка Менгли-Гирея.

Побережником — сборщикам пошлин с пристававших к берегу судов. «Побережное» — (см. в жалованных грамотах второй половины XIV — первой половины XV вв.; ААЭ, т. I, № 17, 21, 42; ДАИ, т. I, № 8, 9).

Мимохожим послом — ср. в третьем ярлыке «мимоездящим послом», в ярлыке Тимур-Кутлуга «мимохожие и мимоезжие послы».

Соколником — слуги, в ведении которых находились соколы; ср. также в ярлыке Тимур-Кутлуга и в ярлыке Менгли-Гирея «сокольничьи».

Пардусником — «барсникам», слугам-ловчим, ведавшим барсами.

Бураложником — по Березину, слуги — ловчии, «волчари», от татарского — бурулуку, волчарник. Быть может, в термине лучше видеть испорченное «берложники». Это — неудачный перевод наименования одного из монгольских чиновников — туткаула (туткаул, между прочим, значит «логово зверя»); ср. близость букаулов к туткаулам, отражающуюся в других ярлыках.

Заставщиком — ханские чиновники, собиравшие проездные пошлины на заставах; ср. в ярлыке Менгли-Гирея «пограничников» (туткаулов).

Лодеищиком — гребцам в лодьях; ср. в ярлыке Тимур-Кутлуга «лодочники».

Пред Чингис царь (пер.) — прежде Чингис-хан.

Нынечя паки (пер.) — теперь же.

Пръвых ярлыков не изыначив (пер.) — согласно ярлыкам предшественников, по примеру прежних ярлыков.

Дань — в данном случае побор, плативши йся в татарскую казну (иначе — ордынское серебро, выход соразмерно имуществу тяглеца.) Иногда этот побор назывался десятиной (Новгородская первая летопись под 1257 годом). Определялся на основе переписи имущества (в первую очередь земли) плательщиков.

Подвода — обязанность доставления (подводить) ездоку оседланной лошади. Ср. ярлык Тимур-Кутлуга: «со скота их не берут подвод»; в ярлыке Тохтамыша 1382 года «к гоньбе подвод не принуждать». «Подвода»

как повинность упомянута уже в жалованной грамоте 1362—1374 гг.; ДАИ, т. I, № 8.

Корм — поставка пищевого довольствия.

Запрос — экстраординарный побор. Ср. в Троицкой летописи под 1357 годом: «Того же лета приде из Орды посол... по запрос ко всем князем русским». Ср. Новгородскую первую летопись под 1339 годом: «запрос царев, чого у мене царь запрошал».

Даров — дар в данном случае — добровольно-принудительное приношение ханским чиновникам.

Почестья — о почестье см. в грамоте Ростислава Смоленского 1150 года.

Винограды — на Руси под виноградом (виноградником) — могли разуметь сады вообще (в ярлыке Тимур-Кутлуга упоминается «повинность с виноградников»).

В гресех будуть (пер.) — тем будет худо.

На утвержение (пер.) — в удостоверение.

С алою тамгою — с красною печатью.

Дарыка — тариха, летоисчисления; ср. ярлык Тохтамыша 1393 года. О переводе дат ярлыков на современное летоисчисление см. Л. В. Черепнин, «Русская хронология», М., 1944, стр. 82—88.

Второй ярлык

Наряду с освобождением русского духовенства от поборов в пользу татарских ханов ярлык Тайдулы содержит обращение к русским князьям с требованием не нарушать «пошлину» в их отношениях с митрополитом.

Начало ярлыка попорчено: никакого митрополита Иоанна на Руси в 1347 году не было (ярлык дан 26 сентября 1347 г. — «свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха»). В 1347 году московский князь Семен Иванович ездил в Орду к Джанибеку и возвратился в 1348 году «с пожалованием» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 177) К этой поездке, очевидно, и следует отнести ярлык. В целом ярлык подтверждает право неподсудности духовенства княжескому суду; ср. уставную договорную грамоту митрополита Киприана 1404 года.

От пръвых добрых времен (пер.) — «возможно, со времени давно бывшего Саина» (прозвище Батыя «Саин» означало «добрый»).

Или пакы — если же.

Русскые князи, Семеном почен — русские князья во главе с Семеном; ярлык обращается ко всем русским князьям, главой которых считается московский князь Семен Иванович.

Всеми митрополиты — со всеми митрополитами.

С нишенем — с нишаном, с печатью.

На Желтои Трости — в Сары Камыше (около современного Камышева).

Ярлык дан от имени ханши Тайдулы. Историк XIV века Ал-Омари пишет о монголах, что «жены их участвуют с ними (мужьями) в управлении; повеления исходят от них (от обоих)» (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, СПб, 1884, стр. 229).

Третий ярлык

Ярлык Менгу-Темира — самый ранний из числа ярлыков, представленных в кратком сборнике. Он выдан, очевидно, 1 августа 1267 г.: «заечего лета осеннего пръваго месяца в четвертыи ветха». Менгу-Темир вступил на ханский престол в 1266 году. В летописи под 6774 (1266) годом говорится: «умре царь татарский Беркаи, и бысть ослаба християном от насилия Бесермен» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 146).

Вышняго бога силою вышняя троица волею (пер.) — Вечного неба силою, по изволению Вечного неба.

Людьскым (пер.) — от «улус» — народ, люди. В подлинном тексте ярлыка стояло: «Великого улуса».

Баскаком — баскаки, татаро-монгольские чиновники, обязанностью которых являлась служба внутренней «охраны» в подвластных им странах (А. Н. Насонов). Своими вооруженными отрядами они поддерживали монгольских сборщиков дани, писцов — «численников». Народные движения 20-х годов XIV века в Северо-Восточной Руси принудили татаро-монголов ликвидировать там систему баскачества. Поэтому в других ярлыках (XIV века) баскаки не упоминаются.

К данщиком — даньщики, в данном случае сборщики ордынской дани. В связи с ликвидацией системы баскачества на Руси сбор дани был поручен русским князьям, поэтому в ярлыках XIV века даньщики не упоминаются.

Не заммають — не трогают.

Поплужное — дань, взимавшаяся с плуга, «рала» «Поральское серебро» упоминается в завещании Климента 1270 года; «поральное» встречается в жалованной грамоте 1477 года; ср. «посошное» XV века.

Воина — доставка рекрутов до время военных действий.

Мелници — первое упоминание о мельницах на Руси.

Зимовища, летовища — зимние и летние кочевья (механически перенесено в ярлык, предназначенный для русского духовенства). Ср. Лаврентьевскую летопись под 6707 годом.

Мастери — ремесленники.

Извиниться — повиниться, будет обвинен; ср. ст. 4 договора 1229 года.

По тому же пути пожалование — такая же льгота.

Княжи писци — см. писцы в комментарии к первому ярлыку.

Поплужники — даньщики (см. выше).

По велицеи язе — имеется в виду «яса» Чингис-хана.

На Талы — тала (монг.), степь, равнина.

Л. В. Черепнин сравнивает ярлык со ст. 12 уставной грамоты митрополита Киприана 1404 года: «А которыи попович хотя будет писан в мою службу (великого князя — *А. З.*), а въсхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А попович, которыи живет у отца, а хлеб ест отцов, ино той митрополич. А которыи попович отделен и живет опричь отца, а хлеб ест свои, а то мои, князя великого» (см. выше).

Четвертый ярлык

Заечия лета арама месяця во осмыи новаго — в данном случае 4 февраля 1351 г.

По М. Д. Приселкову, в основу грамоты положен ярлык Джанибека («по Ченибекову ярлыку»). Джанибек, по летописи, стал ханом в 1342 году (ПСРЛ, т. XXV, стр. 173), когда, по М. Д. Приселкову, он и мог выдать свой ярлык. М. Д. Приселков полагает, основываясь на грамоте Тайдулы, что ярлык Джанибека не был столь льготным, как ярлык Тохты и других ханов. В летописи Джанибек характеризуется иначе: «умре бо добрын царь Чжанибек» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 180). Но одновременно под 6850 (1342) годом рассказывается

о поездке Феогноста в Орду, причем митрополит «много же и пострада в Орде, сбадиша бо его к царю и имше мучиша его, а ркуще: «даваи дань полетнюю». Он же в то не вдался и положи посула 600 рублев» (там же, стр. 175). В связи с этим характерно исчезновение в ярлыке Джанибека освобождения церковных людей от уплаты дани и одновременно — ссылок на постановления Чингис-хана и его наследников, исчезает запрещение постоя в церковных домах, право необжалования решений митрополита перед ханской властью (ср. иное в первом и пятом ярлыках).

А кто пак беспутно силу учинить (пер.) — а если же кто беспорядок учинит.

Умреть и поблюдеться (пер.) — и он да побоится, иначе умрет.

Нишенную грамоту (пер.) — ярлык.

А жалобу положил (пер.) — а докладывал (прошение докладывал).

Мухтар (пер.) — старшина.

Карапчии (пер.) — карачий — смотритель, приближенный хана.

Пятый ярлык

Ярлык Бердибека, так же как и ярлык Тюляка 1379 года, восходит к ярлыку хана Тохты митрополиту Петру от 12 апреля 1308 г.: «в семьсот осмое сылгата месяца в деятыи нова». Выражение «как сел в Володимере» относилось к Петру, а не к Алексею (последний к моменту выдачи ярлыка сидел на митрополичьем престоле уже три года, а Петр только получил назначение).

Тигигуя лета десятого месяца — куриного лета (от техия — курица) десятого месяца, то есть в ноябре 1357 года. По М. Д. Приселкову, в это время Бердибек подтвердил старый, льготный вариант ханских ярлыков, отвергнув вариант его отца и предшественника на ханском престоле Джанибека. Такому повороту в политике ханов способствовало, по мнению М. Д. Приселкова, «исцеление» митрополитом Алексеем в Орде царицы Тайдулы в том же году (ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 180).

Пятый ярлык имеет незначительное отличие от первого. Новые только имена ханов (Бердибеково вместо Тюляково; Муалбугиною вместо Мамаевою дядиною; «наши отци» — вместо Азиза и Берди-

бека; Алексия вместо Михаила; добавлено Муалбога и далее до конца), дата и место составления ярлыка («на Каонге» вместо Веколузе на речном; «тигигуя лета десятаго месяца» вместо «овечья лета дарыка»). Остальные разночтения объясняются, очевидно, особенностями переводов. Отсутствует: «Пред» («Чингиз-царь»); «в род и род», «ни даров», «домех». Добавлено: «не емлют у них», «и весь вашь поповьскыи чин», «баису». Иначе изложено: «и последнии» вместо «а после того»; «тако млъвя» ярлыки подавали вместо «тако есмы взмолвили»; «да не ли иное что уведав» вместо «отведав»; «пръвых цареи ярлыки» вместо «паки пръвых ярлыков»; «творит» (молитву) вместо «взъдаеть» и др.

Последнии цари — последующие за Чингис-ханом цари, ханы.

Силы над ними не творять — не творят над ними насилия.

Баису — байса, пайдзе, дощечка (чугунная, серебряная, золотая) с надписью, заменяющая официальным лицам подорожную грамоту. Байса обеспечивала ее обладателю право на средства передвижения, постой и пропитание в пути.

На Каонге — около Канга (в бывшей Астраханской губернии).

Кутлубугаи — в 1387 году Кутлубуга возобновлял торговый договор с генуэзцами. На его имя как крымского правителя в 1382 году дан ярлык Тохтамыша Бей-Ходжи. Около 1381 года был послан Тохтамышем к литовскому князю Ягайлу (см. ярлык Тохтамыша 1393 года). Впрочем, известен еще Катлуг-Буга, сын правителя Ак-Орды — Урус-хана, убитый около 1374—1375 гг.

Мюрь бакшии — начальник (эмир) писцов.

Шестой ярлык

После мая 1353 года Алексей отправился в Царьград для посвящения в митрополиты. Ярлык 11 февраля 1354 г. он получил, надо думать, от Тайдулы. Этот ярлык обеспечивал ему беспрепятственный проезд в Царьград («коли ко Царьграду поидеть»). В том же 1354 году в Царьграде Алексей был «поставлен в митрополиты» и осенью выехал на Русь (ПСРЛ, т. XIV, стр. 179). Характерно, что

в подорожной Тайдулы Алексей уже назван митрополитом («всь митрополит Алексии»).

К темным и к тысящным князем и сотником и десятником — к татаро-монгольским военачальникам: бекам-темникам — начальникам туманов (отрядов в 10 000 человек), бекам-тысячникам — отрядов в 1000 человек, сотником — начальникам отрядов в 100 человек, десятником — начальникам отрядов в 10 человек.

Пак силу учинить — кто же учинит насилие, силу.

Еитя году арама месяця во вторыи ветха — 1354 февраля 11. Арам — месяц, которым начинался год у уйгуров (см. таблицы Улуг-бека).

На Гулистане — по В. Трутовскому, Гулистан — малая столица золотоордынских ханов, остатки которой находятся в «Селитряном городище» бывшей Астраханской губернии, в 220 верстах от развалин Сарая. По Н. Веселовскому, — дворец вблизи Сарая.

Заключение

От Саина — со времени Батыя.

Вы провословнии князи и боляре — цель составления краткой коллекции ярлыков состоит в обращении к князьям и боярам с призывом защищать богатства и привилегии церкви. В этом обращении не упоминаются великие князья, что делает наиболее вероятной датировку собрания концом XIV века.

В святеиши митрополии — в архиве митрополии. Неясно, о московском или о владимирском архиве идет речь. Последнее вероятнее, ибо в более позднее время (с конца XV века) в московском митрополичьем архиве ярлыков не было: копийные книги и формулярники московских митрополитов их не знают: не упоминаются ярлыки и в других официальных документах того времени (упоминание о ярлыках в «ответе» митрополита Симона 1503 года о монастырском земледелии — позднейшая вставка).

Не възмогохом превести — не смог привести.

Текстологический комментарий

Первый ярлык

[1] *В, А перед словом* из. *Б, Л перед словом под 6850 годом помещено.* На весну выиде из Орды Фегност митрополит на Москву и многа пострада в Орде: мучиша бо его, просяща дани полетние. Он же не даси в то. И разсули 600 рублев, положи же ярлыки жаловальные первых царь пред царем, как жаловали первых митрополитов, как и сам жалование прося у царя.

[2] *А, В отсутствует.*

[3] *Л, Б далее* и на всяку (*Б* ку) честь, писали им во грамотах, а невернии цари (*Л последние три слова отсутствуют*).

[4] *А II, У, С, Д далее* в лето 6642, *после чего С, Д,* А II 1. *В, А вместо фразы* Михаилу митрополиту (*А далее* первой) ярлык дал Туляк царь. *В Библиотечном списке первый ярлык (без заголовка) помещен вторично под 6866 годом* (Б II).

[5] *А II С, Д* из. *Л, Б, У,* Б II ис. *О отсутствует.*

[6] *Так Т II и обычно, Т I* дятиною.

[7] *Так Т II и обычно. Т I последние два слова отсутствуют.*

[8] *Так Т II и обычно. Т I, О* самим.

[9] *А II, С, Л, Б, У, Б II, Д далее* и.

[10] *А II, С, Л, Б, У, Б II, Д далее* и.

[11] *А II, Б II, А, У, С, Д далее* и. *В далее* же и.

[12] *Л, Б отсутствует.*

[13] *О отсутствует.*

[14] *В далее* их.

[15] *Так Т II, О, Л, В I—II, Д, А II, У, С, Т I, В, А последние два слова отсутствуют.*

[16] *Так Т II и обычно, Т I,* инии. *В отсутствует.*

[17] *А, А II, Д* Пре. *В, С, У* При. *Л далее* сим.

[18] *Так Т II, Л, Б, Б II. Т I* Чинъгих. *А II, Д, С, У,* Щинъгил. *А, В* Чинъпил. *О* Чинтис.

[19] *А II, Д, С* посли. *Т II, Л, Б, Б II, В, О, У* после.

[20] *Л, Б, Б II отсутствует.*

[21] *Так Т II и обычно. Т I* молебни.

[22—22] *Т II* ни какова. *Д* ино какая.

[23] *А, В, Л, Б, Б II отсутствует.*

[24] *Л, Б, Б II* ведати.

[25] *Т II* млитьву.

[26] *Д, А II, У* отдавал.

[27] *Так Т II и обычно. Т I текст* Да не ли... подавали *отсутствует.*

[28] *Т II* и не.

[29] *А II, У, В, С, Л, Б, Д, А* отдумав. *Б II* удумов. *О* и думав.

[30] *А II, У, С, Д, Л, Б, Б II отсутствует.*

[31] *А далее* пожаловал есмя.

[32] *А II, С, Д, Л, У Б, Б II отсутствует.*

[33] *Так А II, Д, В, У, С. Т I—II, Л, Б, Б II, О отсутствует.*

[34] *Т II, О, Л, Б, отсутствует.*

[35] *Т II* плямя.

[36] *Т II и обычно* — Возмолвили. *О* вам молвили. *В* възмолвили.

[37] *Т II* никаковаа. *А II, У, Л, Д, Б, С, О* никаковая.

[38] *В, У, А, С, А II, Д* подводы.

[39] *А II, У С, О, Д* поздавають. *О* воздають, не воздадуть. *В, А* воздадут. *Л, Б, Б II* *последние 4 слова отсутствуют.*

[40–40] *Д, А II, У, С* воды. *А, В, Л, Б, Б II* домы, *А II В, У, С, Д далее* и.

[41] *А II, Д, С, У далее* и.

[42] *Т II*, О, А II виногради. *А II, Д ,С, У далее* и.

[43] *О вместо последних двух слов* сии в.

[44] *В* вступают.

[45] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует. В последние четыре слова отсутствуют. Л* то.

[46] *Т II* въземлить. *А, А II, У, В, С, Д* возметь. *Б I—II далее* что.

[47] *Б I—II отсутствует. А, А II, В, С, О, У далее* да. *Л вместо последних двух слов* да. *Т II далее соскоблено* не.

[48] *В, У* рушали.

[49] *Так Т II и обычно. Т I последние три слова отсутствуют.*

[50] *Т II, Л, Б, У, О* ставитися.

[51] *С, Д, А II* рушати. *Т II перед словом зачеркнуто* ск.

[52] *А, А II, Д, В, У, С далее* да.

[53] *А II, С, Д отсутствует. У* и.

[54] *А, А II, В, У, С, Д* пожаловал.

[55] *С, У, А II, Д вместо последних трех слов* тех домов церковных.

[56] *Т II, У* городех. *Д, Б, Б II* оградах. *Д* в городех.

[57] *А, А II, В, У, С, Д,* и.

[58] *Т II* люми.

[59] *Т II и обычно* через.

[60] *А II, У, С, Д* учиниша.

[61] *А, В отсутствует.*

[62] *Л далее* взыщется.

[63] *В, А II, Д, С, У, Л, Б, Б II далее* хто.

[64–64] *Так Т II и обычно. Т I* учиниться татба.

[65] *А II* ино есть.

[66] *Л, Б, Б II, А II, Д, В, А, С* какое. *О* како. *У отсутствует.*

[67] *Т II, Д, О, У, С, Д* зло.

[68] *Так Т II и обычно. А, В, О* смотрети. *Т I* смрътрити *причем* ъ *и первое* р *слиты в одну букву.*

[69] *А, Л, Б, В, У* отсутствует.

[70] *А, В* воздати. *О* воздашь.

[71] *Т II, О далее* к.

[72] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует.*

[73] *Т II* ярлыкы. *С* ярлыки.

[74] *В* давали.

[75] *Т II* отвеличия. *С, Д, А II* отвечиа. *В, У, А* отвечия. *О* овеличны.

[76] *Т II* леты.

[77] *Т II, О* восемьсот. *А II, В, С, У, А, Д* в семьсот. *Л, Б, Б II* в семьсотное.

[78] *Т II и обычно* лето.

[79] *Д, С, А II, У* девятый.

[80] *Так Т II и обычно. Т I* иова.

[81–81] *Т II* но Веколузе. *А II, У, В, С, Л, Б, А* на великом Лузе. *Б II* на великом Лугу.

[82] *А II, В, У, С, Б II, Д, А* Черном, *Л, Б I* реченном.

[83] *А II, Д* писанои. *С, У* писано.

Второй ярлык

[1] *Т I 2 на полях. Т II* А се другии. *О* А се другие. *Л, Б* А се вторый. *А II, В, У, С, Д, А* Другой.

[2] *Так А II, О, У, С. Т I* Даидула. *Т II* Туидала. *А, В отсутствуют.*

[3] *В, А отсутствуют. А II,*

Л, Б, царица. *О, У* царицы.

[4] *В, Л, Б* Ивану. *Т II, А II, О* Иоанну. *А, У* Иванну.

[5] *А II, Д, С, У далее* Киевскому всеа (*С, У* и всеа) Руси в лето 6670. *Д, С на полях* 2. *В, А далее* Киевскому всеа Руси и Таидула царицы (*А* царица).

[6] *Т II* Туидалиново.

[7] *А, В* де. *Л, Б* татаром.

[8] *А II, В, Д, С, У* Се. *Л, Б* всем. *О* въсь. *А* сеи.

[9] *Т II, А II, О* Иоанн. *Л, Б, В* Иван.

[10] *А II, О, Л, Б, Д* о.

[11] *А II, Д отсутствует.*

[12] *Т II* досиле.

[13] *А II, В. С, А, Д, У* также.

[14] *Т II далее* и.

[15] *Т II, А, С, Д, В, А II, У* не.

[16] *А II, У, С, Д* что.

[17] *Т II* естя.

[18] *В, А, У отсутствует.*

[19] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует.*

[20] *Т II и обычно* какие.

[21] *Т II далее* и. *Л, Б* како.

[22] *А II, Д* села. *Л, Б* исканье.

[23] *Т II* буди.

[24] *Т II, А II, С, В, О У* скажуть.

[25] *Т II, Л, Б, О* истинне. *А II, С, У В, А, Д* да по истине *отсутствует.*

[26] *Т II* самими.

[27] *А II, У, С, Д* полы.

[28] *Так Т II и обычно. Т I* их.

[29] *Л, Б* иных.

[30–30] *В* слово преидет. *А II, А, Д* слово придеть, *Т II* сво приидеть.

[31] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует.*

[32] *Т II, О, С, В, А, А II* упокоины. *У* упоконы.

[33] *Т II* рускии. *А, А II, В, Л, Б, О, У* руские. *С* русские.

[34] *В* почие.

[35] *Т II и обычно* напред.

[36] *В, А отсутствует.*

[37] *В, А* дело.

[38–38] *С, В, Д, У* и ныне. *А, А II* а ныне. *Т II* а нынеча.

[39] *Так О, В, С, Д, У, А II. Т I, Т II* нишем. *Л, Б* еишенем. *А* пишенем.

[40] *А II, Д, С, У далее* за.

[41] *Т II, С, О, У* Жолтои.

[42] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует. А II, С, Д* Написанно.

Третий ярлык

[1] *Т I 3 на полях. Т II* А се третеи. *Л, Б,* Третеи. *А II, В, С, Д* Третии. *О* А се третии. *У отсутствует.*

[2] *Т II* арлык.

[3] *Т II* Менгутимир. *С, У, А II, Д* Мегнутемир. *А, В, отсутствует.*

[4] *А, В,* Петру митрополиту всеа Русии (*А* всеа Русии *отсутствует*). Темирь царь. *А II, Д, С, У далее* Петру митрополиту Киевскому всея (*С, У* и всеа) Руси в лето 6816. *Д, С на полях* 3.

[5] *В отсутствует.*

[6] *Т II* Менгутимерово. *Л, В* Менгутемирево. *А II, У, С, Д* Магнутемирово. *В* Мегнутемерево. *О* Мегнутемирово. *А* Негнутемирево.

[7] *А, В, Д* людцким. *Л, Б,* люцким.

[8] *А II, С, В, У отсутствует. Л, Б это и следующее слово отсутствует.*

[9] *Т II* полчным. *А II, Б, А, В, У, С, Д* полочным. *Л* полномочным.

[10] *Т II, О* г. *В отсутствует.*

[11] *Так Т II и обычно. Т I далее повторено* и к.

[12] *А II, С, У* мимоездящим. *А, В* мимоездячим.

[13] *Так Т II и обычно. Т I* что ни.

[14] *А II, В, С, У, А, Д* а.

[15] *А II, В, У, С, Д* замають. *А* заимают. *Л, Б,* заимуют. *О* ваимають, *причем и выносное.*

[16] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует.*

[17] *Т II, С отсутствует. А II, Д, В, С, А, У* церковных. *А, В следующее слово отсутствует.*

[18] *А, В, С, У, А II, Д* дуби.

[19] *О* поина.

[20] *Т II* не.

[21] *Т II, Л, Б, О* просить. *А II, У, В, С, Д* вопросить. *А* воспросим.

[22] В *отсутствует.*

[23] *Так Т II и обычно. Т I* бы. *Т II слог* ли *над строкой.*

[24] *А II, В, А, У, С, Д* дали.

[25] *О* в.

[26] *Так Т II* и *обычно. Т I* грамот.

[27] *Л, Б вместо текста* у нас... изыначили — учили.

[28] *Т II, А, У, В, А II, С, Д, О* Так. *Л, Б,* Как.

[29] *О* молвы.

[30] *О последние четыре слова отсутствуют.*

[31] *В, А,* буди.

[32] *А, А II, В, У* тамги. *С* тамгы.

[33] *Так С, У, А, Д, А II. В* виграды. *Т I, Т II, Л, Б, О отсутствует.*

[34] *В, А* замають. *Л, Б, О, У* заимують.

[35] *А II, Д отсутствует. Л, Б, А.*

[36] *Т II* яжь. *А II* ижь. *С, Д* ажь.

[37] *С* церковныи. *Д, А II* церковные. *У* церковны.

[38] *Т II* соколесници. *Л, Б* солници. *А II, Д, У* соколницы.

[39] *А II, С, Д* изамають. *У* изымают. *Т II слог* за *над строкой. Л, Б* заимують.

[40] *А, В, О текст* и яже... их *отсутствует.*

[41] *А II,* не.

[42] *В, А,* стеруть. *О* стерегать.

[43] *В, Д, А II У* иное.

[44] *Т I далее вачеркнуто* в законе их к[ниги].

[45] *Так Т II, О, У, С. Т I, А II, В, А, Д* замають. *Л, Б* ни стерегуть... заимають *отсутствует.*

[46] *Т II* и. *А II, У, С, Д* и не. *В* их ни.

[47] *Т II далее* их.

[48] *В отсутствует.*

[49] *В* попу.

[50] *Т II, О далее* и. *А* во едино.

[51] *Т II, О* в.

[52] *Т II, А II, В, Б, С, Д* ли. *В, А* ли или. *У* я и.

[53] *Т II, Л, Б, А, II, Д, С, О, У далее* ли.

[54] *А II, У, С, Д* жалование. *В* пожаловали есмя.

[55] *А, В, О* будеть.

[56] *А II* выкупились, *В, А* вступалися. *Л* выступили.

[57] *С далее* и. *А, В, Л, Б отсутствует.*

[58] *Так Л, Б, Д, А II, В, А, С. Т I—II, У, О текст* Будет же... выступились *отсутствует. С* вступись. *Л* выступили. *В* вступались.

[59] *С, А II, Д* иное.

[60] *А, А II, Д, С, У, В далее* и.

[61] Т. II первои.

[62] *Т II* благословяще.

[63-63] *Л, Б, А* иже. *Т II* И а иже имете.

[64] *А II, Д, У* ко господу. *С* к богу. *В* богу то.

[65] *Т II* будуть.

[66] *Т II* А иже. *А II, В, Д, С, У* оже. *О, А* их. *А* ож.

[67] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует.*

[68] *Т I текст* Так... будеть *вставка на полях. Л, Б, далее* и.

[69] *А II, В, Д, С, У, А далее* а.

[70] *А II, В, Д, С, У, А слово поставлено после двух следующих. О* имать.

[71] *Так Т II и обычно, Т I, С, У, А II, Д* Как.

[72] *А отсутствует.*

[73] *Так Т II и обычно. Т I вместо последних трех слов* вище. *О* видяща и слышаша. *Т II далее* и.

[74] В черносрисцов. *А* черноридцов.

[75] *Т II далее* и.

[76] *Так Т II и обычно. Т I* ино. *С* икого.

[77] *Т II, О* чево.

[78] *А II, В, С, У, А, Д отсутствует.*

[79] *А II, С, В, А, Д* восхотят. *У* восхотясь.

[80] *А II, В, У, С, А, Д* не.

[81] *В, А* поплужницы. *Т II* поплужникы. *Л, Б это и следующее слово отсутствует.*

[82] *Т II* възмуть. *А II, Д, С, У текст* баскаци... возмуть *отсутствует.*

[83] *Т II, Б, О* ини. *В* и оне. *А, Л, О, У, А II, Д* и они.

[84] *А II, У, С, Д* велице.

[85] *Так А II, Д, У, С. Т I и обычно* язве. В иязе. *О далее* ини.

[86] *А* мрут.

[87] *Так А II, А, В, Д, У, С. Т I* месяця. *Т II, Л, Б,* месяца. *О* месяць.

[88] *А II, В, У, С, Д* Талии.

[89] *Так Т II и обычно. Т I греческими буквами. Л, Б далее* По тем же трем ярлыком царь Чанибек пожаловал Фегноста митрополита, а приказал царици своей Тайдуле пожаловати его.

Четвертый ярлык

[1] *Т I 4 на верхнем поле.*

[2] *Так А II, Д, С, У. Т I* Ченикова. *Т II, О* Чинибекова. В, А *отсутствует.* Л, Б Ченебекова.

[3] *А II, Л, Б* царица. *О* царицы. *В, А отсутствует.*

[4] *Т II, Л, Б далее* Туидала. О Таидула. *Л, Б поставлено перед двумя предшествующими словами.*

[5] *Т II* Феогносту. *С, О, В, У, А II, Д* Феогнасту.

[6] *С* Таидулиа. *У* Тандулия. *Т II Л, Б, О отсутствует. В, А* Ценеебекова царица (*А* царицы) Даидулия (А отсутствует). *У, А II, Д, С, далее* в лето 6851. *Д на полях* 4.

[7] *Т II, О* Чинибекову. *Л, Б* Ченебекову.

[8] *Т II* Туидаливо. О Таидуливо.

[9] *Так Т II и обычно, Т I отсутствует.*

[10] *Л, Б* давным, *последние четыре слова поставлены после трех следующих. Т I отсутствует.*

[11] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует. Л, Б,* и из.

[12] *Л, Б отсутствует.*

[13] *Так Т II и обычно. Т I* малъвяться.

[14] *Т II* тех. *Л, Б* ти.

[15] *Т II* никаких. *О* никаковых.

[16] *В* творят и воздают богови.

[17] *А II, У, С, Д* моля. *О* молвя.

[18] *Т II, А II, В, С, Д, О, У* Феогноста. *Л, Б* Фегноста.

[19] *Т II, А II, А, У* изыначя. *Л, Б* изинача.

[20] *Т II, С, У, А II, О Д* Феогнасту. *Л, Б* Фегносту.

[21] *А II, В, С, А, Д* нишенем. *У* нишнем.

[22] *В* брату. *О* грамоты.

[23] *Т II* дал.

[24] *А II В, С, А, У, Л, Б, Д отсутствует.*

[25] *А II, В, С, У, А, Д отсутствует.*

[26] *Т I слово над строкой. Л, Б отсутствует.*

[27] *Так Л, Б и обычно.* Т I, Т II, О зад.

[28] *Так Д, А II,* С, У. Т I Зенибекака. *В, А* Здебеника. *Л* Чанибека, *Т II, О* Зенибека.

[29] *Т II* въздають. *В* воздасте.

[30] *А* пошлин. *В* пошлины.

[31] *А, А II, С, У, В, Д* подводы.

[32] *А отсутствует.*

[33–33] *Так А II, У, В, Д, С, А. Т I, Т II, О, Л, Б отсутствует.*

[34] *В* зомают. *С* изамають. *Л, Б* заимаеть.

[35] Т II килы.

[36] *Так Т II и обычно. Т I* никакые.

[37] *Т II, А А II, В, Д, С, О* отнимають.

[38] *Л, Б, В, А фраза отсутствует.*

[39] В *отсутствует.*

[40] О какова; *В, С, А, У, А II, Д* такову.

[41] *Так Т II и обычно, Т I* учинить.

[42] *О* умруть.

[43] *С, У отсутствует. В* как.

[44] *Т II, В,* Феогност. *С, О, А, У, А II, Д* Феогнаст.

[45] *У, А II, Д отсутствует.*

[46] *С, А II, У, Д* как.

[47] *В, А, У* пожаловал.

[48] *Т II, Л, Б, А отсутствуют.*

[49] *С, У, А II, Д* причастнии.

[50] *Так Т II и обычно. Т I последние два слова отсутствуют.*

[51] Т II, к господу. *Л, Б* к богу. *В, А отсутствует.*

[52] *Т II, О* нишененую. *А II, Б, С, А, У* нынешнюю. *Л* пишенную. *Д* нынешнюю.

[53] *Т II и обычно* месяца.

[54] *А II, В, С, У, А, Д* семы. *О* смь.

[55] *Т II, Л, Б, О* нова.

[56] *Так Т II и обычно. Т I, О, С, У, А II, Д* Сараи.

[57] *Т II* Таотббога. *Л* Тебебога. *Б* Табебога. *В* Таотбога. *О* Таоотбога, *причем* от *можно перечесть, как* б.

[58] *Т II* Акъхоча. *О* ачьхоча. *А II, С, Д* Якъхазя[а]. *В, А* Акхазя.

[59] *А II, У* Мухтарх, *А* Бухтар.

[60] *Т II, Л, Б* Учагуи. *В, У* Учягуи. *О* Учагаи. *А, А II Д, С* Учаугуи.

[61] *Так Т II, О. Т I* каранчии. *Л, Б* караньчии. *А II, В,* карабчи. *С* Корабчии. *Д* корабыи. *У* Корабьчии.

[62] *Т II, О* Писан. *С, У, А II, Д* Писах. *В, А* Писал.

Пятый ярлык

[1] *Т I, 5 на полях. Т II, А II, В, А, С, О, Д, У, А* со пятыи. *А* сии. *Л, Б* Сии же. *Л, Б пятый ярлык помещен после шестого и переходной фразы* Тогда же бе в Орде заметня велика. Того же лета умре Чинибек и седе на царьстве сын его Берендек (*Л* Бердебек) и изби 12 братьи своей окаиным предстательством Товлубиивом.

[2] *Так Т II. Т I* Бердибердибек. *Л, Б* дал Бердебек. *В* Бертдебек. *С* Вердебек. *Д* Бердебек. *А II, Д* Сердебек. *А* Бедебык. *У* Перебек.

[3] *Л, Б* отсутствует.

[4] *А, В, А II, С, Д* Алексею.

[5] *Л, Б далее* жаловалныи, *А II, Д, С, У далее* в лето 6862, *Д на полях* 5.

[6] *А, А II, С, У, В, Д* величеством.

[7] *Так Т II и обычно, Т I* и из.

[8] *Л, Б, С, А II, У* из. *О, А* ис.

[9] *Так Т II и обычно. Т I* Бердибеково.

[10] *А II, В, С, Д, А, У далее* князем.

[11] *Т I последние два слова вставка на полях.*

[12] *А II, Д, В, С, А, У отсутствует.*

[13] Т II Муалгугыною. *О* Муяльбугиною. *В, С, У, А, Д, А II* Муалбугинею.

[14] *Так Т II и обычно, Т I* мыслью. *А II* мыслию.

[15] *Т II, О* самым. *А II, В, С, У, А, Д* самем.

[16] *Т II* дорагам. *О* дорогаю.

[17] *В, А* а.

[18] *А II, Д отсутствует. А II, В, С, А, У далее* ратным и.

[19] *Т II, А II, В, А, У, С, О, Д отсутствует.*

[20] *Л, Б, А II, В, А, У, С, О, Д далее* и.

[21] *Так Т II и обычно. Т I повторено дважды.*

[22] *А II, Д последние два слова отсутствуют.*

[23] *С, А II, Д, У* какое.

[24] *В отсутствует.*

[25] *Т II, С* многым.

[26] *С, В, А II, У далее* людем.

[27] *Т II, А, А II, У, С, Д* Чингиз. *О* Чиньгизь, *В* Чмнигиз.

[28] *Т I далее зачеркнуто* о.

[29] *А II, У, С, Д* и. *В отсутствует.*

[30] *Так Т II и обычно. Т I отсутствует.*

[31] *А II, С, У, Л, Б, Д отсутствует.*

[32] *Т II, А II, Д* молебникы.

[33] *Т II,* всь.

[34] *Т II, О, В далее* и.

[35] *А II, С, Л, А, У, Б, Д* будеть.

[36] *А II, В, У, С, Д далее* то.

[37–37] *А, В, С, У, А II, Д* ведати (*В* видети, *Д* не ведати) на надобе.

[38] *Л, Б фраза отсутствует.*

[39] *А, В фраза отсутствует.*

[40] *Т II* ньнеча. *Л, Б* ничим. *О, У* нынече. *С, А, А II, Д* нынеча.

[41] *Так Т II и обычно. Т I* изыначив. *Б, Л* изыначивали.

[42] *А II, В, С, У, А, Д,* отдумав.

[43] *Т II* Алексиа. *В, Л, Б, У, А. Д.* Алексея. *О.* Алексеи. *А II, С* Алексеа.

[44] *А II, Д, Л, Б отсутствует.*

[45] *Т II* Володимере. *В, С, А, У, А II, Д* в Володимере сед.

[46] *А II* о.

[47] *Т II* нше.
[48] *Т II, В* творять.
[49] *А II, У, С, Д* как.
[50] *Л, Б* какая. *А II, В, С, У, А, Д* каковая. *О вместо последних двух слов* коя.
[51] *В* и.
[52] *Т II* подводов.
[53] *А II, В, А, У, С, Д* корму.
[54] *В отсутствует.*
[55] *А II, В, С, У, А, Д* домы (*А* домм) и *дальнейшая часть отсутствует, вместо нее* и люди и (*Д отсутствует*) во векы веком (*А* веков) Аминь.
[56] *Так Т II, Л, Б. Т I, О отсутствует.*
[57] *Т II, Л, Б, О* огороды. *Л, Б далее* и.
[58] *Т II, Л, Б, О* винограды. *Л, Б далее* и.
[59] *Т II отсутствует.*
[60] *Т II, Л, Б, О* никакие.
[61] *Т II, О* в.
[62] *Т II* тъи.
[63] *Так Т II и обычно. Т I* Алексиюю.
[64] *Т II, Л, О, Б последние два слова в обратном порядке.*
[65] *Т II* чрес. *Л, Б* через.
[66] *Л, Б* что.
[67] *Так Т II. Т I, Л, Б* добе. *О* тебе.
[63] *Т II* късо.
[69] *Т II* ложию. *Л, Б* или ложию. *О* ложью.
[70] *Л, Б, О* каково.
[71] *Л вместо текста,* что учинишь... сам — Насилия не чинить. И ты через пошлину или что не надобе, как сам, так и прочим запрети, чтоб никакое зло, разбой, татьбу или лож творили. Сам бо.
[72] *Т II* унишь.
[73] *Так Т II, О, Л, Б. Т I последние два слова отсутствуют.*
[74] *Т II* того.
[75] *Т II* тегигуа. *О* тегигая.
[76] *Л, Б* семьсотное.
[77] *Т II* о 8-е.
[78] *Так Т II и обычно. Т I* сыалгата.
[79] *Так Т II, О, Л, Б. Т I последние три слова отсутствуют.*
[80] *О* Мавалбога.
[81] *О* усеик.
[82] *Л, Б* елготаи.
[83] *Л, Б* Кутлубога. *Т II* Кутлубуга.
[84] *О* головатныя.
[85] *О* отсутствует.
[86] *Б далее* Сий же ярлык дал Бердебек царь Олексею митрополиту. А се того писца слово, который переводил те ярлыки на руский язык. *Далее в Б помещено заключение.*

Шестой ярлык

[1] *О отсутствует, но оставлено место для киноварной буквы.*
[2] *Т II* Туадала.
[3] *О* дали. *Л, Б вместо* А се... дала — Сий ярлык жаловальный дала Таидула царица Ченебекова Алексею митрополиту. *Помещено ранее пятого ярлыка под 6865 годом, после текста, о митрополите Алексее.* И того дни в Орду поиде, и там шед, царицю Таидулу исцели,—бе бо очима больна, и воскоре с великою честию отпущен бысть.
[4] *Л, Б* случитца.
[5] *Т II, О* Туидалиново.
[6] *О* тысящником. *Л, Б* тысещьным.
[7] *Так Т II, О, Л, Б. Т I вместо последних четырех слов* тысящником.

[8] *О* весь.
[9] *Т II* Цариграду.
[10] *Т II, О* приимали.
[11] *Т II* ни.
[12] *Т II, О* учинили.
[13] *Т II, О, Л, Б* никакие.
[14] *Т II*, О прилучится. *Л, Б* лучитца.
[15] *Т II, О, Л, Б* приимал.
[16] *Т II* конев.
[17] О икого.
[18] *Так Т II, О, Л, Б. Т I текст* ни иного... были *отсутствует.*
[19] *Л, Б* Ченебека.
[20] *Т II, О, Б* великои.
[21] *Л, Б далее* не.
[22] *Т II* нишененую. *О* нишеную. *Л, Б* пишемую.
[23] *О* чита. *Л, Б* сита.
[24] *О* Галистане.
[25] *Т I вставка на полях.*
[26] *Т II, Л, Б, О* ходча.

Заключение

[1] *Л заключение отсутствует.*
[2] *Т II, Б отсутствует.*
[3] *Т II, Б, О* божиеи.
[4] *Т II, О* митрополитом.
[5] *Б последние четыре слова отсутствуют.*
[6] *Т II далее зачеркнуто* крестияне. *О* православнии.
[7] *Б* яко же... еуангелии *отсутствует.*
[8] *Б* придеть. *О* востанеть.
[9] *Б* своим.
[10] *О* осудить.
[11] *Б далее* придеть от конецъ видети премудрость Соломоню; и мужие Ниневитстии (*в тексте:* Ниневтисти) востануть на суд с родом своим и судять и занеже поклоняшеся.
[12] *Б следующие три слова отсутствуют.*
[13] *Так Т II, О, Б. Т I текст* Не реку... не покаяшася *отсутствует.*
[14] *Б* обретох.
[15] *Так Т II. Т I* стеиши. *Б* святеи.
[16] *Б* возмогох. *О* возмогохом.
[17] *Т II, О* привести. *Б* перевести.
[18] *Т II, Б, О* речию.
[19] *Т II, Б, О* быша.
[20] *Т II* хрестияньския. *Б* крестьянская.
[21] *Т II, О, Б* поистинне.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СПИСКИ

1. А — Архивский — ЦГАДА, МИД, № 20/25, лл. 837—839.

2. А II — Архивский II, ЦГАДА, МИД, № 69/92—447/915.

3. Б I — Библиотечный I (Эттеровский), список Львовской летописи XVI века, ГПБ., IV, № 144; по ПСРЛ, т. XX, пол. 1, СПб., 1910.

4. Б II — Библиотечный II. Первый ярлык, помещенный под 6886, там же.

5. В — Воскресенский список XVII в., ГИМ Воскр., № 154, лл. 142, об.— 1430.

6. Д — Дубровского, ГБЛ F, IV, № 238, лл. 482—485 об.

7. Л — Львовский, там же, ПСРЛ, т. XX, пол. 1 (из вариантов).

8. О — Овчинниковский конца XVII века, ГБЛ Овч., № 797, лл. 1180—1187.

9. С — Синодальный XVII века, ГИМ Синод., № 792, лл. 47—53.

10. Т I — Троицкий I, середина XV века, ГБЛ, Троицк., № 755, лл. 174—180 (основной).

11. Т II — Троицкий II, 70-е годы XV века, ГБЛ Троицк., № 177, лл. 274—280 об.

12. У — Уваровский, ГИМ Увар., XVII века, № 1825/537, лл. 48—55.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. «Полное собрание русских летописей», т. XX, I половина, СПб., 1910.

2. В. Н. Бенешевич, Сборник памятников по истории церковного права, вып. 2, 1914.

3. М. Д. Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, Птр., 1916 (приложение).

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Д. Беляев, О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках, Архив историко-юридических сведений, кн. 1, М., 1850.

2. Н. И. Березин, Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева, «Труды восточного отдела Археологического Общества», ч. VII, СПб., 1864.

3. Н. И. Веселовский, Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству, «Сборник в честь 75-летия Г. Н. Потанина», СПб., 1904.

4. Н. И. Веселовский, Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам», «Журнал Министерства народного просвещения» 1917 г. № 3—4.

5. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, Издательство Академии наук СССР, 1950.

6. В. В. Григорьев, О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству, Сборник статей «Россия и Азия», СПб., 1876.

7. А. А. Зимин, Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси, «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1951, т. IX, № 1.

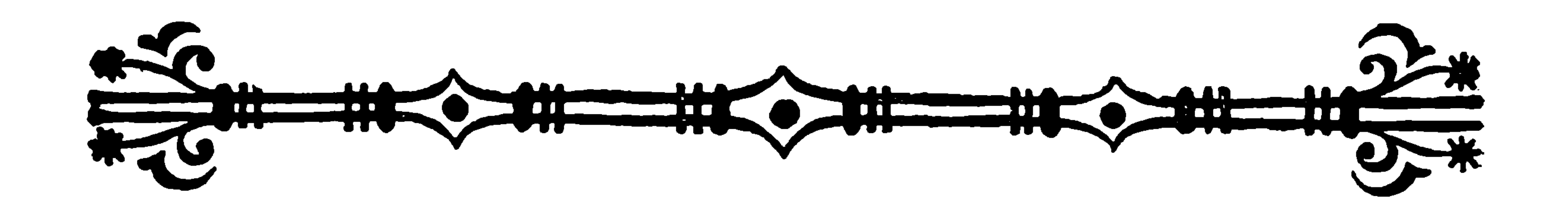
8. А. Н. Насонов, Монголы и Русь, Издательство Академии наук СССР, 1940.

9. А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыкам Тимур-Кутлуга, «Известия Российской Академии наук», 1918, VI серия, № 11.

10. П. И. Соколов, Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру, «Русский исторический журнал», 1918, кн. 5.

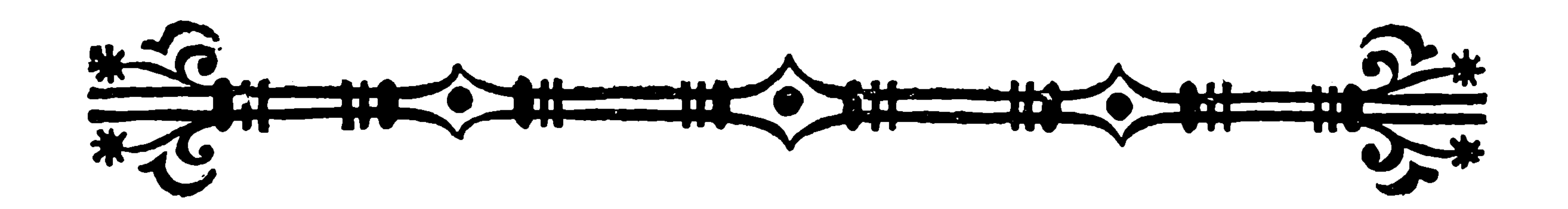
11. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XVI вв., ч. I, Издательство Академии наук СССР, 1948.

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Публикации и журналы

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук, т. I, СПб., 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Экспедициею, т. I, СПб., 1841.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографическою комиссией под ред. Н. В. Калачева, тт. I—III. СПб., 1857—1884.

Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, собрал и издал А. Юшков, М., 1898.

Архив Строева — Архив П. М. Строева, т. I, РИБ, т. XXXI, Птр., 1915.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв., т. I, Издательство Академии наук СССР, 1952.

АФЗ и Х — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., под редакцией Л. В. Черепнина, ч. I, Издательство Академии наук СССР, 1951.

ГВН и П — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под редакцией С. Н. Валка, Издательство Академии наук СССР, 1949.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Экспедициею, т. I, СПб., 1846.

Д и ДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., Издательство Академии наук СССР, 1950.

ЖМНПр — «Журнал Министерства народного просвещения».

ЖМЮ — «Журнал Министерства юстиции».

ЛЗАК — Летописи занятий Археографической Комиссии.

НПЛ — Новгородская первая летопись, Издательство Академии наук СССР, 1950.

ПЛ — Псковские летописи, вып. I, Издательство Академии наук СССР, 1941.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, СПб., М., 1846—1948.

РИБ — Русская историческая библиотека.

Сборник РИО — Сборник Русского исторического общества.

СГГ и Д — Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, М., 1813; ч. II, М., 1819.

Чтения МОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете.

2. Наименование архивных фондов и хранилищ

ГБЛ — Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

ГБЛ Овч. — ГБЛ, собрание Овчинникова.

ГБЛ Троицк. — ГБЛ, собрание Троицкого монастыря.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ГИМ. Сим — ГИМ, Собрание Симоновского монастыря.

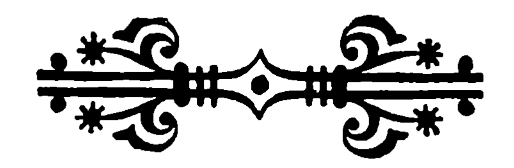
ГИМ Синод. — ГИМ, Синодальное собрание.

ГИМ Увар. — ГИМ, собрание Уварова.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ДУХОВНЫЕ И ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ ВЕЛИКИХ И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

СУДЕБНИК 1497 г.

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯРЛЫКИ ТАТАРСКИХ ХАНОВ МОСКОВСКИМ МИТРОПОЛИТАМ

Редактор *Е. С. Трухний*
Художественный редактор *А. С. Морозова*
Художник-оформитель *Г. И. Фишер*
Технический редактор *А. Н. Макарова*
Корректоры *Е. Б. Марксон* и *Г. В. Шурова*

* * *

Сдано в набор 19/VII 1954 г.
Подписано к печати 23/XII 1954 г.
Формат бумаги $60 \times 92^1/_{16}$.
Объем: физ. печ. л. 33; условн. печ. л. 33; учетно-изд. л. 27,62.
Тираж 5000. А08801. Заказ 1658. Цена 10 р. 30 к.

* * *

Госюриздат—Москва, Ж—4, Товарищеский пер., 19.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности
4-я типография имени Евг. Соколовой.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
54	14 снизу	проданныю	проданные
73	8 снизу	претеребы	притеребы
99	16 сверху	княза	князя
163	5 сверху	самоусуд	самосуд
310	17 снизу	Бредве	Горедве
410	6 снизу	десятого	десятка
473	6 снизу	ботикчи	битикчи
477	2 снизу	добрын	добрый
478	2 сверху	сбадиша	обадиша

Зак. 1658